40
739

Karěev

40
739

Bayerische Staatsbibliothek
<36646292730016

Н. Карѣевъ.

СТАРЫЕ И НОВЫЕ ЭТЮДЫ

ОБЪ

ЭКОНОМИЧЕСКОМЪ МАТЕРІАЛИЗМѢ.

Матеріалы для исторіи и критики экономическаго матеріализма.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28.

1896.

ТИПОГРАФІЯ
М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О. 5 Л. 28

2407

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стран.
	Предисловіе	I
I.	Вступленіе	1
II.	Происхожденіе экономическаго направленія въ современной исторіографіи	6
III.	„Экономическое истолкованіе исторіи“ Роджерса	15
IV.	Мнѣнія нѣкоторыхъ русскихъ ученыхъ объ экономической исторіи	30
V.	Происхожденіе и сущность экономическаго матеріализма	47
VI.	Историологическіе взгляды Маркса и Энгельса	76
VII.	Разборъ аргументаціи нѣмецкихъ сторонниковъ экономическаго матеріализма	90
VIII.	Измѣненія, вносимыя въ экономическій матеріализмъ нѣкоторыми его послѣдователями	119
IX.	Попытка обоснованія экономическаго матеріализма въ книгѣ Лоріа	136
X.	Взглядъ Лакомба на экономическій факторъ, какъ первенствующій въ исторіи	162
XI.	Экономическій матеріализмъ въ „Критическихъ замѣткахъ“ г. Струве	183
XII.	Экономическій матеріализмъ въ „Монистическомъ взглядѣ на исторію“ г. Бельтова	207
XIII.	Отношеніе къ экономическому матеріализму критиковъ гг. Струве и Бельтова	230
XIV.	Взглядъ г. Туганъ-Барановскаго на значеніе экономическаго фактора въ исторіи	267
XV.	Что такое экономическій матеріализмъ?	274
	Приложенія. 1) Объ историзмѣ въ политической экономіи	288
	2) Приписка къ главамъ XIII и XIV	300

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Доктрина экономическаго матеріализма, впервые формулированная около пятидесяти лѣтъ тому назадъ, лишь въ самое послѣднее время сдѣлалась предметомъ литературной пропаганды и общественныхъ толковъ и на Западѣ (преимущественно въ Германіи), и у насъ. Къ числу причинъ, содѣйствовавшихъ распространенію этого ученія, нужно отнести, съ одной стороны, успѣхи, сдѣланные за послѣднее время научною разработкою экономической исторіи, съ другой стороны, ту связь, въ какой эта доктрина находится съ однимъ изъ очень видныхъ общественныхъ теченій современности. Въ настоящей книгѣ мы подвергаемъ теорію экономическаго матеріализма разбору, главные результаты котораго могутъ быть выражены въ слѣдующихъ трехъ положеніяхъ. Во-первыхъ, полвѣка тому назадъ основная идея этого ученія высказана была совершенно догматически и, собственно говоря, остается до сихъ поръ научно совершенно необоснованною, такъ какъ вся новѣйшая литература экономическаго матеріализма

представляетъ изъ себя лишь рядъ развитій и примѣненій основного принципа, который, однако, никогда не былъ предметомъ дѣйствительно научной аргументаціи. Во-вторыхъ, если за послѣднее время разработка экономической исторіи дѣлаетъ все бòльшіе и бòльшіе успѣхи и если въ этой разработкѣ даже и принимаютъ нѣкоторое участіе авторы, заявляющіе себя сторонниками экономическаго матеріализма, то явленіе это объясняется не спеціальнымъ вліяніемъ доктрины экономическаго матеріализма, а общими условіями современности, все болѣе и болѣе указывающими на важное значеніе экономическаго фактора въ общественной жизни, и развитіемъ исторической науки, которая все больше и больше расширяетъ предметъ своего вѣдѣнія и умножаетъ подлежащій обработкѣ матеріалъ. Въ-третьихъ, наконецъ, экономическій матеріализмъ, какъ доктрина, стремящаяся объяснить всю исторію изъ одного экономическаго начала, сама по себѣ не должна считаться ни необходимою основою предъявленія обществу извѣстнаго рода требованій, ни неизбѣжнымъ выводомъ изъ этого предъявленія. Говоря коротко, научное и общественное движеніе въ духѣ тѣхъ интересовъ, защитниками коихъ являются сторонники экономическаго матеріализма, отнюдь не требуютъ признанія истинности этого ученія, само же оно до сихъ поръ остается своего рода исторіологическимъ догматомъ, такъ какъ имѣетъ въ своемъ основаніи мысль, принимаемую за безусловную истину безъ малѣйшей попытки ее научно обосновать.

Этой книгѣ мы даемъ названіе „Старыхъ и новыхъ этюдовъ“. Прежде всего, это, дѣйствительно,—этюды, т.-е.

отдѣльныя статьи, написанныя по поводу большею частью разныхъ книгъ, выходившихъ за послѣдніе годы и касавшихся взаимныхъ отношеній исторіи и политической экономіи. Таковы были статьи: „Политическая экономія и теорія историческаго процесса“ (Историческое Обозрѣніе, 1891 г.), „Экономическое направленіе въ исторіи“ (Юридическій Вѣстникъ, 1891 г.), „Замѣтки объ экономическомъ направленіи въ исторіи“ (Историческое Обозрѣніе, 1892 г.), „Источники историческихъ перемѣнъ“ (Русское Богатство, 1892 г.), „По поводу новой формулировки матеріальной исторіи“ (Историческое Обозрѣніе, 1892 г.) и „Новая попытка экономическаго обоснованія исторіи“ (Русское Богатство, 1894 г.). Главнѣйшіе взгляды, высказанные въ этихъ статьяхъ (кромѣ послѣдней), были затѣмъ нами резюмированы, систематизированы и значительно дополнены въ статьѣ „Экономическій матеріализмъ въ исторіи“, напечатанной въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1894 г. и вошедшей затѣмъ въ сборникъ статей автора, изданный подъ заглавіемъ „Историко-философскіе и соціологическіе этюды“. Эту послѣднюю статью мы и кладемъ въ основу первой половины настоящей книжки, сохраняя порядокъ изложенія и значительную часть самой этой статьи, но замѣняя остальное перепечаткою цѣликомъ или въ большихъ извлеченіяхъ другихъ статей и прибавляя къ нимъ большую выдержку еще изъ одной нашей статьи, помѣщенной въ „Историческомъ Обозрѣніи“ за 1895 г. подъ заглавіемъ „Новый трудъ по теоріи исторіи“. Къ этимъ „старымъ“ частямъ въ настоящей книжкѣ прибавляются совершенно новыя части, въ первый разъ появляющіяся въ

печати въ видѣ значительныхъ вставокъ въ прежнія статьи и въ видѣ спеціально для этой книжки написанныхъ главъ. Таковы, во-первыхъ, именно страницы, заключающія изложеніе чисто экономическаго ученія Маркса (50—61), страницы, посвященныя разбору исторіологическихъ взглядовъ Лафарга и Меринга (103—118) и другія менѣе значительныя вставки (напр., стр. 160—161). Во-вторыхъ, это—новыя главы (начиная съ стр. 183), въ коихъ разсматриваются книги гг. Струве и Бельтова, вызвавшія весьма сильную полемику въ нашей періодической печати, хотя, собственно говоря, въ этой полемикѣ первенствующую роль игралъ далеко не самъ экономическій матеріализмъ. Затѣмъ идетъ глава, посвященная разсмотрѣнію этой полемики, поскольку послѣдняя касается нашего предмета. Кромѣ того, во время печатанія настоящей книги намъ пришлось познакомиться съ одной вступительной лекціей, составленной въ духѣ экономическаго объясненія исторіи, и мы посвятили нѣсколько страницъ разбору этой лекціи. Заключительная глава ко всей настоящей книгѣ тоже написана вновь. Изъ двухъ приложеній къ тексту книги одно тоже написано вновь. Такимъ образомъ авторъ имѣлъ право назвать свою книгу „Старыми и новыми этюдами".

Какъ въ прежнихъ статьяхъ, посвященныхъ вопросу объ экономическомъ матеріализмѣ, такъ и въ этой книгѣ мы стоимъ исключительно на теоретической точкѣ зрѣнія, разсматривая лишь вопросъ о томъ, насколько правильно и основательно сводить всю исторію къ одной экономіи и существуетъ ли у сторонниковъ этого сведенія какая-либо научная аргументація. По нашему мнѣнію, рѣшеніе

этого вопроса въ ту или другую сторону отнюдь не обусловливаетъ такого или иного рѣшенія прочихъ вопросовъ,— именно вопросовъ практическаго свойства,—которые занимаютъ первенствующее положеніе у всѣхъ сторонниковъ экономическаго матеріализма. Вотъ почему, разбирая двѣ названныя русскія книги (гг. Струве и Бельтова), мы оставляемъ совершенно въ сторонѣ все то, что не имѣетъ прямого и непосредственнаго отношенія къ экономическому матеріализму. Послѣдній вообще стремится сдѣлаться историко-философскою теоріей, т.-е. ученіемъ о томъ, что̀ есть, какъ оно есть, а не о томъ, что̀ должно быть, и не о томъ, что̀ нужно дѣлать для выполненія какой-либо общественной программы. Въ качествѣ именно такой историко-философской, абстрактной теоріи мы и разсматриваемъ экономическій матеріализмъ, совершенно не касаясь ни тѣхъ конкретныхъ явленій, ни тѣхъ практическихъ совѣтовъ, по поводу которыхъ въ нашей періодической печати главнымъ образомъ и происходила полемика послѣ выхода въ свѣтъ двухъ названныхъ книгъ. Мы думаемъ, наконецъ,— да такъ оно выходитъ и на самомъ дѣлѣ,—что сторонники экономическаго матеріализма напрасно основываютъ свою оцѣнку современнаго положенія Россіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и свои практическіе совѣты—на доктринѣ экономическаго матеріализма, и думаемъ это не потому только, что послѣдняя сама не доказана, но и потому, что будь она даже доказана, она по существу дѣла не могла бы служить основой для сужденія о такой сложной совокупности конкретныхъ явленій, какую представляетъ изъ себя окружающая насъ дѣйствительность. Съ другой стороны, и съ полнымъ

паденіемъ экономическаго матеріализма извѣстное пониманіе современности и задачъ ближайшаго будущаго нисколько не будетъ поколеблено, если только оно будетъ дѣйствительно результатомъ научнаго изслѣдованія фактовъ, а не подтасовкою ихъ въ пользу извѣстнаго предвзятаго взгляда.

Просимъ въ заключеніе смотрѣть на эту книгу, именно какъ на этюды, задачею коихъ, какъ таковыхъ, вовсе не было дать полное, систематическое и исчерпывающее разсмотрѣніе вопроса объ экономическомъ матеріализмѣ. Объ этомъ направленіи, по всей вѣроятности, намъ придется еще писать по поводу новыхъ трудовъ, такъ или иначе касающихся предмета. Напр., въ данную минуту у меня находится въ рукахъ совершенно новое (1896 г.) сочиненіе галльскаго профессора права Р. Штаммлера, озаглавленное „Хозяйство и право съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи“ [1]), большой трудъ (668 страницъ убористой печати), и я уже думаю дать о немъ отчетъ русской читающей публикѣ въ одномъ изъ нашихъ періодическихъ изданій.

Спб., 15-го января 1896.

Н. К.

[1]) Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung. Eine sozialphilosophische Untersuchung. Leipzig. 1896. Отношеніе автора къ экономическому матеріализму — критическое. Къ сожалѣнію, я не имѣлъ еще соч. Тремереля „Le marxisme“, о существованіи коего знаю только изъ газетъ. Если и оно касается экономическаго матеріализма, то и о немъ будетъ данъ отчетъ.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

I. Вступленіе.

Экономическое, или матеріалистическое воззрѣніе въ исторіи, о которомъ въ настоящее время такъ много говорятъ, стремится вытѣснить противоположное ему историческое міросозерцаніе, которое господствовало раньше и заключалось въ объясненіи историческаго процесса изъ психологическаго, или идейнаго начала. Въ спорѣ историческаго идеализма и историческаго матеріализма историкъ долженъ занять положеніе, такъ сказать, дружественнаго нейтралитета. Идеалистическое объясненіе исторіи, имѣющее свои глубокія основанія въ прошломъ нашей науки и въ самой жизни, ею изучаемой, страдаетъ тѣмъ не менѣе односторонностью, и въ этомъ смыслѣ возникновеніе матеріалистическаго міросозерцанія было шагомъ впередъ на пути выясненія сущности историческаго процесса; но если и развитіе науки, и сама историческая жизнь дали извѣстныя и притомъ очень прочныя основанія для новой точки зрѣнія, то—поскольку послѣдняя дѣлается исключительною — и она тоже представляется намъ одностороннею, а потому и не имѣющею права на то, чтобы совершенно вытѣснить прежнюю точку зрѣнія. Историкъ, т.-е. представитель науки, стремящейся къ всестороннему пониманію культурной и соціальной жизни человѣчества, какою она дается въ историческомъ опытѣ,—въ спорѣ между идеализмомъ и матеріализмомъ, долженъ именно занять нейтральное положеніе: и психологическое, и экономическое направленія исторіи для него *одинаково вѣрны*, поскольку они, имѣя каждое свои научныя основанія, дополняютъ другъ друга,—

и *одинаково же невѣрны*, разъ одно стремится совершенно устранить другое. Эта мысль рано или поздно, думаемъ мы, должна сдѣлаться общимъ достояніемъ, и въ исторіи развитія основныхъ историко-философскихъ концепцій повторится извѣстный діалектическій законъ Гегеля, примѣняемый, какъ мы увидимъ, самими экономическими матеріалистами къ историческому процессу. Въ исторіи пониманія основъ культурно-соціальнаго развитія человѣчества объясненіе *всего* этого развитія изъ *одного* духовнаго начала было первымъ моментомъ, т. е. тезисомъ, и можно исторически доказать необходимость именно такого тезиса. Цѣлый рядъ очень важныхъ притомъ явленій исторической жизни, однако, не могъ быть объясненъ изъ этого начала, и опять-таки исторически можно оправдать возникновеніе противоположной точки зрѣнія, составляющей второй моментъ, или антитезу: указавъ на факты, не объясняемые первою точкою зрѣнія, открывъ истинный ихъ источникъ, новое направленіе пошло еще далѣе, сдѣлавъ попытку и тѣ факты, которые совершенно удовлетворительно объясняются психологіей, объяснять экономіей. Чѣмъ, однако, сильнѣе будетъ обнаруживаться тенденція экономическаго матеріализма къ вытѣсненію психологіи изъ той области, гдѣ самымъ законнымъ является объясненіе психологическое, тѣмъ все болѣе и болѣе очевидною будетъ дѣлаться несостоятельность экономическаго матеріализма, въ роли всеобъемлющей теоріи историческаго процесса, какъ сдѣлалась раньше очевидною несостоятельность въ той же роли и психологическаго идеализма, лишь только открылась сторона исторіи, потребовавшая экономическаго объясненія. За первымъ и вторымъ моментами надлежитъ наступить третьему моменту: односторонности тезиса и антитезы найдутъ свое примиреніе въ синтезѣ, какъ выраженіи полной истины. Въ чемъ будетъ заключаться такой синтезъ, объ этомъ—мы здѣсь говорить не станемъ. Считаемъ нужнымъ ограничиться лишь нѣкоторыми соображеніями, доказывающими, по нашему мнѣнію, необходимость синтеза идеалистической и матеріалистической точекъ зрѣнія.

Единственное реальное существо, съ которымъ имѣетъ дѣло историческая наука, есть человѣческая личность. Лишь человѣческія личности мыслятъ, чувствуютъ, желаютъ, наслаждаются и страдаютъ, ставятъ себѣ цѣли, стремятся къ ихъ достиженію, дѣйствуютъ. Народы и государства съ своими

правительствами, общественные слои и классы, сословія и партіи и т. п. состоятъ изъ отдѣльныхъ личностей, взглядами, настроеніями и побужденіями коихъ опредѣляется направленіе дѣятельности каждой такой группы. Культурныя и соціальныя формы существуютъ лишь въ личностяхъ или чрезъ личности. Но каждая человѣческая личность, состоя изъ тѣла и души, ведетъ двоякую жизнь—физическую и психическую, не являясь передъ нами ни исключительно плотью съ ея матеріальными потребностями, ни исключительно духомъ съ его потребностями интеллектуальными и моральными. И у тѣла, и у души человѣка, есть свои потребности, ищущія своего удовлетворенія и ставящія отдѣльную личность въ различныя отношенія къ внѣшнему міру, т.-е. къ природѣ, и къ другимъ людямъ, т.-е. къ обществу, и эти отношенія бываютъ двоякаго рода. Человѣкъ нуждается въ пищѣ, одеждѣ, жилищѣ, и на почвѣ этихъ потребностей человѣка возникаетъ его чисто матеріалистическое, если можно такъ выразиться, отношеніе къ природѣ; но та же природа вызываетъ съ его стороны и духовное къ себѣ отношеніе, являясь предметомъ его удивленія и пытливости его ума: отношеніе человѣка къ природѣ въ зависимости отъ физическихъ и духовныхъ потребностей личности создаетъ поэтому, съ одной стороны, разнаго рода искусства, направленныя на то, чтобы обезпечивать матеріальное существованіе личности, съ другой стороны — всю умственную и нравственную культуру, т.-е. миѳологію и религію, философію и науку, литературу и художества, которыя служатъ удовлетворенію духовныхъ потребностей личности. Объяснять экономически возникновеніе разныхъ видовъ теоретическаго отношенія человѣка къ внѣшнему міру (да и къ самому себѣ), къ вопросамъ бытія и познанія, равно какъ возникновеніе безкорыстнаго творческаго воспроизведенія внѣшнихъ явленій (да и собственныхъ своихъ помысловъ), было бы столь же мало научно, сколь ненаучно было бы отыскивать во внутренней психической жизни личности причины возникновенія звѣроловства, скотоводства, земледѣлія, обрабатывающей промышленности, торговли и денежныхъ операцій.

Взаимныя отношенія между личностями, создающія общественную жизнь, равнымъ образомъ имѣютъ двоякій характеръ. Существованіе общества немыслимо безъ психическаго взаимодѣйствія между отдѣльными личностями, составляю-

щими общество, и только на почвѣ этого взаимодѣйствія возникаютъ всѣ явленія духовной культуры цѣлаго народа, обмѣнъ мыслей и настроеній и языкъ, какъ главное его орудіе, общія представленія и вѣрованія, воззрѣнія и знанія, преданія и чаянія, какъ содержаніе духовной культуры всего народа или какой либо его части, безкорыстный интересъ къ чужому *я* и то чувство симпатіи или альтруизма, которое есть одинъ изъ основныхъ источниковъ морали, наконецъ, чисто духовная солидарность, какая связываетъ въ одно цѣлое нематеріальными узами общаго языка или общихъ вѣрованій людей одной и той же національности или одного и того же вѣроисповѣданія.

Общество, сказали мы, никакимъ образомъ не можетъ существовать безъ психическаго взаимодѣйствія его членовъ, лежащаго и въ основѣ всей его духовной культуры; но общество немыслимо и безъ того матеріальнаго взаимодѣйствія между личностями, которое заключается не въ обмѣнѣ мыслями и настроеніями, а въ обмѣнѣ услугами и продуктами, лежащемъ въ основѣ экономическаго и политическаго строя. Обмѣнъ услугъ и продуктовъ былъ бы невозможенъ безъ психическаго взаимодѣйствія, но и послѣднее само по себѣ, т. е. безъ участія экономическихъ взаимоотношеній, было бы не въ состояніи сплотить между собою отдѣльныя личности въ одно цѣлое. Такимъ образомъ, общество имѣетъ двоякую основу— психическую и экономическую, духовное взаимодѣйствіе и взаимоотношенія на почвѣ матеріальныхъ интересовъ, причемъ духовная культура, испытывая въ большей или меньшей степени на себѣ вліяніе соціальнаго строя, имѣетъ свой главный источникъ въ тѣхъ отношеніяхъ личности къ внѣшнему міру и другимъ личностямъ, которыя такъ или иначе возникаютъ на почвѣ ея духовныхъ потребностей и стремленій, а соціальный строй, подвергаясь бóльшему или меньшему дѣйствію со стороны духовной культуры, основывается преимущественно на тѣхъ отношеніяхъ человѣка къ природѣ и къ другимъ себѣ подобнымъ, каковыя отношенія объясняются нуждами и интересами чисто матеріальнаго существованія личности.

Идеалистическое направленіе исторіологіи было бы совершенно право, если бы человѣкъ былъ безплотнымъ духомъ, и если бы потому его интересъ къ внѣшнему міру былъ только интеллектуальнымъ или эстетическимъ, а его отношенія къ

другимъ людямъ—только моральнаго свойства, вслѣдствіе чего, наприм., и въ основѣ народной жизни лежала бы одна психическая связь,—безъ которой, впрочемъ, немыслимо никакое общеніе,—но этого нѣтъ, и идеалистическое направленіе было бы не только односторонне, но прямо невѣрно, если бы, не смѣя игнорировать факты, имѣющіе происхожденіе въ матеріальной сторонѣ человѣческаго бытія, оно стало и ихъ сводить къ чисто духовной основѣ. Совершенно такъ же и экономическій матеріализмъ оказался бы непремѣнно правымъ, если бы человѣкъ жилъ только одними матеріальными потребностями и стремленіями и если бы по этой причинѣ его отношенія къ природѣ и къ другимъ людямъ опредѣлялись лишь необходимостью въ борьбѣ съ ними или при ихъ помощи удовлетворять своей потребности въ пищѣ, одеждѣ и жильѣ и своему стремленію къ улучшенію вообще всего матеріальнаго быта; но именно этого-то въ дѣйствительности не существуетъ, и односторонность экономическаго матеріализма переходитъ въ прямое несоотвѣтствіе съ реальными отношеніями общественной жизни, когда, не имѣя возможности отрицать существованія у этой жизни и другой стороны, объясняемой духовною стороною личности, оно стремится придумать и для всѣхъ интеллектуальныхъ, моральныхъ и эстетическихъ явленій чисто матеріальную основу. Историку и соціологу вовсе не приходится разрѣшать философскій вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ духа и матеріи. Правъ ли спиритуализмъ, или правъ матеріализмъ,—изъ нихъ каждый занимаетъ позицію, изъ которой никогда не можетъ быть, повидимому, выбитъ своимъ противникомъ,—или же оба неправы, и нужно представлять себѣ духъ и матерію лишь какъ проявленія одной и той же внѣ-опытной сущности,—во всякомъ случаѣ тотъ, кто изучаетъ общество и его исторію, имѣетъ дѣло съ несомнѣнною двойственностью матеріально-духовной природы человѣка. Если единственнымъ реальнымъ существомъ, изучаемымъ историческою наукою, является человѣческая личность, то нужно брать ее такъ, какъ даетъ ее намъ опытъ, т.-е. не въ смыслѣ одного только духа и не въ смыслѣ одной только плоти, памятуя при этомъ, что лишь въ исключительныхъ случаяхъ въ ту или другую сторону преобладаетъ или духъ, или плоть, и что большинство людей и въ общемъ наиболѣе продолжительные періоды времени характеризуются такими отношеніями между обѣими сторонами человѣческаго бытія, при су-

ществованіи которыхъ не атрофируются окончательно ни потребности души, ни потребности тѣла. Отсюда, полагаемъ, совершенно ясна невозможность сведенія *всей* исторической жизни къ *одному* началу, если этимъ началомъ будетъ не цѣльная человѣческая личность съ ея духовною и матеріальною сторонами, а именно лишь одна изъ этихъ сторонъ.

Мы не излагаемъ здѣсь полной теоріи историческаго процесса и потому не разсматриваемъ вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ, существующихъ между духовною культурою съ ея чисто-психической основой и соціальнымъ строемъ съ чисто-экономической подкладкой послѣдняго. Позволимъ себѣ только прибавить, что лишь становясь на такую синтетическую точку зрѣнія, признающую вѣрныя стороны психологическаго идеализма и экономическаго матеріализма, поскольку они дополняютъ другъ друга, и вооружающуюся противъ обоихъ направленій, поскольку одно стремится исключить другое,— лишь становясь именно на эту точку зрѣнія, возможно всесторонне охватить культурно-соціальную жизнь человѣчества.

Таково наше отношеніе къ предмету настоящихъ этюдовъ: это не есть ни безусловное отрицаніе, ни безусловное признаніе, это—критическое изслѣдованіе, не принимающее ничего на вѣру и стремящееся найти объясненіе и своего рода оправданіе для положеній, не могущихъ быть признанными за истину.

II. Происхожденіе экономическаго направленія въ современной историографіи.

Отъ экономическаго матеріализма въ тѣсномъ смыслѣ нужно отличать экономическое направленіе въ историографіи, которое выражается не столько въ теоретическомъ провозглашеніи экономики основою исторіи, сколько въ особомъ интересѣ къ экономической жизни, проявляющемся въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ работъ историческаго содержанія. Такой интересъ имѣетъ законныя основанія, и всякій историкъ, дорожащій полнотою и всесторонностью изображенія прошлой жизни, долженъ только радоваться тому, что столь

важная сторона общественнаго быта, прежде мало обращавшая на себя вниманіе историковъ, сдѣлалась предметомъ спеціальнаго интереса, особенно въ наше время, когда экономическіе вопросы получили такое значеніе и въ практической жизни. Съ этой стороны опасность для исторической науки и слѣдовательно для научнаго пониманія дѣйствительности начинаетъ грозить лишь тогда, когда во имя интереса къ экономической сторонѣ исторіи начинаютъ отрицать всякое значеніе за другими ея сторонами, или когда утверждаютъ, будто только одна экономическая сторона исторіи можетъ быть предметомъ чисто научной разработки. Признавая законность и даже особую, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, важность экономическаго направленія, мы никакимъ образомъ не можемъ отрицать законности и такой же большой важности направленія чисто культурнаго: откуда бы ни шла исключительность, во имя всесторонняго освѣщенія прошлаго историкъ долженъ давать отпоръ притязаніямъ, стремящимся такъ или иначе съузить задачу исторической науки. Мы не стали бы говорить объ этомъ, если бы въ литературѣ не высказывались мнѣнія именно такого рода, объясняющіяся, на нашъ взглядъ, тѣми новыми перспективами, которыя открыло передъ взорами историковъ изученіе экономическаго прошлаго народовъ. То, что̀ произошло въ этомъ отношеніи съ экономическимъ направленіемъ, представляетъ изъ себя лишь одинъ изъ частныхъ случаевъ нѣкотораго общаго правила: всегда именно, когда происходило сближеніе между исторіей и тою или другою научною спеціальностью, послѣдняя постоянно настолько увлекала нѣкоторую часть историковъ, внося въ ихъ науку новые факты и новыя точки зрѣнія, что все остальное этою частью историковъ какъ бы забывалось или, по крайней мѣрѣ, оттѣснялось на задній планъ.

Съ одной стороны, въ изученіе предметовъ, коими занимаются указанныя науки, вносилась историческая точка зрѣнія, а съ нею и историческій методъ, съ другой—историки начинали обращать вниманіе на явленія, до того времени разсматривавшіяся только теоретически. Въ первомъ отношеніи происходившая въ разныхъ областяхъ знанія перемѣна имѣла то значеніе, что явленія, бравшіяся прежде, такъ сказать, въ неподвижномъ бытіи, начинали изучаться въ своемъ историческомъ развитіи, и, наприм., теоріи права литературы или экономическихъ явленій, считавшіяся обязательными для

всѣхъ эпохъ и народовъ, уступали мѣсто теоріямъ, въ которыхъ на первый планъ выдвигалась идея обусловленности юридическихъ, литературныхъ или хозяйственныхъ явленій извѣстнымъ временемъ и извѣстнымъ мѣстомъ. Этимъ вносилась въ прежнее теоретическое изученіе поправка, поправка съ весьма важными результатами для общихъ взглядовъ на сущность и внутреннія отношенія упомянутыхъ сферъ народной жизни, хотя, къ сожалѣнію, весьма нерѣдко поправка стремилась даже прямо упразднить и вполнѣ законныя точки зрѣнія прежнихъ теорій, далекихъ отъ историческаго отношенія къ своимъ объектамъ. Несомнѣнно важное значеніе имѣло и обращеніе историковъ къ праву, къ произведеніямъ литературы, къ хозяйственной жизни, которыми занимались раньше одни только профессіональные юристы, эстетики и экономисты: по мѣрѣ того, какъ историки пріобщали къ старымъ предметамъ своихъ занятій тотъ или другой новый предметъ, ихъ умственный кругозоръ расширялся, они шире захватывали жизнь народа, все глубже и глубже начинали проникать въ ея тайники, хотя и здѣсь дѣло не обходилось безъ односторонностей и увлеченій. Эти послѣднія мы можемъ обнаружить и въ томъ направленіи исторической науки, которому позволительно дать названіе экономическаго, подобно тому какъ и въ самой политической экономіи такъ-называемая историческая школа грѣшитъ въ смыслѣ нѣкоторыхъ крайностей, съ какими въ ней проводится историческая точка зрѣнія.

Историческое направленіе въ экономической наукѣ и экономическое въ исторической относятся къ числу явленій сравнительно позднихъ. Сближенію между исторіей и политической экономіей предшествовало сближеніе исторіи съ другими науками, и въ этомъ отношеніи весьма любопытными примѣрами являются перемѣны, совершившіяся въ изученіи права и литературы, двухъ сферъ соціально-культурной жизни, играющихъ въ ней весьма видную роль и потому рано сдѣлавшихся самостоятельными предметами теоретической обработки. Нѣкоторыя явленія, возникшія на почвѣ двусторонняго сближенія между исторіей и политической экономіей, имѣли поэтому прецеденты въ тѣхъ фактахъ, которые наблюдаются въ болѣе раннихъ попыткахъ внести историческій методъ въ теоретическое изученіе разныхъ сферъ народной жизни и включить эти самыя сферы въ кругъ занятій

исторіи. Поэтому если историческая школа въ политической экономіи и экономическое направленіе въ исторической наукѣ дѣлаютъ нѣкоторыя ошибки, то въ ошибкахъ этихъ мы видимъ лишь повтореніе односторонностей и увлеченій, знакомыхъ намъ по другимъ примѣрамъ. Самое повтореніе однѣхъ и тѣхъ же ошибокъ въ разныхъ научныхъ направленіяхъ, указывая на дѣйствіе нѣкоторыхъ общихъ причинъ, можетъ служить иллюстраціей къ тѣмъ теоретическимъ положеніямъ, развитію коихъ посвящается эта глава книги. Скажемъ поэтому нѣсколько словъ о сходныхъ явленіяхъ, какія наблюдаются въ исторіи сближенія исторіи, во-первыхъ, съ юриспруденціей, во-вторыхъ, съ изученіемъ литературы.

Всѣмъ юристамъ и историкамъ извѣстно, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Германіи возникла такъ-называемая „историческая школа права". Не входя въ подробности ея исторіи укажемъ только на то, что это научное направленіе стало разсматривать право, не какъ неподвижную систему юридическихъ нормъ, каковою право представлялось прежнимъ юристамъ, а какъ нѣчто движущееся, измѣняющееся, развивающееся. Какое важное значеніе имѣла эта перемѣна для юриспруденціи, извѣстно каждому юристу, сколько-нибудь знакомому съ исторіей своей науки, и каждый историкъ, въ свою очередь, хорошо знаетъ, что, главнымъ образомъ, благодаря возникновенію новаго направленія въ наукѣ о правѣ, это послѣднее стало обращать на себя все большее и большее вниманіе со стороны представителей исторической науки, такъ что и въ ней произошла весьма важная перемѣна. Ученіе исторической школы не разъ подвергалось уже критикѣ, между прочимъ, и въ нашей литературѣ, но сколько мнѣ извѣстно, никто не обращалъ достаточнаго вниманія на слѣдующіе два пункта: во-первыхъ, въ исторической школѣ была сильная тенденція противополагать историческій взглядъ на право, какъ единственно и исключительно истинный, всѣмъ другимъ возможнымъ въ этой области точкамъ зрѣнія, въ силу чего это воззрѣніе иногда не допускало существованія научныхъ истинъ, примѣнимыхъ ко всѣмъ временамъ, т.-е. того, что на языкѣ новой науки носитъ названіе общихъ законовъ; съ другой же стороны, оно отрицало эти законы, а съ ними и общую теорію права во имя идеи о зависимости права отъ мѣстныхъ условій,—зависимости, конечно, суще-

ствующей вездѣ и всегда, но не исключающей общихъ началъ въ основѣ національнаго разнообразія. Аналогичное отношеніе, быть можетъ, еще болѣе подчеркнутое, мы встрѣчаемъ у нѣкоторыхъ представителей исторической школы въ политической экономіи къ такъ-называемому теоретическому направленію: признаётся одно мѣстное и временное, и во имя его отрицается все постоянное и неизмѣнное, лежащее въ основѣ всего видимаго разнообразія, представляемаго отдѣльными народами и эпохами. Правда, старая юриспруденція грѣшила тѣмъ, что за все общее и вѣчное выдавала абстракціи, выросшія на почвѣ одного опредѣленнаго права, именно права римскаго, въ коемъ усматривался „писанный разумъ", какъ и теоретическая экономія возводила прежде на степень всеобщихъ и вѣчныхъ истинъ положенія, извлеченныя изъ наблюденій почти только надъ одною англійскою дѣйствительностью конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка; но зато и постановка всего вопроса о правѣ въ его теоретическихъ и практическихъ развѣтвленіяхъ исключительно на историческую точку зрѣнія мѣстныхъ и временныхъ особенностей была односторонностью. Параллельно съ развитіемъ этой точки зрѣнія въ юриспруденціи все болѣе и болѣе преувеличивалось иногда значеніе права и со стороны историковъ, которые въ этомъ новомъ предметѣ, вошедшемъ въ кругъ ихъ занятій, увидѣли какое-то откровеніе. Извѣстный юристъ-историкъ Вайцъ прямо, напр., заявляетъ, что все, не относящееся къ области права, по тому самому не имѣетъ отношенія и къ исторіи [1]). Хорошо иллюстрируется это юридическое увлеченіе историковъ слѣдующимъ разсказомъ проф. К. Н. Бестужева-Рюмина о своихъ студенческихъ годахъ. „Подъ вліяніемъ чтеній Кавелина, говоритъ онъ въ біографическомъ очеркѣ Ешевскаго, у многихъ молодыхъ людей сложилось убѣжденіе, что исторія права есть самая важная часть исторіи, что смѣна институтовъ и понятій юридическихъ вполнѣ выражаетъ собою все историческое движеніе. Впрочемъ, мнѣніе это высказывалось тогда и за университетскими стѣнами". Подъ вліяніемъ такого мнѣнія находился и самъ передающій эту любопытную черту тогдашняго научнаго настроенія, и именно подъ его вліяніемъ, разсказываетъ онъ дальше, „зашелъ я разъ (въ 1847 г.) къ М. П.

[1]) *Waitz*. Deutsche Verfassungsgeschichte. Kiel. 1865. I, 390.

Погодину и началъ ему развивать эту мысль. Выслушавъ меня, М. П. отвѣтилъ мнѣ одной фразой, вѣрность и глубину которой я понялъ только гораздо послѣ: „а св. Сергія куда вы дѣнете съ вашимъ юридическимъ характеромъ"? [1]) Подобное увлеченіе среди историковъ наблюдается и въ наши дни, съ тѣмъ только различіемъ, что „юридическій характеръ" замѣнился экономическимъ.

То же самое происходило и при сближеніи исторіи съ теоріей словесности, т.-е. нерѣдко обнаруживалась готовность отрицать всякое иное отношеніе къ произведеніямъ литературы, кромѣ чисто историческаго, съ одной стороны, а съ другой, стремленіе свести чуть не всю исторію къ одной исторіи литературы. Иначе говоря, и тутъ были преувеличены и значеніе историческаго метода въ изученіи литературы, и значеніе изученія литературы для историка. За примѣрами увлеченій и того, и другого рода ходить далеко нечего.

Въ области изученія литературы до возникновенія историческаго направленія господствовала эстетическая критика, оцѣнивавшая содержаніе и форму литературныхъ произведеній на основаніи установленныхъ правилъ и положеній; но въ эстетическомъ отношеніи къ литературѣ были съ научной точки зрѣнія крупные недостатки, которые восполнились только историческимъ отношеніемъ къ произведеніямъ человѣческаго слова: оно обратило надлежащее вниманіе на то, что устранялось эстетической критикой, объяснявшей произведенія литературы изъ нихъ самихъ, т.-е. на условія и причины ихъ возникновенія и всего развитія литературы. По мѣрѣ того, какъ историческое отношеніе къ литературѣ все болѣе и болѣе пріобрѣтало почвы подъ ногами, оно начинало все съ большею и большею силою вытѣснять отношеніе эстетическое, такъ что за послѣднее время стало даже вызывать протестъ среди самихъ историковъ литературы. Во вступительной лекціи проф. Л. Е. Колмаческаго въ казанскомъ университетѣ подъ заглавіемъ „Развитіе исторіи лите-

[1]) Сочиненія С. В. Ешевскаго. М. 1870, т. I, стр. XXVII. Смыслъ возраженія, конечно, тотъ, что многія историческія явленія, напр., нравственно-религіознаго характера, игравшія большую роль въ народной жизни, не имѣютъ никакого юридическаго характера. То же самое можно было бы сказать и по поводу экономической основы.

ратуры какъ науки, ея методы и задачи" [1]) заявляется, напр.,—правда, не особенно сильно,—что „требованія, предъявляемыя со стороны историческаго метода, не устраняютъ окончательно эстетическихъ сужденій", ибо „историкъ литературы едва-ли въ правѣ окончательно упускать изъ виду тѣ эстетическія наслажденія, которыя въ состояніи доставить поэтическія произведенія человѣку", такъ что „совершенно устранять эстетическую критику, знакомящую съ правилами точнаго пониманія и оцѣнки поэтическихъ произведеній относительно качества и степени доставляемаго ими наслажденія нѣтъ возможности". Эти слова, конечно, неспроста были включены въ краткое изложеніе общихъ возрѣній на задачу изученія литературы: они вызваны были крайностью историзма, выражавшеюся въ отрицаніи за историкомъ права судить поэтическія произведенія, какъ будто бы несовмѣстимаго съ историческимъ изученіемъ. Въ такомъ взглядѣ послѣднее приходило не для того, чтобы дополнить и исправить прежнее, а для того, чтобы его искоренить, какъ нѣчто, не могущее имѣть значенія. Не останавливаясь на этомъ, я укажу, что введеніе историзма въ изученіе литературы вызвало даже попытку замѣнить всякую теорію литературы ея исторіей, хотя бы и не простой, а сравнительной.

Въ вышедшемъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ сочиненіи акад. А. Н. Веселовскаго „Изъ исторіи романа и повѣсти" есть небольшая вступительная статья, озаглавленная въ вопросительной формѣ: „Исторія или теорія романа?" Уже самое это заглавіе показываетъ, что по мысли автора для романа, какъ предмета научнаго изслѣдованія, нужно допустить или одну теорію, или одну исторію. Я уже имѣлъ случай печатно высказаться объ этой статьѣ, причемъ указывалъ на неправильность постановки вопроса: самое содержаніе статьи г. Веселовскаго отвѣчаетъ скорѣе на вопросъ о томъ, какова должна быть теорія романа — эстетическая ли съ примѣрами изъ исторіи литературы, или историческая, основанная на обобщеніяхъ изъ всего прошлаго въ развитіи романа [2]). Неправильно противополагая теорію вообще исторіи вообще,

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1884, май. Приведенное мѣсто на стр. 7 и 8.

[2]) См. мою статью „Къ теоріи литературной эволюціи" въ воронежскихъ „Филол. Зап." за 1887 г., вып. II.

когда нужно было говорить о двухъ теоріяхъ—эстетической и исторической, авторъ этой статьи признаётъ только послѣднюю, ибо она, по его словамъ, дѣлаетъ невозможными слишкомъ широкія обобщенія и устраняетъ то, что онъ называетъ „рецептурой", т.-е. практическіе выводы изъ теоретическихъ положеній.

Рядомъ съ этимъ увлеченіемъ историзмомъ въ изученіи литературы, отвергающимъ эстетическую точку зрѣнія, слѣдуетъ поставить, съ другой стороны, теперь увлеченіе литературой въ исторіи, дѣлающее изъ нея чуть не самое главное явленіе въ жизни народовъ. Лучшій примѣръ послѣдняго представляетъ собою Тэнъ, который высказался на этотъ счетъ весьма обстоятельно въ обширномъ введеніи къ своей извѣстной исторіи англійской литературы. Начинается это введеніе прямо съ указанія на то, что „изученіе литературъ совершенно преобразило исторію", ибо „съ помощью литературныхъ памятниковъ оказалось возможнымъ воскресить мысленное и чувственное міровоззрѣніе, какимъ руководились люди, жившіе нѣсколько столѣтій тому назадъ. Обсуждая эти міровоззрѣнія, —продолжаетъ Тэнъ, — историки нашли, что они-то именно и составляютъ факты первой важности. Стало ясно, что съ ними связаны самыя капитальныя событія, что они объясняютъ ихъ и, въ свою очередь, объясняются ими, и что имъ необходимо отвести въ исторіи почетное мѣсто" [1]). Посредствомъ литературныхъ произведеній историкъ проникаетъ во внутренній міръ, въ нихъ отразившійся, а исторія, по Тэну, и есть „въ сущности только психологическая задача". Поэтому,—говоритъ онъ, — „когда документъ богатъ, и когда умѣешь объяснить его, то найдешь въ немъ не только психологію души, но и психологію вѣка, иногда психологію расы. Въ этомъ отношеніи,—думаетъ Тэнъ,—великая поэма, хорошій романъ, исповѣдь замѣчательнаго человѣка—гораздо поучительнѣе цѣлой груды историковъ и исторій". Само собою разумѣется, что съ этой точки зрѣнія историкъ долженъ весьма мало дорожить источниками, дающими знаніе тѣхъ явленій жизни, коими особенно дорожатъ историки юридическаго и экономическаго направленій. И дѣйствительно, самъ Тэнъ заявляетъ, что онъ охотно отдалъ бы пятьдесятъ томовъ хартій и сто томовъ дипломатическихъ нотъ за мему-

[1]) Рус. перев. (Спб. 1871), т. I, стр. 1—2.

ары Челлини, за посланія ап. Павла, за застольныя бесѣды Лютера или за комедіи Аристофана. Доказываетъ онъ правильность своей точки зрѣнія тѣмъ, что между документами, которые объясняютъ намъ чувства предшествовавшихъ поколѣній, самое важное мѣсто занимаетъ литература, ибо „она похожа на тѣ удивительные, до невѣроятности чувствительные аппараты, съ помощью коихъ физики раскрываютъ и измѣряютъ малѣйшія и тончайшія измѣненія вещества. Конституціи, религіи, — прибавляетъ онъ, — не могутъ съ нею итти въ сравненіе; своды законовъ и догматовъ рисуютъ умъ слишкомъ общими чертами, и безъ всякихъ оттѣнковъ“. Отсюда ясно, что разъ исторія есть задача психологическая, то постигается она, главнымъ образомъ, посредствомъ изученія литературъ [1]).

Я позволилъ себѣ остановиться на этихъ эпизодахъ изъ исторіи изученія права и литературы вслѣдствіе того, что, какъ сказано было, аналогичныя явленія представляетъ намъ исторія изученія экономической жизни: и здѣсь мы встрѣчаемся, съ одной стороны, съ отрицаніемъ теоріи ради исторіи, или, по крайней мѣрѣ, съ отрицаніемъ, во имя историко-теоретической точки зрѣнія, абстрактно-теоретической точки зрѣнія, а съ другой—съ проповѣдью о томъ, что главнѣйшая и существеннѣйшая задача историка заключается въ изученіи явленій народнаго и государственнаго хозяйства съ ихъ отраженіемъ на соціальномъ и политическомъ строѣ. Стоя на той точкѣ зрѣнія, что историческое изученіе права и литературы произвело въ высшей степени важный переворотъ въ соотвѣтственныхъ теоріяхъ и въ то же время было весьма благодѣтельно для исторической науки, внесши въ первое новый методъ, который позволилъ взглянуть на явленія жизни новыми глазами, и расширивши область вѣдѣнія второй новыми сторонами общественнаго бытія,—стоя на такой точки зрѣнія я никакъ не могу признать, чтобы историзму суждено было всецѣло устранить „догматическую“ (т.-е. абстрактно-теоретическую) точку зрѣнія изъ изученія права и эстетическую изъ изученія литературы. То же самое думаю я и по отношенію къ изученію хозяйственныхъ явленій. Историческая школа въ экономической наукѣ должна быть разсматриваема, какъ одна изъ наиболѣе важныхъ въ ряду су-

[1]) Ibid.. I, 27, 28 и 29.

ществующихъ въ этой наукѣ направленій; но отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы историческое направленіе было единственно законнымъ. Несомнѣнно и то, что экономическое направленіе въ исторіи обогатило эту науку существеннѣйшими данными; но это не даетъ ему права быть единственно истиннымъ направленіемъ, при которомъ всѣ другія могутъ пользоваться только терпимостью или — въ лучшемъ случаѣ быть второстепенными, служебными и дополнительными.

Все это, т.-е. и увлеченія экономистовъ историческимъ методомъ въ ущербъ другимъ способамъ изслѣдованія хозяйственныхъ явленій, и увлеченіе историковъ экономическимъ матеріаломъ въ ущербъ другимъ фактамъ, коими должна заниматься наука,—все это наблюдается нами и при сближеніи между исторіей съ политической экономіей. Примѣровъ указаннаго увлеченія историковъ можно было бы отмѣтить немало, и иногда явная односторонность прямо возводится въ систему, въ большинствѣ случаевъ, однако, безъ малѣйшей попытки аргументировать сколько-нибудь обстоятельно исключительно экономическую точку зрѣнія на исторію. Въ видѣ примѣра мы остановимся на одномъ изъ наиболѣе крупныхъ экономическихъ историковъ, Торольдѣ Роджерсѣ.

III. „Экономическое истолкованіе исторіи" Роджерса.

Джемсъ Торольдъ Роджерсъ, умершій лѣтъ пять тому назадъ, издалъ первый томъ прославившаго его сочиненія по исторіи земледѣлія и цѣнъ въ Англіи (A history of agriculture and prices in England) въ 1866 г., и тогда уже онъ указывалъ на то, что экономическое выясненіе исторій имѣетъ первостепенное значеніе для пониманія прошедшаго въ области ли юридическихъ древностей, дипломатическихъ интригъ или военныхъ походовъ, т. е. разныхъ сторонъ исторіи, къ которымъ, прибавимъ мы, однако, еще не сводится вся исторія. Въ 1888 г., за два года до смерти, онъ издалъ VI томъ своей исторіи цѣнъ и свою „Economic interpretation of

history", въ которой повторилъ то же самое [1]). О капитальномъ трудѣ Роджерса и его научномъ значеніи распространяться здѣсь было бы излишнимъ, такъ какъ насъ занимаютъ теперь только его теоретическія положенія, а послѣднія интересны, какъ воззрѣнія, сложившіяся самостоятельно, безъ всякаго вліянія со стороны экономическаго матеріализма школы Карла Маркса. Окончивъ курсъ въ Соутъ-Гемптонской школѣ и Оксфордскомъ университетѣ, получивъ въ послѣднемъ высшую ученую степень, онъ увлекся сначала религіознымъ движеніемъ трактоpіанизма и даже сдѣлался священникомъ, но потомъ подчинился вліянію Кобдена и Брайта и сталъ заниматься экономическими и политическими вопросами, принявъ на себя профессуру политической экономіи въ Оксфордѣ [2]), причемъ его экономическіе взгляды, слагавшіеся подъ вліяніемъ Кобдена и Милля, въ сущности были „манчестерскими" и по нѣкоторымъ пунктамъ оставались таковыми до самой его смерти. Это значитъ, что и по отношенію къ чисто экономическимъ взглядамъ Роджерсъ былъ далекъ отъ соціализма, лишь весьма поздно онъ сталъ на свои ноги въ области политической экономіи, создавъ самостоятельные взгляды по многимъ вопросамъ и подвергнувъ критикѣ съ исторической точки зрѣнія отдѣльныя положенія своихъ учителей (Manual of political Economy, 1868 г.), хотя его собственные теоретическіе выводы и оказались довольно слабыми. Обозрѣвая его ученую и политическую дѣятельность и въ этотъ періодъ его жизни, мы не обнаруживаемъ въ ней ни малѣйшихъ слѣдовъ соціализма, и это одно, въ согласіи съ другими данными его біографіи, указываетъ на самостоятельность его историко-экономической теоріи.

Для разъясненія взглядовъ Роджерса на значеніе экономическаго фактора въ исторіи особенно важно одно изъ послѣднихъ его сочиненій, „The economic interpretation of history", а въ немъ первая глава [3]) объ экономической сто-

[1]) Это сочиненіе имѣется въ настоящее время и во французскомъ переводѣ. О самомъ Роджерсѣ см. статью проф. И. В. Лучицкаго въ „Юрид. Вѣстн.", 1891, II.

[2]) Въ 1862 г., въ 1867 г. онъ оставляетъ каѳедру и возвращается на нее лишь въ 1888 году.

[3]) Остальныя главы представляютъ изъ себя маленькія изслѣдованія нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ англійской экономической исторіи.

ронѣ исторіи (The economical side of history). Съ нею я познакомлю теперь читателя.

„Экономическое изъясненіе исторіи“, книга болѣе, чѣмъ въ 500 стр., составилась изъ лекцій, читанныхъ въ Оксфордѣ въ 1887—88 гг., и по части теоретическихъ разсужденій, кромѣ предисловія, въ коемъ дѣлается нападеніе на абстрактную политическую экономію, содержитъ именно только одну первую лекцію подъ указаннымъ заглавіемъ: „Экономическая сторона исторіи“, да и тутъ мы имѣемъ дѣло болѣе съ историческими примѣрами, доказывающими важность „экономической стороны“ (economical side) исторіи, нежели съ какими-либо отвлеченными теоремами. Слабость теоретическаго мышленія, обнаружившаяся въ экономическихъ трактатахъ Роджерса, сказалась и на тѣхъ страницахъ его книги, на которыхъ онъ даетъ общія разсужденія объ экономической сторонѣ исторіи. Къ абстрактному мышленію онъ, повидимому, вообще относился съ крайнимъ недовѣріемъ и, наприм., въ предисловіи къ разсматриваемой книгѣ прямо заявляетъ, что давно уже сталъ подозрѣвать, не есть ли политическая экономія простое „собраніе логомахій, имѣющихъ лишь малое отношеніе къ фактамъ общественной жизни“ (стр. VI). Изучая остававшіеся прежде совершенно неизвѣстными факты изъ соціальной жизни отдаленныхъ временъ, онъ „началъ открывать, что многое, кажущееся для популярныхъ экономистовъ естественнымъ, само по себѣ въ высшей степени искусственно, что то, чему они даютъ названіе законовъ, оказывается довольно часто только поспѣшными, необдуманными и неточными обобщеніями, и что многое изъ того, въ чемъ они видятъ нѣчто завѣдомо безспорное, оказывается завѣдомо ложнымъ“ (стр. VI). Отсюда онъ заключилъ, что политическая экономія находится на дурной дорогѣ, и это, думаетъ онъ, сказывается, наприм., и при разрѣшеніи рабочаго вопроса безъ всякаго отношенія къ исторіи, его создавшей (стр. VII). Съ этой точки зрѣнія Роджерсъ и критикуетъ англійскую абстрактную (metaphysical) политическую экономію (стр. VIII и слѣд.), противополагая ей свое историческое изслѣдованіе и свою парламентскую опытность, и прибавляя, что политическая экономія должна объяснить всю соціальную жизнь (Political economy, rightly taken, is the interpretation of all social conditions, XII). Въ этихъ заявленіяхъ слышатся, съ одной стороны, тѣ мотивы, которые заставляли вообще всю „истори-

ческую школу" экономистовъ нападать на „классическое" направленіе науки о народномъ хозяйствѣ, съ другой — свойственная многимъ спеціалистамъ привычка смотрѣть на *все* общество лишь подъ извѣстнымъ, обусловленнымъ тою или другою спеціальностью, угломъ зрѣнія.

Въ виду содержанія нашихъ этюдовъ для насъ здѣсь представляютъ интересъ лишь нападки Роджерса на историковъ за малое вниманіе, какое они, по его словамъ, обращаютъ на экономическіе факты. Съ нападенія такого рода и начинается первая его лекція. „Во всѣхъ почти исторіяхъ и во всѣхъ почти сочиненіяхъ по политической экономіи, говоритъ Роджерсъ, находятся обыкновенно въ пренебреженіи собираніе и изъясненіе экономическихъ фактовъ, подъ чѣмъ я разумѣю такія извѣстія, которыя рисуютъ общественную жизнь и распредѣленіе богатства въ различныя эпохи исторіи человѣчества. Но пренебреженіе это дѣлаетъ исторію неточною или, по крайней мѣрѣ, несовершенной, а изъ политической экономіи — одно только умственное усиліе, можетъ быть, даже вредную иллюзію (стр. 1). Каждый историкъ,—продолжаетъ онъ,—каждый историкъ скажетъ вамъ, что не дѣло исторіи сохранить то, что не изображаетъ сразу прогресса расы или посторонняго вліянія. Совершенно также ошибается въ своихъ выводахъ и политико-экономъ, который, оцѣнивая современное состояніе промышленныхъ силъ и агентовъ, не принимаетъ въ расчетъ обстоятельствъ, создавшихъ или измѣнившихъ эти силы, конечно, если только не будетъ чуда. Исторія, не пытавшаяся различать относительную важность фактовъ и не изслѣдующая, какимъ образомъ можно вводить въ объясненіе рядъ современныхъ фактовъ, есть просто безпорядочный и несовершенный словарь. Политическая экономія, разъ она пренебрегаетъ поправкою очевидности, есть грубая метафизика, дающая весьма искусственное и фальшивое представленіе о дѣйствительной жизни". Роджерсъ оговаривается, однако, что даже „самыя сухія лѣтописи признаютъ нѣкоторые изъ этихъ фактовъ, даже когда имъ не удается ихъ объяснить". „Каждый историкъ,—напримѣръ, говоритъ онъ,—отмѣчаетъ моровую язву XVI в. Онъ наблюдаетъ, что англійскіе короли въ своихъ попыткахъ относительно Франціи неизмѣнно старались привлечь Нидерланды на свою сторону. Онъ сообщаетъ тотъ фактъ, что въ послѣдней четверти XIV вѣка было большое возмущеніе въ Англіи, ожесточенное междоусобіе въ XV,

серьезное ослабленіе англійской славы въ XVI. Но эти историки,—прибавляетъ онъ,—никогда не дѣлали попытки открыть, не содѣйствовали ли могущественнымъ образомъ какіе-либо экономическіе факты этимъ событіямъ". Для примѣра Роджерсъ ссылается на XVII вѣкъ, который „былъ совершенно поглощенъ великою борьбой этого времени". Указавъ на то, что „просто остались неотмѣченными всѣ факты экономическаго характера, которые остановили бы на себѣ вниманіе во всякой другой странѣ", онъ высказываетъ сожалѣніе, что „политическая исторія этого столѣтія писалась постоянно и многократно, но въ совершенномъ пренебреженіи была его соціальная или экономическая исторія", хотя весьма часто причина важнаго политическаго событія и крупнаго соціальнаго движенія бывала чисто экономическою, если даже и оставалась неоткрытою (стр. 2). Указавъ такимъ образомъ на сторону дѣла, которою дѣйствительно долгое время пренебрегали историки, Роджерсъ распространяется далѣе о важности документовъ, коими онъ, главнымъ образомъ, пользовался для своихъ научныхъ изслѣдованій, отдавая имъ предпочтеніе передъ всякими другими. „Въ послѣдней четверти XI в.,—говоритъ онъ, между прочимъ—былъ составленъ въ высшей степени замѣчательный документъ, обзоръ почти всей Англіи. По всей справедливости онъ считается однимъ изъ наиболѣе драгоцѣнныхъ антикварныхъ и историческихъ сокровищъ, какими обладаетъ нація. Долгое время онъ не былъ напечатанъ. Его часто разсматривали съ антикварскими цѣлями, но онъ никогда не былъ разобранъ. Мой другъ, профессоръ Фриманъ, обнародовалъ весьма богатую исторію норманскаго завоеванія. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что онъ собралъ всѣ данныя исторіи въ обыкновенномъ смыслѣ слова, какія только можно было получить изъ какихъ угодно національныхъ и иноземныхъ источниковъ, но онъ мало пользовался Думсдэйбукомъ, который по приведеніи въ порядокъ остова фактовъ, содержитъ гораздо больше подлиннаго живого матеріала, нежели всѣ другіе его авторитеты" (стр. 3). Нѣсколько ниже Роджерсъ ссылается еще на то, что „Галламъ какъ-то выражалъ сожалѣніе, что мы не могли бы теперь воскресить жизнь отдѣльной средневѣковой деревни, но,—прибавляетъ онъ,—средства это сдѣлать существуютъ въ большомъ количествѣ, и изучающій эти документы долженъ обладать въ самомъ дѣлѣ слабымъ воображеніемъ, если онъ не можетъ представить

себѣ жизнь англичанина временъ Плантагенетовъ съ колыбели до могилы, возсоздать всѣхъ людей, съ которыми онъ соприкасался, и опредѣлить удѣльный вѣсъ всѣхъ элементовъ маленькаго общества, въ коемъ онъ жилъ. Равнымъ образомъ,—говоритъ онъ еще,—чрезвычайно много существуетъ матеріала по исторіи управленія и финансовъ, а историки пользовались этимъ матеріаломъ далеко не такъ, какъ онъ того заслуживалъ бы", и т. д. Несомнѣнно, что въ этихъ упрекахъ знаменитаго историка много справедливаго, и важность экономической исторіи въ томъ и заключается, что въ ней выдвинулись на первый планъ явленія общественной жизни, остававшіяся въ пренебреженіи у прежнихъ историковъ. Впрочемъ, Роджерсъ „не отрицаетъ и даже охотно признаётъ, что основательное изученіе исторіи сдѣлало значительные успѣхи. Это,—соглашается онъ,—болѣе не простой разсказъ о войнѣ и мирѣ, о королевскихъ генеалогіяхъ, о тѣхъ событіяхъ, по поводу коихъ сложилось изреченіе, что счастливы народы, не знающіе исторіи. Исторія начала заниматься изученіемъ конституціонной старины, хотя даже здѣсь обнаруживается сильная тенденція усматривать позднѣйшее развитіе въ раннихъ зачаткахъ и придавать много значенія сомнительнымъ мнѣніямъ. Исторія, далѣе, начала признавать прогрессъ законовѣдѣнія, хотя она рѣдко признавала экономическія условія, коимъ юриспруденція обязана своимъ развитіемъ". Намѣтивъ эти успѣхи исторической науки, слишкомъ старые для того, чтобы говорить о ихъ новизнѣ въ концѣ XIX вѣка, Роджерсъ ставитъ ей, однако, въ вину, что „она слегка, совсѣмъ слегка коснулась соціальной исторіи, положенія народа, измѣнчивыхъ судебъ землевладѣнія и труда и обстоятельствъ, при которыхъ привились и развились среди насъ разные виды промышленности" (стр. 4). Ко всѣмъ видамъ исторіи не подходящимъ подъ тотъ идеалъ, который онъ себѣ составилъ, онъ относится вообще довольно пренебрежительно. „XVII столѣтіе, — говоритъ онъ, — есть вѣкъ умственныхъ и политическихъ великановъ, вѣкъ длинной и непрерывной борьбы, и онъ будетъ всегда изучаться. Но то, что о немъ доселѣ писали, было не чѣмъ инымъ, какъ изображеніемъ драмы, оцѣнкою характеровъ тѣхъ дѣятелей, которые принимали участіе въ этой колоссальной схваткѣ", тогда какъ для Роджерса „это столѣтіе представляется въ иномъ и весьма отличномъ видѣ—какъ исторія народа, судьбы кото-

раго до сихъ поръ всегда обходились молчаніемъ“. Опять историкъ-экономистъ указываетъ не только на пробѣлъ, въ прежнихъ освѣщеніяхъ фактовъ, но идетъ и далѣе, утверждая, что экономическіе факты и важнѣе всѣхъ другихъ. „Въ одномъ отношеніи,—продолжаетъ онъ,—въ самомъ дѣлѣ исторія сдѣлала большой шагъ впередъ, и я приписываю это философіи, которая ищетъ объясненія характеровъ и мотивовъ государственныхъ людей и государей, когда послѣдніе сами были государственными людьми. Едва-ли нужно говорить, что нѣкоторые писатели, смотря по силѣ ихъ дарованій, бываютъ постоянно подвержены обвиненію въ пристрастіи или парадоксальности. Историкъ можетъ быть вполнѣ добросовѣстно убѣжденъ въ томъ, что онъ даетъ вѣрное изображеніе людей и ихъ времени, и что онъ можетъ быть столь же достовѣрнымъ, какъ онъ самъ о себѣ думаетъ. Но чѣмъ сильнѣе и богаче его воображеніе, тѣмъ болѣе подлежитъ онъ опасности сгущенія красокъ на картинѣ, можетъ быть, съ рискомъ для ея живости“... „Трудно,—говоритъ Роджерсъ нѣсколько ниже,—трудно въ философіи исторіи избѣжать пристрастія; невозможно, думаю я, миновать обвиненія въ немъ. Вулканъ можетъ быть потухшимъ, кора лавы можетъ выдерживать на себѣ путника, но глубоко въ расщелинахъ холодѣющей массы еще сохраняется пылающій жаръ. Критика великихъ людей прошедшаго непремѣнно должна быть объяснена, какъ проведеніе аналогіи съ настоящимъ (стр. 5). Споръ о добродѣтеляхъ и порокахъ Маріи Стюартъ до сихъ поръ еще не прекратился. Репутація Пенна все еще съ жаромъ защищается. Существуютъ чистосердечные апологеты Вентворта, Лоуда, Шэфтсбери. Нѣкоторые изъ васъ знаютъ, что недавно Гардинеръ проявилъ немалое искусство, выставляя первыхъ двухъ въ новомъ свѣтѣ и придавая новый видъ великой парламентской борьбѣ... Я могъ бы,—замѣчаетъ онъ еще,—умножить эти примѣры. Прибавлю только, что разъ великіе историки философской школы съ трудомъ могутъ избѣжать обвиненія въ пристрастіи, то посредственные дѣятели въ той же области почти неизмѣнно впадаютъ въ очевидные парадоксы и грубыя преувеличенія. Это дальнѣйшая ступень, на которой дѣлается попытка написать портретъ, и неуспѣхъ бываетъ полный“. Вотъ отъ этого-то метода, который обозначенъ, какъ „философскій“, Роджерсъ и отличаетъ методъ экономическій въ выгодную для послѣдняго сторону. Понятно, что лишь

при особомъ употребленіи слова „философія" возможно подобное противоположеніе. Роджерсъ, повидимому, все, что не есть экономическая исторія, считаетъ „философскимъ", страшно съуживая область неэкономической исторіи одними прагматическими фактами, да и то главнымъ образомъ сводя ихъ къ дѣяніямъ отдѣльныхъ личностей.

Роджерса смущаетъ то обстоятельство, что въ изображеніи людскихъ характеровъ и объясненіи мотивовъ ихъ поступковъ, — къ чему онъ напрасно сводитъ всю работу историковъ, — нельзя быть столь же точнымъ, какъ по отношенію къ вещамъ, которыя подлежатъ счету. „Кто, по его словамъ, занимаясь исторіей, ставитъ себѣ менѣе притязательную, но болѣе трудную задачу экономическаго изъясненія, тотъ становится на болѣе надежную и менѣе требовательную почву. Если я въ состояніи указать вамъ, что цѣна пшеницы часто поднималась въ первой половинѣ XVII столѣтія до 55 ш. и болѣе за квартеръ и что плата крестьянину насильственно понижалась средствами, какія только могла придумать администрація, до 6 пенсовъ и менѣе, мнѣ нѣтъ никакого дѣла до критики тѣхъ, которые стали бы отрицать, что это было притѣсненіе. Если я могу показать вамъ, что пахотная земля поколѣніе тому назадъ сдавалась въ десять разъ дороже, нежели въ той же первой половинѣ XVII столѣтія, меня не устрашитъ цѣлый легіонъ Рикардо высказать весьма серьезныя сомнѣнія касательно того, далъ ли этотъ выдающійся человѣкъ исчерпывающую предметъ теорію земельной ренты" (стр. 6). Сопоставивъ вполнѣ несоизмѣримыя вещи и сдѣлавши еще разъ нападеніе на абстрактную политическую экономію, Роджерсъ показываетъ на частныхъ примѣрахъ, „какимъ образомъ экономическіе факты могутъ служить объясненію исторіи", и эти примѣры заступаютъ у него мѣсто общихъ теоретическихъ соображеній. „Я уже упомянулъ,—говоритъ онъ,—что Плантагенеты всегда пользовались Фландріей, какъ опорнымъ пунктомъ при нападеніяхъ своихъ на Францію, и что наши Эдуардъ III и Генрихъ V заботливо относились къ дружбѣ фламандцевъ и ихъ правителей. Средства, коими они пользовались для достиженія своихъ дипломатическихъ цѣлей, заключались въ свободномъ или стѣсненномъ вывозѣ англійской шерсти. Съ XIII по XVI вѣкъ „шерсть была королемъ". Четверть столѣтія тому назадъ мятежные штаты американскаго союза

признавали, что „хлопчатая бумага была королемъ“, и что ограниченіе количества этого необходимаго для британской промышленности матеріала несомнѣнно произведетъ дипломатическій переворотъ въ Англіи, вынудитъ признаніе независимости южныхъ штатовъ и заставитъ жителей Соединеннаго Королевства отказаться отъ своей ненависти къ рабству. Прекращеніе снабженія хлопчатой бумагой повлекло за собою большоебѣдствіе, но по причинамъ, которыя будутъ мною объяснены послѣ, сторонники Юга ошиблись въ своемъ расчетѣ (стр. 8)... Англія была единственной страною въ Европѣ, производившейшерсть. Въ извѣстномъ смыслѣ это замѣчательное промышленное явленіе обязано было своимъ происхожденіемъ еяклимату и почвѣ, хотя нѣкоторыя части Англіи въ теченіе столѣтій были и остаются до сихъ поръ болѣе пригодными для этого производства, нежели другія. Въ петиціи, представленной въ парламентъ въ 1454 г., предлагалось, чтобы извѣстные сорта шерсти, числомъ сорокъ четыре, не допускаемы были къ вывозу, кромѣ какъ по цѣнамъ, обозначеннымъ въ росписи. Эти цѣны идутъ отъ 260 ш. за мѣшокъ,— цѣна извѣстнаго сорта герефордской шерсти,—до 52 ш., что платилось за суффолькскую. Болѣе, нежели за столѣтіе передъ тѣмъ, позволеніе вывозить шерсть давалось для извѣстныхъ количествъ и по извѣстнымъ цѣнамъ, причемъ цѣны не были такъ высоки, какъ въ росписи 1454 года. Возможно, что предметомъ петиціи было поощреніе англійской торговли сукномъ, и въ равной степени вѣроятно, что цѣлью этого было принудить фламандцевъ къ активному содѣйствію въ тѣхъ замыслахъ относительно Франціи, которые за годъ передъ тѣмъ оказались столь бѣдственно-тщетными, когда Шрюсбери потерпѣлъ пораженіе и былъ убитъ при Шатильонѣ. Дѣйствительная монополія, какою Англія пользовалась въ поставкѣ шерсти, происходила менѣе отъ климата и почвы, нежели отъ сохраненія порядка въ королевствѣ. Въ теченіе долгаго времени каждый въ Англіи, начиная съ короля и кончая крѣпостнымъ крестьяниномъ, былъ сельскимъ хозяиномъ. Послѣ того, какъ землевладѣльцы вынуждены были оставить землепашество, они все еще оставались овцеводами, производили шерсть и торговали ею. Когда, благодаря распространенію или распредѣленію собственности, каждый заинтересованъ въ охраненіи ея правъ, не бываетъ большого искушенія воровать или совершать насилія, и всѣ склонны

открывать и наказывать такія дѣянія. Поэтому англичане могли разводить овецъ, этотъ наиболѣе беззащитный скотъ. Всякій, кто знаетъ что-нибудь о состояніи западной Европы отъ XIII до XVII столѣтія, долженъ знать, что землепашцы не держали овецъ, ибо будь у нихъ овцы, они ихъ лишились бы вслѣдствіе грабежей дворянства и его слугъ. Королевскій миръ былъ охраною для овцеводовъ. Итакъ, Англія пользовалась монополіей въ торговлѣ шерстью. Эта монополія была до такой степени совершенна, а спросъ на означенный продуктъ такъ силенъ, что англійскіе парламенты были въ состояніи наложить вывозную пошлину на шерсть, свыше рыночной стоимости продукта, не уменьшая его цѣны (стр. 9). Другими словами, вывозная пошлина уплачивалась иностраннымъ потребителемъ—финансовый успѣхъ, къ которому стремилось всякое правительство и котораго ни одно не достигало за исключеніемъ англійскаго“. Причиною такого явленія Роджерсъ считаетъ весьма рѣдкое, но въ данномъ случаѣ дѣйствительно существовавшее соединеніе нѣкоторыхъ условій, наблюдаемое по отношенію къ англійской шерсти въ теченіе всего періода, когда такъ могущественна была дипломатическая сила Англіи. „Во все время своихъ экономическихъ занятій,—прибавляетъ онъ,—я не встрѣчалъ того же самаго ни для одного какого-либо товара, и я думаю, что зрѣлище этого отношенія Англіи къ Фландріи и ея правителямъ гораздо поучительнѣе, нежели родословная герцоговъ Бургундскихъ или безплодный разсказъ о военныхъ операціяхъ на французской границѣ Нидерландовъ. Самая лучшая шерсть стоила въ Англіи въ XV столѣтіи 20 ш. за тодъ, т.-е. около 4 квартеровъ пшеницы. Тремя вѣками позднѣе, когда другія цѣны возрасли въ девять и даже двѣнадцать разъ, англійская шерсть прекраснаго качества продавалась менѣе, чѣмъ за половину того, во что она цѣнилась въ періодъ, о которомъ я говорилъ ради примѣра“. Таковъ одинъ примѣръ, приведенный въ видѣ доказательства того, сколько выигрываетъ исторія отъ изученія экономическихъ фактовъ. Никто отрицать этого не станетъ, но дѣло въ томъ, что вѣдь внѣ экономической исторіи не все же только родословія и военныя операціи. Не болѣе убѣдительнымъ въ смыслѣ непригодности неэкономической исторіи является и другой примѣръ. „Въ XII и XIII столѣтіяхъ было много и притомъ весьма хорошихъ путей отъ рынковъ Индостана на Западъ ради провоза того восточнаго про-

дукта, который былъ въ большомъ ходу, какъ приправа къ грубой и часто нездоровой пищѣ нашихъ предковъ. Главными портами, куда привозился этотъ продуктъ, были Селевкія въ Левантѣ, Требизондъ на Черномъ морѣ и Александрія, а отсюда онъ по-ступалъ преимущественно въ руки венеціанскихъ и генуезскихъ купцовъ и увозился чрезъ альпійскіе проходы къ верхнему Дунаю и на Рейнъ. Здѣсь онъ былъ источникомъ благосостоянія для городовъ, расположенныхъ по этому водному пути. Торговый потокъ не былъ ни глубокъ, ни широкъ, но зато онъ приносилъ оплодотвореніе, и всякій знакомый съ исторіей знаетъ, какую важную роль играли эти города въ позднее время средневѣковья (стр. 10). Съ теченіемъ времени всѣ эти пути, кромѣ одного, были отрѣзаны варварами, которые опустошали и все еще опустошаютъ Среднюю Азію, такъ какъ самые изъ нихъ вредные и дикіе заняли то, что нѣкогда составляло наиболѣе цвѣтущія страны въ мірѣ, Грецію и Малую Азію, и погрузили ихъ въ безнадежное варварство. Отсюда у наиболѣе предпріимчивыхъ западныхъ народовъ явилась мысль по возможности обойти съ тыла этихъ грабителей, открывъ длинный морской путь въ Индію. Вся торговля съ Востокомъ зависѣла отъ того, чтобы оставалась открытою египетская дорога, а этой дорогѣ стала также угрожать опасность. Начало открытіямъ положилъ португальскій государь. Экспедиція Колумба была попыткой найти путь въ Индію черезъ Атлантическій океанъ. По любопытному совпаденію мысъ Доброй Надежды былъ обойденъ и Новый Свѣтъ былъ открытъ почти одновременно. Эти открытія были сдѣланы какъ-разъ во-время. Селимъ I, турецкій султанъ, въ свое короткое царствованіе (1512—1520), покорилъ Месопотамію и священные города Аравіи и присоединилъ Египетъ. Вслѣдствіе этихъ завоеваній былъ теперь запертъ единственный путь, еще остававшійся свободнымъ, какой только былъ извѣстенъ старому міру. Цвѣтущія мануфактуры Александріи были сразу уничтожены. Египетъ пересталъ быть большой дорогой изъ Индостана. Селимъ обладалъ всею энергіей расы, къ которой принадлежалъ, и всѣми ея пороками. Я увидѣлъ, что должна была дѣйствовать какая-то причина, коей до сихъ поръ не подозрѣвали, для внезапнаго и страшнаго вздорожанія всѣхъ восточныхъ товаровъ въ концѣ первой четверти XVI столѣтія, и нашелъ, что это должно было произойти отъ завоеванія Египта. Русло

торговли быстро пересохло. Города, которые, благодаря ей, процвѣтали, постепенно пришли въ упадокъ, поскольку, по крайней мѣрѣ, дѣло касалось указаннаго источника ихъ богатства. Нилъ въ торговомъ отношенiи сдѣлался flumen epotum Medo, и прекратилась торговля на Дунаѣ и на Рейнѣ. И итальянскiе города быстро склонились къ упадку. Нѣмецкое дворянство, включавшее себя въ число гражданъ вольныхъ городовъ, обѣднѣло и обратилось къ простому средству для вознагражденiя своихъ потерь—къ грабежу своихъ крестьянъ (стр. 11). Отсюда возникла крестьянская война съ ея ужасами и жестокимъ подавленiемъ и развитiе тѣхъ дикихъ сектъ, которыя извратили и остановили нѣмецкую реформацiю. Битва при пирамидахъ, въ которой Селимъ прiобрѣлъ господство надъ Египтомъ для османскихъ турокъ, внесла разоренiе и нищету въ тысячи домовъ, гдѣ никогда и не слыхали объ этомъ событiи. Таковы факты, на которые проливается свѣтъ экономическимъ объясненiемъ исторiи" (стр. 12). Всѣ эти соображенiя интересны и важны, но чтобы только указанныя торговыя причины позволяли рыцарямъ грабить народъ и чтобы только отсюда или вообще именно отсюда возникли секты реформацiонной эпохи, это еще весьма сомнительно. Указавъ на эти два примѣра, приведенные нами почти цѣликомъ, Роджерсъ замѣчаетъ, что у него въ теченiе его чтенiй будетъ не мало случаевъ представить и другiе примѣры, имѣющiе такое же значенiе. При этомъ онъ высказываетъ убѣжденiе, что „опускать такiе экономическiе факты значитъ дѣлать занятiе исторiей безплоднымъ, а ея лѣтописи—не соотвѣтствующими дѣйствительности. При всемъ, какое только возможно, старанiи,—говоритъ онъ, — разсказъ историка не можетъ быть чѣмъ инымъ, какъ несовершеннымъ и неточнымъ очеркомъ. Наша хронологiя будетъ въ порядкѣ, послѣдовательность фактовъ точна, подробности походовъ вѣрны, измѣненiя въ границахъ правильны (точно только въ этомъ, повторяемъ, и заключается вся исторiя) и тѣмъ не менѣе мы будемъ далеки отъ пониманiя мотивовъ какого-нибудь общественнаго дѣянiя и оставаться въ полномъ невѣдѣнiи относительно настоящихъ причинъ событiй. Столь же мало поможетъ намъ разборъ намѣренiй и поведенiя общественныхъ дѣятелей. Въ исторiи великой драмы религiозныхъ войнъ мы можемъ сдѣлать болѣе или менѣе разумную оцѣнку Филиппа II и Вильгельма Оранскаго, Генриха Наваррскаго

и Елизаветы Англійской, Морица, Барневельдта, Ришелье, Бекингама, англійскихъ пуританъ, Лоуда и Страффорда, Эліота, Пима, Гемпдена, Кромвеля, Фердинанда Штирійскаго, Максиміліана Баварскаго, Густава Адольфа и Валленштейна, но при всѣхъ стараніяхъ нашихъ намъ никогда не удастся устранить пересмотра нашихъ приговоровъ (словно въ экономической исторіи пересмотры прежнихъ рѣшеній ненужны). Зато, когда мы бываемъ руководимы экономическими фактами съ крупнымъ и далеко простирающимся значеніемъ, мы можемъ приходить къ заключеніямъ, коихъ уже нельзя измѣнять, такъ какъ ихъ нельзя оспаривать" (стр. 12). Въ этомъ и заключается истинная причина того предпочтенія, которое Роджерсъ отдаетъ экономическимъ фактамъ передъ всѣми другими фактами въ исторіи, причемъ, какъ это можно видѣть изъ приведенныхъ выписокъ, онъ слишкомъ съуживаетъ область этихъ другихъ фактовъ, разумѣя подъ ними только одни событія.

Таково все наиболѣе существенное въ теоретическихъ разсужденіяхъ Роджерса. Мы нарочно остановились на этомъ несомнѣнно крупномъ экономическомъ историкѣ, чтобы на его примѣрѣ выяснить нѣкоторыя общія положенія, къ коимъ приводитъ насъ ознакомленіе съ экономизмомъ въ исторіи. Мы еще увидимъ, что такъ называемый экономическій матеріализмъ въ тѣсномъ смыслѣ слова возникъ въ непосредственной зависимости отъ той соціальной борьбы, которая стала вестись на экономической почвѣ между двумя классами послѣреволюціоннаго общества, т.-е. между буржуазіей и пролетаріатомъ, но историческое воззрѣніе Роджерса стоитъ совсѣмъ особнякомъ отъ этого движенія: происхожденіе его „экономическаго объясненія" чисто ученое, и самъ онъ, притомъ, въ области экономической теоріи придерживался началъ, противоположныхъ какому бы то ни было соціализму. Роджерсъ— спеціалистъ по части экономическихъ фактовъ, которые онъ въ громадномъ количествѣ извлекъ изъ архивнаго матеріала, но у него нѣтъ широкаго философскаго и историческаго, психологическаго и литературнаго образованія, что сказывается на нѣкоторой наивности его отвлеченныхъ разсужденій. Такимъ образомъ, то экономическое направленіе исторіи, представителемъ коего является Роджерсъ, обязано своимъ происхожденіемъ, подобно нѣмецкой исторической школѣ политической экономіи (Рошеръ и др.), сближенію между двумя нау-

ками, до того времени развивавшимися совершенно независимо одна отъ другой. Роджерсъ—сторонникъ исключительно историческаго метода въ политической экономіи и экономическаго содержанія въ исторіи. Высказывая даже ту мысль, что экономика въ состояніи объяснить всю историческую жизнь, онъ, подобно многимъ другимъ писателямъ, выражавшимъ тотъ же взглядъ, не обосновываетъ его теоретически путемъ научнаго анализа этой жизни во всѣ времена и у всѣхъ народовъ и путемъ изслѣдованія тѣхъ отношеній, въ какихъ находятся или могутъ находиться къ экономикѣ право, государство, мораль, религія, философія, наука и т. п. *Сказать* не значитъ еще *доказать*, а доказать то, что говоритъ Роджерсъ, можно было бы (если бы только можно было по существу дѣла) именно лишь при помощи такого анализа и такого изслѣдованія; какъ-разъ никто изъ историковъ-экономистовъ подобной теоретической работы еще и не предпринималъ. Быть можетъ, правда, для этого не наступило еще время, но пока время не пришло, слѣдуетъ воздерживаться отъ утвержденій, которыя не могутъ быть доказаны, но противъ которыхъ, наоборотъ, существуютъ доселѣ пока неопровергнутыя еще возраженія.

Историки-экономисты второй половины XIX-го вѣка, и въ ихъ числѣ самъ Роджерсъ, сдѣлали очень много для изученія прошлаго, которое мы теперь знаемъ полнѣе и во многихъ отношеніяхъ основательнѣе, чѣмъ прежде, и результаты ихъ работъ не могутъ не отразиться на общей концепціи историческаго процесса, но отсюда еще далеко до упраздненія всего, что было сдѣлано и высказано прежними историками и ихъ непосредственными преемниками въ наше время. Историки-экономисты обратили особое вниманіе на цѣлую важную сторону общественной жизни, внесли въ науку массу новыхъ фактовъ и научныхъ выводовъ; они указали на экономическія причины и условія такихъ явленій, которыя прежде разсматривались безъ всякаго отношенія къ подобнымъ причинамъ и условіямъ; они поставили наукѣ новыя задачи и выработали для ихъ рѣшенія новые методы, и все это, несомнѣнно, долженъ поставить историкамъ-экономистамъ въ заслугу, между прочимъ, и соціологъ, занимающійся теоріей историческаго процесса. Въ настоящее время экономическое направленіе заняло въ научной исторіографіи столь прочное положеніе, что вся аргументація Роджерса въ пользу важ-

ности историческаго изученія хозяйственной жизни народовъ можетъ быть признана даже запоздалою, а потому и совершенно излишнею. Мало того, нѣкоторыя изъ выше приведенныхъ мѣстъ книги Роджерса производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто онъ мало вдумывался въ то, чѣмъ въ дѣйствительности является современная историческая наука: по крайней мѣрѣ, иные изъ отмѣченныхъ имъ недостатковъ относятся уже къ пережитымъ моментамъ научнаго развитія, а то, что Роджерсъ хвалитъ, какъ своего рода новинки, имѣетъ гораздо болѣе старое происхожденіе. Но авторъ „Экономическаго объясненія исторіи“, какъ мы видѣли, этимъ не ограничивается, а высказываетъ (но не доказываетъ) ту мысль, что въ исторіи экономическіе факты важнѣе всѣхъ другихъ. Въ сущности именно онъ очень странно понимаетъ то, чему самъ даетъ имя философской исторіи,— словно она вся сводится только къ изображенію характеровъ и выясненію мотивовъ дѣятельности, притомъ однихъ лишь политическихъ персонажей исторіи; берясь же доказать предпочтительную важность экономики, онъ имѣетъ въ виду не столько провести ту мысль, что эти мотивы нужно искать главнымъ образомъ въ экономической сферѣ, сколько выставить на видъ бо̀льшую надежность экономическаго матеріала въ смыслѣ бо̀льшей его точности. Это уже другой вопросъ, какіе факты, культурные или экономическіе, легче поддаются такой обработкѣ, какой требуетъ идеалъ научной точности, но и тутъ Роджерсъ указываетъ на надежность этого матеріала не для того, чтобы противопоставить его меньшей надежности фактовъ политическихъ (о культурныхъ онъ даже не вспоминаетъ), а для того, чтобы еще разъ сдѣлать нападеніе на абстрактную политическую экономію, не имѣющую ничего общаго съ тою исторіею, которую онъ порицаетъ. Вмѣсто того, далѣе, чтобы доказывать свое положеніе общими теоретическими соображеніями, онъ иллюстрируетъ его частными примѣрами; но если бы даже каждый частный примѣръ былъ безусловно вѣренъ, т.-е. не заключалъ въ себѣ ни натяжекъ, ни пробѣловъ, и если бы такихъ примѣровъ было приведено въ сто, въ тысячу, въ десять тысячъ разъ болѣе,—это отнюдь не могло бы служить доказательствомъ того, что исторія не представляетъ примѣровъ громадной роли, какую играютъ въ жизни народовъ или отдѣльныхъ классовъ общества господствующія идеи и связанныя съ ними стре-

мленія, т.-е. вѣрованія и преданія, идеалы и правила поведенія, вообще все содержаніе интеллектуальнаго, моральнаго и политическаго міросозерцанія,—все то, замѣтимъ еще разъ, что самъ Роджерсъ какъ будто и не принимаетъ въ расчетъ, потому что вся исторія внѣ экономики чуть не цѣликомъ сводится для него къ однимъ подробностямъ походовъ и къ измѣненіямъ границъ.

Такихъ *заявленій* объ исключительной важности экономическихъ фактовъ въ исторической литературѣ сдѣлано было за послѣднее время не мало, но *доказательствъ* въ пользу этого приводилось обыкновенно столь же немного, какъ немного мы ихъ находимъ и въ книгѣ Роджерса. Между прочимъ, и въ русской исторической литературѣ было сдѣлано нѣсколько аналогическихъ заявленій.

IV. Мнѣнія нѣкоторыхъ русскихъ ученыхъ объ экономической исторіи.

Смерть Роджерса въ 1890 г. дала поводъ проф. И. В. Лучицкому, извѣстному своими трудами по новой исторіи, и между прочимъ, по исторіи землевладѣнія и крестьянскаго вопроса, высказаться въ некрологѣ Роджерса [1]) въ пользу экономическаго направленія исторіи. Уже раньше авторъ этого некролога, выступившій первоначально съ работами по культурной исторіи и по философіи исторіи (въ журналѣ „Знаніе“ въ началѣ семидесятыхъ годовъ), заявилъ о своей принадлежности „къ послѣдователямъ того направленія въ наукѣ, которое ставитъ на первомъ планѣ исторію общественнаго строя, учрежденій, экономическихъ отношеній и т. п.“ [2]), т.-е. исторію соціальную. Въ некрологѣ Роджерса онъ прямо уже говоритъ о своей солидарности съ тѣмъ исключительнымъ направленіемъ, представителемъ коего является этотъ англій-

1) „Юридическій Вѣстникъ“ за 1891 г., февраль.

2) Въ предисловіи къ русск. пер. „Исторіи новаго времени“ Зеворта (Кіевъ, 1883).

скій историкъ. По словамъ некролога, экономическое направленіе „обѣщаетъ въ близкомъ будущемъ радикально измѣнить то, что называютъ научной исторіей“. Оно,—продолжаетъ проф. Лучицкій,—„впервые придало большую осмысленность спутаннымъ фразамъ: изученіе народа, народной жизни. Благодаря ему, на первый планъ выдвинуто изученіе важнѣйшаго изъ факторовъ жизни—экономическаго фактора, и вполнѣ ясно поставлено, какъ главная задача изученія, выясненіе во всѣхъ деталяхъ процесса экономическихъ измѣненій, происходившихъ въ жизни какъ отдѣльныхъ народовъ, такъ и всей Европы, но процесса не самого лишь въ себѣ (какъ то было раньше), а въ связи съ остальными явленіями и факторами жизни. Какое вліяніе оказывали экономическія явленія на ходъ событій, какое взаимодѣйствіе существовало между экономическими факторами и тѣмъ калейдоскопомъ событій и фактовъ, который составляетъ содержаніе того, что называютъ обыкновенно исторіей,—вотъ въ чемъ дѣятели этого новаго движенія въ историко-экономической наукѣ видятъ главное условіе для созданія научной исторіи“.

Въ этихъ словахъ проф. Лучицкаго совершенно вѣрно подчеркивается важность экономическаго направленія исторіи, но мнѣ кажется, что и онъ не избѣжалъ преувеличенія. Если радикальное измѣненіе, какое онъ предсказываетъ научной исторіи, должно будетъ свестись къ исключительному господству въ наукѣ одного экономизма, какъ это представляется нѣкоторымъ послѣдователямъ направленія, то нельзя сказать, чтобы въ этомъ для науки заключался одинъ выигрышъ и не было при этомъ никакого для нея проигрыша. Дѣйствительно, прежнія представленія о народѣ, о народной жизни, о народномъ бытѣ не отличались большою ясностью и не могли не быть односторонними, пріурочиваясь лишь къ проявленіямъ „народнаго духа“, понимаемаго иногда въ довольно туманномъ смыслѣ; но едва-ли изученіе народной жизни далеко уйдетъ впередъ, если одна односторонность смѣнится другою. Быть можетъ, было время, когда слѣдовало съ особенною настойчивостью указывать на всю недостаточность изученія народности въ однихъ культурныхъ ея проявленіяхъ и доказывать громадную важность экономическаго фактора въ жизни народа; но теперь, когда едва ли кто-либо рѣшится подвергнуть сомнѣнію эту великую истину, приходится, наоборотъ, иногда напоминать, что процессъ экономическихъ

измѣненій не составляетъ еще всей исторіи. Мы уже прямо позволимъ себѣ не согласиться съ уважаемымъ собратомъ по наукѣ, чтобы такой односторонній экономизмъ, представителемъ коего является Роджерсъ, былъ въ состояніи вполнѣ осмыслить, что слѣдуетъ разумѣть подъ народною жизнью и ея изученіемъ. Какъ настоящій историкъ съ широкимъ и разностороннимъ образованіемъ, русскій защитникъ Роджерса, повидимому, мало интересовавшагося вопросами философіи и духовной культуры, невольно расширяетъ сравнительно съ Роджерсомъ задачу исторической науки, требуя, чтобы процессъ экономическихъ измѣненій изучался не самъ по себѣ, а въ своемъ взаимодѣйствіи со всѣми другими разнородными процессами исторической жизни. Краткая формула проф. Лучицкаго можетъ быть истолкована въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ тотъ, который долженъ былъ бы получиться, если бы мы не стали обращать вниманія на оговорку, могущую сдѣлаться исходнымъ пунктомъ цѣлаго разсужденія съ несомнѣннымъ конечнымъ выводомъ не въ пользу исключительнаго экономизма. Прежнее изученіе народной жизни, т.-е. жизни всего народа, а не отдѣльныхъ его слоевъ, преимущественно высшихъ, и не государства, подставляемаго на мѣсто народа, особенно прежнее изученіе быта народной массы страдало отъ игнорированія такого важнаго („важнѣйшаго“) фактора въ исторіи этого быта, какимъ является вся народная экономика: пробѣлъ въ изученіи народной жизни былъ такъ многозначителенъ, что восполненіе этого пробѣла, коимъ наука обязана экономическому направленію исторіи, должно было получить значеніе цѣлаго переворота; но, какъ это часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, новое открытіе затмило всѣ прежнія пріобрѣтенія науки, и передъ взоромъ историка на первый планъ выдвинулись не положительныя ея стороны въ прежнемъ, подлежащія сохраненію и въ будущемъ, а стороны ея дѣйствительно слабыя, которыя съ полнымъ основаніемъ желательно было бы устранить.

Полагая, что въ разсмотрѣнномъ заявленіи скрывается нѣкоторое недоразумѣніе, и что его авторъ ни въ какомъ случаѣ не согласился бы съ крайними выводами, которые можно было бы сдѣлать изъ его заявленія, толкуя послѣднее въ смыслѣ исключительнаго и потому односторонняго экономизма,—мы готовы и вообще признать, что и во всѣхъ другихъ (замѣтимъ, всегда очень краткихъ) заявленіяхъ подоб-

наго рода встрѣчающихся въ русской литературѣ, скрываются какія-либо недоразумѣнія.

Иногда недоразумѣніе подобнаго рода заключается не въ словахъ самого писателя, могущихъ по краткости или недостаточной опредѣлительности быть истолкованными въ смыслѣ односторонняго экономизма, а только въ томъ объясненіи, какое этимъ словамъ дается, хотя бы прямо они на то не уполномочивали. Можно, напр., не думать, чтобы въ основѣ исторической жизни лежалъ чисто экономическій процессъ, и въ то же время считать изученіе этого процесса наиболѣе важнымъ (напр., въ практическихъ интересахъ жизни) или наиболѣе удобнымъ (напр., въ теоретическомъ отношеніи при современномъ состояніи науки); стремленіе выдвинуть на первый планъ изученіе экономической исторіи поэтому еще не можетъ служить прямымъ доказательствомъ желанія свести всю исторію на одну экономику. Изученіе хозяйственной жизни народовъ можетъ быть названо „очереднымъ вопросомъ" исторической науки, какъ это утверждаетъ, напр., П. Н. Милюковъ въ предисловіи къ своей книгѣ о „Государственномъ хозяйствѣ Россіи и реформѣ Петра Великаго"; но когда авторъ этого труда заявляетъ, что, какъ онъ понимаетъ „современныя задачи" исторической науки, „наука эта ставитъ на очередь изученіе матеріальной стороны историческаго процесса, изученіе исторіи экономической и финансовой, исторіи соціальной, исторіи учрежденій", — это его заявленіе само по себѣ не даетъ еще, конечно, ни малѣйшаго повода поднимать вопросъ объ исторіологическомъ міросозерцаніи автора. Конечно, и указанное утвержденіе можетъ быть предметомъ спора, но это не будетъ споръ *о сущности* историческаго процесса, а будетъ *объ очередныхъ задачахъ исторической науки*: авторъ говоритъ именно не о матеріальной *основѣ*, а о матеріальной *сторонѣ* исторіи, тѣмъ самымъ предполагая въ ней существованіе и другихъ сторонъ, и утверждаетъ только то, что изученіе этой матеріальной стороны наука ставитъ на очередь предпочтительно передъ изученіемъ всѣхъ другихъ сторонъ, т.-е. совершенно обходя вопросъ о томъ или другомъ пониманіи историческаго процесса, отвлеченно взятаго; возражать автору „Государственнаго хозяйства Россіи", основываясь на буквальномъ толкованіи его словъ, можно лишь съ той точки зрѣнія, что и изученіе культурной стороны исторіи, изученіе исторіи психологической, исторіи идей и знаній, вѣ-

рованій и настроеній, идеаловъ и стремленій не должно ни въ какомъ случаѣ сходить съ очереди, какъ это, повидимому, требуется нѣкоторыми сторонниками экономическаго направленія въ исторіи [1]).

Предметъ исторической науки слишкомъ обширенъ и разнообразенъ, чтобы при занятіи этимъ предметомъ можно было обходиться безъ раздѣленія труда. Послѣднее осуществляется въ наукѣ различными способами, но, главнымъ образомъ, историки дѣлятъ между собою весь научный матеріалъ по народамъ и эпохамъ, или же интересуются преимущественно тою или другою стороною жизни въ данныхъ ли мѣстахъ и временахъ, или вообще въ исторіи всего человѣчества. До сихъ поръ въ количественномъ отношеніи, вѣроятно, преобладаютъ сочиненія по политической исторіи; особенно внѣшняя политическая исторія, т.-е. исторія международныхъ отношеній, войнъ и мирныхъ договоровъ, дипломатіи и союзовъ между государствами, составляетъ по старой памяти весьма замѣтную въ смыслѣ политическихъ сочиненій часть исторической литературы, хотя и внутренняя политическая исторія занимаетъ очень многихъ ученыхъ. Съ соціологической точки зрѣнія болѣе важное значеніе имѣетъ исторія внутренняя сравнительно съ внѣшнею, а во внутренней исторіи — культурная (духовная) и соціальная (экономическая) сторона жизни сравнительно съ стороною чисто политическою, выражающеюся въ дѣятельности правительствъ и въ борьбѣ партій за власть,— тѣмъ не менѣе нельзя отрицать научный характеръ за занятіями внѣшней и внутренней политической исторіей, безъ знанія которой притомъ довольно мудрено имѣть вѣрное представленіе о духовномъ и матеріальномъ бытѣ народа. Научность или ненаучность историческихъ занятій зависитъ не отъ *предмета* изслѣдованія, а отъ *отношенія* къ нему: можно очень научно заниматься самыми пустыми предметами и ненаучно—самыми серьезными вещами. Если масса научной работы тратится на мелочи и на второстепенные вопросы, когда крупныя явленія и важные вопросы остаются неразработанными, можно выражать сожалѣніе о *выборѣ* предмета—и тѣмъ

[1]) Въ настоящее время П. Н. Милюковъ печатаетъ въ „Мірѣ Божіемъ" интересные очерки по русской исторіи, но мы подождемъ ихъ окончанія, чтобы высказаться о положенной въ ихъ основу общей исторической концепціи.

бо́льшее, чѣмъ научнѣе *способъ* его разработки, и наоборотъ, чѣмъ менѣе наученъ этотъ способъ, но чѣмъ удачнѣе выборъ предмета, тѣмъ болѣе приходится сожалѣть о томъ, что *методъ* не соотвѣтствуетъ *темѣ*. Когда рѣчь идетъ не о томъ, *что* изслѣдуется, а о томъ, *какъ* изслѣдованіе производится, только тогда и можетъ подниматься вопросъ о научности въ смыслѣ соблюденія извѣстныхъ условій работы, и съ этой стороны говорить объ исключительной научности лишь того или другого направленія исторической литературы не приходится. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, нельзя не признать и того, что научность выражается не въ одномъ лишь методѣ, а и въ общемъ представленіи исторіи; но тутъ, главнымъ образомъ, ненаучными можно назвать лишь такія направленія, которыя получаютъ исключительный характеръ, когда, напр., историкъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ занимающійся лишь одною стороною исторической жизни, лишь свои занятія считаетъ научными въ силу лишь одного выбора предмета, отрицая научное значеніе за работами, имѣющими другое содержаніе. Ненаучна именно всякая исключительность, разъ при опредѣленіи научности или ненаучности ставится на первый планъ вопросъ не о томъ, какъ человѣкъ занимается, а чѣмъ занимается, хотя, конечно, еще горшимъ зломъ бываетъ исключительный интересъ къ методу при совершенно индифферентномъ отношеніи къ предмету. Между тѣмъ и въ нашей ученой литературѣ было высказано мнѣніе, будто одно только занятіе „матеріальной исторіей“ можетъ быть вполнѣ научно, по крайней мѣрѣ, при современномъ состояніи науки. Такое заявленіе мы относимъ тоже къ числу экономическихъ увлеченій, основанныхъ на явныхъ недоразумѣніяхъ. На немъ не мѣшаетъ также нѣсколько остановиться.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ вышла въ свѣтъ на англійскомъ языкѣ книга проф. П. Г. Виноградова „Villainage in England“, между прочимъ, послужившая предметомъ обстоятельной статьи Д. М. Петрушевскаго въ декабрьской книгѣ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за 1892 г. Въ этой статьѣ есть нѣсколько страницъ, посвященныхъ авторомъ доказательству того, что единственно научнымъ направленіемъ исторической литературы является экономическое. Читая эти страницы, можно подумать, что авторъ книги, разбираемой рецензентомъ, самъ держится подобнаго же взгляда, но приводимая самимъ же г. Петрушевскимъ

формулировка современныхъ задачъ исторической науки не даетъ ни малѣйшаго права для того, чтобы сдѣлать такое заключенiе.

Проф. Виноградовъ, дѣйствительно, до сихъ поръ занимался преимущественно экономической исторiей; таково главное значенiе его магистерской и докторской диссертацiй: „Происхожденiе феодальныхъ отношенiй въ лонгобардской Италiи“ и „Изслѣдованiя по социальной исторiи Англiи въ средніе вѣка“, равно какъ упомянутаго труда „Villainage in England“, представляющаго изъ себя переработку докторской диссертацiи. Нигдѣ, однако, проф. Виноградовъ не заявлялъ, чтобы предпочтенiе, оказываемое имъ „матерiальной“ исторiи, объяснялось не тѣмъ, что онъ лично чувствуетъ бо̀льшую склонность и обнаруживаетъ бо́льшую способность къ занятiю подобнаго рода темами, а тѣмъ, чтобы, по его мнѣнiю, только занятiе именно такими темами было единственно научнымъ. Главный предметъ научныхъ изслѣдованiй проф. Виноградова — западно-европейскiй феодализмъ, и дѣйствительно, *въ сферѣ этого вопроса*, который долго рѣшался почти исключительно на почвѣ политической исторiи (вопросъ о разложенiи государства), развитiемъ исторической науки выдвинута на очередь задача изслѣдованiя экономическихъ отношенiй и факторовъ, легшихъ въ основу и создавшихъ многiя характерныя особенности феодализма. Конечно, и самыми свойствами своей специальной темы, и необходимостью при современномъ состоянiи вопроса направить изслѣдованiе въ строго опредѣленную сторону нашъ историкъ феодализма могъ легко быть приведенъ къ тому, чтобы обронить мимоходомъ нѣсколько выраженiй, которыя легко поддаются толкованiю въ смыслѣ возведенiя экономизма на степень первенствующаго принципа исторической науки. Мнѣ кажется, что именно такiя бѣглыя замѣчанiя проф. Виноградова и должны были послужить поводомъ къ занесенiю автора „Вилленэджа въ Англiи“ его рецензентомъ въ число исключительныхъ сторонниковъ экономизма въ исторiи. Поэтому прежде, чѣмъ мы познакомимся съ аргументацiей г. Петрушевскаго, остановимся немного на нѣкоторыхъ его заявленiяхъ относительно общаго значенiя экономическаго элемента въ исторiи.

Во второмъ своемъ трудѣ проф. Виноградовъ даетъ краткiй очеркъ литературы по исторiи феодализацiи и, между прочимъ, отмѣчаетъ тотъ фактъ, что всѣ ученые до Маурера

„исходили въ своихъ работахъ отъ политическихъ и культурныхъ вопросовъ“, и, что „касаясь по необходимости земледѣлія и сословной системы, они разсматривали ихъ съ обще-политической точки зрѣнія“. „Явленія хозяйства,—прибавляетъ авторъ,—которыя составляютъ какъ бы *внутреннюю сторону* этихъ фактовъ, остались за предѣлами изложенія“. Но „вмѣсто того, чтобы двигаться отъ цѣлаго къ частямъ, привлекать соціальную исторію только къ объясненію политической“, Мауреръ (и въ этомъ его заслуга) „сосредоточилъ все вокругъ разбора владѣльческихъ и хозяйственныхъ отношеній простѣйшаго союза—марки“ (Изслѣдованія, стр. 23). Это совершенно вѣрно, и, разумѣется, точка зрѣнія Маурера только *дополняетъ*, но отнюдь не *исключаетъ* прежней точки зрѣнія. Еще подробнѣе указалъ на то же самое проф. Виноградовъ въ другомъ своемъ сочиненіи, гдѣ онъ также противополагаетъ ученымъ, изслѣдовавшимъ процессъ феодализаціи съ политической точки зрѣнія, школу, которая разбираетъ этотъ процессъ, какъ выражается самъ авторъ, „съ *внутренней*“, такъ сказать, „*стороны*“, останавливаясь главнымъ образомъ „на выражающемся въ немъ (процессѣ) измѣненіи экономическаго строя, *отъ коего непосредственно зависятъ* измѣненія въ правѣ государственномъ“ (Происхожденіе, 10). Само собою разумѣется, что въ данномъ отношеніи проф. Виноградовъ совершенно правъ, но едва-ли, казалось намъ уже при первомъ чтеніи приведенныхъ мѣстъ, позволительно обобщать явленія подобнаго рода и видѣть въ соціальномъ процессѣ *внутреннюю* сторону и даже основу процесса историческаго, въ коемъ перемѣнамъ политическимъ и культурнымъ въ такомъ случаѣ принадлежало бы значеніе чего-то уже болѣе внѣшняго и поверхностнаго. Въ такомъ смыслѣ нашъ историкъ проговаривается, однако, не разъ, указывая, напр., на важность, какую имѣетъ для науки соціальный процессъ не только самъ по себѣ, но и по заключающемуся въ немъ объясненію многаго такого, „что̀ происходитъ *надъ нимъ* въ исторіи государства и духовной культуры“ (Изслѣд., предисл.). Въ одномъ еще мѣстѣ своей второй книги проф. Виноградовъ также говоритъ о томъ „историческомъ материкѣ, который служитъ прочною *основою* для всѣхъ измѣненій поверхности, а самъ поддается только медленнымъ и постепеннымъ измѣненіямъ“ (стр. 6). Онъ не указываетъ здѣсь, что̀ же именно можно обозначать такимъ образомъ, но изъ даль-

нѣйшихъ его словъ о значенiи „исторiи римскаго права въ средніе вѣка“ видно, что такимъ „материкомъ“ онъ считаетъ „установившееся теченіе юридической и общественной жизни“ (стр. 7). Или, напр., отмѣчая тотъ фактъ, что въ Англiи „хозяйственная практика сохраняла и вырабатывала группировку силъ, интересовъ и обычныхъ отношенiй, гораздо болѣе многообразную и жизненную, нежели искусственная группировка по правамъ, принятая въ судахъ“, проф. Виноградовъ прибавляетъ, что „реакцiя этихъ послѣднихъ отношенiй на поверхность заслуживаетъ такого же вниманiя, какъ и давленіе поверхности на собирающiеся подъ нею факты“ (стр. 94). Новымъ изслѣдованiямъ часто приходится констатировать, что въ обществѣ, нерѣдко наперекоръ образовавшемуся праву, дѣйствуетъ теченіе фактическихъ отношенiй, парализующее дѣйствіе юридическихъ опредѣленiй и прокладывающее дорогу къ развитiю ихъ на новыхъ началахъ (стр. 59, 66, 74, 94, 105, 106); но, съ нашей точки зрѣнiя, нужно было бы еще доказать предположеніе о томъ, что одно есть основа, а другое—поверхность, что одно создается естественно, а другое—искусственно. Между тѣмъ, не только въ приведенномъ мѣстѣ, гдѣ на то было прямое основаніе, но и вообще проф. Виноградовъ противополагаетъ въ своихъ книгахъ юридическую классификацiю хозяйственной, какъ искусственную естественной (стр. 105), хотя, по его же собственному опредѣленiю, цѣли общественной группировки людей всѣхъ сословiй суть и хозяйственныя, и юридическiя (стр. 107), и хотя, прибавимъ мы, естественное и искусственное, т.-е. безсознательно складывающееся и сознательно установляемое бываетъ и въ области хозяйства, и въ области права, такъ что экономическiй процессъ не имѣетъ преимущества особой естественности въ сравненiи съ процессомъ юридическимъ, яко бы совершенно искусственнымъ.

Понятно, что по отрывочнымъ замѣчанiямъ, которыя разбросаны тамъ и сямъ и только тутъ нами сопоставлены, мы не имѣемъ права создавать какого-либо представленiя объ общемъ историческомъ мiросозерцанiи автора книги, сдѣлавшейся для г. Петрушевскаго предметомъ спецiальнаго разбора; но мѣста эти и другiя имъ подобныя способны тѣмъ не менѣе произвести такое впечатлѣніе, будто, дѣйствительно, по мнѣнiю проф. Виноградова, экономическая исторiя составляетъ основу и самое, такъ сказать, „нутро“ историческаго про-

цесса, въ коемъ политика и культура поэтому являются чѣмъ-то поверхностнымъ и внѣшнимъ. Во избѣжаніе недоразумѣнія считаемъ нужнымъ подчеркнуть, что лично мы далеки отъ того, чтобы приписывать проф. Виноградову такое общее пониманіе историческаго процесса: когда изъ-подъ его пера выходили подобныя фразы, онъ, очевидно, думалъ не объ историческомъ процессѣ вообще, а о томъ частномъ процессѣ феодализаціи, который онъ подвергъ своему изслѣдованію, выдвинувъ притомъ, по необходимости, на первый планъ факторъ экономическій.

Обратимся теперь къ г. Петрушевскому. Разбору англійской книги проф. Виноградова онъ предпослалъ, какъ совершенно самостоятельное введеніе, теоретическую попытку формулировки основныхъ положеній „матеріальнаго", какъ самъ онъ выражается, направленія исторіи, которое онъ отличаетъ, однако, самъ отъ „экономическаго матеріализма". Это введеніе имѣетъ совершенно самостоятельное значеніе: это—попытка формулировать основныя положенія матеріальнаго направленія, противопоставивъ его культурному, какъ научное—отсталому. Если бы со стороны культурныхъ историковъ противъ матеріальныхъ поднялись тѣ обвиненія, о какихъ говоритъ авторъ, обвиненіе въ „униженіи исторіи", обвиненіе въ „превращеніи ея изъ назидательной и возвышающей душу науки въ какую-то испещренную сухими цифрами счетную книгу" и т. п. (стр. 311), я, напр., первый сталъ бы защищать матеріальное направленіе, какъ необходимое, законное, правильное, полезное, поскольку оно изучаетъ весьма и весьма важную сторону исторической жизни; но, сколько мнѣ извѣстно, никто на матеріальную исторію съ такой точки зрѣнія нападенія не дѣлалъ. До самаго послѣдняго времени вопросъ объ экономическомъ направленіи въ исторіи почти совсѣмъ вообще не затрогивался не только въ нашей, но и въ западно-европейскихъ литературахъ, а если это направленіе и критиковалось, то лишь въ случаѣ его крайностей, причемъ никто не оспаривалъ важнаго значенія историко-экономическихъ изслѣдованій. Г. Петрушевскій представляетъ, однако, дѣло такимъ образомъ, будто на это направленіе поднялся даже цѣлый походъ. „Конечно,—соглашается онъ,—возможны историки, готовые весь историческій процессъ свести на экономическое, напр., развитіе. Но,—совершенно резонно замѣчаетъ онъ,—вѣдь это крайность, односторонность", и онъ думаетъ по-

этому, что „видѣть въ крайностяхъ точную формулировку новаго направленія значитъ *въ пылу полемики* не понимать смысла совершающейся въ области исторической науки перемѣны“ (стр. 311). Нѣсколько выше на той же страницѣ, откуда выписаны эти слова, онъ говоритъ еще и такъ: „замѣтивъ нѣсколько примѣровъ крайностей въ увлеченіи матеріальной исторіей, вполнѣ естественныхъ во всякомъ живомъ и новомъ дѣлѣ, культурные историки *ударили въ набатъ*, призывая всѣхъ, кому еще дороги интересы человѣческаго прогресса, идеальные порывы и стремленія, на защиту науки отъ вторженія матеріалистовъ“. По правдѣ сказать, недоумѣваешь, о какой полемикѣ идетъ здѣсь рѣчь, гдѣ и когда культурные историки били въ набатъ. Замѣчу еще, что напрасно авторъ думаетъ, будто „экономическій матеріализмъ“ сталъ „бранным словомъ въ устахъ культурныхъ историковъ“ (стр. 311): это названіе придумано, во-первыхъ, не культурными историками, а самими послѣдователями исторіологической концепціи Маркса и Энгельса, а во-вторыхъ, объ этомъ (крайнемъ, какъ говоритъ и самъ авторъ) направленіи писали до сихъ поръ, какъ мы увидимъ, главнымъ образомъ, его сторонники, скорѣе склонные гордиться этимъ названіемъ, чѣмъ чувствовать въ немъ какое-либо неудобство.

Общій характеръ высказываемыхъ г. Петрушевскимъ взглядовъ опредѣляется тѣмъ, что авторъ весьма рѣзко выдѣляетъ „представителей научной и *пока матеріальной* (курсивъ въ подлинникѣ) исторіи“ изъ среды дѣятелей исторической науки вообще, находя, что лишь первые предъявляютъ строгія требованія къ дѣлу научнаго изслѣдованія, и вмѣстѣ съ тѣмъ полагая, что остальные историки мало чѣмъ въ этомъ отношеніи отличаются отъ читающей публики, т.-е. отъ профановъ: „конечно,—говоритъ онъ,—многія изъ тѣхъ рѣшеній культурныхъ вопросовъ, которыя казались и кажутся какъ культурнымъ историкамъ, такъ и массѣ читающей публики безспорными и являются твердо установленными принципами для сужденій и практической дѣятельности, на взглядъ матеріальной исторіи оказываются даже и вовсе не рѣшеніями, а лишь апріорными утвержденіями, часто болѣе свидѣтельствующими о нравственной и художественной, чѣмъ о научной высотѣ ихъ авторовъ“ (стр. 312). „Разногласіе между матеріальными историками и историками культурными сводится“ у автора между прочимъ къ тому, что первые „не

могутъ признать плодотворными широкія обобщенія культурныхъ историковъ, сознательно или безсознательно превышающихъ свою научную компетенцію“ (стр. 313). За культурными историками, наконецъ, снисходительно признаётся значеніе, главнымъ образомъ, лишь „предшественниковъ“ настоящей науки (стр. 309). Такимъ образомъ, соглашаясь съ тѣмъ, что экономическій матеріализмъ есть односторонность, авторъ тѣмъ не менѣе самъ впадаетъ въ исключительность, хотя и нѣсколько иного характера, нежели сторонники экономическаго матеріализма. Послѣдніе полагаютъ, что историческій процессъ по существу дѣла есть процессъ экономическій. Нашъ авторъ этого не говоритъ, но онъ утверждаетъ, что лишь одна матеріальная исторія можетъ теперь научно разрабатываться. Однако, послѣднее нужно еще доказать. Я вовсе не хочу во всемъ защищать всѣхъ культурныхъ историковъ, но думаю, что научность не есть привилегія однихъ только матеріальныхъ историковъ, и что, напр., послѣдніе сами не застрахованы ничѣмъ отъ „апріорныхъ утвержденій“, ибо наклонность къ такимъ утвержденіямъ или отвращеніе отъ нихъ есть свойство индивидуальнаго ума, а не результатъ предмета, коимъ человѣкъ занимается. Да и утвержденіе г. Петрушевскаго тоже вѣдь грѣшитъ апріорностью: дѣлаясь исходнымъ пунктомъ складывающагося направленія, оно принимается за доказанное или даже по своей несомнѣнности за не подлежащее доказательству.

Отождествляя одну матеріальную исторію съ исторіей научной, нашъ авторъ идетъ и далѣе, изображая всю ненаучность культурной исторіи, подъ которою онъ разумѣетъ „ту отрасль историческаго знанія, которая слѣдитъ за ростомъ идей и смѣной общественныхъ настроеній. Безъ преувеличенія можно сказать,—продолжаетъ онъ,—что культурный историкъ смотритъ на общественный процессъ съ точки зрѣнія индивидуальной психологіи“, ибо „для него общество... все тотъ же индивидуумъ“, а „при такомъ взглядѣ на вещи дѣло изслѣдователя чрезвычайно облегчается: все становится совершенно просто и ясно“ (стр. 310). Указавъ на то, что „такъ называемое *матеріальное направленіе* въ исторической наукѣ... встрѣтило если не всегда прямо враждебные, то во всякомъ случаѣ косые взгляды со стороны представителей культурной исторіи“, авторъ между прочимъ замѣчаетъ, будто культурные историки стали обвинять представителей новаго

направленія въ томъ, что они поставили-де на „мѣсто подвиговъ военныхъ героевъ и гражданскихъ доблестей“—„таблицы урожаевъ и заработной платы или бюджетныя росписи“, что „движущими факторами, вмѣсто возвышенныхъ идей, руководящихъ дѣятельностью царей, пророковъ и первосвященниковъ“, они-де признаютъ „насущныя будничныя потребности и стремленія общественныхъ классовъ и нужды государства“ (стр. 311). По представленію автора, культурные историки весьма „просто рѣшаютъ самыя сложныя и запутанныя проблемы исторической жизни“ (стр. 311), такъ какъ, изучая ростъ идей, они „изолируютъ послѣднія отъ ихъ среды и ограничиваются установленіемъ отношеній между ними чисто логическимъ путемъ: матеріальная среда для нихъ, въ сущности,—косная масса, важная постольку, поскольку она преобразовывается подъ творческимъ воздѣйствіемъ идеи, родившейся, развившейся и воплотившейся въ образѣ выдающейся личности, героя“ (стр. 310). Данное здѣсь опредѣленіе культуры мы находимъ слишкомъ узкимъ: подъ культурою, цивилизаціей, внутренней исторіей разумѣютъ обыкновенно нѣчто бо́льшее, чѣмъ однѣ идеи, да и сама культурная исторія возникла, какъ противоположность той политической исторіи, которая именно слишкомъ много, по словамъ какъ-разъ самихъ же культурныхъ историковъ, занималась „подвигами военныхъ героевъ“ и „дѣятельностью царей, пророковъ и первосвященниковъ“, будто бы, какъ это выходитъ у г. Петрушескаго, поглощающихъ все вниманіе культурныхъ историковъ въ настоящее время. Другими словами, г. Петрушевскій ставитъ въ вину культурнымъ историкамъ какъ-разъ то, въ чемъ они сами обвиняли историковъ политическихъ (или прагматическихъ), тогда какъ именно на почвѣ культурнаго направленія и родилось впервые стремленіе объяснять историческія перемѣны не дѣятельностью отдѣльныхъ лицъ, а настроеніями и стремленіями всего общества. Неправда также, что культурная исторія ставитъ всѣ вопросы на почву индивидуальной психологіи, ибо если у кого и являлась мысль о расширеніи психологіи индивидуальной въ коллективную, то именно у культурныхъ историковъ, признавшихъ недостаточность психологіи, которая имѣетъ дѣло съ отдѣльною личностью, а не съ процессами и результатами взвимодѣйствія личностей. Потому не менѣе матеріальныхъ историковъ культурные всегда желали проникнуть въ

ИСЭИ

ИСЭИ ИСЭИ ИСЭИ
ИСЭИ ИСЭИ ИСЭИ

„стремленія общественныхъ классовъ“, и, именно изучая ростъ идей, они не считали нужнымъ брать ихъ въ отвлеченіи отъ общественной среды, которую опять-таки развѣ самые плохіе изъ нихъ представляли себѣ какою-то косною массою. Авторъ говоритъ, будто бы для культурныхъ историковъ эта масса важна лишь постольку, поскольку она преобразовывается идеей, всецѣло принадлежащей „герою“. Совсѣмъ, повторяемъ, напротивъ: очень часто культурные историки приписываютъ какъ-разъ массѣ, обществу, толпѣ порожденіе новыхъ идей, принижая черезъ-чуръ, наоборотъ, индивидуальную инициативу, а романтическій культъ героевъ у культурныхъ историковъ давнымъ-давно преданъ забвенію.

Культурнымъ историкамъ ставятся въ вину еще произвольныя обобщенія, словно послѣднія такъ-таки уже и невозможны у матеріальныхъ историковъ. Научному историку,— говоритъ еще авторъ,—„приходится устранять изъ научнаго оборота цѣлую массу метафоръ и другихъ чисто стилистическихъ украшеній“, но, къ сожалѣнію, высказывая эту совершенно вѣрную мысль, самъ г. Петрушевскій, напр., далекъ отъ того, чтобы ей слѣдовать въ собственной аргументаціи, направленной противъ культурныхъ историковъ. „Процессъ броженія“, происходящій въ сферѣ общественныхъ наукъ, и историческая точка зрѣнія, какъ „ферментъ, произведшій „броженіе“ (стр. 307), суть, конечно, въ разсужденіяхъ г. Петрушевскаго только стилистическія украшенія, которыя въ особую вину автору мы не ставимъ, но когда онъ говоритъ „о матеріальной средѣ“ культурныхъ идей (стр. 310), прежде всего подлежащей изученію, когда онъ рекомендуетъ начинать послѣднее не съ „высшихъ отправленій общественнаго организма“, а съ „структуры“, генезиса и развитія самого общественнаго организма и его элементарныхъ отправленій“, когда совѣтуетъ предварительно „запастись вполнѣ отчетливымъ представленіемъ о матеріальной почвѣ, выращивающей культурные плоды“ (стр. 312), — во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло уже съ метафорическою терминологіей, замѣняющей собою доказательство. „Общественный организмъ“ есть метафора; „отправленія“ этого организма—другая метафора; „матеріальная почва“, взятая не въ буквальномъ смыслѣ,—третья; выращиваніе ею культурныхъ плодовъ—четвертая. Между тѣмъ тутъ заключается цѣлая аргументація, сама по себѣ не убѣдительная, ибо фи-

зіологическія или агрономическія понятія могутъ фигурировать въ соціологическомъ разсужденіи развѣ только въ качествѣ стилистическихъ украшеній, которыя, дѣйствительно, нужно устранять, если эти метафоры должны играть роль доводовъ. Г. Петрушевскій высказывается противъ выраженій— „національный характеръ“, „народный духъ“ и т. п., называя ихъ „запаснымъ фондомъ, откуда ученый черпаетъ каждый разъ, когда у него не хватаетъ собственныхъ средствъ распутать сложный вопросъ, остановившій его вниманіе“,— и сравнивая эти выраженія съ „жизненной силой“ въ естественныхъ наукахъ. Но дѣло въ томъ, что въ подобномъ смыслѣ давнымъ-давно „народный духъ“ не употребляется, а въ томъ значеніи, въ какомъ выраженіе это употребляется, оно ничѣмъ не хуже выраженія „общественный организмъ“. Впрочемъ, главная мысль автора—та, что въ дѣлѣ изученія общественныхъ явленій нужно начинать съ простѣйшаго, а таковымъ представляется ему экономическая жизнь. Этимъ соображеніемъ онъ объясняетъ и самое происхожденіе экономическаго направленія: по его словамъ, представители исторической науки пришли къ мысли, въ силу которой „нужно начинать дѣло изученія общественныхъ явленій съ простѣйшихъ элементовъ и элементарнѣйшихъ процессовъ“ (стр. 311): „*матеріальная исторія* и ея крайняя школа, экономическій матеріализмъ [1]),—говоритъ онъ еще,— вызваны къ жизни новымъ научнымъ направленіемъ,... сущность котораго заключается въ томъ, что его представители прежде, чѣмъ изучать развитіе высшихъ отправленій общественнаго организма, поставили своею ближайшею цѣлью изслѣдованіе структуры, генезиса и развитія самого общественнаго организма и изученіе его элементарныхъ отправленій, вовсе не предрѣшая вопроса о роли идей въ общественномъ развитіи и притомъ непремѣнно въ смыслѣ неблагопріятномъ для лучшей стороны человѣческой природы“ (стр. 312).

[1]) Едва ли настоящіе экономическіе матеріалисты согласились бы съ г. Петрушевскимъ, такъ какъ они, случается, прямо противополагаютъ свою историческую теорію простому экономическому направленію. Мерингъ въ своей статьѣ (стр. 500), о которой рѣчь у насъ будетъ итти ниже, приписываетъ буржуазную идеолагію Лампрехту, „dem namhaftesten Vertreter der sogenannten *wirthschaftsgeschichtlichen* Richtung“.

Только-что приведенныя слова нельзя оставить безъ самаго подробнаго разбора. Во-первыхъ, нужно еще доказать, что экономическая сторона исторіи проще и элементарнѣе стороны психологической. Мы думаемъ, что и въ матеріальной, и въ духовной жизни есть явленія и процессы одинаково и очень простые, и очень сложные, такъ что утверждать, будто всѣ соціальныя явленія, выростающія на почвѣ матеріальной жизни, проще культурныхъ явленій, имѣющихъ корень въ жизни психической, не представляется возможнымъ. Въ видѣ особаго аргумента я могъ бы привести г. Петрушевскому мнѣніе одного моего коллеги по историческому преподаванію, который, защищая самъ преимущественное право соціальной исторіи быть предметомъ университетскаго преподаванія, ссылался, наоборотъ, на то, что культурныя явленія, какъ болѣе простыя и потому болѣе доступныя, могутъ легче усваиваться студентами изъ самостоятельнаго чтенія, тогда какъ усвоеніе явленій соціальныхъ требуетъ особаго напряженія ума и потому нуждается въ помощи профессора. Я съ этимъ доводомъ не соглашаюсь, ибо самъ разсуждаю такъ: въ преподаваніи необходимо освѣщать обѣ стороны исторіи, ибо обращеніе вниманія на одну какую-нибудь сторону можетъ развить у студента одностороннюю концепцію исторіи, и сдѣлавшись даже спеціалистомъ въ духѣ извѣстнаго направленія, онъ можетъ обнаруживать недостаточное пониманіе всего того, что только подъ это направленіе не подходитъ. Привожу, однако, чужое мнѣніе потому, что не всѣ, стало быть, защитники матеріальнаго направленія думаютъ такъ, какъ г. Петрушевскій, да и самъ я готовъ согласиться съ тѣмъ, что во многихъ отношеніяхъ матеріальная исторія труднѣе, чѣмъ культурная (а потому, прибавлю, и менѣе пригодна для того, чтобы служить введеніемъ въ изученіе исторіи). Далѣе, сама матеріальная (экономическая, соціальная) жизнь народа состоитъ изъ процессовъ, въ коихъ присутствуетъ психическій элементъ, и иногда очень и очень сложныя экономическія комбинаціи объясняются весьма простыми духовными факторами. Наконецъ, авторъ не совсѣмъ вѣрно представляетъ генезисъ экономическаго матеріализма, полагая, что онъ явился, лишь какъ болѣе крайнее выраженіе „экономическаго направленія“, тогда какъ онъ долженъ былъ бы играть роль особой исторіологической идеи и служить обоснованіемъ цѣлаго общественнаго міросозерцанія. Внѣ этого послѣдняго направленія исто-

рики весьма естественно обратились къ изученію матеріальнаго быта потому, что важность его была признана самою жизнью, но никто при этомъ не думалъ, чтобы обращеніе исторической науки къ новому предмету лишало всѣхъ, работающихъ историческимъ же методомъ надъ другими объектами, именно культурными, т.-е. религіей, философіей, литературой, искусствомъ и т. п.,—права называться научными дѣятелями.

И культурныя, и соціальныя явленія, находящіяся въ постоянномъ взаимодѣйствіи, имѣютъ разную въ разныхъ случаяхъ степень простоты или сложности, такъ что нельзя утверждать, будто всѣ соціальныя явленія проще явленій культурныхъ или составляютъ ихъ почву. Общая почва и тѣхъ, и другихъ есть взаимодѣйствіе между членами общества, психическое или матеріальное, взаимный обмѣнъ мыслей или матеріальныхъ предметовъ и услугъ, т.-е элементарные факты коллективной психологіи и политической экономіи; но въ обѣихъ наукахъ одинаково встрѣчаются и очень простые явленія и процессы, и очень сложные, причемъ, однако, самый простой фактъ обмѣна предметовъ и услугъ уже заключаетъ въ себѣ психическій моментъ, и, наоборотъ, самый первоначальный обмѣнъ мыслей, порождающій духовную культуру, предполагаетъ и существованіе матеріальнаго взаимодѣйствія между отдѣльными индивидуумами. Ни психологія сама по себѣ, ни политическая экономія сама по себѣ такимъ образомъ не могутъ объяснить намъ всей исторіи. Г. Петрушевскій правъ, когда говоритъ, что культурные историки должны „отказаться отъ всякихъ притязаній на исчерпывающее рѣшеніе“ (стр. 312), но вопросъ въ томъ, гдѣ и когда культурными историками заявлялись подобныя притязанія? Вообще всякая притязательность, гдѣ бы она ни появлялась, не должна имѣть мѣста въ научномъ дѣлѣ. И, конечно, не мы стали бы защищать культурныхъ историковъ, если бы они только за одними собою признавали научную правовѣрность, а всѣ остальныя мнѣнія считали бы ересями,—не стали бы защищать ихъ потому, что величайшая и дѣйствительная ересь въ наукѣ есть лишь нетерпимая ортодоксальность.

Мы разсматривали до сихъ поръ одни примѣры увлеченія экономическою стороною, встрѣчаемаго у современныхъ историковъ и объясняющагося, на нашъ взглядъ, тѣмъ, что ко всякому новому научному направленію всегда относятся

съ преувеличенными ожиданіями и, разумѣется, съ преувеличенными требованіями: то, что̀ объяснило *многое*, въ такихъ случаяхъ должно обыкновенно объяснить *все*. Притомъ спеціальныя занятія въ какой-либо научной области всегда создаютъ преувеличенное и о ней мнѣніе: что̀ человѣкъ лучше остального знаетъ, то́ и кажется ему наиболѣе важнымъ. Мы видѣли, что увлеченію экономизмомъ предшествовали увлеченія юридическое и историко-литературное, но мы могли бы прибавить къ этому еще примѣры увлеченія философскаго или естественно-историческаго, когда думали объяснять всю исторію не изъ нея самой, а изъ абстрактныхъ законовъ духа или изъ физическихъ условій внѣшней природы.

V. Происхожденіе и содержаніе экономическаго матеріализма, какъ исторической теоріи.

Экономическій матеріализмъ возникъ приблизительно тогда же, когда положено было начало и исторической школѣ въ экономической наукѣ, т.-е. въ серединѣ нынѣшняго столѣтія, но заставилъ онъ о себѣ говорить только за послѣднее, сравнительно весьма недавнее время. Не такъ давно, отмѣчая теоретическую неразработанность исключительнаго экономизма въ исторіи, намъ пришлось упомянуть о томъ, что въ одной ученой нѣмецкой книгѣ, въ коей обстоятельно разсматривалось отношеніе исторіи къ другимъ наукамъ, вопросъ объ отношеніи ея къ политической экономіи не былъ совсѣмъ затронутъ. Теперь эта книга,—я говорю о „Lehrbuch der historischen Methode“ Эрнста Бернгейма,—вышла вторымъ изданіемъ черезъ пять лѣтъ послѣ перваго, и лишь въ этомъ новомъ изданіи впервые, да и то очень коротко (всего на трехъ-четырехъ страницахъ) разсматривается экономическій матеріализмъ [1]). Еще менѣе заставляла говорить о себѣ эта общая концепція историческаго процесса лѣтъ за десять и болѣе того. Собирая и изучая сочиненія по теоріи исторіи

[1]) Въ книгѣ James Bonar. Philosophy and political economy in some of their historical relations (London, 1893) объ экономическомъ матеріализмѣ едва упоминается, стр. 345 и слѣд.

для своихъ „Основныхъ вопросовъ философіи исторіи“ (1883 г.), мы въ массѣ книгъ и статей, съ которыми приходилось знакомиться, не встрѣчали трактатовъ, посвященныхъ исключительно обоснованію той точки зрѣнія, что въ основѣ историческаго процесса лежитъ одинъ процессъ экономическій, да и потомъ, переиздавая (1887 г.) названную книгу, не имѣли никакого повода для того, чтобы отмѣтить среди разныхъ историко-философскихъ направленій, сколько-нибудь представленныхъ въ литературѣ по теоріи исторіи, направленіе, сводящее всю культурную и соціальную жизнь къ одной экономической основѣ. Точно также и никто изъ критиковъ „Основныхъ вопросовъ философіи исторіи“,—а въ этихъ критикахъ недостатка не было,—не ставилъ въ вину нашей книгѣ того, что она обошла полнѣйшимъ молчаніемъ экономическій матеріализмъ. Правда, уже существовали и прежде историческіе труды, въ коихъ къ той или другой части прошлаго *примѣнялась* такая точка зрѣнія, но не было трактатовъ, въ коихъ *доказывалась бы* ея исключительная истинность, да и всѣ труды, въ коихъ мы находимъ примѣненіе этой точки зрѣнія, мало чѣмъ отличались отъ общей историко-экономической литературы, не предполагающей непремѣннаго признанія за экономическимъ процессомъ значенія единственной основы всей исторической жизни народовъ. Нужно замѣтить, что и въ настоящее время литература экономическаго матеріализма, какъ ученія, *обосновывающаго себя теоретическимъ образомъ*, весьма незначительна, и въ томъ сравнительно небольшомъ спискѣ книгъ, брошюръ и статей, которыя примыкаютъ къ этому направленію, бо́льшая часть посвящена или *популяризаціи* основныхъ положеній экономическаго матеріализма, или *примѣненію* ихъ къ разсмотрѣнію дѣйствительной исторіи, какъ будто истинность исходнаго пункта доктрины уже доказана, обоснована и стоитъ внѣ всякаго спора. Популяризаторы идеи экономическаго матеріализма не скрываютъ незначительнаго количества написанныхъ въ его духѣ сочиненій, но, перечисляя ихъ, иногда пристегиваютъ къ нимъ труды, принадлежащіе лишь вообще къ экономическому направленію въ исторіи, а потому и не могущіе быть включенными въ такіе списки: экономическій матеріализмъ есть нѣчто весьма опредѣленное, и не всякій историкъ-экономистъ или экономистъ-историкъ можетъ считаться представителемъ экономическаго матеріализма (примѣръ — хотя бы

тотъ же Роджерсъ). Какая въ этомъ отношенiи разница съ дарвинистической литературой, въ которой обосновываются, разрабатываются теоретически, популяризуются и примѣняются къ объясненiю фактовъ принципы, завоевавшiе въ короткое время весь ученый мiръ! между тѣмъ популяризаторы экономическаго матерiализма сравниваютъ это ученiе именно съ ученiемъ Дарвина: одно, по ихъ словамъ, совершило переворотъ въ бiологiи, другое произвело точно такой же переворотъ въ соцiологiи, но они забываютъ только одну вещь, что у новаго бiологическаго ученiя *есть основная книга* („О происхожденiи видовъ“ Дарвина), тогда какъ у экономическаго матерiализма *такой книги нѣтъ*, и это, между прочимъ, заявилъ, какъ мы увидимъ, одинъ изъ защитниковъ основной точки зрѣнiя этого исторiологическаго ученiя. Если даже признавать дарвинизмъ не вполнѣ научной теорiей, а только гипотезой, то и тогда преимущество на его сторонѣ: ученiе Дарвина представляетъ собою стройную систему, въ коей главныя положенiя постоянно обосновываются и въ коей разсматриваются всѣ возраженiя, какiя можно только предвидѣть, тогда какъ въ экономическомъ матерiализмѣ мы находимъ одни общiя положенiя, принимаемыя за аксiомы; онѣ не только теоретически не обосновываются, но даже не всегда защищаются противъ всѣхъ тѣхъ возраженiй, которыя долженъ самъ предусматривать всякiй, кто только желаетъ ввести въ науку сколько-нибудь новую, непривычную мысль. Во всякомъ случаѣ мы констатируемъ только фактъ: теоретическая часть литературы экономическаго матерiализма крайне незначительна, и если бы даже было неизмѣримо больше популяризацiй и примѣненiй этой исторiологической концепцiи, это не могло бы восполнить недостатка основного труда, какимъ, напр., является для позитивизма „Курсъ“ Конта или для дарвинизма „Происхожденiе видовъ“.

Сущность экономическаго матерiализма сводится къ двумъ положенiямъ: по первому, основа всей культурно-соцiальной жизни есть не что иное, какъ экономическая структура общества, а по второму—весь историческiй процессъ долженъ получить свое объясненiе изъ борьбы, происходящей между разными классами общества на почвѣ экономическихъ интересовъ. Эти два положенiя были впервые формулированы Карломъ Марксомъ и приняты потомъ его послѣдователями; но ихъ, собственно говоря, не слѣдуетъ отождествлять со

всѣмъ ученіемъ Маркса. Мы, во-первыхъ, еще увидимъ, что историко-философская теорія Маркса была не чѣмъ инымъ, какъ внесеніемъ въ діалектическій эволюціонизмъ идеалиста Гегеля—чисто матеріалистическаго содержанія, но ни гегельянское отождествленіе исторіи съ діалектическимъ процессомъ не требуетъ непремѣнно экономическаго ея пониманія, такъ какъ у Гегеля этотъ процессъ понимался въ чисто идеалистическомъ смыслѣ; ни признаніе экономики за основу исторической жизни, въ свою очередь, не требуетъ непремѣннаго разсмотрѣнія исторіи съ точки зрѣнія діалектическаго процесса, какъ это доказывается примѣромъ Роджерса, не имѣющаго ничего общаго съ гегельянствомъ, и какъ это было пояснено однимъ изъ сторонниковъ ученія, который указалъ на то, что гегельянскій принципъ оказалъ вліяніе лишь на форму, а не на содержаніе ученія Маркса [1]). Во-вторыхъ, у самого Маркса нужно строго различать *исторіологическую* концепцію и *экономическое* ученіе съ *историческими* иллюстраціями послѣдняго. Сводя это ученіе къ теоріи прибавочной стоимости и образованія капитала, мы можемъ признавать эту теорію безусловно вѣрною, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы былъ вѣренъ общій взглядъ Маркса на всю исторію, какъ на продуктъ однихъ экономическихъ отношеній, и наоборотъ, согласіе съ тѣмъ, что весь историческій процессъ вполнѣ объяснимъ при помощи однихъ экономическихъ отношеній, еще не обязываетъ принимать экономической теоріи Маркса, какъ это и случилось съ Лоріа, о коемъ у насъ рѣчь будетъ еще впереди: скажемъ только, что Лоріа — экономическій матеріалистъ, но не только не марксистъ, а даже антагонистъ Маркса.

Разсмотримъ, въ чемъ на самомъ дѣлѣ заключается чисто экономическое ученіе Маркса и какой дѣйствительный вкладъ вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сдѣлалъ въ историческую науку.

Начнемъ съ его экономической теоріи [2]). Всѣмъ извѣстно,

[1]) Weisengrün, Verschiedene Geschichtsauffassungen. Leipzig, 1890. Стр. 21 и слѣд.

[2]) Читателю, знакомому съ ученіемъ Маркса, данное на слѣдующихъ страницахъ изложеніе этого ученія можетъ показаться совершенно лишнимъ, и этого изложенія не было мною сдѣлано въ прежнихъ изданіяхъ настоящаго этюда (въ „Вѣстникѣ Европы“ и въ „Историко-философскихъ и соціологическихъ этюдахъ“), но желаніе

что Марксъ, какъ экономистъ-теоретикъ, примыкаетъ какъразъ не къ „исторической школѣ“, которая въ своихъ крайнихъ направленіяхъ проявляла даже прямую вражду къ абстрактному методу, употреблявшемуся основателями политической экономіи Адамомъ Смитомъ, Мальтусомъ и Рикардо. Напротивъ того, по чистой абстрактности своего научнаго метода въ теоретическихъ частяхъ своего ученія Марксъ продолжаетъ традицію „классической“ школы политической экономіи. Этотъ методъ Марксъ употреблялъ совершенно сознательно, возводилъ его употребленіе въ принципъ. Недаромъ въ предисловіи къ „Капиталу“ онъ самъ заявляетъ, что микроскопъ и химическіе реактивы, коими пользуется естествознаніе, въ политической экономіи должны быть замѣнены силою абстракціи [1]). Констатируя этотъ фактъ, никогда, впрочемъ, не подвергавшійся сомнѣнію или оспариванію, я вовсе не ставлю Марксу въ упрекъ его абстрактнаго метода. Будучи самъ историкомъ, я отнюдь не одобряю притязаній „исторической школы“ на то, чтобы вытѣснить изъ политической экономіи дедуктивный методъ, коимъ была создана самая эта наука [2]). Признавая, далѣе, что безъ историческаго изслѣдованія одна абстракція будетъ всегда неполна, одностороння и ошибочна, можно только поставить Марксу въ заслугу, что съ абстрактно-дедуктивнымъ методомъ, при помощи котораго онъ строилъ свою теорію цѣнности, онъ сочеталъ методъ индуктивно-историческій, благодаря чему далъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ и исторію перехода западной Европы (собственно Англіи, гдѣ ранѣе всего и полнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, совершилась индустріальная революція) отъ средневѣковыхъ формъ производства къ современному капиталистическому строю. При всемъ томъ, однако, ученіе Маркса о цѣнности, составляющее главную основу всего его ученія, выработано было, повторяю, чисто абстрактнымъ способомъ безъ малѣйшаго примѣненія историческихъ соображеній. Это разъ. Съ другой стороны, несомнѣнно и то, что какъ бы ни рѣшался чисто политико-экономическій вопросъ о происхожденіи

быть вполнѣ понятымъ и такими читателями, которые незнакомы съ экономическимъ ученіемъ Маркса, заставило меня дать здѣсь его краткое изложеніе.

[1]) К. Марксъ. Капиталъ. Спб. 1872, стр. X.

[2]) См. приложеніе.

капитала—по Марксу-ли, или противъ Маркса—это не будетъ никоимъ образомъ вліять на вопросъ о томъ, что движетъ историческую жизнь человѣчества, да и то или другое рѣшеніе послѣдняго вопроса совершенно безразлично для того, кто хочетъ узнать происхожденіе капитала.

Исходнымъ пунктомъ экономическаго ученія Маркса есть понятіе цѣнности, причемъ онъ доказываетъ ту мысль, что между потребительною стоимостью вещи и стоимостью мѣновою нѣтъ никакой непосредственной связи. Отношенія, въ какомъ находятся между собою потребительныя стоимости одного рода (напр., пшеница) при обмѣнѣ ихъ на потребительныя стоимости другого рода (напр., желѣзо), измѣняются въ зависимости отъ условій мѣста и времени. Но двѣ разнородныя величины вообще могутъ быть признаны равноцѣнными лишь подъ условіемъ равенства каждой изъ нихъ какой-либо третьей величинѣ. Это извѣстно всякому изъ элементарной математики, гласящей, что двѣ величины, равныя третьей, равны между собою. Такою третьею величиною Марксъ признаетъ не что иное, какъ трудъ: мѣновая стоимость вещи, по его выраженію, есть только „кристаллизованный", какъ бы „застывшій" трудъ, т.-е. она опредѣляется количествомъ затраченнаго человѣческаго труда, но такъ какъ послѣдній измѣряется количествомъ времени, употребленнаго на работу, то рабочее время, потребовавшееся на производство вещи, и опредѣляетъ ея стоимость. Намъ нѣтъ надобности слѣдить здѣсь за дальнѣйшею аргументаціей Маркса, въ которой онъ доходитъ до понятія о денежной формѣ стоимости, предполагающей кристаллизацію стоимости въ одномъ только родѣ вещей, именно въ деньгахъ, когда трудъ находитъ денежное выраженіе въ такъ называемой цѣнѣ вещи и когда вещи обмѣниваются однѣ на другія при помощи денегъ. Въ этомъ процессѣ обращенія вещей, называемыхъ нами товарами, послѣдніе, какъ предметы потребленія, постоянно, такъ сказать, въ силу такого своего назначенія изымаются изъ обращенія, тогда какъ деньги въ этомъ обращеніи, наоборотъ, остаются постоянно. Деньги служатъ, однако, не только для обмѣна товаровъ въ качествѣ общаго мѣрила ихъ стоимости (мѣновой), но и для накопленія богатства. Марксъ весьма строго различаетъ между двумя способами употребленія денегъ, а именно продажею *товара* за *деньги* для покупки другого *товара* и покупкою за *деньги товара* для перепро-

дажи его за *деньги* же (въ первомъ случаѣ формула обращенія такова: товаръ—деньги—товаръ, а во второмъ уже иная: деньги—товаръ—деньги), и вотъ именно деньги, необходимыя для покупки товара съ цѣлью его перепродажи за деньги, онъ и называетъ капиталомъ. Продать одинъ товаръ за деньги для покупки другого товара представляетъ изъ себя операцію весьма понятную, такъ какъ тутъ что-либо ненужное данному лицу обмѣнивается имъ при помощи денегъ на что-либо ему, наоборотъ, нужное, и такимъ образомъ вмѣсто одной вещи получается другая. Нельзя, напротивъ, смотрѣть съ той же точки зрѣнія на покупку товара для продажи: если бы все дѣло было въ томъ, чтобы истратить рубль и тотъ же рубль вернуть потомъ назадъ, овчинка, какъ говорится, не стоила бы выдѣлки, а потому процессъ обмѣна денегъ на товаръ и товара на деньги пріобрѣтаетъ смыслъ лишь при томъ условіи, чтобы въ концѣ операціи получился не рубль, а рубль *плюсъ* еще нѣкоторая денежная величина. Такое явленіе и наблюдается въ дѣйствительности въ случаяхъ увеличенія капиталовъ торговаго, промышленнаго или ссуднаго, т.-е. капитала, поступающаго въ торговый оборотъ, употребляемаго въ промышленномъ предпріятіи или отдающагося въ долгъ подъ проценты. Но что такое значитъ этотъ ростъ денегъ? Откуда получается эта „прибавочная стоимость", разъ, собственно говоря, обмѣниваться могутъ лишь однѣ равныя стоимости?

На этотъ вопросъ Марксъ отвѣчаетъ въ томъ смыслѣ, что наростаніе капитала не можетъ быть результатомъ самого процесса обмѣна. Прибавочная стоимость можетъ взяться лишь изъ перепродаваемаго товара, но для того, чтобы она дѣйствительно могла имѣть такое происхожденіе, необходимо, конечно, чтобы самъ товаръ былъ способенъ стать источникомъ стоимости. Одинъ только трудъ, по Марксу, удовлетворяетъ такому условію, именно когда свободный человѣкъ, имѣющій право распоряжаться своимъ трудомъ и въ то же время лишенный возможности самостоятельно прилагать его къ производству, продаетъ свою рабочую силу, какъ товаръ, превращаясь въ наемнаго работника. Капиталистъ покупаетъ эту силу и перепродаетъ ее въ тѣхъ продуктахъ, которые она производитъ, и если при этомъ онъ получаетъ барышъ, то, значитъ, онъ извлекаетъ изъ нея нѣчто лишнее сравнительно съ тѣмъ, во что ему самому обошлась купленная имъ сила. Дѣйстви-

тельная стоимость этой силы опредѣляется легко. Для поддержанія жизни рабочаго и его семьи нужно извѣстное количество продукта, которое можетъ быть произведено лишь въ извѣстное же количество рабочаго времени: вотъ этимъ-то рабочимъ временемъ, потребнымъ для воспроизведенія рабочей силы, въ сущности и опредѣляется ея стоимость. Капиталистъ ее-то, вотъ эту именно стоимость и уплачиваетъ рабочему по окончаніи работы, т. е. такъ, какъ будто рабочій отдавалъ ему свою силу въ долгъ на все время работы. Кромѣ этой силы, капиталисту нужны орудія производства — сырьё и машины, которыя имъ тоже были куплены. Производство состоитъ въ поглощеніи человѣческаго труда при помощи машинъ сырыми матеріалами, результатомъ-же этого поглощенія является продуктъ, на который капиталистъ имѣетъ право собственности, какъ лицо, за свои деньги купившее все, что участвовало въ созданіи продукта. Но этотъ же самый процессъ создаетъ, по Марксу, и прибавочную стоимость. Если бы капиталистъ продавалъ продуктъ за то, что онъ ему самому сто́итъ,—а сто́итъ онъ ему столько, сколько онъ заплатилъ за рабочее времи, вложенное въ производство, а также въ сырье и въ машины, — ему не было бы никакой выгоды что-либо предпринимать на поприщѣ промышленности: онъ стремится, конечно, извлечь изъ той рабочей силы, которую онъ купилъ, бо́льшую стоимость сравнительно съ заплаченною суммою денегъ, а для этого ему стоитъ только удлинить рабочее время. Если для воспроизведенія рабочей силы, т.-е. для выработки средствъ къ существованію рабочаго нужно, положимъ, шесть часовъ въ сутки, то за эти-то только шесть часовъ капиталистъ и платитъ, но разъ онъ заставляетъ рабочаго трудиться дольше, то каждый лишній часъ труда представляетъ собою уже чистый барышъ предпринимателя: всѣ эти лишніе часы и приводятъ къ образованію прибавочной стоимости. Поэтому при капиталистическомъ производствѣ рабочій день состоитъ изъ „необходимаго рабочаго времени“, въ теченіе коего вырабатываются продукты, равные по цѣнѣ заработной платѣ, и изъ „прибавочнаго рабочаго времени“, идущаго на выработку прибыли капиталиста. Соотвѣтственно съ этимъ и въ капиталѣ нужно различать ту его часть („постоянный капиталъ“), на которую покупаются сырье и орудія производства, и другую часть („перемѣнный капиталъ“), служащую для покупки рабочей силы: первая часть по своей

стоимости воспроизводится безъ всякаго увеличенія въ получаемомъ продуктѣ, другая, наоборотъ, именно и возрастаетъ путемъ образованія прибавочной стоимости. Между капиталомъ, стремящимся къ удлиненію рабочаго времени, и трудомъ, наоборотъ, имѣющимъ противоположную тенденцію, возникаетъ поэтому борьба. Прибавочную стоимость, вытекающую изъ удлиненія рабочаго времени, Марксъ называетъ абсолютною, отличая отъ нея другую, относительную, какъ онъ ее называетъ, прибавочную стоимость,—ту именно, которая получаетъ начало, наоборотъ, въ возможности сокращенія необходимаго рабочаго времени. Рабочее время вообще складывается, какъ мы видѣли, изъ „необходимаго“ и „прибавочнаго“. Понятно, что отношеніе между ними можетъ измѣняться, и если рабочее время вообще остается прежнимъ, но сокращается необходимая его часть, то тѣмъ самымъ, разумѣется, увеличивается часть прибавочная. Но необходимое рабочее время можетъ сокращаться лишь подъ условіемъ возрастанія производительности труда, когда на производство той или другой вещи требуется меньше времени, чѣмъ прежде. Увеличеніе производительности труда достигается, во-первыхъ, простымъ сотрудничествомъ, когда отъ соединеніи нѣсколькихъ силъ въ одну получается новая сила, во-вторыхъ, раздѣленіемъ труда и, въ-третьихъ, введеніемъ машинъ. Такъ какъ сотрудничество многихъ рабочихъ предполагаетъ существованіе капитала, находящагося въ распоряженіи предпринимателя, который покупаетъ ихъ физическую силу, то бо̀льшая производительность объединеннаго труда, т.-е. суммы индивидуальныхъ усилій — сравнительно съ разрозненнымъ трудомъ отдѣльныхъ личностей и принимается за производительность самого капитала. Но это невѣрно, какъ невѣрно и то, что самъ капиталъ производитъ результаты мануфактурнаго раздѣленія труда, которое тоже предполагаетъ сосредоточеніе капитала въ рукахъ предпринимателя. Уже раздѣленіе труда ставитъ, однако, рабочихъ въ бо̀льшую зависимость отъ капитала, а еще въ гораздо бо̀льшей степени влечетъ за собою зависимость труда отъ капитала введеніе машинъ. Было бы слишкомъ длинно приводить здѣсь цѣликомъ аргументацію Маркса въ доказательство той мысли, что всѣ улучшенія въ дѣлѣ производительности труда происходятъ на самомъ дѣлѣ лишь въ пользу предпринимателя-капиталиста, сокращая необходимое рабочее

время, отнюдь не сокращая при этомъ прибавочнаго рабочаго времени, наоборотъ, даже содѣйствуя его удлиненію. Замѣчу только, что лично я въ IV томѣ своей „Исторіи западной Европы въ новое время“ [1]), изображая роль введенія машинъ въ „индустріальной революціи“ конца XVIII и начала XIX вѣка, слѣдовалъ исключительно замѣчательному анализу Маркса [2]).

Но идемъ далѣе. Весьма естественно, что при томъ способѣ производства, который характеризуется, какъ капиталистическій, капиталъ оказывается распорядителемъ всей рабочей силы, т.-е. и той ея части, которая является необходимою, и другой части, называемой прибавочною. Если возможно вообще возрастаніе перемѣннаго капитала, то это происходитъ не отъ чего иного, какъ отъ возможности, какую имѣетъ капиталъ располагать извѣстнымъ количествомъ чужого, неоплаченнаго труда. Въ производствѣ капиталъ не только воспроизводится, но и ростетъ, именно благодаря тому, что прибавочная стоимость сама каждый разъ поступаетъ въ капиталъ и тѣмъ самымъ его увеличиваетъ. Другими словами, прибавочная стоимость является истинною основою накопленія капитала (конечно, если капиталистъ не потребляетъ на себя всю получаемую имъ прибыль). Отъ этого процесса накопленія капитала Марксъ отличаетъ процессъ концентраціи капиталовъ все въ меньшемъ и меньшемъ количествѣ рукъ съ постепеннымъ устраненіемъ крупными капиталами капиталовъ мелкихъ и, такъ сказать, капиталомъ средней величины, причемъ, наконецъ, неизбѣжно ухудшаются для рабочихъ взаимныя отношенія между капиталомъ постояннымъ и перемѣннымъ.

Вотъ основныя положенія экономической теоріи Маркса, исходнымъ пунктомъ коей является мысль о томъ, что источникъ всякой цѣнности лежитъ въ трудѣ. Въ противоположность съ другими экономистами Марксъ отрицалъ какое бы то ни было участіе силъ природы въ дѣлѣ созданія мѣновыхъ цѣнностей (конечно, не въ производствѣ продуктовъ) и, видя въ орудіяхъ производства опять-таки лишь созданія человѣческаго труда, отрицалъ и за ними всякое самостоятельное

[1]) См. стр. 569—573 IV-го тома этой моей книги.

[2]) Въ „Капиталѣ“ Маркса см. объ этомъ стр. 324 и слѣд. перваго тома.

значеніе въ томъ же дѣлѣ. Благодаря этому, и понятіе капитала употребляется у Маркса въ болѣе узкомъ смыслѣ, чѣмъ это дѣлается вообще въ политической экономіи, называющей капиталомъ участвующіе въ производствѣ накопленные результаты прежняго труда. Безусловно ли вѣрна эта теорія, нуждается ли она въ дополненіяхъ и поправкахъ, т.-е. вѣрна ли она только относительно и сравнительно съ другими теоріями, или же это совершенно ложная и никуда негодная теорія,—для насъ теперь вопросъ этотъ есть вопросъ посторонній. Пусть будетъ она самою вѣрною теоріей изъ всѣхъ существующихъ. Я не только допускаю это предположительно,—какъ могу, наоборотъ, допустить и совершенную ея невѣрность,—но прямо склоняюсь именно къ такому общему экономическому воззрѣнію, хотя, конечно, мое заявленіе въ этомъ смыслѣ, какъ заявленіе неспеціалиста въ политической экономіи, отнюдь еще ничего не говоритъ въ пользу истинности ученія о „прибавочной стоимости". Сдѣлать, однако, такое заявленіе я считаю далеко не лишнимъ. Даже вполнѣ соглашаясь съ аргументаціей Маркса, я не вижу, однако, почему, разъ я принимаю его экономическое ученіе, я долженъ былъ бы принять и его исторіологическую концепцію, т.-е. признать правоту экономическаго матеріализма. Идеи о трудѣ, какъ единственномъ источникѣ экономической цѣнности, и объ экономическихъ отношеніяхъ, какъ единственной будто бы основѣ всей культурной и соціальной жизни народовъ,—эти двѣ идеи не находятся ни въ какомъ отношеніи между собою. Можно принять одну, отвергнувъ другую, принять именно первую и не соглашаться со второй,—что, напр., мы и дѣлаемъ въ этой главѣ,—и можно наоборотъ, признать, что вторая идея вѣрна, а первая нѣтъ. Экономическій матеріализмъ отнюдь не является ни основаніемъ теоріи прибавочной стоимости, ни выводомъ изъ этой теоріи. Что не экономическій матеріализмъ породилъ ученіе о прибавочной стоимости, это можно видѣть прямо изъ той аргументаціи Маркса, которую мы вкратцѣ воспроизвели на предыдущихъ страницахъ. Эта аргументація совершенно не касается вопроса объ основѣ всѣхъ общественныхъ явленій; она его игнорируетъ, да и не можетъ не игнорировать, ибо для нея этотъ вопросъ вполнѣ посторонній, и какъ бы онъ ни рѣшался—въ положительномъ ли, или отрицательномъ смыслѣ, отъ этого для теоріи прибавочной стоимости не будетъ, если

можно такъ выразиться, ни прибыли, ни убытка. Точно также нѣтъ и никакого общаго основанія у этихъ двухъ концепцій, имѣющихъ одна чисто экономическій, другая историко-философскій характеръ. Наконецъ, экономическій матеріализмъ не можетъ быть и выводомъ изъ теоріи прибавочной стоимости: попробуйте въ самомъ дѣлѣ изъ этого ученія, касающагося все-таки лишь одного частнаго явленія въ экономической жизни, притомъ въ капиталистической стадіи ея развитія, вывести основную идею экономическаго матеріализма, т.-е. ученія, долженствующаго объяснить изъ одного принципа всѣ явленія всей общественной жизни во всѣ времена и у всѣхъ народовъ: конечно, ученіе прибавочной стоимости заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ теоретическихъ выводовъ, но не такихъ всеобъемлющихъ.

Взглянемъ на дѣло и съ другой стороны: Марксъ былъ не только теоретикъ, но и историкъ, и то, что онъ сдѣлалъ для исторіи, стоитъ въ самой тѣсной связи съ его экономическимъ ученіемъ о капиталѣ. Быть можетъ, вотъ тутъ-то и обнаружится связь его экономической теоріи съ его исторіологической концепціей. Нѣсколько минутъ вниманія со стороны читателя, и онъ увидитъ, что и здѣсь экономическій матеріализмъ оказывается не въ лучшемъ положеніи.

Марксъ изображаетъ процессъ накопленія капитала, но этимъ еще не рѣшается вопросъ, откуда произошелъ первоначальный капиталъ. Если капиталъ есть самъ результатъ капиталистическаго производства, то чтобы послѣднее стало возможнымъ, нуженъ первоначальный капиталъ, какъ исходный пунктъ этого способа производства. Марксъ и даетъ намъ историческое изображеніе того процесса, который онъ называетъ первоначальнымъ накопленіемъ и сущность коего видитъ въ отдѣленіи работника отъ владѣнія орудіями производства. Марксъ сдѣлалъ очень много для надлежащаго пониманія и этого послѣдняго процесса, совершавшагося на западѣ Европы въ эпоху перехода общества отъ феодальнаго строя къ капиталистическому; съ этой стороны историческая наука можетъ быть только благодарна автору „Капитала“. Сущность процесса, какъ извѣстно, заключалась въ томъ, что прежній мелкій производитель получалъ личную свободу (отъ крѣпостничества и цеховыхъ стѣсненій), но въ то же время лишался обладанія средствами производства (землею и разнаго рода орудіями). Изо-

бражая эволюцію экономическихъ формъ и отношеній въ разныхъ мѣстахъ своей „Исторіи западной Европы въ новое время“[1]), мы представляли этотъ процессъ въ общемъ не иначе, чѣмъ это дѣлалъ Марксъ, такъ какъ и всѣ другія изслѣдованія экономической исторіи Запада[2]), коими намъ пришлось пользоваться при составленіи названной книги, въ существенныхъ чертахъ приводятъ къ тѣмъ же результатамъ, къ какимъ приходилъ разсматриваемый экономистъ. Оно и понятно: авторъ „Капитала“ и другіе историки экономической эволюціи на Западѣ имѣли дѣло съ одними и тѣми же или аналогичными фактами, которые при научномъ къ нимъ отношеніи должны были приводить къ однимъ и тѣмъ же заключеніямъ. Марксъ даетъ намъ картину постепеннаго обезземеленія англійскаго крестьянства, начавшагося въ эпоху освобожденія сельскаго населенія отъ крѣпостной зависимости: это освобожденіе крестьянина сопровождалось открѣпленіемъ его отъ земли, а конечнымъ результатомъ этого было вытѣсненіе мелкаго крестьянскаго хозяйства крупнымъ хозяйствомъ фермерскимъ съ превращеніемъ земледѣльческаго класса въ пролетаріатъ, въ армію наемныхъ рабочихъ. На этой почвѣ возникъ земледѣльческій капиталъ, за образованіемъ котораго послѣдовало образованіе и капитала промышленнаго. Марксъ изображаетъ намъ этотъ историческій процессъ, въ коемъ между прочимъ играетъ большую роль разложеніе и уничтоженіе средневѣковыхъ цеховъ, дѣлавшихъ невозможнымъ созданіе крупной промышленности. Наконецъ, Марксъ представилъ намъ и завершеніе этого процесса, обусловленное введеніемъ въ промышленность машиннаго производства, а также далъ и общую картину тѣхъ результатовъ, къ какимъ привели 1) образованіе пролетаріата путемъ обезземеленія сельскаго населенія, 2) уничтоженіе стѣсненій для развитія капитализма, какія заключались въ старой цеховой

[1]) См. т. I, гл. 14—19; т. III, гл. 7—9 и особенно т. IV, гл. 22—25.

[2]) Если гдѣ-либо и могутъ имѣть для науки важное значеніе историческія изслѣдованія въ духѣ экономической доктрины Маркса (не экономическаго матеріализма), то именно въ области явленій, относящихся къ процессу перехода отъ средневѣковыхъ формъ хозяйственнаго быта къ современнымъ, но чтобы вести съ успѣхомъ такія изслѣдованія, нѣтъ надобности быть экономическимъ матеріалистомъ: цѣлый рядъ историковъ, изображавшихъ этотъ процессъ, не имѣетъ ничего общаго съ экономическимъ матеріализмомъ.

организаціи, и 3) изобрѣтеніе движущихъ и рабочихъ машинъ со всѣми послѣдствіями введенія ихъ въ производство. Все это, какъ извѣстно, Марксъ прослѣдилъ на экономической исторіи Англіи, гдѣ переворотъ совершился ранѣе и полнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ. Другіе изслѣдователи той же самой исторіи пришли къ тѣмъ же результатамъ. Аналогичныя явленія происходили и на континентѣ, а потому и историки экономическаго быта, напр., Франціи и Германіи, только подтверждаютъ главные историческіе выводы Маркса. Посвятивъ довольно значительное мѣсто въ IV томѣ своей „Исторіи западной Европы“ изображенію процесса, создавшаго современный капиталистическій строй Англіи, мы сами должны были во многихъ случаяхъ прямо пользоваться фактическими данными и основанными на нихъ обобщеніями, которыя нашли въ „Капиталѣ“ Маркса. Но ничто въ этихъ данныхъ и обобщеніяхъ не заставляло насъ стать въ ряды экономическаго матеріализма. Въ самомъ дѣлѣ, весь историческій процессъ развитія капитализма вполнѣ понятенъ и безъ предположенія, ставящаго въ зависимость отъ однихъ экономическихъ отношеній развитіе религіи, морали, философіи, науки, искусства, литературы, права, государства и т. д. Мало того, самъ Марксъ указываетъ на то, какъ государство новаго времени (т.-е. факторъ политическій) вліяло на изображенный экономическій процессъ своею колоніальною системою, своими займами, налогами и протекціонными пошлинами. Съ другой стороны, своими историческими изслѣдованіями Марксъ выясняетъ намъ генезисъ того обостренія экономическихъ отношеній, которое характеризуетъ современность, но признавая этотъ несомнѣнный фактъ, т.-е. въ высшей степени напряженное экономическое состояніе нашего времени, мы, однако, не можемъ сказать, чтобы вся современная культура и соціальная организація были непосредственнымъ продуктомъ капиталистическаго строя. Среди современныхъ историковъ экономическихъ явленій есть несомнѣнно экономическіе матеріалисты, но есть и такіе ученые, которые не раздѣляютъ названной исторіологической концепціи: если тѣ и другіе сходятся между собою въ изображеніи процесса и его результатовъ, держась разныхъ взглядовъ на значеніе экономическаго фактора въ жизни общества, взятой во всѣхъ ея сторонахъ и во всемъ ея историческомъ развитіи, значитъ, экономическій матеріализмъ вовсе не есть такая теорія, от-

рицательное отношеніе къ коей разрушало бы результаты научнаго изслѣдованія экономической исторіи Запада, исходящаго именно изъ фактовъ, отнюдь не изъ гипотетическаго представленія объ единственномъ яко бы факторѣ всѣхъ историческихъ явленій, представляемомъ факторомъ экономическимъ.

Не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ экономическому матеріализму и конечный выводъ, сдѣланный Марксомъ изъ его собственныхъ теоретическихъ и историческихъ изслѣдованій. Выводъ этотъ, какъ извѣстно, таковъ. По достиженіи капиталистическимъ способомъ полнаго господства долженъ начаться обратный процессъ экспропріаціи. Придетъ конецъ и для концентраціи капитала въ очень немногихъ рукахъ, и тогда сосредоточеніе средствъ производства и обобществленіе труда сдѣлаютъ невозможнымъ дальнѣйшее существованіе капиталистической формы производства. Ударитъ послѣдній часъ капиталистической частной собственности, и экспропріированные экспропріируютъ экспропріирующихъ. Вѣрна ли эта формула, это показать можетъ, конечно, только будущее, но во всякомъ случаѣ для того, чтобы быть логичною и вѣроятною, она не нуждается въ предположеніи объ экономическомъ происхожденіи всѣхъ куьтурныхъ и соціальныхъ явленій, какъ съ другой стороны, если бы экономическій матеріализмъ въ смыслѣ исторіологической концепціи и былъ правъ, это ничуть не могло бы служить въ пользу истинности конечной формулы Маркса. Пусть будетъ такъ, скажемъ мы, пусть вся культурная и соціальная жизнь человѣчества имѣетъ единственный источникъ въ сферѣ экономическихъ явленій общества, но развѣ это обусловливаетъ собою необходимость наступленія момента, предсказываемаго Марксомъ?

Но пойдемъ далѣе. Изложенное нами экономическое ученіе Марксъ противополагалъ—и вмѣстѣ съ нимъ противополагаютъ его сторонники—буржуазной политической экономіи, между тѣмъ какъ экономическій матеріализмъ противополагается не послѣдней, а идеалистическому пониманію исторіи. На эту именно точку зрѣнія и мы должны стать въ своей критикѣ, причемъ напомнимъ, что, по нашему мнѣнію, оба міросозерцанія или одинаково истинны, когда объясняютъ лишь разныя стороны исторіи, или одинаково ложны, когда каждое стремится одно объяснить всю исторію. Дѣй-

ствительно, на экономическій матеріализмъ въ исторіи мы имѣемъ право смотрѣть, какъ на одностороннюю реакцію противъ другой односторонности—объясненія историческаго процесса изъ одного духовнаго начала. Одно изъ свойствъ нашего мышленія заключается въ томъ, что каждый процессъ мы стремимся понять, какъ нѣчто цѣльное и единое, зависящее отъ одной главной причины: вотъ это—основное, а это—производное; вотъ это—главное, а это—второстепенное, какъ у врача, распознающаго болѣзнь, одно принимается за ея корень, а все остальное за простые симптомы. Когда мы разсматриваемъ природу человѣка, мы тоже готовы спросить: что въ немъ первѣе—духъ или тѣло? Отвѣтъ спиритуализма или матеріализма переносится и въ область теоретическаго пониманія исторіи. Въ ней тоже вѣдь есть духовная сторона и сторона матеріальная, и, соотвѣтственно съ этимъ, сами перемѣны, совершающіяся въ исторіи, касаются больше или той, или другой ея стороны. Что первѣе? Какія перемѣны являются источниками другихъ? Матеріальныя ли объясняются изъ духовныхъ, или духовныя изъ матеріальныхъ? Этотъ вопросъ имѣетъ цѣлую исторію, сущность которой можетъ быть сведена къ слѣдующему.

Въ первой половинѣ нашего вѣка любили противополагать неподвижность природы измѣнчивости исторіи. Но въ чемъ полагали эту измѣнчивость? Всегда и вездѣ въ одномъ —въ подвижности умственной сферы, въ измѣняемости идей. Такой взглядъ былъ, конечно, наслѣдіемъ „философскаго“ вѣка, вѣка, прославлявшаго „успѣхи человѣческаго ума“; въ XVIII столѣтіи совершалась великая умственная работа, накоплялись знанія, шла перестройка міросозерцанія, происходилъ пересмотръ нравственныхъ и общественныхъ понятій, и возможность общественныхъ перемѣнъ объяснялась изъ простого несоотвѣтствія старыхъ отношеній съ новыми идеями. Такъ мыслились въ основѣ историческаго процесса умственныя перемѣны; исторія была понята, какъ движеніе мысли, какъ исторія идей, и эта концепція сдѣлалась господствующею въ философіи исторіи. Съ такой именно точки зрѣнія, прямо съ предвзятою мыслью, что „разумъ господствуетъ въ исторіи“, сдѣлана была грандіозная попытка обозрѣнія всемірно-историческаго процесса въ „Философіи исторіи“ Гегеля. Извѣстно, что этотъ разумъ, мысль, идею—онъ олицетворилъ въ видѣ „всемірнаго духа“ и все содержаніе исторіи понялъ,

какъ постепенное познаванiе всемiрнымъ духомъ своей сущности. Отъ этого процесса, идейнаго по самому своему существу, Гегель ставилъ въ зависимость и перемѣны политическiя. На Востокѣ духъ не сознаётъ своей сущности, каковою является свобода, и здѣсь свободенъ одинъ, права всѣхъ неизвѣстны; въ древнемъ мiрѣ духъ сознаётъ свою сущность, но подъ извѣстными условiями, и свободны только нѣкоторые; лишь въ новомъ мiрѣ духъ пришелъ къ ясному сознанiю своей сущности, и свободными сдѣлались всѣ. Историческое построенiе Гегеля произвольно, фантастично, это не исторiя, какова она есть, а какая-то символика исторiи, но въ немъ важна для насъ идея, дѣлающая изъ умственнаго процесса самую основу исторiи. Другая, равносильная попытка философiи исторiи сдѣлана была Контомъ. Онъ стоялъ въ рѣзкой противоположности къ Гегелю, презиралъ метафизику, т.-е. именно то, чѣмъ занимался Гегель,—и отводилъ ей промежуточное мѣсто между теологическимъ и позитивнымъ фазисами умственнаго развитiя. Эта формула Конта извѣстна: умъ человѣческiй проходитъ черезъ три стадiи: первая—теологическая, когда человѣкъ объясняетъ всѣ явленiя природы дѣйствiемъ сверхъ-естественныхъ агентовъ; вторая—метафизическая, на которой эти агенты замѣняются нѣкоими сущностями; третья—положительная, т.-е. ступень научнаго объясненiя явленiй путемъ открытiя управляющихъ ими законовъ. Вотъ эту-то формулу, какъ „основной законъ", Контъ и положилъ во главу угла собственнаго своего построенiя философiи исторiи. И тутъ, значитъ, суть дѣла въ процессѣ интеллектуальномъ, а въ зависимость отъ него ставится и процессъ перемѣнъ общественныхъ, хотя бы, напримѣръ, въ той формулѣ, которая духовнымъ вождямъ общества въ трехъ фазисахъ его развитiя, т.-е. жрецамъ, философамъ и ученымъ полагаетъ въ соотвѣтствiе вождей свѣтскихъ — воиновъ, юристовъ и индустрiаловъ. Еще одинъ примѣръ. У насъ въ шестидесятыхъ годахъ были весьма популярны историческiя воззрѣнiя Бокля: это была пора необыкновеннаго увлеченiя естествознанiемъ, а Бокль ужъ на что былъ „натуралистъ въ исторiи", замѣняя философiю естественными науками, психологiю—статистической ариѳметикой и т. п. Но что же оказывается? Этотъ натуралистъ проповѣдовалъ, однако, что „прогрессъ человѣчества зависитъ отъ успѣха, съ которымъ разрабатываются законы явленiй, и отъ мѣры распростране-

нія этихъ знаній“, т.-е. опять умственный процессъ, явленіе духовнаго порядка и имъ положено было въ основу самыхъ важныхъ историческихъ перемѣнъ. И въ частности такой крупный историческій переворотъ, какимъ была французская революція, объяснялся у Бокля чуть не исключительно вліяніемъ тѣхъ новыхъ идей, которыя вырабатывались изученіемъ природы въ предшествовавшую эпоху.

Можно было бы привести еще и еще примѣры. Съ одной стороны, теоретически выдвигалась на первый планъ „роль идей“ въ исторіи, съ другой—и историки отдѣльныхъ народовъ, эпохъ и явленій считали своею обязанностью все болѣе и болѣе обращать вниманія на идейную, духовную сторону жизни, на миѳологію и религію, на философію и науку, на литературу и искусство, на моральныя и политическія ученія, на идейные принципы, лежавшіе въ основѣ той или другой политической формы, составлявшіе подкладку тѣхъ или другихъ юридическихъ нормъ. Идейная жизнь народа, исторія его настроеній проявляется въ литературѣ, и литература сдѣлалась фокусомъ, въ который историки стали собирать всѣ отдѣльные лучи умственной жизни. Каждый знаетъ, кто только читалъ Шлоссера, какое мѣсто этотъ историкъ отводилъ литературѣ въ своихъ общихъ историческихъ трудахъ, хотя бы литература въ его трудахъ и не была органически слита со всѣмъ остальнымъ ихъ содержаніемъ. Краснорѣчивѣе же другихъ о значеніи литературы для пониманія исторіи говорилъ Тэнъ, рекомендуя въ литературѣ искать великую душу исторіи, ея внутреннее содержаніе и провозглашая, что задача исторіи, какъ науки, есть задача психологическая [1])? И въ своемъ крупномъ трудѣ по исторіи французской революціи онъ остается вѣренъ себѣ. Все существенное въ этой эпохѣ объясняется имъ изъ того вліянія, какое отвлеченныя идеи оказывали на разгоряченныя головы.

Я нарочно взялъ несходныя имена, нарочно сопоставилъ Гегеля и Конта, нарочно послѣ Бокля назвалъ Тэна. Гегель былъ убѣжденный метафизикъ, тогда какъ для Конта такое названіе было чуть не браннымъ словомъ; между „натуралистомъ“ Боклемъ, ставившимъ человѣка въ зависимость отъ внѣшней природы, и психологомъ Тэномъ, искавшимъ въ духовныхъ свойствахъ расы объясненіе исторіи цѣлыхъ наро-

[1]) Ср. выще, стр. 13—14.

довъ, разница тоже большая, но всѣ они,—и Гегель, и Контъ, и Бокль, и Тэнъ,—были какъ бы согласны между собою въ той основной концепціи, что процессъ историческій сводится, главнымъ образомъ, къ перемѣнамъ, происходящимъ въ области ума. Обозрѣвая жизнь человѣчества и отдѣльныхъ народовъ, читая великія творенія исторической литературы, невольно подчиняешься такому взгляду, невольно соглашаешься съ тѣми выводами, къ которымъ онъ приводитъ, если только не имѣешь противовѣса въ тѣхъ новыхъ направленіяхъ исторической науки, которыя обратили вниманіе и на матеріальную, экономическую сторону исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, и идейная борьба падавшаго „элленизма" съ торжествующимъ евангеліемъ знаменуетъ собою переходъ отъ древняго міра къ среднимъ вѣкамъ, и въ теченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ удивляешься силѣ идей, нашедшихъ свой центръ тяжести въ аскетическомъ отреченіи отъ міра и въ теократическомъ господствѣ церкви. Постепенное паденіе этого міросозерцанія приводитъ насъ къ новому времени, которое открывается идейнымъ движеніемъ гуманизма, а затѣмъ въ эпоху реформаціи протестантизмъ даетъ идейное же знамя для всѣхъ тогдашнихъ политическихъ и общественныхъ движеній. XVIII вѣкъ —вѣкъ тоже особенной силы идей: онѣ овладѣваютъ сначала монархами и производятъ „просвѣщенный абсолютизмъ", и ими же направляются бурныя движенія конца столѣтія. И вотъ мы готовы согласиться, что здѣсь, въ этой вѣчно движущейся сферѣ человѣческаго ума, заключается источникъ историческихъ перемѣнъ, вотъ и смыслъ эпохи мы ищемъ въ умственномъ ея движеніи, въ ея философіи.

Умственное движеніе, философія—дѣло верховъ общества, а исторія въ XIX вѣкѣ сильно демократизировалась: она стала изучать народную жизнь, народныя движенія, духовную жизнь массъ въ ихъ поэзіи, въ преданіи и сказаніи, въ обычаѣ и обрядѣ, въ частности, напримѣръ, въ томъ сектантствѣ, въ которомъ выражалось народное участіе въ рѣшеніи религіозныхъ вопросовъ реформаціонной эпохи. Это углубленіе въ народный бытъ открыло въ немъ и другую сторону, мало обращающую на себя вниманія прежде. Народъ не только пѣлъ пѣсни и сказывалъ сказки, не только игралъ и плясалъ, или бросался въ разныя движенія съ идейнымъ характеромъ, онъ еще и работалъ, и бѣдствовалъ, и стремился улучшить своэ положеніе, а подчасъ и голодалъ.

Стали изучать исторію матеріальнаго быта народа. И прежде, конечно, экономическія отношенія, такъ сильно задѣвающія этотъ бытъ, были предметомъ вниманія со стороны историковъ, но все-таки брались эти отношенія больше для объясненія политическихъ формъ, а не сами по себѣ. Мало-по-малу, какъ мы видѣли выше [1]), одновременно съ возникновеніемъ исторической школы въ наукѣ политической экономіи и историческая наука стала дѣлать экономическія отношенія вполнѣ самостоятельнымъ предметомъ изученія. Я не стану распространяться о томъ, какъ содѣйствовало этому само движеніе жизни. И раньше экономическіе вопросы играли очень важную роль въ жизни, но прежде они возникали и назрѣвали, ставились и рѣшались большею частью подъ прикрытіемъ другихъ идей—національныхъ, религіозныхъ, политическихъ и юридическихъ: къ срединѣ XIX вѣка — эти вопросы, такъ сказать, обнажились и обострились. Современники вообще склонны обобщать свои впечатлѣнія отъ совершающагося на ихъ глазахъ и считать вообще главнымъ въ исторіи то, что доминируетъ въ ихъ эпоху: это и сказалось на пониманіи существеннаго содержанія въ исторіи.

Умственная работа XVIII вѣка весьма сильно содѣйствовала образованію идеалистическаго взгляда на исторію. 1789 г. открываетъ собою эпоху крупныхъ политическихъ перемѣнъ, и точка зрѣнія политическая съ особою силою выдвигается съ этого времени на первый планъ въ крупныхъ историческихъ трудахъ, пока такъ называемый соціальный вопросъ не обнаруживаетъ всей важности исторіи хозяйственнаго быта. Я позволю себѣ указать въ видѣ примѣра на то, какъ эта перемѣна отразилась на изученіи и пониманіи одного историческаго вопроса. Въ западно-европейской исторіи однимъ изъ крупнѣйшихъ явленій былъ, конечно, феодализмъ, и ученымъ стоило громаднаго труда опредѣлить, чѣмъ онъ былъ и какъ онъ произошелъ, причемъ на тѣхъ точкахъ зрѣнія, съ которыхъ на него смотрѣли, несомнѣнно сказывалось то, чѣмъ въ данную пору интересовались въ исторіи. Раздробленіе *государства* на феодальныя владѣнія, переходъ *государственной* власти къ крупнымъ землевладѣльцамъ, установленіе *политической* іерархіи между феодалами,—вотъ что требовалось объяснить въ первую эпоху научнаго изслѣдованія

[1]) См. стр. 7 и слѣд.

феодализаціи Запада, и только позднѣе стала изучаться соціальная сторона феодализма, т.-е. отношеніе народа къ *землѣ*, соединеніе крупнаго землевладѣнія съ мелкимъ *хозяйствомъ*, разложеніе первоначальной *земельной общины*. Точно такъ же политическая роль буржуазіи въ первой половинѣ нынѣшняго вѣка выдвинула вопросъ объ исторіи этого сословія въ государственной жизни, и опять-таки только позднѣе сдѣлалось предметомъ изслѣдованія отношеніе этого класса къ народной массѣ. Отсюда и исторія разрушенія феодализма, на которую прежде смотрѣли съ исключительно политической точки зрѣнія, стала обращать на себя вниманіе и въ своихъ экономическихъ проявленіяхъ и слѣдствіяхъ, и конечно, никто не станетъ отрицать того, что въ научной разработкѣ этого вопроса имѣютъ значеніе труды Маркса и его послѣдователей. Такъ постановка экономическихъ вопросовъ около середины XIX вѣка повліяла на содержаніе исторической науки. Оставалось только сдѣлать нѣкоторое философское обобщеніе, и оно было сдѣлано.

Идейное объясненіе исторіи было признано одностороннимъ, и высказана была мысль, что въ основѣ исторіи лежитъ процессъ экономическій, т.-е. что не идеи господствуютъ въ жизни человѣка и даютъ ей направленіе, а матеріальные интересы, вытекающіе изъ потребности человѣка въ пищѣ, одеждѣ и жилищѣ. И жизненная борьба, безъ которой немыслимо историческое движеніе, была понята въ новомъ смыслѣ: прежде весь интересъ исторіи полагался въ столкновеніи между людьми, какъ представителями разныхъ идей (язычники и христіане, защитники церкви и защитники государства, схоластики и гуманисты, католики и протестанты, и т. п.), и въ побѣдѣ одной группы видѣли побѣду извѣстной идеи, смотрѣли съ этой точки зрѣнія даже на международную борьбу, какъ на столкновеніе разныхъ принциповъ, воплощенныхъ въ разныхъ народахъ. Новый взглядъ объявилъ все это одною видимостью, настоящая подкладка коей заключается въ одной борьбѣ общественныхъ классовъ съ разными экономическими интересами.

Въ сущности, идеалистическая концепція вѣрна, но только на половину: ея несогласіе съ дѣйствительностью заключалось лишь въ томъ, что выдавалась она за полную формулу историческаго процесса. Экономическій матеріализмъ явился на смѣну этой концепціи, но и въ немъ мы имѣемъ дѣло

лишь съ частью истины, а не со всею истиною. Реакція противъ психологическаго идеализма вытекла, однако, не изъ одного только діалектическаго процесса мысли, стремящейся къ истинѣ, путемъ отрицанія прежнихъ моментовъ процесса, но и изъ того пониманія жизни, которое дано было самимъ движеніемъ жизни. Къ серединѣ XIX в. историческій опытъ показалъ, что источникъ соціальныхъ золъ заключался не въ одномъ недостаткѣ просвѣщенія, не въ одномъ недостаткѣ политической свободы, но и въ ненормальностяхъ экономическаго устройства. Экономическій вопросъ сталъ доминировать въ практической жизни, и это, разумѣется, должно было отразиться на теоретическомъ пониманіи исторіи.

Къ вопросу о вліяніи самой исторической жизни на появленіе новаго пониманія исторіи мы еще перейдемъ, а пока остановимся немного не столько на „экономизмѣ", сколько на „матеріализмѣ" этого пониманія.

Послѣдователи разсматриваемой доктрины называютъ ее экономическимъ матеріализмомъ. Дѣло въ томъ, что исторіологическій матеріализмъ можетъ быть и неэкономическимъ. Если прежняя концепція исторіи грѣшила одностороннимъ идеализмомъ, выводившимъ всѣ явленія исторіи изъ *духа*,— былъ ли то „всемірный духъ" (Weltgeist) Гегеля, или „народный духъ", о которомъ заговорила впервые историческая школа права, или по-просту творческая мысль отдѣльныхъ лицъ, „великихъ людей", героевъ,—то противъ такой тенденціи можно было заявить, что въ историческомъ процессѣ извѣстныя права принадлежатъ и *природѣ*, именно условіямъ той внѣшней физической среды, въ которыя поставлены отдѣльные народы, т.-е. условіямъ климата, почвы, фауны, флоры, устройства поверхности и т. п. Извѣстно, что Бокля, напр., прямо упрекали въ историческомъ матеріализмѣ [1]), который правильнѣе было бы называть натурализмомъ. Экономическій матеріализмъ далеко не есть такой натурализмъ. Послѣдній стремится объяснять исторію исключительно изъ природы, взятой въ смыслѣ физической среды, но для экономическихъ матеріалистовъ эта физическая среда есть лишь совокупность условій, въ которыхъ приходится дѣйствовать основному фактору исторической жизни. Если спиритуализмъ объяснялъ

[1]) См., напр., статью Zittelmann'a „Der Materialismus in der Geschichtsschreibnng" (Preusziche Jahrbücher, XXXVII).

исторію изъ человѣка, словно принимая его, какъ существо, состоящее изъ одного духа, то есть, съ другой стороны, большая разница въ пониманіи той внѣшней среды, т.-е. чего-то, находящагося внѣ человѣка, изъ чего стремятся объяснять исторію натурализмъ и экономическій матеріализмъ: для перваго это—*природа*, для второго это—*экономическія отношенія* человѣческаго общества; для одного это—среда физическая, для другого—среда общественная. И эту общественную среду въ концѣ-концовъ экономическій матеріализмъ объясняетъ натуралистически, исходя, однако, не изъ понятія о внѣшней природѣ, а изъ понятія о человѣкѣ, взятомъ въ смыслѣ животнаго организма, нуждающагося въ пищѣ и теплѣ. Таково отношеніе матеріализма экономическаго къ натурализму. Но вѣдь есть еще матеріализмъ философскій (вѣрнѣе, метафизическій), представители коего направляютъ свои усилія *не* на разрѣшеніе вопроса о томъ, что обусловливаетъ собою историческую жизнь народовъ (т.-е. будетъ ли то внѣшняя природа, или то будутъ психическія явленія, происходящія въ самомъ человѣкѣ, хотя бы они были сами лишь продуктомъ чисто физіологическихъ процессовъ, или же, наконецъ, это будутъ отношенія строго экономическаго характера). Въ какомъ же отношеніи матеріализмъ экономическій стоитъ къ матеріализму метафизическому, признающему матерію за міровую сущность и видящему въ духѣ, говоря коротко, лишь продуктъ матеріи?

Мы увидимъ, что матеріализмъ экономическій возникъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ матеріализма философскаго, но мы не думаемъ, чтобы послѣдній необходимо долженъ былъ приводить къ экономическому матеріализму. Пусть матеріалистическая концепція вселенной будетъ права [1]), т.-е. пусть духъ будетъ лишь продуктомъ матеріи, а психическія явленія—результатомъ физіологическихъ процессовъ, это касается только вопроса объ отношеніи духа къ матеріи, объ отношеніи психическихъ явленій къ физіологическимъ процессамъ, чѣмъ отнюдь еще не предрѣшается вопросъ о роли психическаго фактора въ исторіи. Метафизическій матеріализмъ можетъ не отрицать существованія этого фактора, онъ только подчиняетъ его процессамъ, происходящимъ въ самомъ человѣческомъ

[1]) О нашемъ отношеніи къ матеріализму см. „Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія“.

тѣлѣ, а потому матеріалистическій метафизикъ можетъ признавать въ исторіи роль психическихъ явленій, происходящихъ внутри человѣка, хотя бы эти явленія и были для такого философа лишь продуктами физіологическихъ процессовъ, совершающихся въ человѣческомъ тѣлѣ. Можно быть, такимъ образомъ, матеріалистомъ и, сводя идеи къ простымъ матеріальнымъ движеніямъ въ мозгу, признавать тѣмъ не менѣе, что эти матеріальныя движенія въ формѣ идей играютъ большую и даже самостоятельную роль въ исторіи, а потому совсѣмъ не раздѣлять исторіологической концепціи экономическаго матеріализма. Мало того, метафизическій матеріализмъ, превращающій психологію въ простой отдѣлъ физіологіи, породилъ другія исторіологическія концепціи въ родѣ объясненія культурно-соціальной исторіи изъ анатомическихъ особенностей и физіологическихъ свойствъ, отличающихъ между собою отдѣльныя расы не только въ физическомъ, но и въ психическомъ отношеніи, или въ родѣ объясненія духовныхъ свойствъ народа тѣмъ, что онъ питается животной или растительною пищею, пьетъ кофе или чай, какъ это дѣлалось въ-серьёзъ одно время въ нашей литературѣ. Итакъ, мы не только не думаемъ, что экономическій матеріализмъ логически не вытекаетъ съ полною необходимостью изъ матеріализма метафизическаго или изъ натурализма въ двухъ его проявленіяхъ (каковыми мы считаемъ географическую теорію физической среды и антропологическую теорію физіологическихъ особенностей расы), но даже полагаемъ, что съ точки зрѣнія указанныхъ концепцій могли бы быть сдѣланы экономическому матеріализму и весьма серьезныя возраженія. Послѣдній отрицаетъ самостоятельное значеніе географическихъ и антропологическихъ факторовъ, изъясняя все изъ однихъ экономическихъ отношеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ лишь въ экономическихъ формахъ заставляя дѣйствовать въ исторіи „матерію“, въ то же время отрицаетъ права той „матеріи“, которая по матеріалистической метафизикѣ мыслитъ, чувствуетъ, желаетъ и дѣйствуетъ въ человѣкѣ. Эти общія соображенія объ отношеніи экономическаго матеріализма къ другимъ матеріалистическимъ теоріямъ исторіи я считалъ существенно необходимыми для выясненія общаго характера и генезиса экономическаго матеріализма.

Обращаемся теперь къ генезису ученія. Въ тѣхъ немногихъ сочиненіяхъ, въ коихъ мы нашли кое-какія данныя и

соображенія по вопросу о происхожденіи экономическаго матеріализма, указывается вообще на то, что ученіе это имѣетъ свой корень, съ одной стороны, въ Гегелевой философіи, съ другой—во французскомъ соціализмѣ первой половины нынѣшняго столѣтія. Самъ Энгельсъ,—вообще, замѣтимъ, гораздо больше, нежели Марксъ, занимавшійся мыслью объ экономической подкладкѣ всего историческаго процесса, — указывалъ и, даже можно сказать, особенно напиралъ на то, что экономическій матеріализмъ есть не что иное, какъ замѣна *идеалистическаго* содержанія историко-философской формулы Гегеля—содержаніемъ *матеріалистическимъ*, подобно тому, какъ и все ученіе Маркса представляется ему въ видѣ замѣны прежняго *утопическаго* соціализма французовъ—соціализмомъ *научнымъ*, основаннымъ на Гегелевой идеѣ развитія. Намъ еще придется подробнѣе говорить объ этомъ взглядѣ на происхожденіе экономическаго матеріализма, высказанномъ, между прочимъ, однимъ изъ его родоначальниковъ, а теперь, обратимъ вниманіе лишь на то, что авторы, писавшіе объ экономическомъ матеріализмѣ за послѣднее время, стали нѣсколько отступать отъ такого пониманія дѣла. Что гегельянство и ранній соціализмъ играли большую роль въ генезисѣ экономическаго матеріализма, въ этомъ, конечно, не можетъ быть никакого сомнѣнія, но вопросъ о томъ, какова была относительная роль каждаго изъ этихъ источниковъ, можетъ еще подлежать спору. Нѣкоторые новѣйшіе авторы, коимъ приходилось высказываться по вопросу, все болѣе и болѣе склоняются къ той мысли, что связь между гегельянствомъ и экономическимъ матеріализмомъ не *реальная*, а *формальная*, и они въ этомъ отношеніи совершенно правы, ибо у Гегеля Марксъ и Энгельсъ заимствовали пониманіе того, *какъ* совершается исторія, а не того, *въ чемъ* она состоитъ: можно думать, что существенное содержаніе исторіи заключается въ экономическомъ процессѣ, вовсе не раздѣляя гегельянскаго воззрѣнія на этотъ процессъ, какъ на діалектическій, и наоборотъ, можно понимать этотъ процессъ діалектически, вкладывая въ него и не-экономическое содержаніе, какъ это доказывается философіей исторіи самого Гегеля и его многочисленныхъ послѣдователей, кромѣ Маркса и Энгельса. Притомъ не всѣ новѣйшіе сторонники экономическаго матеріализма придаютъ значеніе гегельянской его окраскѣ у родоначальниковъ теоріи. Совершенно также и

въ спеціальной области Маркса, т. е. въ политической экономіи, наиболѣе важныя его идеи могутъ получать признаніе безъ всякаго обязательства со стороны признающаго непремѣнно принять все то, что въ ученіи Маркса носитъ слѣды гегельянскаго происхожденія. Одинъ изъ современныхъ теоретиковъ исторіи, весьма основательный ученый, именно Бернгеймъ, о которомъ намъ пришлось уже упомянуть, замѣчаетъ, что хотя при громадной начитанности Маркса и трудно опредѣлить источники его историко-философской концепціи, тѣмъ не менѣе у него оказывается наиболѣе точекъ соприкосновенія съ французскими соціалистами и философами исторіи,—и при этомъ Бернгеймъ даже едва упоминаетъ, да и то лишь въ подстрочномъ примѣчаніи, о связи воззрѣнія Маркса съ гегельянствомъ, отсылая за подробностями къ книгѣ Барта, о которой у насъ рѣчь будетъ впереди. И другіе новѣйшіе писатели сильнѣе подчеркиваютъ именно зависимость Маркса отъ французскихъ соціалистовъ и историковъ: отъ нихъ идетъ, дѣйствительно, самое главное—пониманіе общества и исторіи на чисто экономической подкладкѣ. Съ другой стороны, экономическій матеріализмъ въ исторіи сдѣлался своего рода историческимъ догматомъ современной нѣмецкой соціалъ-демократіи, одинъ изъ органовъ коей („Unsere Zeit") въ значительной степени содѣйствовалъ распространенію идеи экономическаго матеріализма въ Германіи. Но и тутъ мы встрѣчаемся опять-таки не съ такою связью между экономическимъ матеріализмомъ и соціализмомъ, которая вездѣ и всегда оставалась бы неразрывною. Упоминая объ одномъ защитникѣ экономическаго матеріализма (о Вейзенгрюнѣ, на которомъ мы остановимся подробнѣе ниже), все тотъ же Бернгеймъ, отведшій разсмотрѣнію этого направленія только три страницы, отмѣчаетъ, однако, что Вейзенгрюнъ отрѣшаетъ экономическую концепцію исторіи отъ ея спеціально соціалистической тенденціи (löst diese Theorie von ihrer speciell socialistischen Tendenz los). Равнымъ образомъ и г. Николаевъ, въ книгѣ своей „Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ" (Москва, 1892), относясь весьма сочувственно къ „гипотезѣ", замѣчаетъ, что партійное ея происхожденіе есть только случайность, и что гипотеза „могла появиться съ такимъ же удобствомъ въ другой партіи и еще лучше внѣ партій". Дѣйствительно, для того, чтобы признавать экономическую подкладку исторіи, не нужно быть непремѣнно соціалистомъ, а

съ другой стороны, и соціализмъ, какъ таковой, т.-е. какъ *практическое* ученіе *о перестройкѣ соціальной жизни* на новыхъ экономическихъ началахъ, не требуетъ необходимо, чтобы внѣ экономическихъ началъ ничего другого не принималось *для теоретическаго объясненія сущности историческаго процесса.*

Еще болѣе мы убѣдимся, что экономическій матеріализмъ мыслимъ безъ соціалистической окраски (какъ мыслимъ и соціализмъ безъ экономическаго матеріализма), если бросимъ даже самый бѣглый взглядъ на происхожденіе обѣихъ основныхъ историческихъ идей Маркса-Энгельса.

Экономическая концепція общества возникла вмѣстѣ съ политической экономіей, т.-е. впервые была формулирована еще въ XVIII в. физіократами и Адамомъ Смитомъ, на которыхъ соціалисты смотрятъ, какъ на буржуазныхъ экономистовъ. Если ранѣе всѣхъ положилъ эту концепцію въ основу всей соціологіи Сенъ-Симонъ, то не нужно забывать, что его и „утопическій соціализмъ" былъ отвергнутъ представителями экономическаго матеріализма. Съ другой стороны, соціализмъ отвергался Роджерсомъ, который, однако, очень близокъ къ экономическому матеріализму, тогда какъ Сенъ-Симонъ, мечтавшій о перерожденіи человѣчества посредствомъ „новаго христіанства" и вмѣстѣ съ Контомъ признававшій великую движущую силу за идеями, былъ очень далекъ отъ экономическаго объясненія исторіи, хотя и выдвинулъ весьма значительно впередъ экономическую сторону исторіи. Или еще примѣръ: Лакомбъ, пытающійся, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, объяснить исторію преимущественно экономически, полемизируетъ съ соціалистами и смотритъ крайне пессимистически на возможные результаты побѣды пролетаріата. Другая основная идея Маркса-Энгельса—та, что исторія въ послѣднемъ анализѣ сводится къ борьбѣ классовъ. Эту идею Марксъ нашелъ во французской исторіографіи временъ реставраціи и іюльской монархіи. Въ эпоху реставраціи во Франціи шла борьба между реакціонной землевладѣльческой аристократіей и либеральной капиталистической буржуазіей, впервые показавшей свою силу въ 1789 г., и съ этой точки зрѣнія многіе писатели понимали не только свое время или сравнительно недавнюю революцію, но и готовы были сводить къ ней чуть не все прошлое Франціи [1]). Іюльская революція дала побѣду

[1]) См. Исторію Зап. Евр., т. IV, стр. 289.

буржуазіи, но вслѣдъ затѣмъ возникъ антагонизмъ между буржуазіей и пролетаріатомъ, съ точки зрѣнія котораго равнымъ образомъ стала пониматься и изображаться какъ самая эпоха, такъ и революція конца XVIII в. Припомнимъ, что „Организація труда“ (1840) и „Исторія десяти лѣтъ“ (1841—1844) Луи Блана вышли почти одновременно, и что во введеніи къ этому своему труду онъ далъ знаменитое опредѣленіе буржуазіи и народа, борьбу между коими и изобразилъ впослѣдствіи въ своей „Исторіи французской революціи“ (1847 и слѣд.). Концепція исторіи, какъ борьбы классовъ, внушалась французскимъ писателямъ двадцатыхъ, тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ самою дѣйствительностью [1]), но эта борьба понималась въ соціалистическомъ освѣщеніи лишь одною частью тогдашнихъ историковъ и публицистовъ; другая ихъ часть была далека отъ того, чтобы классовой борьбѣ придавать именно такой характеръ. Наконецъ, можно указать на одного новѣйшаго соціолога, смотрящаго на исторію именно съ точки зрѣнія борьбы между отдѣльными соціальными группами, внутри коихъ существуетъ связь интересовъ, и изъ которыхъ однѣ господствуютъ надъ другими. Этотъ соціологъ — Гумпловичъ, авторъ книги подъ заглавіемъ „Grundriss der Sociologie“ [2]), а между тѣмъ Гумпловичъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ сойти за соціалиста [3]).

[1]) Отъ нихъ она перешла къ Лоренцу Штейну и независимо отъ Маркса повліяла на пониманіе экономической стороны исторіи и у другихъ писателей.

[2]) См. о ней въ соч. нашемъ „Сущность историческаго прогресса и роль личности въ исторіи“.

[3]) Недавно (1895 г.) вышло въ русскомъ переводѣ другое соч. этого писателя, именно „Соціологія и политика“. Въ ней Гумпловичъ самымъ категорическимъ образомъ заявляетъ свое несочувствіе къ соціализму (см. стр. 15—16). Весьма благосклонный къ экономической исторіи, Гумпловичъ считаетъ, однако, недостаточнымъ объяснять все одною экономіею (стр. 38, а также стр. 44). Между тѣмъ довольно близко къ теоріи борьбы классовъ онъ признаетъ за основной элементъ соціальной эволюціи и за простѣйшій факторъ историческаго процесса „соціальную группу“, „создавшуюся и обусловливаемую общимъ главнымъ жизненнымъ интересомъ“ (стр. 68). Его теорія борьбы группъ, какъ главнаго явленія исторіи, изложена на стр. 73 и слѣд.

Мало того: понимая общество не иначе, какъ въ смыслѣ господства одной соціальной группы надъ другими, и полагая, что вся внутренняя исторія общества сводится къ борьбѣ между такими группами, обособленными посредствомъ своихъ интересовъ, Гумпловичъ видитъ въ этомъ своего рода законъ природы, въ силу чего и общество, и исторія должны сохранить такой характеръ на вѣчныя времена, тогда какъ соціализмъ соединяется съ вѣрою въ то, что междуклассовой борьбѣ долженъ наступить конецъ. Съ этой стороны идея классовой борьбы въ исторіи человѣчества у соціалистическихъ представителей экономическаго матеріализма даже не играетъ такой основной роли, какъ у Гумпловича.

Такимъ образомъ, если экономическій матеріализмъ, какъ таковой, возникъ на почвѣ гегельянства и соціализма, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы *въ смыслѣ историко-философской доктрины* онъ долженъ былъ разсматриваться въ связи съ гегельянствомъ и соціализмомъ, такъ какъ сведеніе всей общественной жизни къ экономическимъ факторамъ можетъ быть мыслимо, а потому можетъ и доказываться (хотя, думаемъ мы, и не можетъ быть доказано), и оспариваться безъ всякаго отношенія къ философіи Гегеля или къ стремленіямъ соціальной демократіи, хотя послѣдняя и включаетъ экономическій матеріализмъ въ число своихъ теоретическихъ основаній. Настоящую основу такой исторической концепціи мы можемъ найти лишь въ односторонне-матеріалистическомъ взглядѣ на жизнь, за которымъ должны признать право на существованіе въ научной теоріи исторіи лишь постольку, поскольку внесеніемъ этой точки зрѣнія устраняется прежній односторонне-идеалистическій взглядъ. Конечно, на этомъ переворотѣ сказалось вліяніе самой жизни, но теоретическая мысль должна стоять выше жизни, безъ чего послѣдняя не можетъ получить вполнѣ разумнаго направленія.

VI. Историологическія воззрѣнія Маркса и Энгельса.

Обратимся теперь къ общей характеристикѣ теоретическихъ воззрѣній Маркса и Энгельса въ области исторіи.

Нами только-что было отмѣчено двойное вліяніе гегельянства и французскаго соціализма на Маркса и было указано, что первое подѣйствовало на него главнымъ образомъ формальною своею стороною. Въ частности, по вопросу о томъ, что составляетъ первооснову исторіи, Марксъ примкнулъ къ Фейербаху, одному изъ наиболѣе видныхъ представителей „крайней лѣвой“ гегельянства, учившему, что человѣкъ создаетъ идею, а не идея—человѣка: уже въ 1844 г. Марксъ объявилъ, въ „Deutsch-französische Jahrbücher“, издававшихся имъ вмѣстѣ съ Руге, что „человѣкъ создаетъ религію, а религія не создаетъ человѣка“,—взглядъ, который могъ легко быть примѣненъ и къ другимъ элементамъ культуры. Съ другой стороны, у французскаго соціализма Марксъ заимствовалъ свой взглядъ на человѣка преимущественно въ его отношеніи къ природѣ и къ средствамъ воздѣйствія на природу, т.-е. по отношенію къ его роли въ производствѣ. Въ 1847 г., далѣе, вышла въ свѣтъ его „Нищета философіи“, направленная, какъ извѣстно, противъ Прудона [1]), и въ этомъ сочиненіи, между прочимъ, проводится та мысль, что экономія не только не зависитъ отъ политики, но сама даже опредѣляетъ мораль и религію. Далѣе въ 1848 г., Марксъ и Энгельсъ, уже тогда раздѣлявшій его взгляды, издали знаменитый „Коммунистическій манифестъ“, въ которомъ эти мысли обобщаются, хотя, конечно, и не получаютъ большого развитія въ виду того, что авторы „Манифеста“ вовсе не думали, издавая его въ свѣтъ, излагать новую историческую теорію: цѣль ихъ была совсѣмъ иная, чисто боевая въ общественномъ смыслѣ. Тѣмъ не менѣе стоитъ отмѣтить наиболѣе для насъ интересныя мѣста этого воззванія. „Исторія,—говорится въ самомъ началѣ „Манифеста“,—всѣхъ донынѣ существовавшихъ обществъ есть исторія борьбы классовъ“... „Трудно ли понять,—

[1]) Между прочимъ Марксъ нападаетъ на Прудона за его мнѣніе, по которому дѣйствительныя общественныя отношенія производства суть воплощенія принциповъ или категорій, а не наоборотъ.

КООЯ ◦ К
КООЯ ◦ КООЯ ◦ КООЯ
КООЯ ◦ КООЯ ◦ КООЯ

сказано далѣе въ другомъ мѣстѣ, — что съ образомъ жизни людей, съ ихъ общественными отношеніями, съ ихъ общественнымъ положеніемъ мѣняются также ихъ представленія, воззрѣнія, понятія, словомъ, все ихъ міросозерцаніе? Что же доказываетъ исторія идей, если не то, что умственная дѣятельность преобразуется вмѣстѣ съ матеріальною? Господствующими идеями даннаго времени всегда были идеи господствующаго класса. Говорятъ объ идеяхъ, которыя создаютъ революціонное настроеніе во всемъ обществѣ; этимъ выражаютъ тотъ фактъ, что внутри стараго общества образовались элементы новаго строя, что рядомъ съ разрушеніемъ стараго образа жизни идетъ разложеніе старыхъ идей". Вотъ все существенное по интересующему насъ предмету, что только и можно найти въ „Манифестѣ". Заявляя, что „исторія всѣхъ донынѣ существовавшихъ обществъ основывалась на противоположности классовъ, принимавшей въ различныя эпохи различные виды", „Манифестъ" пророчитъ исчезновеніе тѣхъ формъ общественнаго сознанія, въ коихъ оно до сихъ поръ всегда вращалось, разъ произойдетъ полное уничтоженіе противоположности классовъ (другими словами, основа исторіи не принимается здѣсь за нѣчто вѣчное). Наконецъ, въ предисловіи къ сочиненію „Zur Kritik der politischen Oekonomie" (1859) Марксъ указываетъ на то, что „въ своей общественной жизни люди наталкиваются на извѣстныя, необходимыя, не зависящія отъ ихъ воли отношенія, именно на отношенія производства, соотвѣтствующія той или другой ступени развитія производительныхъ силъ. Вся совокупность этихъ отношеній производства, — продолжаетъ онъ, — составляетъ экономическую структуру обществъ, реальный базисъ (die reale Basis), на которомъ возвышается юридическая и политическая надстройка (Ueberbau) и которому соотвѣтствуютъ извѣстныя формы общественнаго сознанія". Отсюда онъ выводитъ, что „соотвѣтствующій матеріальной жизни способъ производства обусловливаетъ собою процессы соціальной, политической и духовной жизни вообще. Не понятія, — поясняетъ онъ, — опредѣляютъ общественную жизнь людей, но, наоборотъ, ихъ общественная жизнь обусловливаетъ собою ихъ понятія... Правовыя отношенія, — замѣчаетъ онъ еще, — равно какъ и формы государственной жизни, не могутъ быть объяснены ни сами собой, ни такъ называемымъ общимъ развитіемъ человѣческаго духа, но коренятся въ матеріальныхъ усло-

віяхъ жизни, совокупность которыхъ Гегель, по примѣру англичанъ и французовъ XVIII-го столѣтія, обозначилъ именемъ гражданскаго общества; анатомію же гражданскаго общества нужно искать въ его экономіи... На извѣстной ступени своего развитія матеріальныя производительныя силы общества приходятъ въ столкновеніе съ существующими отношеніями производства, или (говоря юридическимъ языкомъ) съ имущественными отношеніями, внутри которыхъ онѣ до тѣхъ поръ вращались. Изъ формъ, способствующихъ развитію производительныхъ силъ, эти имущественныя отношенія дѣлаются его тормазами... Съ измѣненіемъ экономическаго основанія измѣняется болѣе или менѣе быстро вся возвышающаяся на немъ огромная надстройка. Ни одна общественная формація не исчезаетъ раньше, чѣмъ разовьются всѣ производительныя силы, которымъ она предоставляетъ достаточно простора; и новыя, высшія отношенія производства никогда не занимаютъ мѣста старыхъ раньше, чѣмъ выработаются въ нѣдрахъ стараго общества матеріальныя условія ихъ существованія“.

Въ приведенныхъ выдержкахъ все, самое важное и существенное въ теоріи, выраженное словами самого Маркса: съ одной стороны, это—представленіе всей исторіи, какъ борьбы классовъ на почвѣ экономическихъ интересовъ, съ другой—представленіе экономической структуры общества какъ базиса, а всего остального--какъ надстройки; наконецъ, это—представленіе историческихъ перемѣнъ какъ перемѣнъ, обусловливающихся измѣненіями исключительно экономическаго свойства. Тутъ мы находимъ, выражаясь терминами Конта, и соціальную статику, и соціальную динамику, т.-е. и теорію общества, и теорію историческаго процесса. Эта послѣдняя основывается у Маркса на понятіи развитія противорѣчій каждой формы производства, причемъ развитіе это объявляется единственнымъ путемъ, по которому идетъ разложеніе и пересложеніе этихъ формъ,—и все это въ духѣ діалектики Гегеля. Эмпирическимъ субъектомъ этого діалектическаго процесса родоначальникъ экономическаго матеріализма считаетъ формы собственности, которыя суть лишь простыя юридическія выраженія формъ производства. Что касается до эмпирической причины процесса, то для Маркса она заключается въ противоположныхъ интересахъ общественныхъ

классовъ [1]). Весьма понятно, что если формальные элементы исторической теорiи Маркса ведутъ свое начало отъ Гегеля, то матерiальными онъ обязанъ главнымъ образомъ Луи Блану [2]), и вся оригинальность теорiи заключается именно въ своеобразномъ сочетанiи и тѣхъ, и другихъ элементовъ. Первоначально господствовалъ коммунизмъ, смѣнившiйся своею противоположностью — частною собственностью, но и послѣдняя переходитъ, посредствомъ собственной своей внутренней и неизбѣжной дiалектики, въ свою же противоположность.

Таково было происхожденiе и развитiе историко-теоретическихъ идей Маркса. Мы видѣли, какъ онъ примкнулъ сначала въ философiи къ крайней лѣвой гегельянства, удержавъ, однако, склонность, характеризующую всѣхъ гегельянцевъ, совершенно произвольно конструировать исторiю. Вопросъ о религiи игралъ весьма видную роль въ философiи Гегеля, и рѣшая его вообще въ томъ направленiи, которое особенно прославило Фейербаха, Марксъ чисто дiалектическимъ путемъ, а не на основанiи культурно-историческаго и сравнительнаго изученiя формъ религiознаго сознанiя, въ частности поставилъ послѣднiя въ зависимость отъ экономiи, никогда, однако, научнымъ образомъ не доказавъ этой мысли. Тѣмъ не менѣе найдена была формула, которую очень легко было превратить въ боевой лозунгъ въ начинавшейся соцiальной борьбѣ. Всякое общественное движенiе стремится себя санкцiонировать, ссылаясь для этого на ту или другую идею, которая и дѣлается своего рода догматомъ: въ эпоху реформацiи ссылались на „слово Божiе“, на „евангельскую свободу“ и т. п.; во время революцiи—на „естественное право“, на „священныя и неотчуждаемыя права человѣка и гражданина“ и т. п.; и вотъ составители „Коммунистическаго Манифеста“ также ссылаются на новое историческое ученiе, которое, однако, не доказывается, а излагается, какъ истина, не под-

[1]) Эту идею борьбы классовъ Марксъ примѣнилъ къ разсмотрѣнiю исторiи Францiи въ 1848—51, въ своемъ сочиненiи „18-ое брюмера Людовика Бонапарта“.

[2]) Adler. Die Grundlagen der Marx'schen Kritik der bestehenden Volkswirthschaft. Ср. выше, стр. 74. Страннымъ образомъ г. Бельтовъ, излагая генезисъ экономическаго матерiализма, пропустилъ Луи Блана, о чемъ см. ниже (въ гл. XII).

лежащая спору. И въ дальнѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ, въ коихъ Марксу приходилось высказываться по вопросу о сущности историческаго процесса, онъ предъявляетъ свое ученіе, какъ своего рода аксіому, не требующую дальнѣйшихъ доказательствъ. Вотъ почему намъ, конечно, совсѣмъ не приходится автора „Капитала“, какъ основателя особой историко-философской концепціи, ставить на одну доску съ Дарвиномъ, дѣйствительно произведшимъ переворотъ въ области біологическихъ наукъ. Марксъ, оставившій великую книгу въ политической экономіи, не создалъ такой книги для своей теоріи историческаго процесса. Между тѣмъ весьма многіе сторонники экономическаго матеріализма сравниваютъ значеніе Маркса въ философіи исторіи съ значеніемъ Дарвина въ философіи природы [1]. Энгельсъ, собственно говоря, для самого экономическаго матеріализма сдѣлалъ даже больше, чѣмъ Марксъ, но и его сочиненія, относящіяся къ этой историко-философской концепціи, не могутъ разсматриваться какъ труды, въ коихъ идея эта прежде всего доказывалась бы и обосновывалась, а не только пропагандировалась бы и не примѣнялась только, какъ вполнѣ доказанная и абсолютная истина, къ объясненію исторіи.

У Энгельса сравнительно съ Марксомъ мы находимъ, впрочемъ, мало оригинальнаго. Будучи гегельянцемъ по взгляду на исторію, какъ на процессъ чисто діалектическій, считая отрицаніе всеобщимъ, всегда и вездѣ дѣйствующимъ и наиболѣе важнымъ закономъ мышленія и бытія (природнаго и историческаго), Энгельсъ видитъ содержаніе исторіи въ процессѣ экономическомъ, какъ и Марксъ. Оцѣнивая общее значеніе своего друга въ исторіи, Энгельсъ ставитъ ему въ заслугу главнымъ образомъ два крупныя открытія: матеріалистическое пониманіе исторіи и разоблаченіе тайны капиталистическаго производства. Хотя по первому пункту самъ Энгельсъ высказывался гораздо болѣе, нежели Марксъ, тѣмъ не менѣе, по его собственному заявленію въ предисловіи къ сочиненію о нѣмецкой крестьянской войнѣ [2]), матеріалистическое пониманіе исторіи именно имѣетъ своимъ родоначальникомъ не его, а Маркса. Въ статьѣ своей о заслугахъ, оказанныхъ

[1]) См., напр., Gerhard Krause, Die Entwickelung der Geschichtsauffassung bis auf Karl Marx. Berlin, 1891.

[2]) Der deutsche Bauernkrieg.

Марксомъ наукѣ [1]), онъ на первое мѣсто опять ставитъ переворотъ, произведенный его другомъ во взглядѣ на исторію, какъ на борьбу классовъ.

Но болѣе глубокой, чѣмъ у Маркса, обосновки этого взгляда Энгельсъ не даетъ, если только не считать того, что въ своей извѣстной полемикѣ съ Дюрингомъ онъ стремится доказать научность своего историческаго взгляда, ставя его въ связь съ философіей Гегеля, при чемъ онъ защищаетъ однако не столько экономическій матеріализмъ, сколько соціализмъ въ своемъ пониманіи. Въ извѣстномъ сочиненіи „Herrn E. Dühring's Umwälzung der Wissenschaft" [2]), Энгельсъ коснулся именно анти-историчности соціальныхъ утопій, коимъ онъ и противополагаетъ соціализмъ научный. „Соціализмъ въ представленіи утопистовъ,—говоритъ онъ,—есть выраженіе абсолютной истины, разума и справедливости, и нужно только открыть его, чтобы онъ собственной силою покорилъ весь міръ; а такъ какъ абсолютная истина не зависитъ отъ времени, пространства и историческаго развитія человѣчества, то это уже дѣло чистой случайности, когда и гдѣ она будетъ открыта". Научное значеніе соціализмъ, по его словамъ, могъ получить, лишь ставъ на реальную почву, которую создала философія Гегеля; величайшая же заслуга этой философіи, по мнѣнію Энгельса, „состоитъ въ томъ, что она въ первый разъ представила весь естественный, историческій и духовный міръ въ видѣ процесса, т.-е. изслѣдовала его въ безпрерывномъ движеніи, измѣненіи и развитіи и пыталась обнаружить взаимную внутреннюю связь этого движенія и развитія". Только,—прибавляетъ онъ,—„уразумѣніе полной ошибочности господствовавшаго въ Германіи идеализма должно было неизбѣжно привести къ матеріализму", который — однако — остался все-таки діалектическимъ. Къ этому присоединились обстоятельства времени, и „новые факты заставили подвергнуть всю прежнюю исторію новому изслѣдованію, и тогда выяснилось, что вся она, за исключеніемъ первобытнаго состоянія, была исторіею борьбы классовъ, что эти борющіеся

[1]) Arbeiter-Kalender за 1878 годъ.

[2]) Въ журналѣ „Слово" за 1879 г. была помѣщена статья Н. З. (покойнаго Н. И. Зибера) подъ заглавіемъ „Діалектика въ ея примѣненіи къ наукѣ", представляющая собою весьма подробную передачу содержанія этого труда Энгельса.

общественные классы являются въ каждый данный моментъ результатомъ условій производства и обмѣна, короче—экономическихъ отношеній своего времени". Однимъ словомъ, по представленію Энгельса, „Гегель освободилъ отъ метафизики пониманіе исторіи, — онъ сдѣлалъ его діалектическимъ,—но его собственный взглядъ на нее былъ идеалистиченъ по существу. Теперь идеализмъ былъ изгнанъ изъ его послѣдняго убѣжища въ области исторіи; теперь пониманіе исторіи стало матеріалистическимъ; теперь найденъ былъ путь для объясненія человѣческаго самосознанія условіями человѣческаго существованія, вмѣсто прежняго объясненія этихъ условій человѣческимъ самосознаніемъ".

Въ приведенныхъ словахъ возникновеніе экономическаго матеріализма оправдывается съ точки зрѣнія ложности прежнихъ воззрѣній. Научная *идея* развитія, дѣйствительно, многимъ обязана философіи Гегеля, хотя изъ этого еще не слѣдуетъ, что вѣрна именно Гегелева формула развитія. Съ другой стороны, обнаруженіе ошибочности прежняго идеализма не можетъ служить доводомъ въ пользу того, чтобы искать истину въ его противоположности, ибо ошибочность заключалась только въ односторонности. Новое историческое ученіе, дѣйствительно, оказало большую услугу, открывъ, такъ сказать, борьбу классовъ въ исторіи; но это еще не даетъ никому права утверждать, будто вся исторія заключается въ одной этой борьбѣ и будто вся эта борьба сводится къ однимъ условіямъ производства и обмѣна.

„Матеріалистическое пониманіе исторіи, — говоритъ еще Энгельсъ, — основывается на томъ положеніи, что производство и обмѣнъ продуктовъ служатъ основаніемъ всякаго общественнаго строя, что въ каждомъ историческомъ обществѣ распредѣленіе продуктовъ, а съ нимъ и образованіе классовъ или сословій зависитъ отъ того, ка̀къ и что̀ производится этимъ обществомъ и какимъ способомъ обмѣниваются произведенные продукты". Отсюда слѣдуетъ, что „коренныхъ причинъ соціальныхъ перемѣнъ и политическихъ переворотовъ нужно искать не въ головахъ людей, не въ болѣе или менѣе ясномъ пониманіи ими вѣчной истины и справедливости, а въ измѣненіи способовъ производства и обмѣна, другими словами, не въ философіи, а въ экономіи данной эпохи. Пробудившееся сознаніе неразумности и несправедливости существующихъ общественныхъ отношеній

служитъ лишь указаніемъ на то, что въ способахъ производства и въ формахъ обмѣна постепенно совершились измѣненія настолько значительныя, что имъ не соотвѣтствуетъ болѣе порядокъ, выкроенный по мѣркѣ старыхъ экономическихъ условій". Или вотъ какъ еще Энгельсъ формулируетъ ту же мысль: „экономическій строй общества каждой данной эпохи представляетъ ту реальную почву, свойствами которой объясняется въ послѣднемъ анализѣ вся надстройка, образуемая совокупностью правовыхъ и политическихъ учрежденій, равно какъ и религіозныхъ, философскихъ и прочихъ воззрѣній каждаго даннаго историческаго періода". Въ этихъ словахъ мы въ сущности находимъ лишь пересказъ мысли Маркса и также въ чисто догматической формѣ. Энгельсъ говоритъ намъ, на чемъ основывается матеріалистическое пониманіе исторіи: это — извѣстныя положенія, которыя сами еще нуждаются въ доказательствахъ, а между тѣмъ онъ не доказываетъ ни одного изъ нихъ, довольствуясь простыми заявленіями въ родѣ того, что будто бы состояніе умовъ такъ-таки не играетъ никакой роли въ общественныхъ измѣненіяхъ. Нельзя еще не упомянуть, что и Энгельсъ смотритъ на „раздѣленіе общества на классы эксплуатирующіе и эксплуатируемые, господствующіе и угнетаемые", лишь какъ на „необходимое слѣдствіе прежняго недостаточнаго развитія производства". Но если, по его мнѣнію, такое раздѣленіе и имѣетъ извѣстное историческое оправданіе, то лишь для даннаго періода и при данныхъ условіяхъ: оно, говоритъ онъ, „коренилось въ слабости производства и будетъ сметено полнымъ развитіемъ современныхъ производительныхъ силъ".

Съ теченіемъ времени Энгельсъ дополнилъ свой взглядъ новыми соображеніями, которыя внесли въ него существенное измѣненіе [1]). Если ранѣе онъ признавалъ за основу матеріальнаго пониманія исторіи только изслѣдованіе экономической структуры общества, то позднѣе онъ призналъ равносильное значеніе и за изслѣдованіемъ семейнаго устройства, что̀ случилось подъ вліяніемъ новаго представленія о первобытныхъ формахъ брачныхъ и семейныхъ отношеній,

[1]) *Г. Бельтовъ* (Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію, стр. 137) говоритъ, что я не имѣлъ права сказать такимъ образомъ о новыхъ взглядахъ Энгельса. Соображенія г. Бельтова меня не убѣдили, и я оставляю эту фразу въ прежнемъ видѣ.

заставившаго его принять въ расчетъ не одинъ только процессъ производства продуктовъ, но и процессъ воспроизведенія человѣческихъ поколѣній. Въ данномъ отношеніи вліяніе шло въ частности со стороны „Древняго общества“ Моргана [1]). Уже самъ Марксъ хотѣлъ представить выводы изъ изслѣдованій Моргана въ освѣщеніи своего собственнаго пониманія исторіи: Энгельсъ занялся этимъ дѣломъ во исполненіе воли своего покойнаго друга, результатомъ чего было особое сочиненіе о происхожденіи семьи, собственности и государства [2]), имѣвшее въ Германіи нѣсколько изданій и переведенное на разные языки. Это весьма

[1]) Lewis H. Morgan, Ancient Society, or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery through Barbarism to Civilization. 1877.

[2]) Engels. Ursprung der Familie, des Privateigenthums und des Staates in Anschluss an H. Lewis Morgan's Anschauungen. 1884. Книжка вышла и въ русскомъ переводѣ, причемъ въ теченіе года выдержала три изданія. По Энгельсу, рѣшающимъ моментомъ въ исторіи является производство и воспроизведеніе общественной жизни, т.-е. производство средствъ существованія и поддерживаніе рода. Общественныя учрежденія обусловливаются обоими родами производства, степенью развитія труда и степенью развитія семьи (стр. I русскаго перевода). Энгельсъ до такой степени увѣренъ въ истинности теоріи Моргана о первобытной семьѣ, что открытіе его сравниваетъ съ открытіемъ эволюціи организмовъ Дарвиномъ и прибавочной стоимости Марксомъ (стр. XIV). Тѣмъ не менѣе экономическія соображенія Моргана Энгельсъ считаетъ недостаточными и замѣняетъ ихъ своими (стр. II). Въ какомъ бы смыслѣ ни рѣшался вопросъ о первобытныхъ брачныхъ и семейныхъ отношеніяхъ и о ихъ эволюціи въ болѣе сложныя формы общежитія, это не можетъ имѣть ни малѣйшаго вліянія на самую сущность экономическаго матеріализма, сводящаго все къ одному воспроизведенію жизни путемъ добыванія средствъ къ существованію, причемъ нельзя не замѣтить, что Энгельсъ все-таки отступилъ отъ первоначальной мысли экономическаго матеріализма, поставивъ рядомъ съ производствомъ продуктовъ воспроизведеніе потомства. Послѣднее къ теоріи пришито внѣшнимъ образомъ, и, напр., одинъ изъ позднѣйшихъ представителей теоріи (Г. Туганъ-Барановскій въ „Мірѣ Божіемъ“ за 1895, XII, стр. 114), повидимому, высказывается противъ этой прибавки, заявляя, что творческая сила исторіи заключается въ голодѣ, но что любовь не есть историческій факторъ.

интересная книжка, въ которой мы имѣемъ, однако, дѣло не съ обоснованіемъ матеріалистической теоріи исторіи,—открытой, по словамъ Энгельса, вторично Морганомъ въ Америкѣ черезъ сорокъ лѣтъ послѣ открытія Маркса,—а съ примѣненіемъ этой идеи и къ до-исторической эпохѣ.

Мы уже упоминали раньше, что лишь за послѣднее, сравнительно очень короткое, время экономическій матеріализмъ заставилъ о себѣ говорить. Въ литературѣ, посвященной выясненію основной его точки зрѣнія, преобладаетъ догматическое къ нему отношеніе, какъ къ вполнѣ установленной теоріи. Но экономическій матеріализмъ начинаетъ обращать на себя вниманіе и критики, не всегда, впрочемъ, отмѣчающей чисто догматическій характеръ всего ученія [1]). Прежде, нежели мы перейдемъ къ разсмотрѣнію нѣсколькихъ сочиненій, написанныхъ въ защиту основной мысли ученія, мы остановимся на нѣсколькихъ страницахъ (текста и примѣчаній) интересной книги Павла Барта объ историко-философскихъ воззрѣніяхъ Гегеля и гегельянцевъ до Маркса и Гартмана включительно [2]). Понятно, мы не станемъ разбирать всю эту книгу, а укажемъ лишь на то, что имѣетъ прямое отношеніе къ нашему предмету.

Марксъ, по словамъ Барта, такъ много носитъ на себѣ слѣдовъ гегельянства въ *формальномъ отношеніи* (in formaler Hinsicht), что его историко-философскія воззрѣнія непремѣнно должны были быть разсмотрѣны въ сочиненіи, посвященномъ вообще разбору гегельянской исторической философіи. Бартъ даже смотритъ на Маркса, какъ на послѣдняго самостоятельнаго представителя этой школы въ данной области, съ которымъ и прекратилось дальнѣйшее развитіе основного взгляда Гегеля на сущность историческаго процесса. Совершенно вѣрно критикъ отмѣчаетъ при этомъ еще и то, что на Маркса и Энгельса гегельянство повліяло лишь со стороны ученія о діалектической необходимости всемірно-историческаго процесса, но что подъ вліяніемъ Фейербаха оба они усвоили чисто матеріалистическую точку зрѣнія и

[1]) Ср. Bernheim, Lehrbuch der historischen Methode.

[2]) Die Geschichtsphilosophie Hegel's und der Hegelianer bis auf Marx und Hartmann. Ein kritischer Versuch von Dr. Paul Barth., 1890. Изъ экономическихъ матеріалистовъ Барту отвѣчалъ Мерингъ, о которомъ см. ниже, стр. 104 и слѣд.

вложили въ логическую формулу вполнѣ эмпирическое содержаніе. Съ этой стороны онъ нападаетъ на одного изъ авторовъ [1]), писавшихъ о марксизмѣ и утверждавшихъ, что матеріалистическая теорія исторіи Маркса вполнѣ оригинальна, за исключеніемъ развѣ только усвоенія имъ историческихъ взглядовъ Луи Блана. Вполнѣ согласно съ истиной понимаетъ Бартъ и то отношеніе, въ какомъ Марксъ находился къ историкамъ французской революціи и къ французскимъ соціалистамъ. Но для того, чтобы критиковать экономическій матеріализмъ, Барту пришлось выискать въ главныхъ научныхъ трудахъ Маркса отдѣльныя, иногда совершенно отрывочныя замѣчанія, имѣющія то или иное отношеніе къ вопросу, чтобы такимъ путемъ возсоздать въ сколько нибудь цѣльномъ видѣ историческое міросозерцаніе автора „Капитала“: до такой степени Марксъ самъ не позаботился вполнѣ развить и разъяснить свои взгляды [2]). Напр., для доказательства того, что и философія находится въ зависимости отъ экономическихъ измѣненій, Бартъ нашелъ у Маркса лишь одно примѣчаніе съ такого рода утвержденіемъ: Декартъ, опредѣляя животныхъ, какъ простыя машины, уже отражалъ на себѣ вліяніе начинавшагося въ его время мануфактурнаго періода въ отличіе отъ среднихъ вѣковъ, когда на животныхъ смотрѣли, какъ на помощниковъ человѣка. Всякій, кто только знакомъ съ тѣмъ, какъ возникаютъ и развиваются философскія воззрѣнія, признаетъ полную несостоятельность такого объясненія. Вообще, — отмѣчаетъ и этотъ критикъ указываемую всѣми характерную особенность экономическаго матеріализма,—Марксъ и его школа довольствуются весьма немногими, какъ выражается самъ Энгельсъ, „иллюстраціями“ общаго положенія.

Весьма естественно, что нашему автору не стоило большого труда указать на несостоятельность сведенія всѣхъ

[1]) Adler. Die Grundlagen der Marx'schen Kritik der bestshenden Volkswirthschaft.

[2]) Не сдѣлали этого и послѣдователи Маркса, а между тѣмъ одинъ изъ нихъ прямо заявляетъ: Es wäre eine sehr lohnende Aufgabe die Fülle historischer Gesichtspunkte, die in den Schriften von Marx und Engels zerstreut sind, systematisch zusammenstellen, und sicherlich wird diese Aufgabe einmal gelöst werden. *Mehring.* Die Lessings-Legende, 431.

элементовъ культуры къ одной экономикѣ. Опираясь, напр., на факты и на выводы авторитетныхъ ученыхъ, онъ доказываетъ, что во многихъ случаяхъ политика опредѣляетъ или обусловливаетъ экономію вопреки утвержденію школы о противномъ. Между прочимъ, онъ приводитъ нѣкоторыя соображенія, основанныя на изслѣдованіяхъ одного изъ лучшихъ теперешнихъ историковъ экономическаго быта, Инамы-Штернегга [1]), который даже формулируетъ такое общее положеніе, что взаимодѣйствіе между политикой и хозяйствомъ является основной чертой развитія всѣхъ государствъ и всѣхъ народовъ. „Главенство (das Principat) экономіи надъ политикой,—говоритъ Брантъ,—не можетъ быть доказано ни для начала, ни для продолженія исторіи, а скорѣе существуетъ тѣснѣйшее взаимодѣйствіе между обѣими сферами жизни, никоимъ образомъ не оправдывающее уподобленія одной основанію, а другой—надстройкѣ“. „Право,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—не есть простая надстройка, но имѣетъ существованіе, частью отъ хозяйства независимое, все болѣе и болѣе упрочивающееся съ теченіемъ исторіи и не только подвергающееся вліянію другихъ сторонъ жизни, но и само на нихъ вліяющее“ [2]). Мы уже видѣли, въ чемъ заключается общій взглядъ Маркса на религію, являющуюся у него точно также лишь функціей экономіи, и, конечно, Барту не особенно трудно было установить ту истину, что „религія въ происхожденіи своемъ далека отъ экономіи: если, — замѣчаетъ онъ,—позднѣе экономія и могла воздѣйствовать на религію, —что Марксомъ только утверждается, но нигдѣ не доказывается,—то подобнаго рода вліяніе должно быть весьма незначительно“. Наоборотъ, критикъ указываетъ на случаи глубокаго вліянія религіи на экономію, причемъ имѣетъ за себя между прочимъ книгу Феликса: „Entwickelungsgeschichte des Eigenthums“, третій томъ коей (Der Einfluss der Religion auf die Entwickelung des Eigenthums) какъ-разъ заключаетъ въ себѣ факты, свидѣтельствующіе о томъ, что религіозныя воззрѣнія въ значительной мѣрѣ опредѣляютъ формы соб-

[1]) K. T. v. Inama-Sternegg, Deutsche Wirthschaftsgeschichte bis zum Schluss der Karolingenperiode. 1879.

[2]) И въ другомъ мѣстѣ: Das Recht führt also eine selbstständige, eigene, wenn auch nicht unabhängige Existenz, es ist nicht eine blosse Function der Oekonomie.

ственности. Наконецъ, Бартъ касается вопроса и о взаимныхъ отношеніяхъ между философіей и экономіей. По Марксу выходитъ, что новое мышленіе было результатомъ измѣненій въ производствѣ, тогда какъ, наоборотъ, уже Декартъ и Бэконъ вѣрно указывали на то, что новые пріемы мысли произвели измѣненія въ производствѣ, давъ человѣку сильную власть надъ природой. Кромѣ того, онъ весьма основательно ссылается еще на то, что очень часто „философія опредѣляетъ политику, а чрезъ нее посредственно и экономію".

Въ критикѣ Барта особенно интересны двѣ страницы, посвященныя разбору взгляда Маркса на діалектическій процессъ исторіи. По его представленію, все это воззрѣніе есть сплошная ошибка. „Съ тою же,—говоритъ онъ,—быстротою, съ какою одно сужденіе уничтожается его отрицаніемъ, по этой иллюзіи должно измѣняться и историческое состояніе и вмѣстѣ съ тѣмъ должно производить свою противоположность. Заблужденіе сдѣлается яснымъ, если мы разложимъ на основные элементы сложное понятіе того, что подлежитъ превращенію. Статическое состояніе общества заключается въ томъ, что большое число людей, образующихъ общество, привыкло хотѣть и дѣйствовать на основаніи извѣстныхъ понятій. Эти понятія одни и тѣ же въ разныхъ классахъ, но только однѣ дѣятельности, вслѣдствіе раздѣленія труда, въ разныхъ классахъ различны. Разъ въ какомъ-либо классѣ измѣнились эти общія понятія—измѣнятся въ немъ и стремленія (ihr Wollen) и начнется борьба классовъ, изъ которой Марксъ дѣлаетъ единственный рычагъ соціальной динамики. Однако, понятія класса, стремящагося къ перемѣнѣ, не могутъ тотчасъ же осуществить новаго состоянія, ихъ воля сталкивается съ волею класса, коснѣющаго въ старыхъ понятіяхъ, и эта-то послѣдняя въ стремленіи своемъ итти по пути наименьшаго сопротивленія (т.-е. по пути привычки) дѣлается реальною силою, противодѣйствующею новой волѣ другого класса. Такимъ образомъ, разъ только эти силы взаимно не уничтожаются, дальнѣйшее движеніе пойдетъ не по направленію новаго класса, не въ направленіи діаметрально противоположномъ прежнему, а по нѣкоторой равнодѣйствующей, образованной обоими. Вмѣсто логическаго чистаго отрицанія существующихъ порядковъ, въ исторіи, такимъ образомъ, мы имѣемъ дѣло съ реальнымъ, лишь въ извѣстной только части отрицательнымъ измѣненіемъ". Это общее раз-

сужденіе Бартъ иллюстрируетъ примѣрами, взятыми изъ исторіи разныхъ переворотовъ. Тѣмъ не менѣе критикъ признаетъ, что Марксъ и его послѣдователи „оказали большую услугу, указавъ, если не впервые, то съ особою рѣзкостью на участіе, какое экономія принимаетъ въ генезисѣ всѣхъ, даже наиболѣе возвышенныхъ проявленій общественной жизни: они, —прибавляетъ Бартъ,—только слишкомъ преувеличили значеніе этого участія и даже приписали ему значеніе исключительно всеобъясняющей причины".

Критику экономическаго матеріализма у Барта можно признать безпристрастной и въ общемъ весьма основательной. Очень хорошо показана несостоятельность гегельянской стороны ученія,—безъ которой, какъ мы уже видѣли, оно, впрочемъ, можетъ и обойтись,—и генезисъ общественныхъ перемѣнъ выясненъ съ бо́льшею вѣроподобностью, чѣмъ это сдѣлано Марксомъ и Энгельсомъ. Отмѣчена критикомъ дѣйствительная заслуга направленія, но не упущено изъ виду и того, что собственно теорію Маркса приходится нерѣдко возсоздавать на основаніи отдѣльныхъ, часто отрывочныхъ замѣчаній. Ни цѣли, ни размѣры нашихъ этюдовъ не позволили намъ подробнѣе остановиться на аргументаціи Барта въ пользу независимаго отъ экономіи происхожденія религіи, философіи, отчасти права и государства, и въ доказательство того, что и эти стороны соціальнаго существованія могутъ оказывать вліяніе на экономическую сферу: для насъ важно лишь то, что критикъ аргументируетъ, тогда какъ противъ себя онъ имѣетъ очень часто не аргументы, а прямо голословныя утвержденія. Быть можетъ, не всѣ отдѣльныя возраженія Барта удачны, но, во всякомъ случаѣ, онъ стремится пользоваться данными, какія находятся въ сочиненіяхъ спеціалистовъ, изучавшихъ экономическую исторію въ ея отношеніяхъ къ другимъ проявленіямъ общественной жизни,—доказательство между прочимъ и того, что не всегда исключительное занятіе экономическою исторіей приводитъ къ одностороннему взгляду на сущность историческаго процесса. Страницы, посвященныя въ книгѣ Барта критикѣ экономическаго матеріализма, могутъ быть указаны въ качествѣ образчика того, какъ слѣдуетъ рѣшать вопросъ о роли экономическаго фактора въ исторіи [1]).

[1]) Замѣчанія мои о книгѣ Барта перепечатываются здѣсь безъ

VII. Разборъ аргументаціи нѣмецкихъ сторонниковъ экономическаго матеріализма.

Спеціальная литература экономическаго матеріализма крайне скудна. Нужно замѣтить, что авторы, писавшіе въ духѣ этого направленія, нерѣдко причисляютъ къ нему труды, которые были задуманы и написаны совсѣмъ не въ смыслѣ экономическаго матеріализма, а просто только въ экономическомъ направленіи [1]).

измѣненій изъ статьи „Экономическій матеріализмъ". Уже послѣ напечатанія этой статьи я познакомился съ возраженіями, сдѣланными Барту Мерингомъ (о работѣ коего см. въ слѣдующей главѣ), но эти возраженія не такого свойства, чтобы заставить кого-либо, кто только знакомъ съ работой Барта, измѣнить свой взглядъ на сильныя стороны его критики. Въ русской литературѣ подобнымъ способомъ опроверженія экономическаго матеріализма пользуется г. Кудринъ, о статьѣ коего мы говоримъ ниже, въ главѣ XIII.

[1]) Сторонники экономическаго матеріализма зачисляютъ въ свою литературу иногда книги, написанныя совсѣмъ въ другомъ духѣ. Напр., г. П. Николаевъ (см. ниже, гл. VIII) причисляетъ къ этой школѣ такихъ писателей, какъ Роджерса, Гиббинса, Летурно и т. д., лишь бы только тотъ или другой писатель или просто занимался исторіей экономическаго быта или вносилъ въ исторію разсмотрѣніе экономическаго фактора. При *такомъ* пониманіи экономическаго матеріализма можно до-нельзя расширить его литературу. Мнѣ лично доказывали, что я тоже экономическій матеріалистъ, и при этомъ ссылались на такого рода доказательства. Во-первыхъ, я написалъ книгу „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII вѣка", въ которой разсматриваю свой предметъ, главнымъ образомъ, съ экономической точки зрѣнія, но дѣло въ томъ, что объ этомъ предметѣ и странно было бы говорить не съ экономической точки зрѣнія. Почему я выдвинулъ на первый планъ экономическую точку зрѣнія передъ юридическою, которая господствовала раньше въ работахъ о французскихъ крестьянахъ, я объяснилъ въ этой своей книгѣ и въ другой, посвященной тому же предмету (очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ). Во-вторыхъ, мнѣ указывали на то, что я не въ примѣръ другимъ (между прочимъ иностраннымъ) авторамъ общихъ курсовъ исторіи включилъ въ свою „Исторію западной Европы" (осо-

ВНЯ
ВНЯ ВНЯ ВНЯ
ВНЯ ВНЯ ВНЯ

Въ Германіи экономическій матеріализмъ пропагандировался, главнымъ образомъ, въ журнальныхъ статьяхъ и брошюрахъ. Особенно въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отмѣтить „Unsere Zeit“, гдѣ работаетъ Каутскій (родомъ чехъ), авторъ нѣсколькихъ историческихъ работъ въ духѣ экономическаго матеріализма, хотя эти работы представляютъ не теоретическое обоснованіе доктрины, а ея примѣненіе къ разсмотрѣнію дѣйствительной исторіи [1]). Каутскій—писатель, несомнѣнно, талантливый, и ему никоимъ образомъ нельзя отказать въ знаніи исторіи и умѣніи научно пользоваться ея матеріаломъ; а такъ какъ онъ интересуется исключительно тѣми историческими явленіями, которыя, дѣйствительно, объясняются классовою борьбою на экономической почвѣ, то въ общемъ его историческія работы не могутъ вызывать противъ себя такой критики, съ какою необходимо отнестись къ книгѣ Лоріа (см. ниже, гл. IX), хотя въ частности и у Каутскаго мы находимъ натяжки, объясняющіяся желаніемъ его свести къ экономическому началу факты, имѣющіе въ сущности другую основу. Укажемъ, напр., на его очень хорошую брошюру „Die Klas-

бенно въ IV томъ) много экономіи и подробно говорю здѣсь о такихъ предметахъ (напр., о значеніи введенія машинъ), о коихъ общіе историки молчатъ. Но и это доказываетъ только одно, что я признаю громадную важность экономическаго фактора, отнюдь, однако, не считая его всеопредѣляющимъ.

[1]) Одной изъ первыхъ его работъ (1885) была статья: „Die Entstehung des Christenthums“, гдѣ проводится та мысль, что христіанство было создано матеріальными факторами, и прежде всего обѣднѣніемъ народа. Замѣтимъ, что въ числѣ работъ Каутскаго можно найти довольно подробное (248 стр.) изложеніе экономическаго ученія Маркса (Karl Marx' oekonomische Lehren). Эта книжка, вышедшая въ 1894 г. пятымъ изданіемъ, содержитъ въ себѣ отдѣлы о товарѣ, деньгахъ и капиталѣ (I), о прибавочной стоимости (II), о рабочей платѣ и прибыли съ капитала (III). Разумѣется, въ книжкѣ переданы взгляды Маркса на экономическую исторію съ его предсказаніями относительно будущаго. Если бы экономическій матеріализмъ, дѣйствительно, былъ нуженъ для обоснованія марксизма, авторъ, конечно, не преминулъ бы дать болѣе или менѣе подробное изложеніе этой теоріи, но онъ этого не сдѣлалъ,—лишнее доказательство въ пользу того, что говорится нами выше, на стр. 57 и слѣд.

sengegensätze von 1789“ [1]), которую можно рекомендовать, какъ ясное и толковое изображеніе соціальнаго строя Франціи передъ революціей и во время самой революціи. Кто хочетъ, однако, познакомиться съ тѣмъ, къ какимъ натяжкамъ приходилось Каутскому прибѣгать при объясненіи *всей* исторіи изъ одной экономіи, тому лучше всего заглянуть въ историческое введеніе къ его книгѣ о „Томасѣ Морусѣ и его Утопіи“, посвященное философскому обзору „вѣка гуманизма и реформаціи“ [2]). Не разсматривая подробно всего построенія авторомъ этого важнаго періода новой европейской исторіи, мы приведемъ лишь примѣры такого рода историческаго объясненія, которое не выдерживаетъ строгой критики, и именно потому, что авторъ подъискиваетъ иногда для разсматриваемыхъ имъ явленій неподходящія экономическія основанія, когда эти явленія, наоборотъ, подлежатъ чисто культурному объясненію.

Гуманизмъ и реформація создали цѣлый переворотъ въ общемъ міросозерцаніи западно-европейскихъ народовъ, и съ этой стороны ихъ главнымъ образомъ сначала и изучали историки, выдвигавшіе на первый планъ культурную точку зрѣнія, что̀ было вполнѣ законно, насколько гуманизмъ, протестантизмъ и сектантство были движеніями, совершавшимися прежде всего въ духовной сферѣ. Въ самомъ дѣлѣ, возрожденіе и реформація были результатомъ, съ одной стороны, разложенія средневѣкового католическаго міросозерцанія съ его схоластической философіей, бывшею въ услуженіи у теологіи, съ его аскетической моралью, съ его теократической политикой, а съ другой стороны, оба названныя историческія явленія были результатомъ бо̀льшаго духовнаго развитія личности, обнаружившей стремленіе къ выработкѣ самостоятельнаго міросозерцанія въ большемъ соотвѣтствіи

[1]) Была переведена по-русски въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ за 1889 г.

[2]) *Karl Kautsky*. Thomas More und seine Utopie (Mit einer historischen Enleitung). Stuttgart. 1890. Введеніе (стр. 1—101), о коемъ идетъ рѣчь, было также переведено по-русски, какъ самостоятельная статья, и помѣщено первоначально въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“. Эта работа перепечатана въ „Очеркахъ и этюдахъ“ Карла Каутскаго (Спб. 1895), куда, къ сожалѣнію, не вошла указанная выше статья о 1789 г. По-русски переведена еще книжка Каутскаго „Возникновеніе брака и семьи“ (Спб. 1895).

съ требованіями ея духовной и физической природы и притомъ міросозерцанія болѣе свѣтскаго характера. Исторія духовной культуры новаго времени, исторія религіи, философіи, морали, литературы, искусства, науки и политической мысли послѣднихъ пяти столѣтій имѣетъ своимъ исходнымъ пунктомъ эпоху гуманизма и реформаціи, когда болѣе развитое личное сознаніе, не удовлетворяясь средневѣковыми схоластическими, аскетическими и теократическими воззрѣніями, стало искать новыхъ путей въ области интеллектуальной и моральной жизни, обратившись прежде всего къ классической литературѣ и къ Библіи, изученіе коихъ и произвело сильное вліяніе на духовную культуру этой эпохи. Между прочимъ, подъ вліяніемъ новыхъ потребностей личности и тѣхъ политическихъ идей (или политическихъ примѣровъ), которые гуманистами и реформаторами были найдены у классиковъ и въ св. писаніи, стали складываться новыя политическія воззрѣнія, и они, эти воззрѣнія, изъ чисто культурнаго своего состоянія, какъ извѣстныхъ элементовъ новаго міросозерцанія, перешли, такъ сказать, и въ самое соціальное бытіе, поскольку стали оказывать вліяніе на фактическія отношенія государства и общества. Такъ представляется дѣло, разъ мы становимся на точку зрѣнія культурной исторіи; но одной этой точки зрѣнія, разумѣется, недостаточно. Культурное развитіе совершается въ извѣстной соціальной средѣ, которая есть не только среда чисто духовная и политическая, но и экономическая, благодаря чему культурные и политическіе факты не могутъ получать одно чисто духовное объясненіе безъ всякаго отношенія къ экономическимъ условіямъ, равно какъ и экономическіе факты не могутъ быть поняты внѣ связи съ тою духовною средою (знаніями, вѣрованіями, настроеніями, содержаніемъ моральныхъ воззрѣній и стремленій), въ которой эти факты совершаются. Одновременно съ измѣненіями въ сферѣ духовной культуры происходятъ измѣненія и въ области соціально-экономическихъ отношеній, и хотя по общему правилу культурныя измѣненія непосредственно обусловливаются культурными же причинами, а соціально-экономическія—соціально-экономическими же, тѣмъ не менѣе между обоими рядами измѣненій происходитъ постоянное взаимодѣйствіе. Въ эпоху гуманизма и реформаціи совершались весьма важныя перемѣны и въ экономическомъ быту, и онѣ не могли не отра-

зиться на культурномъ движеніи, какъ и послѣднее не могло не отразиться на соціальной сторонѣ исторіи, но, конечно, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы экономическія измѣненія были непосредственнымъ источникомъ измѣненій культурныхъ, чтобы новыя формы религіи, новыя стремленія въ области морали, новыя философскія идеи, новыя явленія въ области литературы и искусства или новые научные интересы были прямымъ порожденіемъ новыхъ экономическихъ отношеній: утверждать это было бы столь же неосновательно, какъ утверждать и обратное, т.-е. чтобы новыя явленія въ экономическомъ быту были результатомъ новыхъ религіозныхъ, философскихъ, моральныхъ, эстетическихъ, научныхъ и политическихъ идей безъ всякаго основанія въ предъидущихъ фактахъ чисто экономическаго свойства. Въ каждомъ отдѣльномъ явленіи только спеціальный историческій анализъ въ состояніи выяснить, гдѣ его основная причина и каковы побочныя условія, содѣйствовавшія его возникновенію. Напр., въ исторіографіи реформаціи (кромѣ политической точки зрѣнія, самой ранней вообще въ исторической литературѣ) преобладала прежде культурная точка зрѣнія, т. е. на первый планъ выдвигались чисто интеллектуальныя и моральныя причины и слѣдствія движенія, но мало-по-малу сдѣлались предметомъ изученія и экономическія отношенія, содѣйствовавшія реформаціи или бывшія ея результатами (напр., стремленіе свѣтскихъ сословій поживиться церковной собственностью передъ началомъ реформаціи и ея секуляризація, совершившаяся благодаря реформаціи). Культурное изученіе гуманизма и реформаціи касалось только одной стороны жизни того времени, и оно должно было быть дополнено изученіемъ экономическихъ отношеній эпохи, составляющихъ другую сторону, чтó было важно не только вслѣдствіе интересности предмета самого по себѣ, но и въ смыслѣ лучшаго освѣщенія и чисто культурнаго процесса посредствомъ указанія на вліянія, коимъ онъ подвергался со стороны соціально-экономическихъ отношеній [1]).

Работа Каутскаго интересна, именно какъ попытка освѣ-

[1]) Примѣненіе этихъ общихъ принциповъ къ изученію эпохи гуманизма и реформаціи было сдѣлано нами въ I и II томахъ „Исторіи западной Европы въ новое время“. Особенно см. тамъ т. I, гл. 41 и т. II, гл. 1.

щенія „вѣка гуманизма и реформаціи“ съ соціально-экономической точки зрѣнія. Насколько цѣлью автора было изобразить хозяйственныя и классовыя отношенія того времени сами по себѣ и ихъ вліяніе на явленія, давшія названіе „вѣку“, настолько за работой нужно признать большія достоинства; но въ томъ-то и дѣло, что Каутскій стремится объяснить *все* въ избранной имъ эпохѣ съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма, а потому, говоря о многихъ явленіяхъ чисто культурнаго свойства, даетъ имъ совершенно натянутыя объясненія, вмѣсто того, чтобы руководствоваться данными научнаго анализа, заключающимися въ сочиненіяхъ историковъ, которые стремились именно объяснить то или другое явленіе, а не доказать ту или другую историко-философскую точку зрѣнія. Напр., Каутскому приходится, конечно, говорить о средневѣковомъ католицизмѣ, дѣлающемъ церковь господствующею силою въ тогдашнемъ обществѣ, но онъ причину этой силы видитъ не въ культурномъ состояніи общества, не въ теологическомъ, аскетическомъ и теократическомъ міросозерцаніи, въ немъ господствовавшемъ, не въ монополіи образованія и моральнаго вліянія, принадлежавшей духовенству, и т. п., а исключительно въ экономической мощи церкви, въ ея крупномъ землевладѣніи, которое, конечно, играло важную роль въ исторіи католицизма, но не было исключительною основою этой роли. Равнымъ образомъ, „необходимость церкви не только для отдѣльнаго лица и семьи, но и для государства“ создавалась не однимъ „экономическимъ развитіемъ“, какъ думаетъ Каутскій, но и многими другими причинами, заслуживающими быть включенными въ число историческихъ факторовъ. Равнымъ образомъ, если Италія, Испанія и Франція остались католическими странами, то это объясняется весьма сложными причинами, особенными для каждой отдѣльной страны,—причинами, которыя и стремится открыть научный анализъ посредствомъ изслѣдованія внутренняго состоянія этихъ странъ въ отношеніяхъ національномъ, религіозномъ, интеллектуальномъ (въ смыслѣ степени образованности и характера умственныхъ стремленій), моральномъ, политическомъ и соціально-экономическомъ, — но разсматриваемому автору, повидимому, до всего этого нѣтъ дѣла, и онъ приписываетъ то, что названныя страны остались католическими, ихъ высшему экономическому развитію, забывая, что католическими странами остались, напр., Польша

и Венгрія, бывшія въ экономическомъ отношеніи наиболѣе отсталыми во всемъ католическомъ мірѣ. Главное, однако, то, что такое объясненіе остается бездоказательнымъ и мало вразумительнымъ [1]).

То же можно сказать и о другомъ объясненіи Каутскаго. Еще къ разсмотрѣнію католицизма, съ его церковнымъ землевладѣніемъ, и реформаціи, съ ея секуляризаціей собственности духовенства и монастырей, можно (и, конечно, должно) привлекать экономическія соображенія (разумѣется, отнюдь не ограничиваясь ими одними), но вотъ передъ нами чисто культурное движеніе гуманизма—и какъ же относится къ нему Каутскій? „Новый способъ производства, — такъ начинаетъ онъ главу о гуманизмѣ, — требовалъ также новыхъ формъ мысли и произвелъ новое идейное содержаніе. Содержаніе духовной жизни измѣнилось быстрѣе его формъ: послѣднія долго еще оставались церковными, соотвѣтствующими феодальному способу производства, между тѣмъ какъ мышленіе все болѣе и болѣе подвергалось вліянію товарнаго производства (immer mehr von der Waarenproduktion beeinflusst wurde) и принимало свѣтскій характеръ". Тутъ, что ни слово, то поводъ для постановки вопросительнаго знака! И вотъ гуманизмъ, бывшій не чѣмъ инымъ, какъ стремленіемъ личности построить себѣ новое міросозерцаніе, которое болѣе соотвѣтствовало бы ея духовнымъ и тѣлеснымъ потребностямъ, задавленнымъ философіею и моралью средневѣкового католицизма, является у Каутскаго какимъ-то продуктомъ новаго способа производства товаровъ! Сказать это было, конечно, легко, но повѣрить сказанному могутъ только тѣ, которые ищутъ го-

[1]) Еще раньше Каутскаго аналогичную мысль объ экономической подкладкѣ реформаціоннаго движенія высказалъ проф. Н. Н. Любовичъ, на первыхъ страницахъ своей „Исторіи реформаціи въ Польшѣ" (Варшава. 1883) и въ брошюрѣ „Общественная роль религіозныхъ движеній" (Варшава. 1880), но собственныя изслѣдованія автора указываютъ на то, что дѣло было болѣе сложнымъ. Повидимому, проф. Любовичъ хотѣлъ только заявить, что общественныя измѣненія въ эпоху реформаціи не были результатами однѣхъ религіозныхъ причинъ. Онъ экономически и не могъ бы объяснить, почему, напр., въ польскомъ кальвинизмѣ возникъ антитринитаризмъ, для исторіи зарожденія коего проф. Любовичъ сдѣлалъ очень много. Да онъ и не пытается объяснять это экономически.

товыхъ (хотя бы и невразумительныхъ) формулъ, не требуя научныхъ доказательствъ. Проф. М. С. Корелинъ въ своемъ капитальномъ трудѣ о „Раннемъ итальянскомъ гуманизмѣ и его исторіографіи“ (см. стр. 1057—1058) уже отмѣтилъ взглядъ Каутскаго, какъ „единственную попытку объясненія гуманизма съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма“, и указалъ какъ на ненаучность пріемовъ автора разбираемой статьи (которую проф. Корелинъ зналъ лишь по переводу въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“), такъ и на отсутстіе у него „сколько-нибудь обстоятельныхъ свѣдѣній объ эпохѣ Возрожденія“. Послѣднее замѣчаніе едва-ли вообще вѣрно: книжка о Томасѣ Морусѣ, введеніемъ въ которую служитъ статья о вѣкѣ гуманизма и реформаціи, доказываетъ даже, что съ однимъ отдѣломъ этой эпохи Каутскій и очень хорошо знакомъ; но дѣйствительно, на человѣка, научно *понимающаго*, что́ такое гуманизмъ, объясненія Каутскаго должны производить такое впечатлѣніе, что является подозрѣніе: да *зналъ* ли авторъ предметъ, о коемъ взялся говорить? Встрѣчаясь съ натянутыми историческими объясненіями, основанными не на данныхъ научнаго изслѣдованія, а на желаніи *все* объяснить съ *одной* предвзятой (и обыкновенно теоретически не обоснованной) точки зрѣнія, всегда вспоминаешь слѣдующія замѣчательныя слова одного знаменитаго историка; „Ничто такъ не искажаетъ исторіи, какъ логика: когда умъ человѣческій останавливается на какой-либо идеѣ, онъ извлекаетъ изъ нея всѣ возможныя послѣдствія, заставляетъ ее произвести все то, что́ въ дѣйствительности она могла бы произвести, и потомъ представляетъ ее себѣ въ исторіи въ сопровожденіи всего этого“.

Мы взяли статью Каутскаго, какъ образчикъ приложенія экономическаго матеріализма къ разсмотрѣнію крупной исторической эпохи. Насколько авторъ изобразилъ намъ *соціально-экономическую жизнь* эпохи гуманизма и реформаціи, мы можемъ отнестись къ его работѣ съ величайшимъ сочувствіемъ, распространяемымъ нами и вообще на все *экономическое направленіе исторической науки*, коему не одинъ Каутскій обязанъ *болѣе полнымъ понятіемъ* объ этой важной эпохѣ; но насколько онъ примѣнилъ точку зрѣнія *экономическаго матеріализма, какъ историко-философской теоріи*, къ объясненію не одной соціально-экономической, но и *духовно-культурной жизни* эпохи, его *пониманіе* этой жизни

Bayerische Staatsbibliothek München

мы должны признать *невѣрнымъ*. На примѣрѣ историческихъ соображеній Каутскаго мы такимъ образомъ можемъ познакомиться и съ сильными, и съ слабыми сторонами экономическаго матеріализма, тѣмъ болѣе, что Каутскій — человѣкъ знающій, хотя и доказывающій своимъ непониманіемъ нѣкоторыхъ вещей, что предвзятая точка зрѣнія парализуетъ самыя знанія человѣка, заставляя его говорить вещи, на основаніи коихъ его легко счесть за совершенно незнающаго [1]).

Каутскій, какъ историкъ, можно сказать, самый видный представитель экономическаго матеріализма, примыкающій къ Марксу и Энгельсу. Остальные послѣдователи доктрины суть большею частью публицисты, работающіе, между прочимъ, для изданія Макса Шиппеля, выходящаго въ свѣтъ отдѣльными брошюрами съ 1890 г. подъ заглавіемъ „Berliner Arbeiter-Bibliotek". Изданіе это—марксистское, и одна изъ брошюръ первой серіи („Die Marx'sche Werththeorie", von Paul Fischer) прямо написана въ качествѣ общаго введенія въ изученіе Маркса (Zur Einführung in das Studium von Marx). Среди этихъ брошюръ есть и историческія, и всѣ онѣ написаны съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма, какъ это и значится на заголовкѣ одной изъ нихъ, посвященной рабочему движенію (Die Arbeiterbewegung im Lichte der materialistischen Geschichtsauffassung). Авторъ послѣдней, Гергардъ Краузе, написалъ и отдѣльную брошюру (двѣнадцатый нумеръ второй серіи) о развитіи пониманія исторіи до Карла Маркса (Die Entwickelung der Geschichtsauffassung bis auf Karl Marx). Это—небольшая статья, въ 46 страницъ, изъ коихъ первыя тридцать посвящены изложенію историко-философскихъ воззрѣній, господствовавшихъ до возникновенія экономическаго матеріализма, и лишь послѣднія 16 страницъ заняты передачею „матеріалистическаго пониманія исторіи у Карла Маркса".

Въ началѣ этой брошюры мы находимъ страстное нападеніе на „призванныхъ" представителей исторической науки, причемъ послѣдніе для автора отождествляются съ Трейтшке

[1]) Каутскій дѣятельно участвуетъ еще въ недавно (1894 г.) предпринятомъ и обѣщающемъ быть весьма важнымъ и интереснымъ изданіи „Geschichte des Socialismus und der Arbeiterbewegung in Einzeldarstellungen".

и Зибелемъ, за нѣмецко-патріотическія и иныя идеи коихъ, конечно, не можетъ отвѣтствовать *вся* историческая наука. Въ своемъ полемическомъ увлеченіи Краузе обвиняетъ всѣхъ „университетскихъ историковъ“ (die Geschichtsschreiber der Universitäten) въ томъ, будто, будучи неспособными понимать массовыя движенія и измѣненія соціальнаго и культурнаго свойства, они полагаютъ всю свою задачу въ простомъ основываніи исторіи на дипломатическихъ документахъ (Aktenstücke der Diplomaten) и выведеніи событій психологическимъ путемъ изъ духовныхъ подвиговъ высокоодаренныхъ государей и министровъ,—на службѣ коихъ находятся сами,—вмѣсто того, чтобы разсматривать исторію, какъ слѣдствіе органическихъ измѣненій, совершающихся въ обществѣ. Что такіе историки есть, конечно, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, но совершенно напрасно думаетъ Краузе, будто впервые Марксъ формулировалъ, въ чемъ должна заключаться задача исторіи, какъ науки. „Съ матеріалистическимъ пониманіемъ исторіи, провозглашеннымъ Марксомъ,—говоритъ Краузе,—кончается исторіографія (ist der Abschluss der Geschichts*beschreibung*) и начинается историческая наука (Geschichts*wissenschaft*)“. Въ этомъ отношеніи Краузе, подобно другимъ представителямъ доктрины, сравниваетъ Маркса съ Дарвиномъ, приписывая первому, между прочимъ, и ниспроверженіе идеализма Гегеля, хотя онъ, какъ извѣстно, былъ ниспровергнутъ съ „трона мысли“ не Марксомъ.

„Марксъ,—говоритъ Краузе,—съ помощью историческаго опыта, статистики, доказалъ, что законы историческаго движенія (die Bewegungsgesetze der Geschichte) должны объясняться не изъ надземныхъ сферъ, равно какъ не изъ мозга отдѣльныхъ лицъ, но изъ матеріальныхъ основъ человѣческаго общества“. Оставивъ въ сторонѣ теологическую философію исторіи, разрушеніе которой началось не съ Маркса, мы должны замѣтить, что если нельзя объяснить исторію „изъ мозга *отдѣльныхъ* лицъ“, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы ея объясненіе заключалось лишь въ одной матеріальной жизни *всего* общества, ибо есть еще духовная жизнь (=мозгъ) цѣлаго общества, возникающая на почвѣ психическаго взаимодѣйствія между отдѣльными лицами, какъ матеріальная (экономическая) жизнь общества возникаетъ на почвѣ хозяйственнаго между ними взаимодѣйствія, въ коемъ, конечно,

трудъ *отдѣльнаго* человѣка столь же мало способенъ объяснить исторію, какъ и мысль отдѣльнаго человѣка. Подъ этими отдѣльными лицами Краузе разумѣетъ великихъ людей, но опять-таки идея органическаго развитія исторіи, отнимающая у великихъ людей ту рѣшающую роль, какую имъ приписывало болѣе раннее историческое міросозерцаніе, установлена была впервые не Марксомъ, какъ думаетъ Краузе, а многими другими писателями еще первой половины XIX-го вѣка. Полемическая цѣль Краузе видна изъ того, что по этому поводу онъ распространяется довольно много о Бисмаркѣ, будто бы совершившемъ объединеніе Германіи, которое-де, конечно, произведено было не однимъ желѣзнымъ канцлеромъ: въ серіи брошюръ, къ коей принадлежитъ сочиненіе Краузе, есть даже спеціальный историческій очеркъ подъ заглавіемъ „Миѳъ объ основаніи германской имперіи". Заслуга Карла Маркса, по Краузе, сводится къ новому методу изслѣдованія, дающаго ключъ къ пониманію исторіи: матеріалистическое направленіе „проникаетъ въ самое нутро господствующихъ классовъ всѣхъ временъ, изслѣдуетъ условія ихъ матеріальнаго существованія, ихъ способъ производства, степень ихъ развитія, словомъ—весь ихъ матеріальный міръ и выростающій изъ него міръ идеальный (und aus jener herausgewachsene ideale Welt) и тѣмъ самымъ объясняетъ отношеніе господствующихъ классовъ къ государственной власти". Собственно говоря, такая задача историческаго изслѣдованія опять-таки не есть спеціально марксистская, и только одно выведеніе идеальнаго міра изъ матеріальнаго можетъ быть признано исключительнымъ достояніемъ экономическаго матеріализма. Почему при извѣстныхъ условіяхъ въ государствѣ устанавливается чисто личное правленіе, позволяющее одному великому человѣку играть по видимости рѣшающую роль, на этотъ вопросъ давался вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ и раньше экономическаго матеріализма, который, по представленію Краузе, будто бы впервые формулировалъ этотъ отвѣтъ.

Краузе *излагаетъ* далѣе сущность общихъ историко-теоретическихъ воззрѣній Маркса и Энгельса, *не доказывая*, однако, ихъ вѣрности ни однимъ новымъ аргументомъ, замѣчая только, что эти воззрѣнія позволяютъ намъ видѣть „всю исторію прошлаго въ совершенно новомъ свѣтѣ", хотя это обстоятельство не доказываетъ еще, что новый свѣтъ вполнѣ объ-

ясняетъ намъ природу исторіи. Вѣрная сторона исторической философіи Маркса, заключающаяся въ примѣненіи идеи развитія къ обществу, есть не спеціальная особенность экономическаго матеріализма, а общая черта всего мышленія XIX в., отличающая и идеалистическую философію (Гегель), и философію реалистическую, и мысль консервативную и даже реакціонную (Жозефъ де-Местръ, Савиньи), и мысль либеральную и прогрессивную. Наконецъ, Краузе видитъ въ матеріалистическомъ пониманіи исторіи *оправданіе* современнаго рабочаго движенія, но это движеніе, конечно, *вызвано* не тѣмъ или другимъ теоретическимъ пониманіемъ исторіи, а самою историческою жизнью, болѣе широкою, чѣмъ ея пониманіе, и высшую свою *санкцію* получаетъ въ тѣхъ моральныхъ идеяхъ, которыя являются однимъ изъ результатовъ культурнаго развитія общества. Сведеніе всей исторіи къ экономической основѣ само по себѣ не обусловливаетъ еще собою тѣхъ требованій, которыя написаны на знамени рабочаго движенія, ибо такое теоретическое пониманіе исторіи легко можетъ соединяться съ представленіемъ объ экономическомъ господствѣ однихъ классовъ общества надъ другими, какъ вѣчномъ и непреложномъ законѣ всякаго общежитія (идея „Очерка соціологіи“ Гумпловича). Поэтому логически изъ матеріалистическаго пониманія исторіи самого по себѣ вовсе еще не можетъ вытекать и увѣренность въ неминуемой побѣдѣ рабочаго класса, какъ думаетъ Краузе, ибо экономическій матеріализмъ, какъ таковой, ничего не предсказываетъ, поскольку сведеніе исторіи къ экономической основѣ еще не рѣшаетъ вопроса о томъ, въ какія формы отольется общество грядущихъ временъ; и побѣду, о которой говоритъ Краузе, пророчитъ у Маркса не это сведеніе, а примѣненіе имъ къ экономическому процессу формулы Гегеля, въ силу коей, говоря коротко, сначала происходитъ экспропріація массы, а потомъ должна произойти экспропріація экспропріировавшихъ [1]). Мы утверждаемъ поэтому еще разъ, что соціальная демократія, для требованій и надеждъ которой нѣкоторые ея представители думаютъ найти научное основаніе въ исторической теоріи экономическаго матеріализма, могла бы съ одинаковымъ успѣхомъ существовать и добиваться своихъ цѣлей и безъ этой историко-философской основы,

[1]) Ср. выше, стр. 61.

подобно тому какъ и ученіе о томъ, что въ исторіи все должно объясняться экономически, отнюдь не влечетъ за собою признанія тѣхъ или иныхъ соціальныхъ требованій.

Между тѣмъ нѣкоторые нѣмецкіе писатели дѣлаютъ изъ экономическаго матеріализма своего рода историческую философію соціальной демократіи въ своемъ отечествѣ, и Краузе (равно какъ Каутскій) принадлежитъ именно къ числу такихъ писателей. Отъ соединенія своего съ стремленіями этой политической партіи экономическій матеріализмъ въ качествѣ научной теоріи, конечно, ничего не выигрываетъ, какъ не выигрываетъ ничего и соціальная демократія въ своихъ практическихъ задачахъ отъ союза съ матеріалистическимъ объясненіемъ исторіи. Если, однако, есть люди, которые держатся этой теоріи не потому, что считаютъ ее достаточно *обоснованной*, а потому, что признаютъ ее *необходимой для оправданія* своихъ требованій, то этимъ, быть можетъ, они оказываютъ услугу теоріи, какъ своего рода боевому лозунгу, содѣйствуя ея распространенію, но не оказываютъ услуги той же теоріи, какъ ученію, имѣющему цѣлью выяснить объективную сущность историческаго процесса, каковы бы ни были наши страхи или надежды относительно будущаго. Популяризація экономическаго матеріализма въ Германіи за послѣднее время и получила такой именно характеръ, что цѣлью ея ставится не столько сообщеніе извѣстнаго пониманія исторіи, сколько внушеніе народнымъ массамъ извѣстныхъ требованій отъ общественнаго устройства. Практическіе марксисты, къ числу коихъ принадлежитъ Краузе, повидимому, полагаютъ, что эта *общая историко-философская* точка зрѣнія такъ тѣсно связана съ *практическимъ* ученіемъ Маркса, какъ связаны между собою посылка и выводъ изъ него, и потому не столько желаютъ теоретически обосновать ея научную истинность, сколько оправдать необходимость такой точки зрѣнія для достиженія извѣстныхъ общественныхъ цѣлей [1]).

Къ подобнаго же рода литературѣ принадлежитъ и французская брошюрка Поля Лафарга „Экономическій матеріализмъ Карла Маркса“, вышедшая въ свѣтъ и въ нѣмецкомъ переводѣ [2]). Это—простое изложеніе ученія Маркса для ра-

[1]) См. выше, стр. 72—73.

[2]) *Paul Lafargue.* Le matérialisme économique de Charles Marx.

бочихъ. Человѣкъ есть продуктъ физической, т.-е. естественной и экономической, т.-е. искусственной среды, а эта послѣдняя есть созданіе человѣческой дѣятельности (стр. 1). Заявляя это, авторъ не замѣчаетъ, что основное начало экономическаго матеріализма у него утрачиваетъ свое значеніе основы, само будучи продуктомъ дѣятельности людей. Мы сами смотримъ на дѣло такимъ же образомъ, но думаемъ, что дѣятельность людей создаётъ не только экономическую среду, но и среду умственную, нравственную, правовую, государственную и т. п., однимъ словомъ, вообще среду культурно-соціальную, которая (а не одна лишь экономическая) въ свою очередь вліяетъ на личность, причемъ въ этой средѣ не все есть результатъ искусства, т.-е. преднамѣреннаго, сознательнаго творчества, но весьма много возникаетъ путемъ естественной эволюціи (напр., языкъ). Нѣсколько страницъ посвящаетъ Лафаргъ опроверженію идеализма въ исторіи, выкапывая на свѣтъ Божій такую старину, какъ Боссюэтъ, и полемизируя съ „буржуазной миѳологіей", обоготворяющей прогрессъ, свободу, братство, справедливость и т. п. (стр. 7). Экономическій матеріализмъ призванъ, по характерному для всей брошюры заявленію, нанести смертельный ударъ „буржуазной идеологіи, служащей-де только для обманыванія народа" (стр. 9). Въ сущности, однако, подъ экономическимъ матеріализмомъ авторъ разумѣетъ не объясненіе всей исторіи исключительно изъ экономическихъ основъ, какъ это слѣдовало бы ожидать по его собственному опредѣленію этой доктрины, а нѣкоторую практическую программу, которую онъ пропагандируетъ среди рабочихъ [1]). Что касается до теоретическихъ частей марксизма, то онѣ очень мало интересуютъ автора. Цѣлая глава, одна изъ трехъ, на которыя распадается брошюрка, посвящена дарвинизму въ соціологіи, къ которому Лафаргъ относится тоже неблагосклонно (стр. 15—26). Послѣдняя глава излагаетъ теорію классовой борьбы, заглядывая и въ то, что дѣлается въ муравейникѣ (стр. 29—32), и въ исторію разложенія первоначальной коллективной собственности у людей, и въ исторію образованія экономическихъ

Мы пользовались нѣмецкимъ переводомъ подъ заглавіемъ „Der wirthschaftliche Materialismus nach den Anschauungen von Karl Marx". 1886.

[1]) Der ökonomische Materialismus ruft die Proletarier der zivilisirten Nationen zur Revolte auf, стр. 12.

классовъ и т. п. Нигдѣ, однако, незамѣтно ни малѣйшей даже попытки привести хоть какіе-либо аргументы въ пользу заявленія, написаннаго на первой страницѣ: „всѣ гражданскія и политическія учрежденія, религія, философія и литература человѣческихъ обществъ имѣютъ свои корни въ экономической средѣ.... и лишь въ экономическихъ отношеніяхъ и именно лишь въ нихъ однихъ философскій историкъ долженъ искать первыя основанія общественнаго развитія".

Не такъ давно Лафаргъ напечаталъ еще статью „Идеализмъ и матеріализмъ въ пониманіи исторіи" [1]), читанную имъ въ формѣ публичной лекціи (conférence) для учащейся парижской молодежи и заключающую въ себѣ отвѣтъ на такую же лекцію Жореса объ „идеализмѣ исторіи" [2]). Послѣдній поставилъ своею задачею примирить матеріалистическую концепцію исторіи съ ея идеалистическимъ объясненіемъ, но Лафаргъ и на этотъ разъ ни на одинъ шагъ не подвинулъ впередъ вопроса какими-либо новыми соображеніями.

Говоря о безусловныхъ сторонникахъ экономическаго матеріализма въ Германіи, было бы совершенно непозволительно не остановиться еще на работѣ одного изъ этихъ сторонниковъ, взявшихъ на себя трудъ не просто примѣнить эту идею къ изученію дѣйствительной исторіи, а защитить (если не обосновать) экономическій матеріализмъ отъ дѣлаемыхъ ему возраженій. Авторъ этой работы, Францъ Мерингъ, одинъ изъ видныхъ сотрудниковъ „Neue Zeit" Каутскаго, былъ раньше извѣстенъ, какъ авторъ книги о нѣмецкой соціалъ-демократіи (Die deutsche Socialdemocratie, ihre Geschichte und Theorie), о первомъ изданіи коей данъ былъ отчетъ русскимъ читателямъ „Вѣстникомъ Европы" за 1879 г. въ статьѣ г. А — ва „Соціальное движеніе въ Германіи". Въ 1893 г. Мерингъ издалъ книгу подъ заглавіемъ „Die Lessing-Legende", въ приложеніи къ коей помѣстилъ большую статью (стр. 429—500) „Ueber den historischen Materialismus". Она представляетъ весьма значительный интересъ, и мы подвергнемъ ее поэтому болѣе обстоятельному разбору.

[1]) *Paul Lafargue.* L'idéalisme et le matérialisme dans la conception de l'histoire.

[2]) *Jean Jaurès.* L'idéalisme de l'histoire. Обѣ были изданы вмѣстѣ въ одной брошюрѣ.

Въ экономическомъ матеріализмѣ Мерингъ видитъ какъ бы откровеніе исторіей ея тайны человѣчеству [1]), и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ высказываетъ убѣжденіе, что дѣло всей жизни Маркса и Энгельса основывается на экономическомъ матеріализмѣ (стр. 430), — мысль, которую мы не можемъ признать правильною [2]). Авторъ отказывается, однако, отъ задачи „систематически сопоставить ту массу историческихъ взглядовъ, которые разбросаны въ сочиненіяхъ Маркса и Энгельса". Его задача, говоря собственными его словами, это—„развить существеннѣйшія основы историческаго матеріализма, и именно болѣе въ отрицательномъ, чѣмъ въ положительномъ смыслѣ (und dies auch mehr negativ als positiv) посредствомъ опроверженія наиболѣе распространенныхъ упрековъ, какіе дѣлались" экономическому матеріализму (стр. 431). Въ предисловіи ко всей книжкѣ (стр. VIII) авторъ объясняетъ, что своимъ происхожденіемъ статья обязана разнаго рода вопросамъ и недоумѣніямъ (Fragen und Zweifeln), какія предъявлялись ему въ письмахъ отъ нѣкоторыхъ читателей „Neue Zeit". Итакъ, и статья Меринга не есть положительное обоснованіе экономическаго матеріализма, а лишь отвѣтъ на нѣкоторыя возраженія. Послѣднія могли быть въ отдѣльныхъ случаяхъ и неосновательными, но это еще не доказываетъ, что сама критикуемая доктрина вполнѣ основательна. Мерингъ сначала просто приводитъ извѣстное мѣсто [3]) изъ „Kritik der politischen Oekonomie" Маркса (стр. 431 — 433) и затѣмъ, безъ дальнѣйшихъ объясненій заявляетъ, что „въ этихъ немногихъ словахъ выраженъ законъ движенія человѣческой исторіи съ такою глубиною и ясностью, равныхъ коимъ нѣтъ въ любой литературѣ". Потомъ слѣдуютъ выписка [4]) изъ „Коммунистическаго манифеста" 1848 г. (стр. 433—434), а за нею нѣсколько строкъ изъ одной статьи Энгельса, гдѣ говорится, что „какъ Дарвинъ открылъ законъ развитія органической природы, такъ Марксъ открылъ законъ развитія человѣческой природы" (стр. 434). Марксъ и Энгельсъ, прибавляетъ отъ себя Ме-

[1]) Erst auf einem gewissen Höhepunkte konnte die Geschichte der Menschheit ihr Geheimniss entschleiern, стр. 429.

[2]) См. выше, стр. 71 и слѣд.

[3]) См. выше, стр. 77—78.

[4]) Ср. выше, стр. 76—77.

рингъ, разрѣшили загадку человѣческой исторіи (стр. 435). Вотъ и все по части обоснованія. Повидимому, Мерингъ на логическомъ и фактическомъ обоснованіи теоріи и не настаиваетъ: на первомъ планѣ у него вездѣ стоитъ то соображеніе, что экономическій матеріализмъ связанъ съ защитою интересовъ пролетаріата, а противоположное исторіологическое воззрѣніе—буржуазно. Но противъ такой постановки вопроса,—о ней мы сейчасъ будемъ говорить подробнѣе,—можно сдѣлать два принципіальныхъ возраженія. Нельзя, во-первыхъ, вообще вопросы чисто теоретическаго характера, вопросы о томъ, что́ есть или что́ происходитъ, рѣшать въ зависимости отъ практическихъ стремленій, т.-е. отъ соображеній о томъ, что должно было бы быть, а во-вторыхъ, научная истина можетъ быть только едина для всѣхъ общественныхъ классовъ и культурныхъ слоевъ общества (равно какъ и для людей всѣхъ національностей, вѣроисповѣданій, государствъ, партій, профессій и т. п.), завися исключительно отъ логики и отъ фактовъ, которые не могутъ же быть одними у буржуазіи, другими у пролетаріата. Остановимся, въ самомъ дѣлѣ, подробнѣе на этой сторонѣ разсматриваемой статьи.

Мерингъ весьма часто—и съ первой же страницы своей статьи, съ первыхъ же ея строкъ—заявляетъ, что экономическій матеріализъ есть ученіе, глубоко антипатичное буржуазному міру (bürgerliche Welt, стр. 429, 466 и др.),—и постоянно противополагаетъ этому ученію несогласныя съ нимъ теоріи, какъ порожденія буржуазной лже-науки (bürgerliche Pseudo-Wissenschaft, стр. 430); да и вообще наука называется у него буржуазной, разъ только ея представители не стоятъ на точкѣ зрѣнія экономическаго матеріализма (стр. 431, 435, 460, 499, 500). Да и отдѣльные мыслители, съ коими въ томъ или другомъ авторъ съ своей точки зрѣнія не можетъ согласиться, получаютъ у него отмѣтку буржуазности, хотя бы между собою они были въ полномъ противорѣчіи по пунктамъ, которые автору кажутся особенно буржуазными. Напр., эволюціонизмъ Спенсера не мѣшаетъ ему считаться буржуазнымъ соціологомъ (стр. 444), когда, повидимому, буржуазный принципъ долженъ былъ бы, какъ это представлено въ другомъ мѣстѣ (448—449), приводить ко взгляду Шопенгауера, этого „перваго философа мелкаго нѣмецкаго мѣщанства“, т.-е. ко взгляду, по которому въ исторіи никакихъ существенныхъ измѣненій не происходитъ. Неиз-

вѣстно, однако, почему не буржуа, не бюргеръ — Гегель, котораго экономическіе матеріалисты дѣлаютъ однимъ изъ своихъ родоначальниковъ, хотя вѣдь онъ былъ именно типичный „Spissbürger“? Далѣе, по Мерингу, экономическій матеріализмъ противоположенъ историческому идеализму, а такъ какъ послѣдній по этой именно самой причинѣ буржуазенъ, то буржуазія какъ бы обрекается на вѣчное непониманіе сущности историческаго процесса. „Пока,—говоритъ авторъ,—будетъ существовать eine bürgerliche Klasse, этотъ классъ никогда не отдѣлается отъ буржуазной идеологіи... Историческій идеализмъ,—прибавляетъ онъ,—въ своихъ богословскихъ, раціоналистическихъ и натуралистическихъ проявленіяхъ есть историческое міросозерцаніе (Geschichtsauffassung) буржуазіи, какъ историческій матеріализмъ есть историческое міросозерцаніе рабочаго класса“ (стр. 500). Выходитъ такъ, слѣдовательно, что нужно принадлежать къ рабочему классу, чтобы вѣрно понимать сущность исторіи. Понятно, что въ данномъ случаѣ у Меринга и академическая наука раздѣляетъ судьбу буржуазной науки. Полемизируя съ Бартомъ [1]), онъ прямо замѣчаетъ, что „Энгельсъ писалъ не для нѣмецкихъ доцентовъ, а для мыслящихъ рабочихъ, и что пиши-де онъ для нѣмецкихъ доцентовъ, то, быть можетъ, — кто знаетъ? — былъ бы такъ великодушенъ, что подробнѣе распространился бы о предметѣ, чѣмъ это нужно для мыслящихъ рабочихъ“ (стр. 498 — 499). „Академическая школьная мудрость“ — другой вообще врагъ экономическаго матеріализма (стр. 430 и др.), хотя вѣдь и Гегель опять-таки былъ весьма характернымъ представителемъ этой самой школьной мудрости. „Лишь съ эманципаціей пролетаріата,—говоритъ авторъ въ самомъ концѣ статьи,—достигнетъ экономическій матеріализмъ полнаго своего процвѣтанія, исторія сдѣлается наукой въ строгомъ смыслѣ слова, станетъ тѣмъ, чѣмъ она должна была быть раньше, но чѣмъ еще никогда не была: наставницей и учительницей жизни“ (стр. 500). Такимъ образомъ самъ Мерингъ провозглашаетъ связь своей общей теоріи историческаго процесса съ классовымъ сознаніемъ рабочихъ. Между тѣмъ „буржуазнымъ“ историкамъ въ родѣ Шлоссера, Гервинуса, Ранке, Янсена (ихъ именно онъ и называетъ) онъ ставитъ въ упрекъ, что они мѣрили

[1]) См. о немъ выше, стр. 85—89.

все, съ точки зрѣнія „своей особенной классовой морали“, и что „въ ихъ сочиненіяхъ отражались гораздо болѣе, нежели эпохи, которыя они изображали, тѣ классы, органами (Wortführer) коихъ они были“. Правда, сказавъ это, Мерингъ тотчасъ же оговаривается, что „не иначе было бы и въ томъ случаѣ, если бы историкъ изъ пролетаріевъ (ein proletarischer Geschichtsschreiber) сталъ судить о прежнихъ временахъ съ точки зрѣнія теперешняго нравственнаго сознанія своего класса“; правда, онъ отрицаетъ вообще всякую моральную оцѣнку въ исторіи, но послѣднее не гарантируетъ его, конечно, противъ безсознательнаго субъективизма, и если онъ самъ въ качествѣ историка не станетъ стотрѣть на вещи съ точки зрѣнія теперешняго пролетарія, то это еще не значитъ, что на его воззрѣніи не отразится его принадлежность къ современной же партіи, ставящей себя въ извѣстное отношеніе къ пролетаріату по соображеніямъ, несомнѣно, нравственнаго свойства. Далѣе, извѣстные взгляды можно лишь тогда называть буржуазными или вообще классовыми, когда они присущи членамъ этого класса, будучи выраженіемъ его стремленій, его представленій о томъ, что должно быть, что для него желательно, и въ этомъ смыслѣ можно говорить о классовой морали, но по чисто теоретическимъ вопросамъ, по чисто отвлеченнымъ вопросамъ о томъ, что̀ есть, какъ оно есть, разногласіе не можетъ опредѣляться классовыми различіями. Изъ того, что стремленія пролетаріата оправдываются съ точки зрѣнія справедливости, еще не слѣдуетъ, чтобы теоретическій взглядъ на исторію, который считаютъ взглядомъ пролетаріата (или вѣрнѣе хотятъ ему внушить), оправдывался съ точки зрѣнія логики и фактовъ. А логика и факты для всѣхъ классовъ должны быть одинаковы: вопросъ о томъ, кто вѣрнѣе понимаетъ дѣло, рѣшается не принадлежностью человѣка къ тому или другому классу, общее сознаніе коего онъ раздѣляетъ, а соотвѣтствіемъ этого пониманія съ логикой и фактами. Впрочемъ, и справедливость можетъ быть лишь одна, и если что оправдываетъ стремленія рабочихъ, то это, разумѣется, не принадлежность этихъ стремленій именно рабочимъ, а именно справедливость этихъ стремленій. Раздѣляя притомъ самыя высокія моральныя идеи, писатели могутъ заблуждаться въ области логики и фактовъ, и нерѣдко, наоборотъ, видѣть объективную дѣйствительность въ ея настоящемъ свѣтѣ могутъ люди, совершенно индифферентно относящіеся къ общему

благу. Наконецъ, экономическій матеріализмъ и вовсе не есть міросозерцаніе самихъ рабочихъ: онъ только проповѣдуется рабочимъ, и если только это ученіе найдетъ среди нихъ распространеніе, то, конечно, лишь потому, что будетъ принято ими на вѣру, увѣруютъ же они въ него не потому, чтобы оно заключало въ себѣ научный отвѣтъ на теоретическій вопросъ историческаго знанія, а потому, что этотъ отвѣтъ проповѣдники экономическаго матеріализма связали для нихъ неразрывными узами съ ученіемъ объ улучшеніи судьбы труждающихся и обремененныхъ. Гдѣ же въ самомъ дѣлѣ рабочему, хотя бы и „мыслящему", понять, что весь марксимзъ, начиная съ теоріи прибавочной стоимости и кончая перспективами, какія онъ открываетъ въ будущемъ для рабочаго класса, можетъ превосходно обойтись безъ экономическаго матеріализма?

Вмѣстѣ съ этимъ остается непонятнымъ, почему буржуазія обречена на пребываніе въ идеализмѣ. Если когда-либо былъ классъ, настроенный особенно матеріалистически въ экономическомъ смыслѣ, то этимъ классомъ всегда была и является нынѣ именно капиталистическая буржуазія. Развѣ буржуазія не обосновывала своего политическаго господства на имущественномъ цензѣ, не превращала такимъ образомъ обладаніе властью въ привилегію собственности? Развѣ не свою индустрію она противополагала пергаменамъ дворянства, стремясь въ основу общественнаго вліянія положить экономическое свое значеніе, котораго не хотѣлъ признать тоже вѣдь своего рода „идеализмъ" феодальныхъ традицій? Разъ экономія вообще лежитъ въ основѣ общества и разъ вся исторія сводится къ борьбѣ классовъ на экономической почвѣ, какъ этого желаетъ разсматриваемое ученіе, было бы даже страннымъ, если бы классовое сознаніе одного только пролетаріата имѣло матеріалистическую окраску, а классовое сознаніе капиталистовъ и землевладѣльцевъ было, наоборотъ, нематеріалистическимъ.

Мерингъ самъ даетъ противъ себя оружіе въ руки критиковъ, ссылаясь (по указанію, впрочемъ, Луйо Брентано) на то, что уже „историческая школа романтики",—бывшая, какъ извѣстно, выразительницей реакціонныхъ стремленій начала XIX вѣка,—очень близко стояла къ матеріалистическому взгляду на исторію (стр. 435). Мерингъ даже приводитъ (стр. 436) любопытное мѣсто изъ одного сочиненія, написан-

наго въ духѣ историко-романтической школы [1]),—мѣсто, гдѣ говорится, что хозяйственныя формы представляютъ изъ себя основы всей общественной и государственной организаціи. А между тѣмъ школа, о коей идетъ рѣчь, была органомъ юнкерства, не хотѣвшаго дѣлать никакихъ уступокъ буржуазіи. „Буржуазно-классическая экономія, — говоритъ Мерингъ,—объявляла способы производства буржуазныхъ классовъ (der bürgerlichen Klassen) за единственно естественные, а формы хозяйства этихъ классовъ—за вѣчные законы природы". Противъ этого-то пониманія и возстала историко-романтическая школа въ интересахъ юнкерства (стр. 436), которое тоже выдавало свои способы производства и хозяйственныя формы за вѣчные, естественные, неизмѣнные законы (стр. 437). Такимъ образомъ Мерингъ самъ приводитъ примѣръ тоже нѣкотораго экономическаго матеріализма, служившаго интересамъ феодальнаго класса. Сходство взглядовъ феодальнаго публициста съ настоящимъ экономическимъ матеріализмомъ показалось Мерингу столь значительнымъ, что онъ прямо обратился къ Энгельсу съ вопросомъ, не читали ли Марксъ и онъ, Энгельсъ, писателей этого направленія и не подверглись ли при этомъ съ ихъ стороны нѣкоторому вліянію (стр. 439). Мерингъ приводитъ и отвѣтъ Энгельса (стр. 439—441), отвѣтъ отрицательный, ибо какъ гегельянецъ, притомъ совершенно незнакомый еще съ политической экономіей въ эпоху чтенія трудовъ реакціонной школы, Марксъ, по мнѣнію Энгельса, не могъ бы ничего заимствовать у ея представителей. Приведенное Мерингомъ мѣсто изъ реакціоннаго писателя, однако, все-таки поразило его самого (die Stelle ist allerdings höchst merkwürdig, стр. 440), и особенно страннымъ показалось ему, что „вѣрный взглядъ на исторію in abstracto встрѣтился у людей, которые всегда весьма дурно in concreto обращались съ исторіей какъ теоретически, такъ и практически". Но въ такомъ случаѣ почему же экономическій матеріализмъ есть историческое міросозерцаніе пролетаріата?

Главное въ статьѣ Меринга, какъ было упомянуто, это—снятіе съ экономическаго матеріализма разнаго рода обвиненій. Размотримъ теперь и эту сторону статьи.

Съ представленіемъ о матеріализмѣ всегда соединяютъ понятіе о чемъ-то безнравственномъ (стр. 441). Мерингъ

[1]) Lavergne-Peguilhen.

совершенно вѣрно указываетъ на то, что такое соединеніе неосновательно, но если онъ прибавляетъ, что принятіе экономическаго матеріализма требуетъ въ настоящее время высокаго моральнаго идеализма (стр. 442), то въ данномъ случаѣ рѣчь у него, конечно, идетъ не о теоретическомъ объясненіи исторіи, а о тѣхъ практическихъ требованіяхъ, которыя авторъ считаетъ справедливыми. Моральный идеализмъ самъ по себѣ даже вовсе не можетъ быть настроеніемъ, благопріятнымъ для принятія исторической теоріи, отрицающей въ принципѣ самостоятельную роль моральныхъ идей въ развитіи общества.

Мерингъ находитъ также, что грубая ошибка—смѣшивать историческій матеріализмъ съ натуралистическимъ (naturwissenschaftlichen) матеріализмомъ [1]. Первый шире второго. Послѣдній именно „видитъ въ человѣкѣ сознательно дѣйствующее созданіе природы, но не изслѣдуетъ, чѣмъ опредѣляется сознаніе человѣка внутри человѣческаго общества" (стр. 443). Мерингу даже кажется, что натуралистическій матеріализмъ въ примѣненіи къ исторіи долженъ необходимо впадать въ противоположную крайность; въ видѣ примѣра ссылается на извѣстнаго Гелльвальда, который, напримѣръ, высказалъ ту мысль, что религіозная реформація XVI в. оказала чрезвычайное вліяніе на экономическое движеніе эпохи. Съ такими матеріалистическими историками, думаетъ онъ, идеалистическимъ историкамъ справиться весьма легко, но историческій матеріализмъ не можетъ быть отвѣтственнымъ за мнѣнія Гелльвальда и комп. Натуралистическій матеріализмъ смотритъ на человѣка, какъ на сознательно дѣйствующее животное (стр. 443), тогда какъ экономическій матеріализмъ видитъ въ человѣкѣ существо общественное, сознаніе котораго обусловливается тою соціальною средою, къ которой принадлежитъ каждый отдѣльный человѣкъ (стр. 444). Въ чемъ заключается преимущество экономическаго матеріализма надъ натуралистическимъ,—этого Мерингъ, однако, не объясняетъ, равно какъ не объясняетъ, почему постановка индивидуальнаго сознанія въ зависимость отъ общественной среды должна непремѣнно приводить къ экономическому матеріализму: зависимость индивидуальнаго сознанія отъ той

[1]) Ср. выше, стр. 69 и слѣд. Г. Бельтовъ, о чемъ ниже, наоборотъ, стремится ихъ отожествить.

или другой общественной группы,—отъ орды, отъ рода, отъ класса—есть сама по себѣ фактъ психологическій, да и общественная среда еще не есть исключительно среда экономическая, такъ какъ взаимныя отношенія индивидуумовъ, образующія эту среду, не суть исключительно отношенія матеріальныя. Во всякомъ случаѣ отмѣтимъ, что Мерингъ, такъ сказать, открещивается отъ натуралистическаго матеріализма, тогда какъ другіе представители экономическаго матеріализма (какъ напр., г. Бельтовъ, о которомъ рѣчь идетъ ниже) стараются доказать тождество и солидарность обоихъ.

Мерингъ старается снять съ экономическаго матеріализма обвиненіе и иного еще рода. Говорятъ, что это ученіе создаетъ произвольное конструированіе исторіи, благодаря которому все разнообразіе жизни человѣчества втискивается въ одну безжизненную формулу. Говорятъ, что онъ отрицаетъ дѣйствіе какихъ бы то ни было идеальныхъ силъ, дѣлаетъ изъ человѣчества пассивный объектъ механическаго развитія, отвергаетъ всѣ нравственныя мѣрки. Мерингъ съ негодованіемъ отстраняетъ эти обвиненія, но, само собою разумѣется, дѣлаетъ это лишь путемъ нѣкоторой непослѣдовательности, спасающей экономическій матеріализмъ отъ выводовъ, вытекающихъ изъ его собственныхъ посылокъ (стр. 445). „Историческій матеріализмъ,—говоритъ онъ,—подходитъ къ каждому періоду исторіи безъ всякой предвзятой мысли (Voraussetzung) и изслѣдуетъ этотъ періодъ просто отъ его основъ до его вершины, подымаясь отъ его экономической структуры до его духовныхъ представленій“. Противъ этого-то, однако, вѣдь и возражаютъ, когда говорятъ о конструированіи исторіи. Самъ Мерингъ замѣчаетъ, далѣе, что его спрашиваютъ: откуда же вы знаете, что основа историческаго развитія заключается въ экономіи, а не въ философіи скорѣе? Прежде, чѣмъ мы покажемъ, какъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ Мерингъ, мы должны возразить противъ самой постановки вопроса въ такой формѣ. Тотъ, кто не соглашается съ признаніемъ экономіи за единственную основу историческаго развитія, тѣмъ самымъ еще отнюдь не обязывается думать, что эта основа заключается непремѣнно въ философіи. Изъ того, что нѣкоторая неизвѣстная величина (x) не есть a, не слѣдуетъ еще, что эта величина есть непремѣнно b. Вопросъ вообще допускаетъ цѣлый рядъ рѣшеній, изъ которыхъ, конечно, каждое можетъ быть одинаково одностороннимъ и невѣрнымъ, но невѣрностью

однихъ рѣшеній нисколько не гарантируется вѣрность другихъ рѣшеній. Но обратимся къ отвѣту самого Меринга. Онъ только-что объяснилъ намъ, что лишь натуралистическіе матеріалисты могутъ смотрѣть на человѣка, какъ на простое животное, но что экономическій матеріализмъ видитъ основу историческаго движенія не въ индивидуумѣ, не въ животной особи, а въ общественной средѣ. (Одинъ изъ сторонниковъ экономическаго матеріализма, именно г. Бельтовъ, даже прямо заявляетъ, что этому ученію нѣтъ никакого дѣла до самой „человѣческой природы", что для него достаточно понятія окружающей человѣка среды). Между тѣмъ, отвѣчая на вопросъ, почему нужно считать экономію основою историческаго развитія, Мерингъ прямо беретъ человѣка, какъ животную особь, какъ существо чисто матеріальной природы: люди должны ѣсть, пить, одѣваться и строить себѣ жилища прежде, нежели будутъ въ состояніи заниматься мышленіемъ и творчествомъ. Послѣдняго никто не отрицаетъ, но, съ другой стороны, вѣдь, нужны тѣ же самые умственные процессы, которые проявляются въ мышленіи и творчествѣ, и для того, чтобы человѣкъ могъ добывать себѣ все необходимое для своего существованія. Психическая жизнь человѣка идетъ рука объ руку съ его физическимъ существованіемъ, и одно отъ другого неотдѣлимо. Въ этомъ заключаются одинаковыя права и экономіи, и психологіи объяснять историческія явленія. Указанная потребность человѣка въ пищѣ, одеждѣ и жилищѣ является для Меринга первымъ аргументомъ въ пользу обоснованія всего историческаго развитія на экономіи. Другой его аргументъ таковъ: „мы знаемъ, — говоритъ онъ, — что человѣкъ лишь черезъ соціальное общеніе съ другими людьми достигаетъ сознанія и что поэтому его сознаніе опредѣляется его общественнымъ бытіемъ, а не наоборотъ, его общественное бытіе—его сознаніемъ". Этотъ аргументъ кажется Мерингу до такой степени побѣдоноснымъ, что онъ даже не пытается объяснить, какимъ образомъ это происходитъ. Сознаніе является здѣсь всецѣло продуктомъ общественной жизни, какъ будто въ самой организаціи человѣка—даже при самомъ матеріалистическомъ на нее взглядѣ— мы не найдемъ ничего такого, что могли бы считать источникомъ сознанія. Во-вторыхъ, опредѣляя сознаніе общественнымъ бытіемъ, Мерингъ, однако, не объясняетъ, какъ могло бы существовать само это общественное бытіе безъ сознанія

составляющихъ общество индивидуумовъ. Для того, чтобы придать вѣсъ высказаннымъ соображеніямъ, Мерингъ тотчасъ же придумываетъ нарочно нелѣпость, которую затѣмъ разбить оказывается весьма легкимъ. „Какъ-разъ,—говоритъ онъ,—принятіе того, что люди только чрезъ мышленіе приходятъ къ ѣдѣ и къ обитанію въ жилищахъ, только чрезъ философію приходятъ къ экономіи,—есть, очевидно, произвольное предположеніе, и потому историческій идеализмъ приводитъ къ самому удивительному конструированію исторіи“ (стр. 446). Конечно, такое представленіе было бы нелѣпостью, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы тѣмъ самымъ доказывалась истинность формулы самого Меринга. Что касается до конструированія исторіи, то, конечно, Гегель какъ нельзя болѣе былъ въ немъ повиненъ, но экономическіе матеріалисты, заявляя себя гегельянцами, почему-то не хотятъ видѣть, что діалектика Гегеля въ примѣненіи къ исторіи необходимо должна приводить къ конструированію исторіи.

Мерингъ останавливается точно также на упрекѣ, дѣлаемомъ экономическому матеріализму, и въ томъ, что онъ учитъ понимать историческое развитіе чисто механически. По нашему мнѣнію, такое пониманіе, дѣйствительно, можетъ служить поводомъ для упрека, но только Мерингъ думаетъ совершенно напрасно, что экономическій матеріализмъ такого упрека не заслуживаетъ. Дѣлая основою всего историческаго развитія нѣчто лежащее внѣ человѣка, это ученіе не можетъ приводить къ иной концепціи, кромѣ чисто механическаго развитія соціальной среды. Есть такіе сторонники экономическаго матеріализма (напримѣръ, г. Струве), которые прямо отождествляютъ это ученіе съ ученіемъ о совершенной стихійности историческаго процесса, и они, конечно, въ данномъ случаѣ разсуждаютъ гораздо послѣдовательнѣе, нежели Мерингъ. Этому писателю хочется доказать, что экономическій матеріализмъ не отрицаетъ „идеальныхъ силъ“, и для этого онъ начинаетъ такъ широко толковать свое ученіе, что своими объясненіями въ концѣ-концовъ колеблетъ самую основу всего ученія. Съ болѣе яркими примѣрами подобнаго рода толкованій экономическаго матеріализма мы встрѣтимся еще при разсмотрѣніи взглядовъ Вейзенгрюзена и г. Николаева, а тутъ скажемъ нѣсколько словъ о соображеніяхъ Меринга по тому же вопросу. „Историческій матеріализмъ,—говоритъ онъ,—вовсе не представляетъ изъ себя замкнутой системы, увѣнчанной одною ко-

нечною истиной; онъ есть научный методъ для изслѣдованія процесса человѣческаго развитія. Онъ исходитъ изъ неоспоримаго факта, что люди живутъ не только въ природѣ, но и въ обществѣ. Изолированныхъ людей никогда не существовало; каждый человѣкъ, случайно выброшенный изъ общества, скоро погибаетъ. Тѣмъ самымъ историческій матеріализмъ признаетъ идеальныя силы въ самомъ широкомъ объемѣ" (стр. 450). Все это совершенно вѣрно, но, во-первыхъ, общественность человѣка охватываетъ собою гораздо большее количество явленій, чѣмъ одна экономика, а во-вторыхъ, эта общественность порождаетъ идеальныя силы именно потому, что сама-то не можетъ быть сведена къ одной экономикѣ. Если развивать только-что приведенныя мысли Меринга, то получишь нѣчто весьма далекое отъ экономическаго матеріализма. Но нашъ авторъ бросаетъ эту тему для того, чтобы снова вернуться къ своему догмату: „идеи,—говоритъ онъ,—(т.-е. тѣ идеи, которыя дѣйствуютъ въ исторіи) возникаютъ не изъ ничего, но суть продукты общественнаго процесса производства" (стр. 451). Но если это такъ, и если самый процессъ развитія производства есть процессъ стихійный, механическій, то можно ли послѣ этого серьезно говорить о какой-либо самостоятельной роли идеальныхъ силъ въ исторіи? Съ другой стороны, признавая эту самостоятельность идейнаго начала, можно ли утверждать, что защищаешь экономическій матеріализмъ? Между тѣмъ, Мерингъ какъ-разъ утверждаетъ нѣчто такое, съ чѣмъ не согласились бы дѣйствительно послѣдовательные въ этомъ пунктѣ сторонники экономическаго матеріализма. Именно онъ признаётъ, что духъ человѣческій все болѣе и болѣе начинаетъ господствовать надъ мертвымъ механизмомъ природы и надъ процессомъ производства (по другимъ экономическимъ матеріалистамъ, этотъ процессъ есть результатъ исключительно стихійнаго развитія), тѣмъ самымъ вводя въ историческій процессъ силу, которая не содержится въ самой экономической средѣ (стр. 452 и слѣд.).

Нѣсколько страницъ посвящаетъ затѣмъ Мерингъ доказательству той мысли, что не изобрѣтенія и открытія (напр., открытіе Америки, изобрѣтеніе машинъ, пороха, огнестрѣльнаго оружія, книгопечатанія) вызывали общественныя перемѣны, а наоборотъ, послѣдними вызывались первыя (стр. 455), и что поэтому человѣческій духъ былъ не виновникомъ, а

лишь исполнителемъ общественныхъ переворотовъ, зависѣвшихъ отъ перемѣнъ въ способахъ производства (стр. 457). При этомъ полемика ведется авторомъ и противъ историческаго идеализма, и противъ натуралистическаго матеріализма, но изъ всѣхъ его разсужденій и на этотъ разъ не получается ничего, что доказывало бы главный тезисъ экономическаго матеріализма. Что ни одно изобрѣтеніе не дѣлалось сразу, а имѣло длинную предварительную исторію (Vorgeschichte), что ни одно не можетъ быть связано съ именемъ одного человѣка, что каждое было отвѣтомъ на какую-либо потребность, и что каждое могло распространиться и упрочиться лишь при подходящихъ общественныхъ условіяхъ,—противъ всего этого никто не станетъ спорить, но это и ничего не доказываетъ въ томъ тезисѣ, который хочется доказать Мерингу. Притомъ разныя невѣрныя, на его взглядъ, объясненія, касающіяся исторіи изобрѣтеній, онъ ставитъ въ вину не лицамъ, которыя дѣлали такія объясненія, а историческому идеализму и идущему съ нимъ рука объ руку натуралистическому матеріализму. Конечно, не порохъ и огнестрѣльное оружіе разрушили феодализмъ (стр. 459 и слѣд.), но мы сильно сомнѣваемся, чтобы разрушеніе феодализма само по себѣ могло объяснить изобрѣтеніе пороха и огнестрѣльнаго оружія.

И упрекъ въ томъ, что экономическій матеріализмъ отвергаетъ всѣ нравственныя мѣрки (alle sittliche Massstäbe), Мерингъ равнымъ образомъ стремится снять съ этого ученія. Мы уже видѣли, что онъ высказывается въ принципѣ противъ того субъективизма, который называется у него „классовою моралью“ [1]), и въ этомъ смыслѣ мы, конечно, высказываемся за полный объективизмъ (читайте: за широту взгляда, безпристрастіе). Если экономическій матеріализмъ „изгоняетъ нравственныя мѣрки изъ историческаго *изслѣдованія* вообще, потому что онѣ дѣлаютъ невозможнымъ всякое *научное* изслѣдованіе исторіи“, то честь и слава экономическому матеріализму, но если экономическіе матеріалисты будутъ утверждать, какъ утверждаетъ, напр., и Мерингъ, что лишь ихъ доктрина дѣлаетъ вообще впервые возможнымъ познаніе того, какъ дѣйствуютъ нравственные мотивы въ исторіи (стр. 464), то съ этимъ мы не согласимся. Можно быть не-партійнымъ историкомъ и не раздѣляя идей экономическаго матеріализма,

[1]) См. выше, стр. 107—108.

который, по Мерингу, будто одинъ только и бываетъ безпристрастнымъ къ отдѣльнымъ историческимъ личностямъ, такъ какъ принимаетъ-де въ расчетъ всѣ мотивы людского поведенія. Въ доказательство послѣдняго Мерингъ ссылается на безпристрастную оцѣнку личности Томаса Мора, сдѣланную Каутскимъ въ его книгѣ объ этомъ историческомъ дѣятелѣ (стр. 465). Книга Каутскаго можетъ быть названа въ цѣломъ хорошимъ историческимъ произведеніемъ, но то, что въ ней хорошо, зависитъ отъ соблюденія авторомъ общихъ требованій исторической науки, между прочимъ, выработавшей пріемы біографическаго (и, слѣдовательно, психологическаго) изслѣдованія, а то, что въ книгѣ вышло слабымъ, какъ-разъ обусловлено желаніемъ экономически объяснить то, что можетъ быть объяснено только психологически [1]). Къ сожалѣнію, на этомъ вопросѣ о нравственныхъ мѣркахъ Мерингъ останавливается очень коротко (стр. 464—466), едва затрогивая тему.

Конецъ статьи представляетъ изъ себя полемику съ извѣстной уже намъ критикой экономическаго матеріализма въ книгѣ Барта [2]). Въ частностяхъ, возражая экономическимъ матеріалистамъ по вопросамъ объ отношеніи между экономіей, съ одной стороны, и государствомъ и правомъ, съ другой, Бартъ, конечно, могъ и не всегда быть правымъ, но дѣло здѣсь не въ частностяхъ, а въ общей идеѣ; общая же идея та, что экономія должна объяснять не только чисто соціальныя стороны въ жизни народовъ (государство и право, на которыхъ дѣйствительно сказывается ея вліяніе въ весьма сильной мѣрѣ), но и чисто культурныя (духовныя) явленія, каковы мораль, религія и философія. Мы не будемъ останавливаться на этой полемикѣ Меринга съ Бартомъ, такъ какъ она не даетъ ничего такого, что уже не было бы повторено десятки разъ въ литературѣ экономическаго матеріализма.

Въ заключеніе отмѣтимъ одну мелькомъ высказанную Мерингомъ мысль. Мы уже видѣли, что въ одномъ мѣстѣ онъ называетъ экономическій матеріализмъ не системой, а методомъ научнаго изслѣдованія (стр. 450). Въ другомъ мѣстѣ онъ также противополагаетъ экономическій матеріализмъ, какъ шаблонъ, экономическому матеріализму, какъ методу (стр. 499).

[1]) Ср. выше, стр. 95 и слѣд.

[2]) См. выше, стр. 85—89.

Весьма жаль, что эту свою мысль Мерингъ не развиваетъ и даже оставляетъ почти безъ разъясненія, но если этимъ противоположеніемъ указывается „матеріалистическому методу историческаго изслѣдованія“ (die materialistische Methode der Geschichtsforschung) задача, такъ сказать, отыскивать слѣды вліянія экономическаго фактора въ самыхъ различныхъ историческихъ явленіяхъ, гдѣ только дѣйствительно можно обнаружить эти слѣды (безъ предвзятой мысли, что они должны быть вездѣ), то задачу эту можно назвать весьма важною и даже плодотворною. Впрочемъ, самъ Мерингъ думаетъ, что и въ качествѣ системы экономическій матеріализмъ не можетъ признавать всѣ свои результаты безспорными истинами (еще бы!) и соединяться съ представленіемъ, будто ему ничего уже и дѣлать не остается, такъ какъ все-де имъ уже выяснено (стр. 499).

Мы сейчасъ увидимъ, что, исходя изъ мысли о необходимости дальнѣйшаго развитія экономическаго матеріализма, нѣкоторые его сторонники стали вносить въ него дополненія и поправки, прямо въ сущности разрушающія самую основу всей доктрины [1]).

[1]) Слѣдить за всѣми проявленіями экононоическаго матеріализма въ нѣмецкой (а отчасти и во французской) прессѣ было бы трудно, да въ ней и мало бываетъ важнаго въ смыслѣ разработки теоріи экономическаго матеріализма. Отмѣтимъ только, что недавно въ „Der Socialistische Akademiker“ появились два письма Энгельса, въ одномъ изъ нихъ послѣдній протестуетъ противъ злоупотребленія экономическимъ матеріализмомъ. Вотъ самое сильное мѣсто (во французкомъ переводѣ, такъ мы познакомились съ этими письмами изъ одной французской газеты): „quand on fausse notre doctrine et qu'on nous fait dire que le moment économique est le seul décisif, on nous prête par là une opinion absurde et abstraite“.

VIII. Измѣненія, вносимыя въ экономическій матеріализмъ нѣкоторыми его послѣдователями.

Въ 1888 и 1890 гг. появились въ Лейпцигѣ двѣ книжки Павла Вейзенгрюна подъ заглавіями: „Законы развитія человѣчества“ и „Разные способы пониманія исторіи“ [1]). Первая изъ этихъ книжекъ крайне не систематичная [2]), что, впрочемъ, можно одинаково сказать и о второй, послужила поводомъ П. Ѳ. Николаеву для написанія статьи подъ названіемъ „Одна изъ гипотезъ о сущности историческаго процесса“,— статьи, появившейся сначала въ „Русской Мысли“, а потомъ вошедшей въ составъ книги „Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ“ (1892) и также представляющей изъ себя попытку систематизаціи экономическаго матеріализма. Съ этой точки зрѣнія работы обоихъ авторовъ заслуживаютъ быть включенными въ нашъ обзоръ, тѣмъ болѣе, что и Вейзенгрюнъ, и г. Николаевъ (весьма основательно порицающій Вейзенгрюна за самоувѣренность и бездоказательность), собственно говоря, вносятъ въ защищаемый ими экономическій матеріализмъ такія поправки, измѣненія и дополненія, что подрываютъ его основы. Любопытно еще и то, что вторая книжка Вейзенгрюна, бывшая неизвѣстною г. Николаеву, когда онъ писалъ свою статью, сравнительно съ первою книжкою того же автора представляетъ еще бо̀льшее уклоненіе отъ чистаго „матеріализма“

Объ обѣихъ книжкахъ Вейзенгрюна можно, однако, сказать, что собственно теоретическаго обоснованія экономической концепціи въ нихъ нѣтъ: это—сопоставленіе „экономическаго матеріализма“ съ другими концепціями, очеркъ его генезиса, изложеніе его теоремъ и, наконецъ, примѣненіе основной точки зрѣнія къ всемірной исторіи, причемъ авторъ

1) Paul Weisengrün. Die Entwickelungsgesetze der Menschheit; Verschiedene Geschichtsauffassungen.

2) Такъ ее характеризуетъ и Бернгеймъ, коему, повидимому, вторая книжка оставалась неизвѣстной. *Г. Бельтовъ* (Къ вопросу о развитіи монист. взгляда, 137) называетъ Вейзенгрюна крайне поверхностнымъ писателемъ.

въ качествѣ представителей ученія называетъ очень небольшую группу писателей. Въ первой своей работѣ онъ объявляетъ „единственными представителями этой теоріи въ тѣсномъ смыслѣ“ Маркса, Энгельса и Моргана (Е., 47) а во второй онъ такъ перечисляетъ всѣ, по его мнѣнію, главнѣйшія сочиненія въ духѣ экономическаго матеріализма: это — „Капиталъ“ Маркса, это — его же „Elend der Philosophie“ и „Коммунистическій манифестъ“ (1848); далѣе, это — труды Энгельса: „Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft“, „Der Ursprung der Familie, des Privateigenthums und des Staates“ и „Ludwig Feuerbach, ueber den Ausgang der klassischen deutschen Philosophie“; наконецъ, это—„Le matérialisme économique de Charles Marx“, Поля Лафарга (V. G., 27). Разсматривая разныя исторіологическія воззрѣнія нашего времени, Вейзенгрюнъ ставитъ имъ въ вину то, что въ нихъ вообще „принципъ поддержки жизни не играетъ самостоятельной роли“, что ими экономическія отношенія „или оставляются въ пренебреженіи, или объясняются изъ какихъ-либо другихъ факторовъ“ (V. G., 20); онъ противополагаетъ имъ ту теорію, которая прежде всего обращается къ анализу экономическихъ отношеній, всегда выдвигаетъ ихъ на первый планъ и объясняетъ изъ нихъ умственное движеніе, измѣненія въ нравахъ, фазисы религіи. Въ такомъ именно смыслѣ онъ весьма рѣзко ставитъ вопросъ: „происходитъ ли развитіе человѣчества болѣе на чисто интеллектуальной или же, наоборотъ, на экономической основѣ, т.-е. какое происхожденіе—интеллектуальное преимущественно или же преимущественно экономическое— было у революцій, реформъ, реакцій, соціальныхъ движеній всякаго рода, происходившихъ въ теченіе вѣковъ, словомъ, у всякаго движенія, какое только совершалось до сего дня“? (V. G., 23). Онъ рѣшительно становится на сторону экономическаго происхожденія культурныхъ и соціальныхъ перемѣнъ, заявляя себя приверженцемъ экономическаго матеріализма, т.-е. такой исторической теоріи, которая кладетъ въ основу исторіи народное хозяйство и сводитъ къ нему все содержаніе общественной жизни, какъ совокупность разныхъ сосуществующихъ элементовъ [1]). Поэтому Вейзенгрюнъ

[1]) Der „oekonomische Materialismus“ kann definirt werden als die Geschichtstheorie, welche, als Basis der Entfaltung in der Geschichte

вполнѣ присоединяется къ воззрѣнію Маркса и Энгельса. Онъ думаетъ, что отъ первыхъ шаговъ человѣка на землѣ до современности нѣтъ уже ни одного перехода, который не былъ бы теперь объясненъ съ ихъ точки зрѣнія. „Это—экономическій основной процессъ. Юридическіе, политическіе, религіозные, философскіе, литературные моменты развиваются рядомъ съ нимъ и по отношенію къ главному экономическому движенію образуютъ движенія побочныя“ (Е., 154). Вейзенгрюнъ не столько, однако, доказываетъ правильность такого пониманія сущности историческаго процесса, сколько разыскиваетъ, какъ оно сложилось. Между обоими сочиненіями по этому вопросу есть, впрочемъ, разница. По рѣшительному заявленію перваго, косвенное вліяніе на зарожденіе экономическаго направленія оказала нѣмецкая философія и, въ частности, гегельянство (Е., 48 и слѣд.). Вейзенгрюнъ даже думаетъ, что безъ діалектическаго метода едва ли можно представить себѣ экономическій матеріализмъ (Е., 158). Но онъ не доказываетъ своего тезиса, да и доказать его было бы невозможно, такъ какъ діалектическій методъ относится къ *формѣ* историческаго процесса, а экономическій матеріализмъ — къ его *содержанію.* Во второмъ своемъ сочиненіи Вейзенгрюнъ уже ставитъ вопросъ, насколько вѣрно воззрѣніе, ставящее въ связь экономическій матеріализмъ и гегельянство. Изъ того, говоритъ онъ, что манера писать у Маркса и Энгельса напоминаетъ Гегелеву, еще ничего не слѣдуетъ (V. Е., 21), и онъ высказывается тутъ уже въ томъ смыслѣ, что вліяніе гегельянства въ данномъ случаѣ было болѣе формальнаго свойства [1]); настоящій же зародышъ новаго направленія онъ усматриваетъ на этотъ разъ въ сочиненіяхъ французскихъ утопическихъ соціалистовъ и у Родбертуса (V. Е., 22 и слѣд.). Если стать на эту точку зрѣнія, то останется только отнять всякую силу у одного соображенія, высказаннаго въ первомъ трудѣ въ защиту всего направленія. Вейзенгрюнъ здѣсь предупреждаетъ именно, что экономическій матеріализмъ не

die oekonomische Productionsweise annimmt und alle anderen Umstände darauf zurückführen will, ohne die reelle Bedeutung dieser Umstände zu läugnen. V. G., 96—97.

[1]) Кромѣ того онъ говоритъ: Nur als Vorbereitung, als unklaren, unvollkommenen Ausdruck der oekonomischen Geschichtsbetrachtung kann ich die Hegel'sche Anschauung betrachten, Versch. Gesch., 22.

слѣдуетъ смѣшивать съ утилитаристическимъ сведеніемъ нравственныхъ понятій къ идеѣ пользы: видя основу исторіи въ матеріальныхъ отношеніяхъ, а въ духовныхъ движеніяхъ какъ бы надстройку, это направленіе тѣмъ болѣе не можетъ отрицать ихъ реальнаго значенія, что косвенно оно само развилось изъ нѣмецкой идеалистической философіи (E., 158). Это-то соображеніе и теряетъ силу, разъ нѣмецкая идеалистическая философія повліяла на экономическій матеріализмъ только своею формальною стороною. Есть еще одно ученіе, съ коимъ Вейзенгрюнъ пытается связать экономическій матеріализмъ. Именно онъ постоянно указываетъ на марксово пониманіе среды, какъ на базисъ всего экономическаго матеріализма (E., 11, 89, 127, 154, 158 и др.), но весьма трудно въ его изложеніи понять логическую связь между тѣмъ и другимъ. Разсуждаетъ онъ такимъ образомъ: по Марксу, человѣкъ окруженъ средою двоякаго рода, естественною и искусственною, причемъ вторая для исторіи важнѣе первой. „Искусственная среда выступаетъ, главнымъ образомъ, въ своемъ матеріальномъ дѣйствіи. Исторія не должна особенно заниматься психическими дѣйствіями въ ея соціальной формѣ; она должна заниматься объясненіемъ политическихъ и юридическихъ движеній, равно какъ движеній философскихъ и религіозныхъ, и объяснять ихъ изъ экономической матеріальной основы“ (V. G., 28). Тѣснѣе, конечно, связанъ экономическій матеріализмъ съ идеей классовой борьбы, сущность коей заключается въ томъ, что „съ извѣстнаго момента человѣчество дѣлится на двѣ большія группы: одна экономически господствуетъ, другая матеріально подчинена первой, какими бы она правами сама ни обладала. Каждая эпоха, далѣе, развиваетъ новыя матеріальныя силы, и всегда возникаетъ борьба между ними и болѣе ранними формами производства. Все это совершается постепенно, возникаетъ органически изъ данныхъ отношеній“ (V. G., 37). Духовная производительность идетъ за матеріальной, и господствующія идеи времени суть только идеи господствующаго класса, а новые способы производства создаютъ и новыя идеи (V. G., 43). Такое представленіе *всей* исторіи, всегда и вездѣ совершающейся, было навѣяно соціальнымъ движеніемъ эпохи; но даже снявъ съ экономическаго матеріализма Карла Маркса его соціалистическую оболочку, Вейзенгрюнъ высказываетъ ту мысль, что исторія потверждаетъ

основной его тезисъ (о главенствѣ экономическихъ условій) достаточными примѣрами, и съ этой стороны тезисъ кажется ему „почти непоколебимымъ“ [1]). При этомъ онъ объявляетъ, что классовая борьба представляетъ изъ себя красную нить исторіи [2]). Наконецъ, подтвержденіе экономическому матеріализму онъ видитъ въ „Древнемъ обществѣ“ Моргана, послужившемъ основою для книжки Энгельса о происхожденіи семьи, частной собственности и государства [3]). Суть дѣла въ томъ, что, по мнѣнію, высказанному Вейзенгрюномъ въ первой работѣ, основную идею экономическаго матеріализма Морганъ перенесъ на доисторическій бытъ (E., 154), но во второй онъ уже говоритъ, что только Энгельсъ, пользуясь замѣтками Маркса, съумѣлъ „интерпретировать соціологію Моргана въ своемъ смыслѣ“ (V. G., 29), и что поэтому связь между теоріей Моргана и экономическимъ матеріализмомъ была установлена, главнымъ образомъ, самимъ Энгельсомъ, хотя тутъ, по словамъ Вейзенгрюна, не все шло вполнѣ гладко (V. G., 45, 46). Быть можетъ, въ силу того, что экономическій матеріализмъ подтверждается не столько самимъ Морганомъ, сколько интерпретаціей Энгельса, американскій писатель, весьма рѣшительно записанный Вейзенгрюномъ въ число представителей экономическаго направленія въ первой работѣ, во второй уже не играетъ такой роли.

Вейзенгрюнъ чувствовалъ, однако, недостаточность теоретической разработки того воззрѣнія на исторію, которое онъ защищаетъ. Уже въ первой книжкѣ онъ пополняетъ коекакіе пробѣлы экономическаго матеріализма, но во второй онъ еще яснѣе видитъ недостатки теоріи въ томъ видѣ, какъ она существуетъ. Онъ не скрываетъ отъ себя всей трудности опредѣлить „отношеніе различныхъ формъ соціаль-

[1]) Entwickelungsgesetze, 110. Вейзенгрюнъ считаетъ, однако, возможнымъ обосновать экономическій матеріализмъ и внѣ теоріи о классовой борьбѣ, 107 sq.

[2]) Seit Herodot bis auf Bukle sucht ja die Geschichte unablässig nach einer möglichst prägnanten Formel... Wir glauben nun, dass der Begriff des Klassenkampfes für die Geschichte zum ersten Mal in umfassendster Weise eine solche allgemeine Erklärungsweise giebt... Im Klassenkampf glauben wir diesen rothen Faden gefunden zu haben. Ibid., 113.

[3]) См. выше, стр. 84—85.

наго движенія къ экономическому содержанію“ (Е., 115), хотя не затрудняется, однако, на основаніи частныхъ примѣровъ формулировать такіе „соціологическіе законы“, какъ то, что „всѣ политическіе, религіозные, юридическіе, философскіе и литературные элементы относятся къ экономическимъ, какъ форма—къ содержанію“, что „соціальная форма развивается за соціальнымъ содержаніемъ“, и что „соціальная форма переживаетъ соціальное содержаніе“ (Е., 120). По его словамъ, экономическій матеріализмъ вовсе не отрицаетъ вліянія другихъ элементовъ, придавая имъ, впрочемъ, значеніе элементовъ вторичныхъ и второстепенныхъ, и только упускаетъ изъ виду, что эти элементы, отдѣляясь отъ экономическаго основного движенія, соединяются между собою, расширяются и усиливаются, приходятъ въ болѣе быстрое движеніе, получаютъ при этомъ свои собственныя формы движенія и изъ элементовъ надстройки превращаются въ основы иныхъ стадій развитія. Въ этомъ направленіи онъ дополняетъ ученіе экономическаго матеріализма цѣлымъ рядомъ соображеній и историческихъ иллюстрацій, изложенныхъ, къ сожалѣнію, нѣсколько спутанно и не всегда достаточно вразумительно (Е., 173—220). Важно здѣсь только то, что такой горячій послѣдователь доктрины выступаетъ съ указаніемъ въ ней существеннаго пробѣла. Экономическій матеріализмъ,—говоритъ онъ,—и не могъ прійти къ сознанію необходимости развить далѣе эти основоположенія. Обративъ все свое вниманіе на экономическій фундаментъ, впервые имъ понятый, направленіе это не могло принять въ расчетъ всѣхъ явленій. „Мы,—продолжаетъ онъ,—весьма естественно, какъ и представители этого направленія, приписываемъ самое важное значеніе экономическому фундаменту, но на этомъ не останавливаемся, а объясняемъ діалектическимъ способомъ процессъ развитія въ его совокупности и начертываемъ новый рядъ развитія“ (Е., 221). Пониманіе развитія, какое онъ находитъ, напр., у Энгельса, кажется ему просто-таки механическимъ. Объявляя во второмъ своемъ сочиненіи, что экономическій матеріализмъ есть наилучшая историческая теорія, Вейзенгрюнъ прямо указываетъ на необходимость „нѣкоторыхъ къ ней добавленій и измѣненій, которыя, впрочемъ, по его словамъ, не должны противорѣчить принципу этого способа объясненія“ (V. G., 45). По вопросу о томъ, дѣйствительно ли такъ развиваются изъ матеріальныхъ основъ

юридическіе, политическіе и другіе элементы, какъ объ этомъ учитъ экономическій матеріализмъ, онъ высказываетъ уже нѣкоторое сомнѣніе. „Я того мнѣнія,—говоритъ онъ,—что Марксъ упустилъ изъ виду важный моментъ. Существуетъ нѣкоторый болѣе постоянный элементъ, нежели вѣчно измѣняющіяся матеріальныя условія. И общія психическія свойства человѣка измѣняются и вмѣстѣ съ тѣмъ исправляются въ силу идущаго впередъ экономическаго движенія (V. G., 48). Иначе чувствуютъ грекъ и римлянинъ, иначе—современный французъ и итальянецъ, но перемѣны въ области чувствованій, обусловленныя не только экономическими, но и психическими измѣненіями, въ свою очередь, оказываютъ хотя и ограниченное дѣйствіе на матеріальное движеніе. Это—маленькая реакція психическихъ факторовъ на соціальный элементъ въ исторіи, повидимому, не принимавшаяся Марксомъ въ расчетъ. Въ свою очередь этотъ пробѣлъ можно не принимать въ расчетъ при изслѣдованіи формъ, какія можетъ получать механизмъ производства. Но разъ я долженъ объяснить изъ матеріальныхъ элементовъ элементы политическіе или эстетическіе, я, конечно, долженъ обращать вниманіе на эти общечеловѣческіе, хоть и измѣняющіеся, но все-таки болѣе постоянные элементы“ (V. G., 49). Вейзенгрюнъ даже прямо говоритъ, что гдѣ у Маркса увлеченіе, тамъ у его послѣдователей уже просто каррикатура, и если, напр., Марксъ не особенно внимателенъ къ культурной исторіи, то его ученики готовы итти далѣе и совершенно ее устранить (V. G., 50), а это авторъ ставитъ имъ прямо въ вину.

Послѣднія заявленія Вейзенгрюна весьма поучительны: „нѣкоторыя дополненія и измѣненія“, вносимыя имъ въ теорію экономическаго матеріализма, ведутъ, на нашъ взглядъ, прямо къ подрыву основного положенія всей теоріи [1]).

Переходимъ теперь къ г. Николаеву. Въ названной уже выше статьѣ [2]) „Одна изъ гипотезъ о сущности историческаго процесса“, своею задачею авторъ прямо ставитъ

[1]) Гг. Струве и Бельтовъ отрекаются отъ солидарности съ такимъ защитникомъ экономическаго матеріализма. См. „Критическія Замѣтки“ перваго (стр. 52) и „Монистическій взглядъ“ второго (стр. 137). Г. Струве отрекается и отъ г. Николаева.

[2]) Мы цитируемъ ее по „Русской Мысли“, отмѣчая римскими цифрами книги этого журнала.

„изложеніе развитія, которому можетъ подлежать гипотеза экономическаго матеріализма“ (Р. М., V, 44—45). Въ основу своей работы онъ взялъ первую книжку Вейзенгрюна, признавая его идеи „оригинальными и достаточно достовѣрными“, но находя въ то же время, что Вейзенгрюнъ выставляетъ свои положенія „съ большою самоувѣренностью и смѣлостью“ (V, 49). Вторая книжка нѣмецкаго писателя г. Николаеву осталась неизвѣстною, и онъ такимъ образомъ передавалъ только первоначальные взгляды Вейзенгрюна, которые, какъ мы только что видѣли, подверглись нѣкоторому измѣненію во второмъ его сочиненіи. Авторъ статьи объ „одной изъ гипотезъ“ самъ признаетъ себя сторонникомъ экономическаго матеріализма. Всѣ историческія явленія, по его словамъ, раздѣляются на двѣ категоріи: одни, говоритъ онъ, „относятся къ области психологіи, личной или массовой, другія—къ области экономики“ (нужды и средства V, 44). Въ соотвѣтствіи съ этимъ онъ (вмѣстѣ съ Вейзенгрюномъ) различаетъ въ историко-философскихъ трудахъ два теченія, изъ коихъ называетъ одно идеалистическимъ, другое—матеріалистическимъ, прибавляя, что послѣднее-то и относится къ гипотезѣ экономическаго матеріализма (V, 50). По его мнѣнію, въ настоящее время преобладаетъ идеалистическое пониманіе, а экономизмъ лишь пробиваетъ себѣ дорогу, и въ большинствѣ случаевъ историки обращаютъ вниманіе на экономическія явленія, какъ на сосуществующія только съ другими, а не какъ на причиняющія ихъ (V, 53, 54), но это едва ли характеризуетъ теперешнее состояніе исторической науки. Между тѣмъ, думаетъ онъ, экономическое направленіе разрѣшаетъ одну изъ главнѣйшихъ историко-философскихъ проблеммъ. Именно онъ говоритъ, что соціологическія изслѣдованія не привели къ открытію одной общей причины историческаго процесса потому, что въ нихъ не было предложено какой-либо гипотезы, которая могла бы считаться „нормальнымъ понятіемъ“ историческаго процесса (V, 45). Подъ „нормальнымъ понятіемъ“ (выраженіе Вундта) какой-либо области явленій г. Николаевъ разумѣетъ „такое явленіе, которое, будучи постояннымъ въ данномъ процессѣ, въ то время, когда всѣ другія явленія не только измѣняются, но и появляются, и исчезаютъ, по тому самому составляетъ, вѣроятно, причину всѣхъ этихъ измѣняющихся въ процессѣ эволюціи явленій и причину самого процесса“ (V, 47). При-

знавая гипотетичность „нормальнаго понятія“ всѣхъ наукъ, г. Николаевъ ставитъ вопросъ о такой гипотезѣ и для теоріи историческаго процесса (V, 48), оговариваясь въ одномъ мѣстѣ, что, по его мнѣнію, нормальнымъ понятіемъ не долженъ быть непремѣнно одинъ какой-нибудь историческій или соціологическій факторъ. „Самый процессъ,—говоритъ онъ, — настолько сложенъ, что естественно предполагать, что сложно и измѣнчиво его нормальное понятіе, т.-е. что какой-нибудь историческій факторъ играетъ роль причины въ извѣстный, болѣе или менѣе продолжительный періодъ процесса, въ слѣдующій же періодъ можетъ уступить свою руководящую роль какому-нибудь другому фактору“ (V, 49). Такимъ „нормальнымъ понятіемъ“ для пережитыхъ и переживаемыхъ фазисовъ историческаго процесса г. Николаевъ, согласно съ воззрѣніями Маркса и Энгельса, считаетъ классовую борьбу на экономической почвѣ, и съ этой-то стороны экономическій матеріализмъ является для него наиболѣе вѣроятною историко-философской теоріей. Онъ, однако, не прибавляетъ никакихъ новыхъ соображеній, которыя подкрѣпляли бы основную мысль теоріи, и признаётся, что сама теорія крайне невыработана. По его мнѣнію, причина того, что гипотеза экономическаго матеріализма не дождалась ни „великой книги“ (намекъ на слова Литтре: il n'y a pas de grande doctrine sans grand livre), ни даже ряда основательныхъ изслѣдованій, лежитъ въ партійномъ способѣ происхожденія гипотезы, послѣднее же обстоятельство онъ считаетъ, однако, простою случайностью: „гипотеза,—говоритъ онъ,—могла появиться съ такимъ же удобствомъ въ рядахъ другой партіи и еще лучше внѣ партій... И въ самомъ дѣлѣ,— продолжаетъ онъ,—совсѣмъ не нужно быть марксистомъ или даже просто соціалистомъ, чтобы принять эту гипотезу за вѣроятную“, ибо „можно смотрѣть на гипотезу экономическаго матеріализма совершенно независимо отъ убѣжденій соціальныхъ и политическихъ партій“ (VI, 34). Съ послѣднимъ замѣчаніемъ нельзя не согласиться въ виду того, что основная мысль направленія нерѣдко раздѣляется такими историками, которые исходятъ изъ иныхъ идей, нежели тѣ, коими руководились Марксъ и Энгельсъ, но едва ли вѣрно объясненіе авторомъ того обстоятельства, что доктрина не отличается разработанностью: разъ она могла появиться и дѣйствительно появлялась въ другихъ партіяхъ,

уже одно это гарантировало возможность спокойной разработки ея теоретическихъ основъ. На нашъ взглядъ дѣло объясняется иначе: провести въ одной „великой книгѣ“ или въ рядѣ „основательныхъ изслѣдованій“ идею объ экономической структурѣ общества, какъ основѣ, по отношенію къ коей вся духовная культура и соціальная организація представляютъ изъ себя лишь надстройки, — провести эту идею и притомъ послѣдовательно, безъ пробѣловъ и натяжекъ было бы дѣломъ прямо невозможнымъ. Дальше бѣглаго наброска теоріи гипотеза итти не можетъ: всякая попытка ее развить требуетъ внесенія въ нее дополненій и измѣненій, которыя приводятъ къ противорѣчіямъ съ исходнымъ пунктомъ теоріи и тѣмъ самымъ нарушаютъ послѣдовательность въ общемъ ходѣ разсужденія. Въ послѣднемъ отношеніи непослѣдовательностью отличается и самъ г. Николаевъ, вводя въ исторію интеллектуальный факторъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отстаивая то воззрѣніе, по которому экономическій матеріализмъ былъ именно изгнаніемъ изъ пониманія исторіи именно всякаго психическаго начала. И онъ также думаетъ, что „для гипотезы экономическаго матеріализма философія Гегеля и его понятіе о діалектическомъ методѣ имѣли рѣшающее значеніе: сама гипотеза,—говоритъ онъ,—была предложена бывшими лѣвыми гегельянцами (Марксомъ и Энгельсомъ); она, такъ сказать, вытекла изъ метода гегельянства и только матеріализировала основу философіи Гегеля, подставивъ, вмѣсто психики, экономику, вмѣсто идеи—матеріальную жизнь“ (V, 54). Пусть такъ, но г. Николаевъ какъ-разъ находитъ необходимымъ ввести въ „гипотезу“ изгнанныя изъ нея „психику“ и „идею“, о чемъ, впрочемъ, рѣчь будетъ дальше. Во всякомъ случаѣ онъ самъ подчеркиваетъ неразработанность основоположеній экономическаго матеріализма и возвращается къ этому въ разныхъ мѣстахъ своей статьи. Наприм., по совершенно вѣрному его замѣчанію, нѣтъ „ни одного основательнаго историческаго изслѣдованія, гдѣ бы проводилась послѣдовательно эта гипотеза, ни одного философскаго историческаго разсужденія, ни одной провѣрки гипотезы примѣненіемъ ея къ изслѣдованію явленій культурной или прагматической исторіи“ (VI, 33). „Гипотеза экономическаго матеріализма, — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—до сихъ поръ гипотеза, и будетъ таковою до тѣхъ поръ, пока не будетъ провѣрена изученіемъ конкретныхъ историческихъ явленій, разсматриваемыхъ съ ея точки

зрѣнія“ (VI, 52, ср. 54). Этому соотвѣтствуетъ и незначительность литературы экономическаго матеріализма, какъ таковаго. „Весь литературный багажъ гипотезы“ г. Николаевъ сводитъ, кромѣ книгъ, указанныхъ Вейзенгрюномъ, къ Первобытной культурѣ Зибера, статьямъ Каутскаго и къ „ряду этюдовъ, замѣтокъ, газетныхъ и журнальныхъ статей“, отмѣтивъ еще книгу Роджерса „Economic interpretation of history“ и книгу Гиббинса „Industrial history of England“, съ коими ему, впрочемъ, не удалось еще основательно познакомиться (VI, 33—34). Въ другомъ мѣстѣ онъ указываетъ еще на книгу Липперта Culturgeschichte der Menschheit [1]) и книгу Летурно объ эволюціи собственности, въ коихъ (какъ тоже въ сочиненіяхъ Лоріа и Торнтона) „болѣе или менѣе проглядываютъ“ идеи экономическаго матеріализма, хотя „и Липпертъ, и Летурно, какъ можно судить по отдѣльнымъ ихъ выраженіямъ и по общему характеру ихъ изслѣдованій, или совсѣмъ незнакомы съ гипотезой, или не проникли въ ея сущность“ (VI, 37). При болѣе близкомъ знакомствѣ и съ сочиненіями Роджерса и Гиббинса [2]) послѣднюю оговорку онъ долженъ былъ бы распространить и на нихъ. Правымъ оказывается г. Николаевъ и тогда, когда не соглашается съ Энгельсомъ, по мнѣнію котораго гипотеза экономическаго матеріализма проникла въ широкіе круги со всё растущею скоростью: „гипотеза,—вполнѣ основательно говоритъ онъ,—не только не имѣетъ такой массы приверженцевъ, какъ полагаетъ Энгельсъ, но она мало извѣстна даже въ наукѣ. Если, — прибавляетъ онъ, — мы сопоставимъ съ ея извѣстностью ту быстроту, съ которою распространяются другія научныя гипотезы, то разница выйдетъ поразительная“,—и при этомъ онъ указываетъ на дарвинизмъ, изъ примѣненій коего къ одной соціологіи можно было составить цѣлую библіотеку (VI, 33). И это, прибавимъ мы, тѣмъ замѣчательнѣе, что, наоборотъ, экономическое направленіе, взятое въ болѣе широкомъ смыслѣ, начинаетъ играть все болѣе и болѣе видную роль въ современной исторической наукѣ. Со стороны приверженца экономическаго матеріализма такія

[1]) Отчетъ о которой данъ имъ самимъ въ „Русской Мысли“ и потомъ перепечатанъ въ его книгѣ.

[2]) Книга Гиббинса недавно переведена по-русски.

признанія особенно знаменательны: они свидѣтельствуютъ и о внутренней слабости гипотезы [1]).

Между тѣмъ г. Николаевъ находитъ возможнымъ упрекать въ игнорированіи этой точки зрѣнія такихъ ученыхъ, которые по роду своихъ занятій и не обязаны быть экономистами. Отмѣчая именно, что поле литературныхъ явленій остается совершенно неразработаннымъ съ „соціо-экономической точки зрѣнія", онъ какъ бы обвиняетъ „школу Тэна" за то, что у нея иная точка зрѣнія: эта „школа" не „признаетъ главенства экономическихъ отношеній и часто проглядываетъ ихъ, даже какъ сосуществующія, и не имѣетъ въ виду въ своихъ критико-литературныхъ изслѣдованіяхъ борьбы классовъ, какъ „нормальнаго понятія" текущаго историческаго процесса" (VI, 62). То, что авторъ называетъ „школой Тэна", дѣйствительно страдаетъ односторонностью, на которую и намъ не разъ приходилось указывать, но полная истина заключалась бы не въ замѣнѣ условной точки зрѣнія „школы" исходнымъ пунктомъ экономическаго матеріализма, а въ присоединеніи къ психологическому изслѣдованію, характеризующему „школу", изслѣдованія соціологическаго, составляющаго въ ней слабую сторону. Въ сущности вѣдь то же самое говоритъ и нашъ авторъ, разбирая (вслѣдъ за Вейзенгрюномъ) ученіе Тэна о средѣ и отмѣчая то обстоятельство, что въ понятіи среды, по Тэну, отсутствуетъ „если не наиболѣе важная, то во всякомъ случаѣ очень вліятельная сторона, именно экономическая" (V, 56). Но онъ перестаетъ быть правымъ, когда понятіе среды, у Тэна чисто психологическое, прямо замѣняетъ понятіемъ среды, исключительно экономическимъ. „Неясному, какъ онъ выражается, и нерасчлененному понятію Тэна о средѣ" онъ противополагаетъ „гипотезу экономическаго матеріализма съ ея достаточно опредѣленнымъ понятіемъ о средѣ". Указавъ далѣе на раздѣленіе среды на естественную и искусственную, онъ продолжаетъ: „существенный факторъ понятія объ искусственной средѣ составляютъ экономическія отношенія; къ нимъ происходитъ приспособленіе человѣческаго общества и всѣхъ

[1]) Впрочемъ, если Энгельсъ въ данномъ случаѣ имѣетъ въ виду широкое распространеніе идеи *не* въ ученыхъ кругахъ, а среди людей, мало знакомыхъ съ наукою, то онъ констатируетъ дѣйствительный фактъ, не доказывающій, однако, истинности идеи.

другихъ общественныхъ факторовъ. Они, произведенныя всякими предохранительными силами,—причина, а всѣ другіе факторы суть ихъ слѣдствія“ (V, 57). Когда, однако, у г. Николаева является надобность точнѣе опредѣлить содержаніе этого понятія, онъ сходитъ съ почвы чисто экономическаго пониманія и приближается къ пониманію психологическому, характеризующему Тэна. Въ другомъ мѣстѣ онъ мимоходомъ опредѣляетъ искусственную среду, какъ ее понимаетъ экономическій матеріализмъ, именно въ смыслѣ „разныхъ классовъ и ихъ подраздѣленій и, конечно, не просто грубыхъ интересовъ классовъ, ихъ матеріальной борьбы, а болѣе высокихъ чертъ, убѣжденій, нравовъ, обычаевъ, склада натуры, —однимъ словомъ, духа этихъ классовъ“ (VI, 42). Какъ бы то ни было, это новый примѣръ отступленія отъ исходнаго пункта всей гипотезы, примѣръ, въ коемъ психологической „надстройкѣ“ приписывается слишкомъ важное значеніе сравнительно съ матеріально-экономическимъ фундаментомъ.

Но это еще не все, ибо г. Николаевъ идетъ и далѣе того, и въ этомъ заключается наиболѣе любопытная сторона его статьи. Защищая гипотезу экономическаго матеріализма отъ того odium'а, который можетъ быть возбужденъ терминомъ, г. Николаевъ прямо указываетъ на возможность идеализированія „экономическаго матеріализма“, „признающаго возвышенныя отправленія (функціи) общества надстройками, а экономику фундаментомъ“, ибо,—говоритъ онъ,—„изъ самой сущности гипотезы можно сдѣлать тотъ выводъ, что интеллектуальныя слѣдствія экономической основы выдѣляются изъ нея и ведутъ до значительной степени самостоятельное существованіе, дѣлаясь сами важными историческими факторами. Творцы гипотезы,—продолжаетъ онъ,—не успѣли или не съумѣли сдѣлать такого вывода, но это не потому, конечно, чтобы его нельзя было сдѣлать, а потому, что у гипотезы не было „великой“ книги или просто многихъ изслѣдованій. А если можно сдѣлать подобный выводъ, то по идеальности гипотеза не уступаетъ какой-угодно другой научной гипотезѣ“ (VI, 35). Итакъ, для г. Николаева оказалось необходимымъ внести идеальность въ доктрину, которая прямо и основывала себя на замѣнѣ идеализма матеріализмомъ. „Какъ въ первой части историческаго процесса,—разсуждаетъ г. Николаевъ,—изъ господствующихъ семейныхъ отношеній выдѣляются отношенія экономическія, и притомъ

чѣмъ дальше идетъ процессъ, тѣмъ сильнѣе, пока они не сдѣлаются столь сильными, что сами становятся во второй части процесса господствующими, такъ и во второй части историческаго процесса при господствѣ экономическихъ отношеній сначала только сосуществуютъ интеллектуальныя и политическія отношенія, но потомъ они начинаютъ выдѣляться [1]) изъ господствующихъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ они должны дѣлаться сильнѣе и самостоятельнѣе, такъ что возможно предвидѣть эпоху ихъ конечнаго торжества и ихъ господства, по крайней мѣрѣ, господства интеллектуальныхъ отношеній при сосуществованіи политическихъ" (VI, 45, 4, 46). Авторъ приводитъ нѣсколько историческихъ соображеній въ доказательство того, что его „предположеніе о выдѣленіи изъ экономическаго фундамента политической и интеллектуальной [2]) надстроекъ для самостоятельной жизни не такъ ужъ гадательно, какъ можетъ представиться это сначала", и что сущность третьей части историческаго процесса, имѣющей цѣлью производство интеллектуальныхъ условій дальнѣйшаго существованія человѣческаго общества, не такъ ужъ утопична" (VI, 52). Въ доказательство вѣрности своей мысли онъ приводитъ еще то соображеніе, что „новѣйшая и позднѣйшая исторія развитія послѣдняго фазиса экономическихъ отношеній отличается особенно быстрымъ ускореніемъ прогресса знаній и политическихъ идей", которое само пророчитъ „будущее выдѣленіе интеллектуальныхъ элементовъ надстройки въ самостоятельное существованіе" (VI, 53). Не касаясь по существу этой теоріи „выдѣленій", не можемъ не отмѣтить того, что она придумана только для спасенія экономическаго матеріализма при допущеніи самостоятельной роли и психическаго начала. „Можетъ показаться,—чувствуетъ самъ г. Николаевъ,—что именно предыдущія разсужденія вполнѣ уничтожаютъ гипотезу. Что же это за основа, если выдѣлившіеся изъ нея элементы могутъ вытѣснить ее и стать сами основами? На это отвѣтимъ, что существуетъ аналогія вытѣсненія семейныхъ отношеній первой части историческаго процесса, какъ его „нормаль-

[1]) Въ статьѣ вообще не разъ говорится о „выдѣленіи интеллектуальныхъ отношеній изъ историческихъ". По его словамъ, это выдѣленіе подмѣчено вѣрно въ книжкѣ Вейзенгрюна.

[2]) Въ статьѣ, очевидно, по ошибкѣ стоитъ: индустріальной.

наго понятія", экономическими отношеніями („нормальнымъ понятіемъ"), основой второй части историческаго процесса, съ происходящимъ теперь, по нашему мнѣнію, процессомъ. Значитъ ли это, однако, что эти семейныя отношенія не были тогда основою? Конечно, не значитъ. А значитъ только то, что въ такомъ діалектическомъ, вѣчно текущемъ процессѣ, какъ историческій, основа можетъ измѣняться" (VI, 53). Но въ такомъ случаѣ, спрашивается, можетъ ли теорія историческаго процесса быть построена на исключительно экономическомъ принципѣ, разъ въ разныя времена у этого процесса разныя основы и въ одинъ и тотъ же моментъ „сосуществуютъ" разные факторы? По мнѣнію самого г. Николаева „нѣтъ причины считать невозможнымъ измѣненіе процесса эволюціи экономическихъ фазисовъ", т.-е. въ томъ смыслѣ, чтобы „ранѣе развившіяся интеллектуальныя отношенія оказали вліяніе на измѣненіе процесса эволюціи экономическихъ отношеній"; вопросъ же о томъ, „могутъ ли интеллектуальныя и политическія отношенія развиться раньше соотвѣтствующихъ имъ экономическихъ", разрѣшается имъ утвердительно на основаніи примѣра новыхъ странъ (VI, 50), когда ими заимствуются проявленія высшей духовной жизни старыхъ странъ (VI, 52, 53). Наконецъ, г. Николаевъ считаетъ классовую борьбу только частью „нормальнаго понятія" историческаго процесса, ибо „было время, когда ея не существовало и, вѣроятно, будетъ время, когда она существовать не будетъ, и Марксъ, и Энгельсъ—оба признаютъ это" (VI, 43). Онъ дѣлитъ поэтому историческій процессъ на три части съ нормальными понятіями 1) *семьи*, когда процессъ имѣлъ цѣлью *производство индивидуумовъ*, 2) *классовой борьбы*, когда цѣлью процесса является *производство продуктовъ* (VI, 45), и 3) *управляющей силы интеллекта*, когда „цѣль процесса будетъ состоять въ *производствѣ интеллектуальныхъ и политическихъ условій* дальнѣйшаго существованія человѣчества" (VI, 46). Мы думаемъ, однако, что эти три „производства" отнюдь не были тремя моментами одного и того же процесса, слѣдовавшими одинъ за другимъ во времени, а всегда были и доселѣ остаются „сосуществующими" сторонами человѣческой жизни на всѣхъ ступеняхъ историческаго развитія, и если „производство индивидуумовъ" нужно отнести въ область біологическаго процесса, то процессъ историческій состоялъ не столько въ „производствѣ

продуктовъ“, сколько въ „производствѣ интеллектуальныхъ (=культурныхъ) и политическихъ (=соціальныхъ), въ томъ числѣ и экономическихъ условій“ дальнѣйшаго существованія человѣчества.

Г. Николаевъ слегка задѣваетъ въ своей статьѣ и вопросъ о роли личности въ исторіи, находя, будто разбираемая имъ гипотеза „не только не устраняетъ изъ исторіи роли личности, но включаетъ признаніе этой роли“. Онъ думаетъ, однако, что послѣ его „разсужденій о выдѣленіи интеллектуальныхъ элементовъ общественной надстройки вопросъ можетъ представиться настолько яснымъ, что дальнѣйшаго объясненія онъ и не потребуетъ“ (для читателя его статьи). „И въ самомъ дѣлѣ, это—такъ,—продолжаетъ онъ,—интеллектуальный элементъ всецѣло принадлежитъ и воплощается въ человѣческихъ личностяхъ, и потому гипотеза должна признать, или вѣрнѣе говоря, изъ самой ея сущности непосредственно вытекаетъ, что роль личности есть растущая общественная функція“,—и онъ думаетъ, что „въ вопросѣ о роли личности въ исторіи все дѣло въ томъ, въ какую эпоху историческаго процесса и при какомъ развитіи экономическихъ основъ опредѣляется роль личности. Экономическій матеріализмъ,—дополняетъ онъ свою мысль,—съ большею или меньшею опредѣленностью уясняетъ этотъ вопросъ“, ибо „онъ долженъ признать роль личности въ процессѣ растущею функціей“ (VI, 54). Дѣло въ томъ, что при господствѣ семейныхъ отношеній эта роль ничтожна и случайна, но она увеличивается при господствѣ экономическихъ отношеній, такъ какъ сама эта искусственная среда есть до извѣстной степени сознательное и безсознательное созданіе человѣка, а въ будущемъ эта роль сдѣлается даже преобладающей. „Это, по словамъ самого г. Николаева, собственно все, что можетъ сказать гипотеза экономическаго матеріализма, какъ гипотеза историческая. Она только должна доказать это координированіемъ историческихъ фактовъ. Дальнѣйшее же уясненіе вопроса о роли личности относится къ области психологіи, а не исторіи, и въ исторію можетъ войти только какъ матеріалъ для ея построеній“ (VI, 55). Я не вижу, однако, причины, почему такое пониманіе роли личности въ исторіи связывается именно съ гипотезою экономическаго матеріализма: послѣднее замѣчаніе г. Николаева

прямо указываетъ на то, что съ одной экономіей, безъ психологіи, теорія исторіи обойтись не можетъ [1]).

И Вейзенгрюнъ, и г. Николаевъ задумали до нѣкоторой степени теоретически обосновать экономическій матеріализмъ, который обоимъ имъ показался сначала наиболѣе вѣрною исторической теоріей, но самая эта задача привела ихъ обоихъ къ признанію недостаточности одного экономизма. Вмѣсто того, впрочемъ, чтобы признать этотъ выводъ во всемъ его значеніи, они вздумали пополнять и исправлять доктрину, внося въ нее такія понятія, устраненіе коихъ только и могло привести къ возникновенію самой доктрины. Желая остаться экономическими матеріалистами, они въ то же время разрушаютъ экономическій матеріализмъ, хотя и весьма робко, но все-таки заявляя права психическаго, т.-е. духовнаго и идейнаго начала въ исторіи [2]). Сами защитники экономическаго матеріализма тѣмъ самымъ признали его односторонность, да иначе и быть не можетъ: если только не принимать доктрины на вѣру, не пытаясь искать для нея доказательствъ, остается либо обосновывать ее, не закрывая глазъ на ея пробѣлы, что́ неминуемо повлечетъ за собою поправки и дополненія, въ сущности разрушающія всю теорію, либо обосновывать ее, не взирая ни на какія фактическія противорѣчія и логическія несообразности, что̀ тоже должно вести къ разрушенію всей теоріи, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ конечнымъ результатомъ подобнаго доказыванія будетъ именно убійственная reductio ad absurdum. Сочиненіе Лоріа „Les bases économiques de la constitution sociale“ и представляетъ изъ себя именно своего рода reductionem ad absurdum экономическаго матеріализма.

[1]) Самъ Энгельсъ, какъ мы это увидимъ ниже (глава XI), признаетъ возможность „прыжка“ изъ царства экономической необходимости въ царство психологической свободы. Мы предпочитаемъ „выдѣленіе“ г. Николаева „прыжку“ Энгельса.

[2]) Ср. сочетанія экономической и психологической точекъ зрѣнія у Лакомба.

IX. Попытка обоснованія экономическаго матеріализма въ книгѣ Лоріа.

Первое изданіе книги Лоріа (въ болѣе краткомъ изложеніи, по-итальянски и подъ заглавіемъ „La teoria economica della costituzione politica“) появилось еще въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ и не замедлило обратить на себя вниманіе какъ на родинѣ автора, такъ и за границей. У Лоріа явились критики, которые между прочимъ стали доказывать, что авторъ „Экономической теоріи политическаго строя“, сводя все въ исторіи къ чисто экономической основѣ, погрѣшилъ противъ истины, забывъ другіе факторы исторической эволюціи. Подобныя возраженія не убѣдили Лоріа въ ошибочности его основного взгляда, и успѣхъ книги (который, какъ мы сейчасъ увидимъ, онъ самъ объясняетъ не научными качествами, а чисто публицистическою стороною своего труда) побудилъ автора переработать свою теорію, изложить ее въ болѣе подробномъ видѣ и издать на французскомъ языкѣ, какъ болѣе распространенномъ, чѣмъ итальянскій. Въ результатѣ и получилась большая книга подъ заглавіемъ „Экономическія основы общественнаго строя“, вышедшая въ свѣтъ въ 1893 г. и равнымъ образомъ сразу обратившая на себя вниманіе. И съ нашей точки зрѣнія она заслуживаетъ вниманія, и вотъ именно почему. Во-первыхъ, по объему она превосходитъ въ сущности небольшія статьи Вейзенгрюна и г. Николаева: это—первый обширный трудъ, посвященный теоріи экономическаго матеріализма, и уже тѣмъ самымъ онъ способенъ возбудить интересъ. Во-вторыхъ, и Вейзенгрюнъ, и г. Николаевъ не столько доказываютъ, сколько излагаютъ доктрину экономическаго матеріализма, тогда какъ книга Лоріа посвящена цѣликомъ именно теоретическому обоснованію главныхъ положеній всего направленія. Въ-третьихъ, и Вейзенгрюнъ, и г. Николаевъ, попробовавъ дать дальнѣйшее развитіе этимъ основнымъ положеніямъ, оказались вынужденными сойти съ исключительной точки зрѣнія экономическаго матеріализма, защитниками коего сами себя, однако, признали, и сдѣлать весьма существенныя уступки въ пользу

психологическаго идеализма, безусловно отвергнутаго родоначальниками разсматриваемаго ученія, тогда какъ Лоріа выступаетъ, наоборотъ, очень послѣдовательнымъ сторонникомъ доктрины, стремясь обосновать экономически, напр., существованіе въ обществѣ такихъ элементовъ культуры, какъ религія и мораль, доводя свои соображенія даже до прямыхъ абсурдовъ, чѣмъ, конечно, онъ оказалъ плохую услугу защищаемому ученію. Замѣтимъ кстати, что Лоріа пытается доказать многія изъ своихъ частныхъ положеній историческими примѣрами, но это — самая слабая сторона книги: итальянскій соціологъ своими историческими объясненіями обнаружилъ только крайнюю недостаточность своего историческаго образованія—и въ смыслѣ знанія и пониманія фактовъ, и въ смыслѣ умѣнія пользоваться историческимъ матеріаломъ для полученія общихъ выводовъ.

Лоріа объясняетъ въ предисловіи къ „Экономическимъ основамъ“ успѣхъ, выпавшій на долю итальянскаго изданія книги, тѣмъ, что въ ней съ полнѣйшею откровенностью разоблачены всѣ печальныя стороны современной морали и современной политики. „Эта книга,—говоритъ самъ Лоріа,—обнаружила предъ всѣми вещи, бывшія общимъ секретомъ; она совершенно открыто объявила о томъ, въ чемъ никто прежде не осмѣливался признаться, а именно, что въ нашихъ якобы демократіяхъ господствуютъ жадность, узкое и мелкое себялюбіе и духъ розни; она, книга эта, показала въ настоящемъ свѣтѣ, каковы тѣ политическія божества, которыя мы привыкли называть самыми торжественными именами, и, отдергивая завѣсу, скрывавшую ихъ отъ нашихъ взоровъ, показала, что тамъ, гдѣ, по общему представленію, пребываетъ таинственная Изида, на самомъ дѣлѣ находится жадный и безжалостный крокодилъ“. Книга Лоріа, которая, по его заявленію, однимъ показалась смѣлой, другимъ — дерзкой и всѣмъ вообще—интересной, дѣйствительно представляетъ изъ себя весьма рѣзкую критику современнаго состоянія общества, но нельзя сказать, чтобы изображеніе этого состоянія, сдѣланное итальянскимъ авторомъ, отличалось какою-либо новизною: съ тѣхъ поръ, какъ еще Руссо и нѣкоторые его современники (напр., Мабли) вскрыли несовершенства современной цивилизаціи, никогда не было недостатка въ писателяхъ, которые выступали обличителями общественныхъ золъ, коренящихся въ самыхъ основныхъ условіяхъ современной жизни.

По представленію Лоріа, историческій прогрессъ долженъ осуществить новый общественный строй, въ коемъ не будетъ болѣе неравенства и эксплуатаціи, и въ коемъ мораль, по мнѣнію автора, въ настоящее время служащая будто бы лишь экономическимъ интересамъ капиталистическаго класса, реформируется въ смыслѣ принятія подъ свою охрану такого поведенія, которое способствовало бы общему благополучію и равенству. Само собою разумѣется, что дѣлая книгу итальянскаго экономиста предметомъ своего разбора въ настоящихъ этюдахъ, мы имѣемъ въ виду не эту его критику современнаго экономическаго строя со всѣми его моральными и политическими послѣдствіями, равно какъ не тотъ общественный идеалъ, который начертываетъ Лоріа, какъ единственно соотвѣтствующій, по его основному взгляду, человѣческой природѣ, не имѣемъ, наконецъ, въ виду и экономической доктрины, изложенной въ книгѣ: мы ограничимся лишь разсмотрѣніемъ историческаго міросозерцанія автора.

Книга Лоріа состоитъ изъ очень короткаго введенія (стр. 1—9), гдѣ излагается общая идея труда, изъ самаго изложенія, распадающагося на три части, въ коихъ отдѣльно разсматриваются „экономическія основы“ морали (стр. 13—74), права (77—122) и политическаго строя (стр. 125—421), и въ концѣ изъ небольшого заключенія о „соціологіи на экономической основѣ“ (стр. 423—430). Изъ трехъ главныхъ отдѣловъ самаго изложенія предмета наибольшимъ является третій, т.-е. политическая часть, въ три раза превосходящая первую и вторую, т.-е. этическую и юридическую части, вмѣстѣ взятыя. На нашъ взглядъ это довольно характерно. Если гдѣ-либо экономическій матеріализмъ особенно нуждается въ теоретическомъ обоснованіи, такъ это именно въ сведеніи морали и вообще всѣхъ явленій духовной культуры къ чисто экономической основѣ, а между тѣмъ та именно часть книги, гдѣ авторъ дѣлаетъ попытку какъ-разъ такого сведенія, несоразмѣрно мала; какъ увидимъ, она-то и представляется намъ, кромѣ того, и наиболѣе слабою. Замѣтимъ еще, что въ общемъ введеніи за исходный пунктъ Лоріа беретъ не вообще человѣческое общество въ его давно прошедшихъ, современныхъ или возможныхъ въ будущемъ формахъ, а лишь одно общество теперешнее „въ цивилизованныхъ странахъ обоихъ полушарій“, характеризующееся рѣзкимъ раздѣленіемъ на два класса, изъ коихъ, какъ говоритъ авторъ, „одинъ живетъ,

не работая, а другой работаетъ, но не живетъ, по крайней мѣрѣ, не живетъ человѣческою жизнью". Вся критика Лоріа направлена противъ основаній и послѣдствій такого именно порядка вещей, который, однако, не кажется ему неизбѣжнымъ спутникомъ людского общежитія, безусловно необходимою особенностью всякой общественной организаціи. „Есть-ли,—спрашиваетъ онъ самъ,—есть ли такой порядокъ вещей, результатъ естественной необходимости, неотдѣлимой отъ органическихъ условій человѣческой природы или скорѣе не есть ли онъ результатъ историческихъ причинъ, долженствующихъ исчезнуть въ позднѣйшемъ фазисѣ эволюціи?" „Истина,—отвѣчаетъ онъ,—заключается въ рѣшеніи вопроса именно во второмъ смыслѣ" (стр. 1). Современному обществу Лоріа противопоставляетъ свой идеальный строй, разсматриваемый притомъ, какъ цѣль или какъ естественный предѣлъ общественной эволюціи: для пониманія характера самой этой эволюціи, необходимо, говоритъ онъ, знать ея „послѣдній фазисъ", ея „высшую форму". Тѣмъ не менѣе, однако, когда Лоріа разсматриваетъ мораль, право, государство, то беретъ ихъ не въ отношеніи къ обществу, какъ таковому вообще, т.-е. къ тому, что̀ составляетъ его сущность и въ исторически данныхъ, и въ только лишь возможныхъ формахъ, а именно къ одному только обществу капиталистическому, ибо съ его точки зрѣнія мораль, право, государство, какъ таковыя, суть не что иное, какъ прямые продукты самого капиталистическаго строя, подъ понятіе коего онъ подводитъ и общества, основанныя на рабствѣ или крѣпостничествѣ, черезъ-чуръ и вопреки общепринятому пониманію расширяя понятіе капитализма [1]). „Само собою разумѣется,—говоритъ Лоріа,—что предѣльная (т.-е. окончательная, идеальная) экономическая форма, исключающая какую бы то ни было узурпацію и какія бы то ни было столкновенія, можетъ держаться собственною своею силою, безъ помощи спеціальныхъ установленій, которыя гарантировали бы ея неприкосновенность, но такъ же легко понять, что капиталистическая собствен-

[1]) Въ пониманіи капитализма, какъ такой формы, подъ которую подводятся у него и такія явленія, какъ рабское или феодальное хозяйство, Лоріа существеннѣйшимъ образомъ отличается отъ Маркса, да и вообще его экономическое ученіе направлено противъ марксизма.

ность,—именно поскольку она основана на исключеніи трудящейся массы изъ обладанія землею и опирается на насиліе и преступленіе,—можетъ держаться, наоборотъ, лишь благодаря особымъ способамъ двоякаго рода". Одни изъ этихъ способовъ Лоріа называетъ „серіей экономическихъ мѣръ", обезпечивающихъ устраненіе свободной собственности и составляющихъ предметъ политической экономіи, коего онъ въ своей книгѣ совсѣмъ, впрочемъ, не затрогиваетъ. Что касается до другой категоріи этихъ способовъ, то для Лоріа они суть мораль, право и политическое устройство, коимъ онъ такимъ образомъ приписываетъ лишь одно значеніе—охранять капиталистическій строй (опять-таки въ его своеобразномъ пониманіи термина) отъ разрушенія. „Капиталистическая собственность,—продолжаетъ онъ,—нуждается для того, чтобы держаться, въ цѣломъ рядѣ сопряженныхъ съ нею установленій (institutions connectives), доставляющихъ ей гарантію противъ всякой реакціи со стороны тѣхъ, которые исключены изъ обладанія землею, обезпечиваетъ ей повиновеніе (l'acquiescement) ея жертвъ и препятствуетъ послѣднимъ производить возстанія или предаваться правонарушеніямъ. Эти сопряженныя съ капиталистическою собственностью установленія или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе изъ нихъ замѣчательныя суть *мораль, право и государственное устройство*, и эти великія общественныя явленія суть по тому самому органическіе продукты капиталистической собственности или, по крайней мѣрѣ, они подвергаются съ ея стороны внутреннему измѣненію и приспособленію въ цѣляхъ обезпеченія ея собственнаго существованія" (стр. 9). Въ этихъ немногихъ словахъ заключается вся суть теоріи Лоріа объ экономической основѣ культурной и соціальной жизни. Морали, права, государства, думаетъ Лоріа, не существовало бы, если бы ихъ не вызвало къ жизни желаніе капиталистическихъ собственниковъ обезпечить за собою обладаніе своимъ достояніемъ и повиновеніе трудящейся массы. Конечно, имущіе, правящіе и господствующіе классы нерѣдко эксплуатировали въ свою пользу эти „установленія", но изъ того, что извѣстною вещью злоупотребляютъ, отнюдь не слѣдуетъ, будто бы она и создана была только для данныхъ злоупотребленій. Самъ Лоріа словно, однако, нѣсколько колеблется, формулируя свой взглядъ. Онъ чувствуетъ, что, кромѣ морали, права и государственнаго устройства, есть еще и другія общественныя явленія: назван-

ныя имъ суть только „наиболѣе замѣчательныя“, но вѣдь есть помимо ихъ и иныя, которыя, можетъ быть, имѣютъ и для самого Лоріа не экономическое происхожденіе. Даже и названныя имъ право, мораль и государство онъ не особенно рѣшительно притомъ объявляетъ „органическими продуктами капиталистической собственности“, оговариваясь, что капиталистическая собственность, по крайней мѣрѣ, ихъ только видоизмѣняетъ и приспособляетъ къ своимъ цѣлямъ. Лоріа какъ бы еще сомнѣвается тутъ, можно ли всѣ культурно-соціальныя явленія понять въ исключительномъ смыслѣ неразлучныхъ съ капиталистическою собственностью ея оберегателей, и дѣйствительно ли тѣ „установленія“, которыя проявляютъ способность къ подобной роли, суть именно продукты этой собственности. Онъ, однако, не даетъ воли этому своему вполнѣ законному сомнѣнію и обходитъ всѣ затрудненія, вытекающія изъ гипотезы объ экономическомъ основаніи морали, весьма коротко, на нѣсколькихъ лишь страницахъ (63—73), посвященныхъ весьма поверхностной критикѣ господствующихъ этическихъ доктринъ. Можно даже сказать, что еще нѣсколько колеблющійся взглядъ остается у автора лишь на первыхъ страницахъ его труда, такъ какъ затѣмъ, особенно же въ концѣ книги, онъ выражается уже гораздо рѣшительнѣе. „Всѣ неэкономическія формы,—говоритъ онъ въ заключительной главѣ, — которыя входятъ въ составъ общественнаго строя, отнынѣ являются намъ въ видѣ необходимаго результата, въ видѣ надстройки надъ экономическими отношеніями, которыя одни суть настоящій ихъ субстратъ и могутъ одни научнымъ образомъ объяснить ихъ сложный механизмъ“ (стр. 424). Лишь ставъ на эту точку зрѣнія, думаетъ Лоріа, могутъ сдѣлаться вполнѣ научными этика, юриспруденція, политика, наконецъ, сама соціологія.

Соціологіи, т.-е. общей наукѣ объ обществѣ, этому синтезу ученій о политическихъ, юридическихъ и экономическихъ явленіяхъ (а въ болѣе широкомъ пониманіи и о явленіяхъ духовной культуры) давали, какъ извѣстно, разныя основы, а именно, то біологію индивидуума, видя въ обществѣ тоже своего рода организмъ,—то біологію вида, полагая, что общественная жизнь есть лишь особая форма жизни видовой,—то психологію, наконецъ, и всякій разъ такая или иная обосновка имѣла кое-что за себя, но многое имѣла и

противъ себя, особенно же, когда хотѣла свести все разнообразіе жизни къ одному частному началу. Лоріа тоже сводитъ все къ одному принципу, хотя и предвидитъ, что ему могутъ возражать прямо съ точки зрѣнія немыслимости такого сведенія. „По правдѣ сказать,—замѣчаетъ онъ самъ,—тотъ фактъ, что самыя разнообразныя проявленія (manifestations) общественной жизни сводятся къ одному инстинкту, къ одному мотиву, лишь къ одной изъ всѣхъ человѣческихъ страстей, съ перваго взгляда можетъ показаться даже прямо ни съ чѣмъ несообразнымъ, чтобы безчисленныя человѣческія чувствованія, за исключеніемъ лишь одного, т.-е. за исключеніемъ стремленія къ богатству, выступали только въ роли нѣмыхъ персонажей и почти даже какъ бы лишь въ роли статистовъ въ перипетіяхъ соціальной драмы; но это кажущееся противорѣчіе тотчасъ же будетъ устранено, какъ только мы представимъ себѣ искусственный и насильственный характеръ капиталистической собственности“ (понимая послѣднюю, конечно, опять-таки въ особомъ смыслѣ, какой даетъ этому слову авторъ). Дѣло въ томъ, продолжаетъ Лоріа, что „для обезпеченія существованія этой нелѣпой и противорѣчивой системы нужно призвать всѣ страсти, всѣ чувства, отравить самые чистые ихъ источники, извратить ихъ всѣ и превратить ихъ въ послушныя орудія этого чудовищнаго порядка“ (424 стр.). Что жажда богатства дѣйствуетъ, какъ одинъ изъ крупныхъ факторовъ общественнаго поведенія людей, это несомнѣнно, и что факторъ этотъ способенъ извращать всѣ другіе инстинкты человѣка, и въ этомъ мы не станемъ, конечно, сомнѣваться, но едва-ли здѣсь можетъ заключаться научное основаніе для того, чтобы построить *всю* соціологію на *одномъ* стремленіи человѣка къ богатству. Извѣстно, что абстрактная политическая экономія, разрабатывавшаяся исключительно дедуктивнымъ методомъ, для своихъ построеній, нуждалась въ гипнотическомъ представленіи человѣка, всѣ дѣйствія коего вытекаютъ изъ желанія пріобрѣтать, но строить *всю* науку объ обществѣ, но объяснить *всю* исторію, исходя не изъ представленія о реальной человѣческой личности съ ея разнообразными потребностями и притомъ не однѣми матеріальными, но и духовными, а исходя изъ отождествленія человѣка вообще съ человѣкомъ, живущимъ лишь одними помыслами о пріобрѣтеніи капиталовъ, это уже совсѣмъ иное дѣло. На крити-

куемыхъ авторомъ формахъ общежитія и безъ того лежитъ слишкомъ много разныхъ грѣховъ, чтобы нужно было для усиленія желательнаго впечатлѣнія представлять все цивилизованное человѣчество одержимымъ лишь одною страстью къ наживѣ. Если даже послѣдняя страсть и искажаетъ многія проявленія моральной и общественной жизни, то изъ этого, повторяемъ, все-таки еще не слѣдуетъ, чтобы эти явленія страстью къ наживѣ только и были созданы. Если господствующіе классы очень нерѣдко превращаютъ мораль, право и государство въ свои орудія, то и изъ этого опять-таки еще не слѣдуетъ, будто эти явленія не должны быть относимы къ обществу въ цѣломъ, а лишь къ имущимъ его классамъ, какъ постоянно утверждаетъ Лоріа, не допускающій, чтобы у морали, права и государства не было основъ въ потребностяхъ и стремленіяхъ и неимущей массы. Въ самомъ дѣлѣ, Лоріа не ограничивается исканіемъ для морали, права и государства вообще экономической основы, т.-е. такой, которая могла бы, напримѣръ, заключаться и въ матеріальныхъ интересахъ трудящейся массы: онъ въ основу всѣхъ моральныхъ, юридическихъ и политическихъ явленій кладетъ спеціально капиталистическую основу (quand la base capitaliste des phenomènes moraux, juridiques et politiques sera comprise, стр. 427), и думаетъ, что принятіе этого положенія одно въ состояніи обновить „благородныя науки", занимающіяся названными явленіями. Какъ должно совершиться такое обновленіе, объ этомъ судить мы можемъ на основаніи собственныхъ экскурсій автора въ области этики, юриспруденціи и политики, составляющихъ самый корпусъ книги Лоріа.

Прежде, однако, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію ихъ содержанія, мы укажемъ еще на то, что авторъ „Экономическихъ основъ" въ особой главѣ (стр. 393—421) отбивается отъ сдѣланныхъ ему возраженій. Среди оппонентовъ Лоріа были возражавшіе ему лишь по частнымъ вопросамъ или находившіе вообще его теорію „печальною", невозможною въ виду стремленія автора построить всѣ исторически существующія общества на одной узурпаціи, или теоріею, замѣняющею одну тайну (mystère) другою, столь же непонятною тайною, такъ какъ Лоріа не объясняетъ причины самихъ экономическихъ отношеній. Гораздо важнѣе были возраженія критиковъ, ставившихъ на видъ то обстоятельство, что теорія не считается съ моральными, религіозными и граждан-

скими (civils) факторами, которые вмѣстѣ съ факторомъ экономическимъ (и часто гораздо болѣе дѣйствительнымъ образомъ, нежели послѣдній) опредѣляли историческое развитіе человѣчества. Лоріа спрашиваетъ этихъ критиковъ, что же, однако, порождаетъ вѣрованія и идеи, и самъ на этотъ вопросъ отвѣчаетъ такъ: вѣрованія и идеи суть продукты соціальной среды, а потому—концепція, утверждающая, что человѣческія дѣйствія суть результаты вѣрованій, лишь подтверждаетъ взглядъ, по которому они суть результаты экономическихъ отношеній (точно, замѣтимъ мы, частное понятіе среды экономической вполнѣ совпадаетъ съ общимъ понятіемъ культурно-соціальной среды, въ коей зарождаются общественныя воззрѣнія и настроенія). Притомъ,—думаетъ еще Лоріа,—вѣрованія и идеи эпохи всегда лишь поддерживаютъ данную экономическую систему, а ежели даже онѣ и противорѣчатъ интересамъ отдѣльныхъ лицъ, то всегда соотвѣтствуютъ интересамъ всего господствующаго класса, взятаго въ цѣломъ. Если, наконецъ, въ исторіи и дѣйствуютъ независимыя отъ экономики силы честолюбія, злобы или любви, то лишь тогда, когда онѣ дѣйствуютъ на имущій классъ, т.-е., думаетъ Лоріа, факторомъ исторіи могутъ быть не вѣрованія и идеи вообще, а вѣрованія и идеи класса собственниковъ, тогда какъ вѣрованія и идеи рабовъ, крѣпостныхъ и наемныхъ рабочихъ никогда (!) не оказывали вліянія на ходъ исторіи. Возражая критикамъ, приводившимъ въ пользу своихъ взглядовъ историческіе примѣры, Лоріа и самъ даетъ историческія поясненія своихъ тезисовъ, но поясненія весьма сомнительнаго свойства. По его мнѣнію, „первая причина реформаціи была реакціей собственности противъ торговли индульгенціями“, и на этой-то будто бы почвѣ произошелъ союзъ духовныхъ съ крѣпостными, породившій крестьянскую войну. Мы не станемъ разбирать этотъ странный взглядъ на реформацію, относя его къ числу другихъ историческихъ курьезовъ, коихъ, къ сожалѣнію, въ книгѣ Лоріа не мало. Обратимъ лучше вниманіе на слабость общей аргументаціи автора. Изъ того, что вѣрованія и идеи суть продукты соціальной среды, отнюдь вѣдь не слѣдуетъ, будто они тѣмъ самымъ суть продукты непремѣнно экономики, ибо, конечно, соціальная среда состоитъ изъ отношеній болѣе сложныхъ и разнообразныхъ, чѣмъ одни отношенія хозяйственнаго характера.

Какъ вообще Лоріа понимаетъ экономическое происхожденіе вѣрованій, яснѣе всего можно видѣть изъ объясненія имъ такого сложнаго культурнаго явленія, какъ религія. О происхожденіи послѣдней писалось не мало, и уже одно то, что по этому вопросу высказывались весьма несходныя мнѣнія, указываетъ на сложность самаго вопроса. Откуда у человѣка возникаетъ понятіе о сверхчувственномъ мірѣ, о сверхъестественныхъ агентахъ? Лоріа объясняетъ дѣло весьма просто. Именно онъ находитъ, что изолированный трудъ или принудительное объединеніе труда (le travail non-associé ou associé coactivement) „имѣютъ своимъ необходимымъ результатомъ въ высшей степени важное психологическое явленіе— понятіе о сверхъестественномъ", точно это „психологическое явленіе" не можетъ имѣть и не имѣетъ въ дѣйствительности и психологическаго объясненія. Лоріа вполнѣ соглашается съ мнѣніемъ одного экономиста, „что человѣческая экономія, слабая техническими средствами, вмѣсто того, чтобы стремиться къ совершенствованію, прибѣгаетъ къ помощи религіи" (стр. 23), и онъ прибавляетъ, что „нѣтъ ничего, слѣдовательно, страннаго, если такимъ путемъ развивается религіозное чувство, какъ психологическій продуктъ безсилія изолированнаго или принудительно ассоціированнаго труда". Мало того: Лоріа прямо даже „объясняетъ" распространеніе протестантизма въ сѣверныхъ странахъ Европы,—тогда какъ южныя остались католическими,—тѣмъ, что на сѣверѣ природа гораздо болѣе заставляетъ человѣка изобрѣтать техническихъ пріемовъ для ея подчиненія человѣку, нежели на югѣ, гдѣ потому для воздѣйствія на природу и довольствуются разными суевѣрными средствами (стр. 24)! Заглядывая въ будущее, когда осуществится иная форма организаціи труда, Лоріа пророчитъ необходимость исчезновенія въ то время „сознанія высшей и непреодолимой власти силъ природы надъ человѣкомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ исчезновенія того чувства, которое является роковымъ спутникомъ этого сознанія" (стр. 25). Наконецъ, даже въ религіозныхъ отношеніяхъ человѣка къ Божеству, какъ они исторически развивались во всемъ человѣчествѣ, Лоріа усматриваетъ опять-таки экономическую основу. По его представленію, эти отношенія сводятся къ формулѣ—„do ut des" во всѣхъ религіяхъ міра, а это есть „не что иное, какъ мистическое воспроизведеніе экономическихъ отношеній между человѣкомъ и че-

ловѣкомъ“ (стр. 27). Смѣну религіозныхъ формъ Лоріа равнымъ образомъ ставитъ въ связь со смѣною экономическихъ системъ, пріурочивая, напримѣръ, язычество къ рабству, а христіанство къ крѣпостничеству на чисто внѣшнемъ совпаденіи историческихъ эпохъ, хотя и тутъ мы встрѣчаемъ крѣпостническія формы въ античномъ мірѣ и настоящее рабство христіанскихъ народовъ (примѣръ рабства негровъ въ европейскихъ колоніяхъ). По объясненію Лоріа, въ христіанствѣ какъ отъ собственника, такъ и отъ работника требуются дѣйствія, противныя ихъ интересамъ, причемъ принужденіе основывается на устрашеніи не въ этой жизни, какъ въ язычествѣ, а въ жизни будущей. Telle est la grande fonction capitaliste du christianisme (стр. 36), замѣчаетъ при этомъ Лоріа, совсѣмъ не понимая историческаго факта моральнаго перевоспитанія, совершавшагося въ обществѣ въ эпоху утвержденія христіанства. Съ замѣною феодальной организаціи экономіей наемнаго труда, освобождающей рабочаго отъ его матеріальныхъ и духовныхъ цѣпей, „вліяніе религіи, говоритъ Лоріа, какъ средства для обузданія эгоизма, слабѣетъ и колеблется“ (стр. 40), и ея роль переходитъ къ общественному мнѣнію, объявляющему безчестнымъ всякое дѣйствіе, которое наноситъ ущербъ собственности (стр. 41).

Эти соображенія Лоріа объ экономическомъ происхожденіи и значеніи религіозныхъ формъ, говорящія сами за себя безъ всякихъ дальнѣйшихъ критическихъ примѣчаній, извлечены нами изъ той части книги, гдѣ говорится объ экономической основѣ морали. По представленію автора, вся нравственность возникла на почвѣ необходимости создать узду для всѣхъ тѣхъ, которые вздумали бы поколебать капиталистическую собственность. Въ капиталистическомъ обществѣ, говоритъ онъ, взаимныя отношенія собственниковъ и работниковъ (или мелкихъ собственниковъ) порождаютъ двойную нравственность, такъ что именно одна нравственность обязательна лишь для неимущихъ, а для имущихъ существуетъ уже совсѣмъ другая (стр. 22). Первою же причиною моральныхъ явленій Лоріа считаетъ „эгоизмъ капиталистическаго класса, который одинъ является нѣмымъ вдохновителемъ общественнаго мнѣнія и который пользуется имъ для того, чтобы внушать имущимъ классамъ дѣйствія, согласныя съ ихъ главнымъ интересомъ, а рабочимъ классамъ — дѣйствія, наоборотъ, про-

тивныя ихъ интересу“ (стр. 43). „Капиталистическая мораль, —говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—основывается на цѣломъ рядѣ правилъ, которыя классъ собственниковъ налагаетъ какъ на классъ рабочихъ противъ дѣйствительнаго эгоизма послѣднихъ, такъ и на своихъ собственныхъ членовъ противъ ихъ непосредственнаго эгоизма и которыми удается обезпечить прочное существованіе капиталистическаго общества“ (стр. 74). Съ этой точки зрѣнія, содержаніе всей морали сводится у Лоріа къ запрещенію дѣйствій, направленныхъ противъ чужой собственности, будто такъ-таки въ морали болѣе ничего не существуетъ и будто только одно устрашеніе составляетъ санкцію морали, безъ альтруизма и чувства долга. Нашъ авторъ весьма краснорѣчиво изображаетъ разныя искаженія морали или злоупотребленія моралью, создающіяся ненормальными экономическими отношеніями, но сведеніе всей морали къ заботѣ собственниковъ, чтобы ихъ не экспропріировали и не обкрадывали, указываетъ лишь на то, какъ узко по необходимости ставится вопросъ о морали, разъ для его постановки допускается только экономическая почва.

Съ своей точки зрѣнія и всю исторію морали Лоріа, конечно, понимаетъ только въ зависимости отъ экономическихъ перемѣнъ. „Если,—говоритъ онъ,—мораль есть необходимое произведеніе экономическаго строя, то разложеніе извѣстной экономической формы должно необходимо влечь за собою и разложеніе соотвѣтственной формы морали“ (стр. 54). По его мнѣнію, всегда „моральная революція представляетъ два фазиса, соотвѣтствующіе двойному процессу общественнаго разложенія и пересложенія (recomposition): первая, существеннымъ образомъ разрушительная (subversive), уясняетъ притѣсняемымъ ихъ истинный эгоизмъ и подвигаетъ ихъ на окончательное разрушеніе потрясеннаго зданія; вторая, существенно охранительная, состоитъ въ стремленіи закрѣпить цѣпи новыхъ жертвъ соціальной формы, которая возникаетъ. Таково,—прибавляетъ Лоріа,—вліяніе экономической революціи на мораль рабочаго класса, но экономическое разложеніе и пересложеніе оказываютъ на мораль класса собственниковъ вліяніе діаметрально противоположное“ (стр. 57). Мы не будемъ разсматривать, какъ понимается у автора этотъ процессъ, ибо для насъ важно лишь общее его представленіе объ исключительной зависимости исторіи морали отъ исторіи хозяйства, дополняемое у него притомъ еще и такимъ со-

образеніемъ: „параллельно съ указанною революціей въ морали господствующаго класса, совершается революція и въ его міросозерцаніи (son mode de concevoir la vie), въ его поведеніи и, слѣдовательно, во всей совокупности научнаго и литературнаго производства, единственнымъ виновникомъ (auteur) и вдохновителемъ коего является этотъ классъ. Нѣтъ поэтому ничего страннаго въ томъ, что за каждымъ крупнымъ экономическимъ переворотомъ слѣдуетъ переворотъ литературный, образующій какъ бы *необходимое* дополненіе и слѣдствіе перваго" (стр. 59). Это положеніе авторъ иллюстрируетъ такими примѣрами, какъ то, что „въ XVIII в. любовная и эротическая поэзія знаменуетъ собою лишь переходъ буржуазіи къ жизни, полной удовольствій, бывшей до того привилегіей одного дворянства. Во Франціи,—прибавляетъ онъ,—великіе революціонеры, въ родѣ Робеспьера и Сенъ-Жюста писали стихи на эротическія и любовныя темы" (стр. 60), будто и любовь есть опять-таки не общечеловѣческое свойство, а какая-то монополія капиталистическаго класса. Этими замѣчаніями Лоріа ставитъ въ прямую зависимость отъ экономики не одну религію и мораль, но и литературу съ искусствомъ. Что оба послѣдніе элемента культуры большею частью служили лишь привилегированному меньшинству, это, конечно, объясняется общимъ строемъ жизни историческихъ народовъ, но думать, что сама литература и искусство суть прямые продукты экономическихъ отношеній, какъ таковыхъ, значитъ совершенно игнорировать существованіе въ человѣкѣ духовныхъ потребностей, которыхъ и въ народныхъ массахъ не могли забить цѣлые вѣка рабства, нищеты и угнетенія. При этомъ лучшія произведенія литературы и искусства всегда именно отличались гуманнымъ характеромъ, а не сословными тенденціями. Часто даже они были прямо проповѣдью противъ этихъ тенденцій.

Вообще, часть книги, посвященная экономическимъ основамъ морали, какъ было уже отмѣчено, самая слабая, да иначе и быть не могло, такъ какъ источникъ моральныхъ явленій совсѣмъ иной, чѣмъ источникъ явленій экономическихъ. Во многихъ отношеніяхъ право имѣетъ основу, болѣе близкую къ моральной сферѣ, но зато въ другихъ отношеніяхъ оно стоитъ, дѣйствительно, очень близко къ экономикѣ, и потому на страницахъ объ экономической основѣ права Лоріа гораздо чаще высказываетъ вполнѣ здравыя мысли,

чѣмъ въ первой части труда. Въ отдѣльныхъ параграфахъ, въ которыхъ, несомнѣнно, весьма много интереснаго, хотя и нѣтъ ничего новаго, онъ разсматриваетъ вліяніе экономическихъ отношеній на право семейственное, имущественное, наслѣдственное, договорное, равно какъ на то особое право, коимъ опредѣляются взаимныя отношенія между собственниками и рабочими. Это послѣднее авторъ отдѣляетъ отъ всѣхъ остальныхъ, регулирующихъ взаимныя отношенія между собственниками: Лоріа основываетъ это особое право на исключительномъ покровительствѣ собственникамъ и на предоставленіи имъ господства надъ рабочими, что́ и составляетъ, по вѣрному замѣчанію Лоріа, поразительный контрастъ этого права съ многочисленными формами обузданія, придуманными для взаимныхъ отношеній между самими собственниками (стр. 111). Что касается до уголовнаго права, то, по мнѣнію Лоріа, и въ преступленіяхъ противъ личности, и въ преступленіяхъ, совершаемыхъ богатыми, внимательный анализъ найдетъ скрытую экономическую сущность (стр. 115), но объясненія, даваемыя здѣсь нашимъ авторомъ, опять не обходятся безъ обычныхъ натяжекъ. Конечно, измѣненія въ правѣ находятся въ большей зависимости, чѣмъ измѣненія въ морали, отъ экономическихъ отношеній, хотя, разумѣется, не одни послѣднія, но и моральное развитіе сказываются на правѣ. Лоріа, понятно, этой послѣдней стороны дѣла совсѣмъ не видитъ и весь процессъ юридической исторіи объясняетъ лишь съ экономической точки зрѣнія, опять-таки представляя все право вообще продуктомъ капиталистическаго строя, будто права́ личности, какъ таковой, ничего не значатъ сами по себѣ. „Измѣненія въ экономическихъ отношеніяхъ,—говоритъ онъ,—роковымъ образомъ влекутъ за собою измѣненія въ области права“ (стр. 83). Этотъ тезисъ Лоріа доказываетъ общими соображеніями и историческими примѣрами. По его представленію, напр., „воскресеніе римскаго права въ средневѣковой Италіи было естественнымъ слѣдствіемъ новой экономической формы, которая приводила къ отношеніямъ распредѣленія, аналогичнымъ тѣмъ, какія существуютъ въ обществѣ, основанномъ на рабствѣ, а послѣдовательное распространеніе римскаго права изъ Италіи въ Германію было лишь роковымъ спутникомъ экономическаго переворота, перенесшаго тѣ же отношенія и въ сѣверную Европу“ (стр. 91). Легко это сказать, но нужно еще дока-

зать, а этого-то Лоріа и не дѣлаетъ, предпочитая ссылаться, какъ на аксіомы, на положенія, не имѣющія за себя ни малѣйшихъ научныхъ основаній. „Въ самыхъ разнообразныхъ своихъ формахъ,—говоритъ онъ еще,— право есть всегда весьма могущественное орудіе, имѣющее своимъ назначеніемъ препятствовать противодѣйствію рабочихъ и обезпечивать прочное существованіе и умноженіе собственности" (стр. 120). „Существенная основа права—въ капиталистическихъ отношеніяхъ. Право есть монополія богатства". Въ послѣднемъ отношеніи Лоріа ставитъ право въ то же положеніе, какъ и мораль, т.-е. въ положеніе одного изъ спеціальныхъ охранителей капиталистической собственности. Онъ только думаетъ, что право возникаетъ позднѣе морали, ибо оно, говоритъ онъ, есть „учрежденіе болѣе разнородное по составу (hétérogène) и болѣе сложное, соотвѣтствующее періоду бо̀льшаго развитія капиталистической цивилизаціи, есть система болѣе дорогая, къ коей капиталъ прибѣгаетъ, лишь испытавъ на опытѣ безсиліе менѣе стоющихъ способовъ охранять существованіе собственности". Итакъ, заключаетъ Лоріа свои разсужденія, приведшія его къ этому выводу, „право, какъ принудительное, повелительное установленіе, есть необходимый продуктъ капиталистической экономіи: оно есть матеріальное средство, при помощи коего оказывается защита лицамъ, получающимъ доходъ, противъ ихъ собственныхъ увлеченій и противъ покушеній со стороны рабочихъ; оно есть дополненіе и интеграція капиталистической морали тамъ, гдѣ послѣдняя оказывается недостаточною" (стр. 81). Едва-ли кто-либо рѣшится признать всѣ эти утвержденія сколько-нибудь вѣрными. Невѣрно, будто право моложе морали; невѣрно, чтобы къ праву прибѣгли, лишь испытавъ недостаточность морали; невѣрно, чтобы право обходилось всегда дорого [1]); невѣрно, что право не существовало внѣ капиталистической организаціи. Странно, наконецъ, ставить самый вопросъ объ относительной дешевизнѣ морали и права!

Гораздо болѣе вообще вѣрныхъ замѣчаній,—но и не мало все-таки разнаго рода мыслей, вызывающихъ серьезныя возраженія, а также и совершенно невѣрныхъ мыслей,—мы нахо-

[1]) Наприм., морально-религіозное обузданіе, ради коего, по мнѣнію Лоріа, существуетъ церковь, обходилось (въ средніе вѣка особенно) дороже содержанія судебныхъ учрежденій.

димъ въ той части книги, гдѣ разсматриваются экономическія основы политическаго строя. Лоріа останавливается довольно подробно на той общей мысли, что „политическое устройство есть надстройка (superstructure) надъ устройствомъ экономическимъ и его необходимое произведеніе“ (стр. 361), не принимая въ расчетъ того, что государственное соединеніе при самомъ началѣ своемъ преслѣдуетъ не однѣ экономическія цѣли, но и защиту отъ внѣшнихъ враговъ. Если, говоритъ онъ, прежній взглядъ, по которому экономическія отношенія опредѣлялись правомъ, дѣлалъ изъ юриспруденціи общественную науку по преимуществу, то новый взглядъ полагаетъ въ основу всѣхъ общественныхъ наукъ—политическую экономію (стр. 362). „Теорія объ экономической основѣ государственнаго устройства, по мнѣнію Лоріа, одна только въ состояніи нанести окончательный ударъ ученію о государствѣ, какъ результатѣ общественнаго договора“ (стр. 363), хотя это давно похороненное ученіе не нуждается болѣе въ разрушеніи, да и самое разрушеніе его совершилось въ то время, когда экономическаго матеріализма и въ поминѣ не было. Здѣсь ближе, тѣмъ не менѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, подходитъ къ истинѣ основная концепція Лоріа, но вѣдь въ сущности и государственная жизнь, взятая въ цѣломъ, съ своими отношеніями и задачами культурными, религіозными, національными и политическими, не можетъ всесторонне объясняться изъ однихъ экономическихъ отношеній. Собственно говоря, во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ о государственномъ устройствѣ Лоріа исходитъ изъ того требующаго сильныхъ ограниченій положенія, что политическая власть принадлежитъ собственникамъ. Въ этомъ отношеніи онъ видитъ не только результатъ стремленія собственности къ безграничному расширенію своего господства, но и необходимое условіе прочнаго существованія и неприкосновенности самаго дохода отъ собственности, „ибо,—аргументируетъ онъ,—съ перваго взгляда очевидно, что распространеніе политической власти на классъ не-собственниковъ опредѣлило бы направленіе коллективнаго дѣйствія въ смыслѣ враждебномъ по отношенію къ обладателямъ дохода и привело бы къ установленію той общественной политики, которая одновременно составляетъ идеалъ обездоленныхъ и пугало капиталистическаго класса“ (стр. 127). Вмѣстѣ съ этимъ Лоріа считаетъ капиталистическое присвоеніе власти наиболѣе

дорого стоющимъ способомъ изъ всѣхъ тѣхъ, коими собственники пользуются для того, чтобы удержать въ повиновеніи обездоленные классы, такъ какъ этотъ способъ „требуетъ весьма сложной совокупности средствъ и цѣлой арміи непроизводительныхъ работниковъ, гораздо большей, чѣмъ та, которая нужна для цѣлей моральнаго и юридическаго принужденія“ (стр. 128). Лоріа упускаетъ, однимъ словомъ, изъ виду, что государство возникло на почвѣ междуплеменной и международной борьбы для охраны отъ внѣшнихъ враговъ, и не обращаетъ вниманія на исторію развитія задачъ государства.

Мысль объ извѣстной зависимости властвованія отъ обладанія собственностью не нова, но никогда никому не удавалось установить прямую связь между опредѣленными политическими формами и опредѣленными системами собственности. Лоріа самъ весьма благоразумно отказывается отъ такой попытки, хотя сдѣлать ее было бы прямо въ духѣ и въ цѣляхъ его теоріи. Въ одномъ мѣстѣ онъ прямо спѣшитъ заявить, что „хотя и замѣчается нормальное соотношеніе между формою дохода и формою власти, это соотношеніе, однако, не до такой степени неизбѣжно, чтобы исключить возможность экономической формы, которая существовала бы отдѣльно отъ соотвѣтствующей формы политической“. Такую возможность онъ объясняетъ тѣмъ, что такъ какъ „государственное устройство есть лишь надстройка (superstructure), послѣднее и самое поверхностное произведеніе экономическихъ отношеній“, то эти послѣднія могутъ измѣниться безъ немедленнаго измѣненія или даже безъ какого бы то ни было измѣненія вообще въ структурѣ политическихъ отношеній. Эти отношенія авторъ называетъ лишь „поверхностнымъ покровомъ“, внѣшнимъ одѣяніемъ общества: „подобно тому,—говоритъ онъ,—какъ одна и та же шляпа можетъ прійтись по головѣ генія и кретина, одни и тѣ же политическія отношенія могутъ прійтись къ самымъ различнымъ экономическимъ формамъ“ (стр. 145). „Однако,—оговаривается Лоріа нѣсколько далѣе,—хотя поверхностный характеръ политической формы и обусловливаетъ частыя и важныя исключенія изъ связи между формой дохода и формою власти, это соотношеніе все-таки въ общихъ чертахъ (dans ses grandes lignes) существуетъ, и мы находимъ, что тремъ главнымъ капиталистическимъ формамъ: рабству, крѣпостничеству и

наемному труду соотвѣтствуютъ также различныя формы государственнаго устройства“ (стр. 146). Тутъ мы встрѣчаемъ у Лоріа немало утвержденій, съ коими никакъ не можетъ согласиться ни одинъ историкъ. Напр., переходъ къ представительной системѣ онъ ставитъ въ причинную связь съ замѣною рабской и крѣпостнической экономіи экономіей наемнаго труда, хотя представительная система развилась какъ-разъ на почвѣ политическаго феодализма въ эпоху полнаго развитія крѣпостническихъ отношеній въ соціальной сферѣ. Объясненія, даваемыя въ этомъ смыслѣ авторомъ, отличаются крайнею натянутостью и полнѣйшимъ несоотвѣтствіемъ съ историческими данными (стр. 152 и слѣд.).

Особенно интересны и интересны болѣе въ положительномъ, хотя нерѣдко и въ отрицательномъ смыслѣ, соображенія Лоріа (въ главѣ bipartition du revenu et du pouvoir) о взаимныхъ отношеніяхъ двухъ отдѣловъ класса собственниковъ, т.-е. обладателей ренты и обладателей прибыли (стр. 164 и слѣд.). На соперничествѣ обоихъ, опираясь на извѣстные историческіе факты, Лоріа строитъ, напр., свое объясненіе перехода власти въ руки королей (стр. 185). Но для насъ особенно любопытно то, что нѣкоторыя историческія соображенія приводятъ Лоріа къ общему выводу, снова ослабляющему общую мысль его теоріи: „переходъ правительственной формы въ другую, болѣе либеральную или болѣе деспотическую, не есть результатъ измѣненія въ устройствѣ собственности... Въ самыхъ разнообразныхъ формахъ собственности,—продолжаетъ Лоріа,—встрѣчаются поочередно и политическая свобода, и самый полный абсолютизмъ, а это самымъ очевиднымъ образомъ доказываетъ, что причину болѣе или менѣе свободной формы правленія нужно искать никакъ не въ устройствѣ собственности“ (стр. 192). Въ общемъ Лоріа думаетъ, однако, что все здѣсь зависитъ не отъ дѣйствія другихъ факторовъ, напр., моральнаго и идейнаго свойства, а отъ способа распредѣленія дохода: раздѣленіе его на двѣ части (bipartition) создаетъ-де демократію, а его единство—аристократію, если доходъ сосредоточенъ въ немногихъ рукахъ, и абсолютную монархію, когда онъ, наоборотъ, распредѣляется между многими (стр. 193). Хотя этимъ Лоріа и установляетъ извѣстную связь между экономикой и политической формой,—связь, которая можетъ быть предметомъ весьма сильной критики со стороны исторической

науки [1]),—тѣмъ не менѣе самъ же онъ не находитъ ничего удивительнаго, если въ одной и той же странѣ наблюдается быстрое экономическое развитіе при полной неподвижности правительственной формы, лишь бы измѣненія происходили въ „устройствѣ капиталистическаго дохода, способъ же его распредѣленія оставался тотъ же“ (стр. 193). Къ сожалѣнію, историческіе примѣры, коими Лоріа подтверждаетъ свою мысль, и тутъ оказываются крайне неудачными, обличая въ авторѣ довольно поверхностное знакомство съ фактами и наклонность къ совершенно произвольному ихъ истолкованію.

Касаясь вопросовъ политической исторіи, Лоріа, конечно, не могъ обойти вопроса о происхожденіи политическихъ революцій. Послѣднія онъ объясняетъ или тѣмъ, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ правители не удовлетворяютъ болѣе требованіямъ собственниковъ, т.-е. не содѣйствуютъ безпрекословно ихъ видамъ, или тѣмъ, что революціи отражаютъ на себѣ экономическія перемѣны, совершившіяся въ классѣ собственниковъ или въ ихъ характерѣ. Первому виду революціи Лоріа не приписываетъ большого значенія, ибо здѣсь проявляется только зависимость политической власти отъ обладателей дохода. Онъ лишь то отмѣчаетъ, что разъ всѣ такіе перевороты исходятъ отъ имущихъ, мы по тому самому и не наблюдаемъ совпаденія революцій съ народными бѣдствіями, въ родѣ голода, который можетъ повести лишь къ народнымъ бунтамъ, къ преходящимъ и безсильнымъ возстаніямъ, если только, наоборотъ, они не парализируютъ еще болѣе народныхъ силъ. „Политическая революція,—говоритъ Лоріа, — есть явленіе, свойственное только собственности“ (стр. 320). Важнѣе въ глазахъ автора трансформація власти, которая совершается подъ вліяніемъ трансформаціи дохода, заключающейся или въ измѣненіи относительнаго значенія разныхъ видовъ дохода, или въ измѣненіи самого органическаго устройства собственности. Лоріа набрасываетъ цѣлую теорію этихъ отношеній, вытекающую изъ его взгляда на зависимость правительственной формы отъ дохода. Здѣсь любопытны между прочимъ соображенія автора о роли непроизводительнаго труда въ политическихъ революціяхъ, о

[1]) Ср. примѣненіе того же принципа къ объясненію борьбы между гвельфами (прибыль) и гибелинами (рента) на основаніи книги *Toniolo* (Sui remoti fattori della potenza economica di Firenze).

чемъ мы скажемъ ниже. Иллюстрируя свои разсужденія историческими примѣрами, Лоріа и тутъ очень часто обнаруживаетъ совершенное незнакомство съ приводимыми имъ фактами. Popolo minuto итальянскихъ городовъ отождествляется у него (стр. 326) съ цеховыми учениками (apprentis). Устройство Германіи наканунѣ реформаціи рисуется у него такъ, какъ будто политическая власть была здѣсь достояніемъ однихъ курфюрстовъ, съ коими онъ, повидимому, смѣшиваетъ всѣхъ вообще князей, называя послѣднихъ въ то же время высшимъ дворянствомъ въ отличіе отъ низшаго, подъ коимъ у него разумѣется имперское рыцарство (стр. 337—338): отсюда довольно большая путаница въ изображеніи нѣмецкой исторіи въ эпоху реформаціи. На самомъ дѣлѣ курфюрсты и князья были не одно и то же, а вмѣстѣ взятые, не имѣли ничего общаго съ высшимъ дворянствомъ въ другихъ странахъ, какъ и имперское рыцарство не можетъ быть отождествляемо съ низшимъ дворянствомъ, такъ какъ имѣло такія права, коими не обладало въ другихъ странахъ и высшее дворянство. Вопреки даннымъ исторической науки англійская буржуазія является у Лоріа уже при Генрихѣ I весьма могущественнымъ классомъ (стр. 340), а соперничество Елизаветы Тюдоръ и Маріи Стюартъ объясняется совсѣмъ невѣроятною борьбою между буржуазіей и аристократіей (стр. 341). Не менѣе странны объясненія перипетій англійской революціи, указывающія на то, что авторъ подгонялъ исторію къ своей схемѣ, вмѣсто того, чтобы строить эту схему на фактическихъ данныхъ (стр. 341—342).

„Историческую возможность реформаторовъ и ихъ частныхъ успѣховъ“ Лоріа выводитъ также изъ „органическаго конфликта двухъ классовъ собственности“, коими и пользуются для народнаго блага крупныя личности, къ каковымъ авторъ относитъ, напр., Бисмарка, по его словамъ, „самаго сильнаго и могущественнаго реформатора изъ всѣхъ, о какихъ только упоминаетъ исторія“ (стр. 221). Собственники ополчаются на реформатора, забывая свои внутреннія распри, и Лоріа думаетъ, что Христосъ умеръ на крестѣ за свой протестъ противъ собственности, распространяя то же объясненіе и на судьбу Сократа, вооружившагося, по его мнѣнію, противъ „всемогущаго въ его время вида дохода“! Наконецъ, у Лоріа и Савонаролу сожгли во Флоренціи за то же самое! (стр. 222—223).

Если Лоріа въ общемъ иногда недурно справляется съ своей темой, когда разсматриваетъ финансовую политику, равно какъ политику внутреннюю и внѣшнюю, съ цѣлью проведенія своей общей мысли о томъ, что господствующій классъ пользуется силами государственной власти ради своихъ выгодъ, то и тутъ дѣло не обходится безъ частныхъ натяжекъ и преувеличеній, когда, напр., серьезно говорится объ „экономической основѣ", „экономическомъ характерѣ", „существенно коммерческой и капиталистической цѣли" крестовыхъ походовъ. Дѣло не обходится и безъ настоящихъ курьезовъ: напр., Лоріа серьезно утверждаетъ, будто тридцатилѣтняя война „могущественно содѣйствовала экономическому развитію Германіи" (стр. 297), и въ этомъ отношеніи чуть не сравниваетъ дѣйствіе этой войны съ дѣйствіемъ крымской войны на Россію!

Къ числу историческихъ курьезовъ можно отнести еще примѣры, коими Лоріа иллюстрируетъ то общее свое положеніе, по которому люди не-производительнаго труда,—какъ онъ называетъ всѣхъ, кто не производитъ чисто матеріальныхъ цѣнностей,—живя на счетъ дохода, являются вѣрными слугами господствующаго класса и покидаютъ его, чтобы перейти на сторону другого класса, если отъ него предстоитъ получить бо̀льшія выгоды. Замѣтимъ, что такъ Лоріа понимаетъ и роль культурнаго класса, или людей либеральныхъ профессій („интеллигенціи", какъ принято у насъ говорить). По словамъ итальянскаго соціолога непроизводительный трудъ, представленный на склонѣ античной эволюціи кліентами и солдатами (!), видя уменьшеніе своей доли, вступаетъ въ открытую борьбу съ доходомъ, представленнымъ сенатомъ. Равновѣсіе между арміей и сенатомъ, поддерживавшееся первыми императорами, было сразу разрушено Септиміемъ Северомъ, организующимъ реакцію арміи противъ собственности (стр. 323)!! Аналогичное явленіе Лоріа усматриваетъ въ борьбѣ непроизводительныхъ работниковъ (духовенства) съ собственниками въ эпоху паденія феодальнаго дохода, объясняя этою борьбою секуляризацію церковной собственности въ XVI в., причемъ, по его представленію, выходитъ такъ, будто во Франціи король, какъ органъ имущихъ классовъ, вооружается противъ духовенства и заставляетъ церковь платить. Реформація и конкордатъ для Лоріа лишь два разные исхода изъ борьбы между непроизводительнымъ тру-

ИСЭИ

ИСЭИ ИСЭИ ИСЭ

домъ и доходомъ (стр. 324). Совершенное непониманіе фактовъ и полный произволъ въ ихъ объясненіи очевидны для всякаго, кто только знаетъ исторію перехода римской республики въ имперію, или исторію реформаціи съ сопровождавшею ее секуляризаціей церковной собственности. Затѣмъ, духовенство играло соціальную роль не въ качествѣ „непроизводительныхъ работниковъ“, а именно въ качествѣ самыхъ крупныхъ собственниковъ, жившихъ своими доходами, а не на счетъ класса крупныхъ собственниковъ, къ коему само оно яко-бы, по общему представленію Лоріа, не принадлежало.

Чтобы еще лучше познакомить читателя съ историческими толкованіями Лоріа, мы остановимся нѣсколько подробнѣе на двухъ примѣрахъ.

Въ одномъ мѣстѣ книги авторъ разсматриваетъ причины паденія Польши, дѣлая при этомъ цѣлый очеркъ соціальной исторіи этого государства. Дѣло представляется ему такимъ образомъ. „Обостреніе феодальныхъ отношеній“ произвело прогрессивное паденіе производства, что̀ заставило землевладѣльцевъ увеличить крестьянскія повинности. Потомъ, разоривъ крестьянъ, они начали вырывать другъ у друга общую добычу. Наконецъ, когда уменьшеніе національнаго богатства стало мѣшать и такого рода обогащенію, поляками овладѣла страсть къ завоеваніямъ. Но въ то время, какъ въ Польшѣ феодальный доходъ былъ поставленъ въ такое печальное положеніе, „у націй центральной и восточной Европы произошло развитіе дохода, получаемаго отъ вольнонаемнаго труда, и его образованіе разрушило прежнюю эмономическую неурядицу, чтобы замѣнить ее лучшею организаціей“. Весьма естественно, что политическое устройство Польши, произведенное періодомъ упадка дохода, сдѣлало страну совершенно безсильною въ сравненіи съ націями, „которыя уже перешли на высшую ступень экономическаго и политическаго развитія“ (стр. 302—303). Всякій, мало-мальски знакомый съ польской исторіей, не найдетъ въ ней трехъ послѣдовательныхъ эпохъ разоренія крестьянъ, шляхетскихъ усобицъ и внѣшнихъ завоеваній, о коихъ говоритъ Лоріа, а кому извѣстно экономическое состояніе Австріи, Пруссіи и Россіи въ XVIII в. съ ихъ крѣпостничествомъ, тотъ удивится, прочитавъ, что, по словамъ Лоріа, эти три государства уже тогда

перешли къ вольнонаемному труду, чѣмъ будто бы и побѣдили Польшу.

Есть у Лоріа еще нѣсколько довольно обширныхъ разсужденій о новѣйшей исторіи Франціи, въ коихъ равнымъ образомъ совершенно произвольно построяется весь ходъ этой исторіи послѣ великой революціи (стр. 196 и слѣд., 343 и слѣд.). Въ какомъ родѣ объясняетъ его Лоріа, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Въ 1815 г. во Франціи преобладаетъ крупная поземельная собственность, и потому партія легитимистовъ съ бурбонской монархіей основываетъ существенно аристократическое правленіе. Между тѣмъ возвышаются промышленность и денежное хозяйство, которыя въ 1830 г. возводятъ на престолъ Орлеановъ, и вотъ во времена іюльской монархіи достигшій полнаго развитія своего конфликтъ между крупнымъ землевладѣніемъ и крупною промышленностью порождаетъ „демократическій или парламентарный режимъ". Участіе народа въ революціи 1848 г. заставляетъ сблизиться легитимистовъ и орлеанистовъ, которые основываютъ партію порядка, совершаютъ реакцію противъ пролетаріата, но они не въ состояніи были уже возстановить „демократическій режимъ", ибо около 1850 г. рядомъ съ крупнымъ землевладѣніемъ и крупною промышленностью развивается третья сила—„громадное количество мелкихъ собственниковъ", политическое могущество коихъ возрастаетъ вмѣстѣ съ могуществомъ экономическимъ, такъ что „мелкое землевладѣніе политически превозмогло надъ крупною поземельною собственностью и надъ капиталомъ". Но „завоеваніе политической власти многими милліонами собственниковъ" при существованіи другихъ, имъ враждебныхъ формъ дохода заставляетъ этихъ собственниковъ делегировать названную власть одному человѣку, „откуда вытекла экономически роковая необходимость (fatalitè économique) второй имперіи, имѣющей свою основу въ мелкой поземельной собственности, которой въ теченіе долгаго времени принадлежитъ перевѣсъ (qui prévaut) во Франціи. Скоро, однако, эта экономическая основа абсолютной монархіи начинаетъ колебаться. Движимый капиталъ своими процентами, крупное землевладѣніе своими захватами, государство своими налогами подготовляютъ издалека разореніе мелкаго собственника и его превращеніе (дѣйствительное или замаскированное) въ наймита. Но съ упадкомъ мелкой собственно-

сти, эфемерное могущество коей породило имперію, основа этой политической формы была потрясена, и вотъ она рушится, чтобы очистить мѣсто снова демократическому режиму, при которой обѣ главныя формы дохода могутъ свободнѣе бороться между собою". Въ этомъ курьезномъ построеніи Лоріа особенно важно обратить вниманіе на совершенно неизвѣстную ни одному историку эпоху какого-то особаго „могущества" мелкой собственности во Франціи, эпоху, когда эта собственность будто бы побѣдила стремленія крупнаго землевладѣнія и капитала, чтобы снова, однако, уступить имъ мѣсто, когда ее, эту собственность, подорвали. Ничего подобнаго исторія Франціи не представляетъ. Любопытно еще, что парламентскій режимъ іюльской монархіи, низвергнутой демократическимъ движеніемъ, самъ называется демократическимъ.

Мы разсмотрѣли все то, что̀ въ книгѣ Лоріа имѣетъ интересъ съ точки зрѣнія теоріи исторіи. Подведемъ теперь общіе итоги.

Основныя положенія теоріи Лоріа заимствованы имъ изъ экономическаго матеріализма Маркса и Энгельса, и этихъ положеній два: всѣ культурно-соціальныя явленія образуютъ собою лишь „надстройку" надъ экономической основою, и вся исторія общества сводится къ борьбѣ классовъ. Авторъ „Экономическихъ основъ общественнаго строя" поставилъ своею задачею обосновать эту точку зрѣнія анализомъ отношеній, существующихъ между „экономическою основою", съ одной стороны, и моралью, правомъ и государствомъ, съ другой, но при этомъ онъ самъ даетъ оружіе въ руки своихъ противниковъ. Во-первыхъ, всѣ его натяжки, и особенно очевидныя натяжки въ сведеніи всей духовной культуры на одну экономію, показываютъ, что инымъ путемъ въ данномъ случаѣ ничего не подѣлаешь, а во-вторыхъ, собственныя заявленія автора о невозможности установить прямое соотношеніе между политическими и экономическими формами свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что помимо послѣднихъ должны же существовать еще какія-либо причины, порождающія первыя. Съ методической стороны книга Лоріа прямо не выдерживаетъ серьезной критики. Заявивъ, что для настоящаго пониманія того, что̀ такое общество, необходимо взять общество такимъ, какимъ оно должно быть, авторъ „Экономическихъ основъ" тѣмъ не менѣе на самомъ дѣлѣ подъ обще-

ствомъ вообще разумѣетъ лишь современный моментъ его развитія, и притомъ не во всѣхъ его реальныхъ отношеніяхъ, а лишь въ томъ раздѣленіи общества на буржуазію и пролетаріатъ, которое характеризуетъ новѣйшій экономическій строй Запада, причемъ *вся* внутренняя жизнь этого общества понимается у него въ смыслѣ *одного* стремленія буржуазіи охранить свое достояніе отъ захвата со стороны пролетаріата. Такимъ образомъ, одна сторона жизни современнаго общества обобщается, и получается нѣкоторое общее понятіе, съ точки зрѣнія коего объясняется возникновеніе и развитіе религіи, морали, литературы, права и государства во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Вмѣсто того, чтобы выводить государство, право и мораль вообще изъ экономическихъ отношеній (а это само по себѣ есть крупная односторонность), Лоріа еще болѣе съуживаетъ представляемый имъ экономическій матеріализмъ, объясняя всю историческую жизнь однимъ инстинктомъ одного общественнаго класса. Но особенно слабыми оказываются у Лоріа историческія знанія и пріемы пользованія историческими данными: тутъ прямо уже приходится отмѣчать поразительное историческое невѣжество автора. Какъ новая попытка экономическаго обоснованія исторіи, его книга отнюдь поэтому не сослужила службы гипотезѣ экономическаго матеріализма.

Нѣсколько еще замѣчаній объ отношеніи теоріи Лоріа къ экономическому матеріализму Маркса и Энгельса. Г. Струве, одинъ изъ сторонниковъ экономическаго матеріализма въ русской литературѣ, авторъ книги, которую мы еще будемъ разбирать [1]), далъ намъ поводъ коснуться особо этого вопроса. „Нѣкоторые, — говоритъ этотъ писатель на стр. 49 своего труда,—считаютъ возможнымъ называть Лоріа послѣдователемъ Маркса и Энгельса на томъ основаніи, что и онъ экономическія отношенія признаетъ фундаментомъ всѣхъ прочихъ и въ классовой борьбѣ видитъ основной процессъ соціально-экономической эволюціи". Г. Струве, какъ мы увидимъ, отождествляетъ (и между прочимъ на той же стр. 49) экономическій матеріализмъ Маркса съ его ученіемъ о роли способовъ производства и формъ обмѣна въ соціальной эволюціи, что̀, какъ мы видѣли, не одно и то же [2]). Лоріа несогласенъ съ *этой* тео-

[1]) Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи. Спб. 1894.

[2]) См. выше, стр. 52 и слѣд.

ріей Маркса, имѣя свою собственную, но съ *тою*, т.-е. съ экономическимъ матеріализмомъ въ собственномъ смыслѣ онъ вполнѣ соглашается. Этого г. Струве кажется мало, словно въ экономическомъ матеріализмѣ самое главное не объясненіе всей исторіи изъ одного принципа, а именно вопросъ лишь о роли способовъ производства и обмѣна,—вопросъ, который можно рѣшать въ смыслѣ теоріи Маркса, не будучи, однако, экономическимъ матеріалистомъ. Между тѣмъ г. Струве говоритъ: „сходство экономическаго матеріализма Лоріа съ экономическимъ матеріализмомъ Маркса ограничивается едва ли не общимъ только положеніемъ, что политическое устройство, право, мораль и пр. представляютъ надстройку (Ueberbau, superstructure) надъ экономическими отношеніями" (стр. 49). Мало этого сходства, т.-е. сходства въ самомъ существенномъ, основномъ, характеризующемъ экономическій матеріализмъ, составляющемъ главное его содержаніе! Но г. Струве еще прибавляетъ, что „вообще сходство между обоими писателями—болѣе въ фразеологіи, нежели въ идеяхъ" (стр. 50). Если это вѣрно относительно понятія капиталистической собственности, имѣющей у Лоріа иной смыслъ, чѣмъ у Маркса, то ужъ по отношенію къ экономическому матеріализму они сходятся и въ идеяхъ, и въ фразеологіи. Самымъ замѣчательнымъ въ теоріи Лоріа г. Струве считаетъ „полное отрицаніе за обмѣномъ какой-либо роли въ соціально-экономической эволюціи" (стр. 116), но это спеціальный вопросъ теоретической политической экономіи и экономической исторіи, отнюдь не вопросъ исторіологической теоріи. Разногласіе съ Марксомъ по этому пункту можетъ итти рядомъ съ полнымъ согласіемъ съ нимъ въ общемъ пониманіи роли экономическаго фактора въ исторіи, какъ, наоборотъ, можно съ послѣднимъ пониманіемъ Маркса не соглашаться и твердо слѣдовать его ученію о роли обмѣна. Между тѣмъ г. Струве, приведши одно мѣсто изъ книги Лоріа (дѣйствительно, еретическое съ точки зрѣнія правовѣрнаго марксизма), говоритъ: „прежде всего оно прекрасно подтверждаетъ, что у Лоріа по существу ничего общаго съ Марксомъ и Энгельсомъ нѣтъ" (стр. 119). Какъ нѣтъ?! невольно восклицаешь, читая эти слова. Или согласіе въ самомъ основномъ пунктѣ, въ выведеніи религіи, морали, права, государства и т. д. изъ экономической основы ничего не значитъ? Но тогда что же такое „экономическій матеріализмъ"?

X. Взглядъ Лакомба на экономическій факторъ, какъ на первенствующій въ исторіи.

Экономическій матеріализмъ Маркса и Энгельса ищетъ объясненія исторіи не въ свойствахъ человѣческой природы, а въ общественной средѣ, которую разсматриваетъ исключительно, какъ совокупность экономическихъ отношеній. Лоріа, какъ мы только-что видѣли, проповѣдуетъ экономическій матеріализмъ нѣсколько иного рода, исходя не изъ понятія о свойствахъ извѣстнымъ образомъ понятой среды, а изъ общаго понятія о человѣческой природѣ. Какъ ни напираютъ правовѣрные экономическіе матеріалисты на то, что въ объясненіи исторіи все дѣло въ экономической средѣ, а не въ природѣ человѣка, однако, безъ указанія на то, что человѣку прежде всего нужно питаться, одѣваться и имѣть пристанище, т.-е. безъ ссылки на физическія нужды, вытекающія изъ матеріальной природы человѣка, имъ обходиться не удается [1]), да и сама экономическая среда въ концѣ-концовъ должна являться имъ не чѣмъ инымъ, какъ продуктомъ тѣлесныхъ нуждъ человѣка. Въ этомъ смыслѣ Лоріа гораздо послѣдовательнѣе марксистовъ: онъ смотритъ, что называется, въ корень вещи, и его уже вина въ томъ, что въ человѣческой природѣ онъ ничего не находитъ, кромѣ своекорыстныхъ инстинктовъ. Марксисты отрекаются отъ Лоріа преимущественно потому, что онъ иначе, чѣмъ они, понимаетъ „капитализмъ". Можетъ быть, Лоріа тутъ неправъ, а правы марксисты, но въ вопросѣ объ экономическомъ матеріализмѣ, въ дѣлѣ объясненія исторіи экономіей Лоріа принадлежитъ преимущество бо̀льшей послѣдовательности. Въ самомъ дѣлѣ, соціальная среда лишь въ томъ случаѣ можетъ сводиться въ послѣднемъ анализѣ къ экономизму, если въ образованіи этой среды участвуетъ одно только стремленіе человѣка къ удовлетворенію исключительно тѣлесныхъ его потребностей. Недавно вышла въ свѣтъ французская книга Лакомба подъ заглавіемъ „Исторія, какъ наука" [2]), только-что появившаяся

[1]) См. выше, стр. 113.

[2]) *Lacombe*. Histoire considérée comme science. Paris. 1894. Рус-

и въ русскомъ переводѣ, въ которомъ ей дано несовсѣмъ вѣрное названіе „Соціологическихъ основъ исторіи". Авторъ этого труда очень склоненъ къ тому, чтобы объяснять въ исторіи все преимущественно экономіей, но онъ въ основу своего объясненія кладетъ, подобно Лоріа, не внѣшнюю среду, а природу человѣка, и отличается вообще отъ всѣхъ экономическихъ матеріалистовъ тѣмъ, что не признаётъ экономики за единственный факторъ, дѣйствующій въ исторіи. Въ этомъ его преимущество передъ экономическими матеріалистами, включая въ ихъ число и Лоріа, хотя изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что въ своемъ пониманіи роли экономическаго фактора Лакомбъ всегда правъ, т.-е. что онъ никогда не принижаетъ значенія другихъ факторовъ. Мы именно думаемъ, что и у Лакомба есть преувеличенія, есть вообще утвержденія, подлежащія сильному спору, но если бы намъ предложили выбирать между экономическимъ матеріализмомъ и теоріей Лакомба, мы высказались бы за послѣднюю. Не разсматривая здѣсь всѣхъ исторіологическихъ взглядовъ этого писателя [1]), мы остановимся только на тѣхъ изъ нихъ, которые имѣютъ отношеніе къ главному предмету нашихъ этюдовъ.

Въ числѣ вопросовъ, которые рѣшаются Лакомбомъ, находится вопросъ о томъ, какая наука должна быть положена въ основу соціологіи. „Единообразіе явленій,—говоритъ онъ,— еще не законъ, а лишь то, что называется въ естествознаніи эмпирическимъ обобщеніемъ, которое дѣлается закономъ лишь

скій переводъ помѣченъ 1895 годомъ. Ссылки дѣлаются нами на французское изданіе.

[1]) Послѣднее мы сдѣлали въ статьѣ „Новый трудъ по теоріи исторіи", помѣщенной въ VIII томѣ „Историческаго Обозрѣнія". Л. З. Слонимскій, разбиравшій книгу Лакомба въ ноябр. книгѣ „Вѣстника Европы" за 1895 г., ставитъ мнѣ въ упрекъ, что мнѣ „понравилось стремленіе Лакомба понять историческій процессъ самъ по себѣ, взятый совершенно отвлеченно" (стр. 309). Мой оппонентъ замѣчаетъ (стр. 310), что „отвлеченнаго историческаго процесса вообще не существуетъ", и что „нельзя поэтому заниматься его изученіемъ". Но въ такомъ случаѣ „нельзя заниматься изученіемъ", напр., и организма, и общества, отвлеченно взятыхъ, ибо отвлеченнаго организма вообще или отвлеченнаго общества вообще также вѣдь не существуетъ. Если стать на точку зрѣнія г. Слонимскаго, то придется отринуть всѣ науки, занимающіяся чѣмъ-либо „вообще".

подъ условіемъ обоснованія его на высшей истинѣ, какъ слѣдствія на его причинѣ. Къ какимъ же высшимъ явленіямъ необходимо сводить единообразія, устанавливаемыя соціолигіей? Въ какой наукѣ нужно искать объясненія соціологическихъ явленій?" (стр. 29). Лакомбъ самымъ рѣшительнымъ образомъ становится на ту точку зрѣнія, что основа соціологіи заключается въ психологіи. Даже физическія нужды дѣйствуютъ въ исторіи не въ качествѣ силъ біологически реальныхъ, а въ качествѣ почувствованныхъ потребностей. „Для человѣческаго поведенія всякая нужда, которая не ощущается, все равно, что не существуетъ. Отсюда,—заключаетъ Лакомбъ,—необходимо вытекаетъ слѣдующая основная истина: на людскомъ поведеніи отражаются черты не біологической, а психологической потребности. Явленія, составляющія предметъ исторіи, какъ науки,—говоритъ онъ еще,—безъ сомнѣнія, обусловливаются посредственно и издалека явленіями физики, химіи и біологіи. Безъ этихъ явленій не существовало бы и явленій историческихъ; но когда хотятъ объяснять историческія явленія, самымъ обязательнымъ образомъ нужно это дѣлать при посредствѣ психологіи" (стр. 33).

Ставъ на такую точку зрѣнія, Лакомбъ даетъ читателю анализъ тѣхъ потребностей, которыя, чувствуясь людьми, ложатся въ основу ихъ дѣятельности и, слѣдовательно, въ основу всей исторіи. Для этого онъ прежде всего считаетъ нужнымъ опредѣлить съ нѣкоторою точностью, въ чемъ заключается тотъ человѣкъ вообще (homme général), котораго исторіи доставляетъ психологія. Всякая цѣль человѣческой дѣятельности,—говоритъ онъ,—всякое стремленіе имѣетъ причину: это есть извѣстное психическое состояніе внутри человѣка, называемое нами потребностью (besoin). Все то, что извнутри заставляетъ человѣка проявлять себя во внѣшнемъ дѣйствіи, будетъ для насъ, такимъ образомъ, потребностью (стр. 35). Указавъ на тѣлесныя потребности, Лакомбъ отмѣчаетъ тотъ общій фактъ, что человѣкъ удовлетворяетъ ихъ посредствомъ безконечно разнообразныхъ актовъ, которые могутъ быть обобщены подъ понятіемъ промышленности (стр. 36). Онъ находитъ даже полезнымъ соединить подъ однимъ и тѣмъ же названіемъ, съ одной стороны, потребности, вытекающія изъ тѣлесныхъ нуждъ, съ другой—соотвѣтственную промышленную дѣятельность: это общее названіе—экономика. Рядомъ съ экономикой авторъ ставитъ половую потребность (le génésique), коей

въ исторіи, впрочемъ, не приписываетъ важнаго значенія [1]). Отмѣтивъ, далѣе, существованіе у человѣка стаднаго чувства, онъ высказываетъ ту мысль, что въ основѣ человѣческой общественности лежитъ далеко не одна потребность промышленной коопераціи. „Человѣкъ,—говоритъ онъ,—имѣетъ нужду не только въ помощи своего ближняго, онъ имѣетъ нужду въ его присутствіи, какъ предмета привязанности. Человѣкъ любитъ любить; онъ желаетъ, чтобы его личныя чувствованія раздѣлялись вокругъ него другими людьми, онъ хочетъ участвовать въ чувствованіяхъ другихъ. Активное и пассивное пользованіе способностью, столь хорошо извѣстною подъ именемъ симпатіи, ему положительно необходимо. Но онъ любитъ также ненавидѣть и до извѣстной степени ощущаетъ нужду въ томъ, чтобы быть предметомъ антипатіи и вражды" (стр. 37). Отъ этой категоріи потребностей Лакомбъ отличаетъ желаніе человѣка пользоваться уваженіемъ со стороны другихъ, соединенное съ боязнью быть предметомъ презрѣнія. (По его мнѣнію, властолюбіе, принимаемое нѣкоторыми за спеціальный двигатель, состоитъ изъ экономическаго интереса, любви къ почету и симпатической потребности въ пропорціяхъ, которыя измѣняются смотря по человѣку, стр. 38). Кромѣ того, онъ признаётъ еще самостоятельное существованіе художественной потребности. „Человѣкъ такъ любитъ чувствовать себя живущимъ, до такой степени жаждетъ эмоцій, что одной дѣйствительной жизни ему мало. Такъ какъ этотъ источникъ для него слишкомъ бѣденъ, онъ создаётъ себѣ еще воображаемое существованіе, или, вѣрнѣе, онъ возобновляетъ посредствомъ фикцій свою реальную жизнь и т. д." (стр. 40). Наконецъ, Лакомбъ указываетъ на научную потребность, которая въ началѣ была очень слаба, но постоянно усиливается (стр. 41). Всѣ эти потребности направляютъ человѣческую дѣятельность къ извѣстнымъ цѣлямъ, которыя должны присутствовать въ сознаніи человѣка для того, чтобы потребность, дѣйствительно, опредѣляла собою дѣятельность человѣка. То же самое можно сказать и о тѣхъ условіяхъ физической и соціальной среды, которыя являются или на помощь, или въ видѣ помѣхи для человѣческихъ стремленій: для того, чтобы толкнуть человѣка на тотъ или другой путь или, наоборотъ, отвратить его отъ того или другого поведе-

[1]) Ср. по этому пункту согласное мнѣніе *Mehring'a*.

нія, эти внѣшнія обстоятельства благопріятнаго или неблагопріятнаго свойства должны сдѣлаться предметомъ сознанія, т.-е. подѣйствовать на человѣческій умъ (стр. 42).

Мало этого: разныя потребности могутъ находиться между собою въ противорѣчіи, и „весьма важно знать, равны ли эти силы, или же между ними существуетъ естественное неравенство по ихъ надъ нами власти" (стр. 45). Самыми главными и основными потребностями Лакомбъ считаетъ, конечно, тѣлесныя нужды, для удовлетворенія коихъ существуетъ промышленность. „Въ силу физическаго устройства у индивидуальнаго человѣка экономика предшествуетъ всѣмъ другимъ дѣятельностямъ; она надъ нимъ господствуетъ и притомъ не въ ту или другую пору жизни, но всегда и повседневно. Лишь послѣ того, какъ экономика сдѣлала свое дѣло, развиваются другія желанія и смотря потому, съ бо́льшими или меньшими усиліями достигаются цѣли, остается больше или меньше времени и охоты для другихъ вещей". То же самое говорятъ и экономическіе матеріалисты, но кто же и спорить сталъ бы противъ этого? Но Лакомбъ признаетъ и громадную силу за желаніемъ уваженія и боязнью презрѣнія, хотя и оговаривается, что въ этой сферѣ существуетъ уже большое разнообразіе, смотря по человѣку (стр. 48). Симпатію, напротивъ, Лакомбъ считаетъ, чѣмъ-то въ высшей степени непостояннымъ и неустойчивымъ, тѣмъ болѣе, что противъ нея,—замѣчаетъ онъ,—съ большимъ всегда успѣхомъ борятся экономическій интересъ и честолюбіе, такъ что для проявленія симпатіи прежде всего нужно, чтобы другія силы оставались нейтральными (стр. 49). Наконецъ, самыми слабыми въ сравненіи съ предъидущими потребностями Лакомбъ считаетъ потребности художественную и особенно научную.

Итакъ, въ основѣ общежитія Лакомбъ полагаетъ не одну потребность въ промышленной коопераціи. Да и на самомъ дѣлѣ между людьми въ обществѣ существуетъ не только матеріальное взаимодѣйствіе, заставляющее ихъ искать другъ у друга помощи (или другъ друга эксплуатировать), но и взаимодѣйствіе психическое, создающее весьма разнообразныя чувства, къ числу коихъ и нужно отнести указанныя выше симпатію и честолюбіе. Кромѣ того, и на почвѣ чисто индивидуальнаго психическаго бытія возникаютъ такія явленія, какъ эстетическія и умственныя эмоціи. Во-вторыхъ, по словамъ самого Лакомба, и экономическія потребности ока-

зываются дѣйствующими въ исторіи не въ качествѣ чисто біологическихъ, физическихъ, матеріальныхъ потребностей, а въ качествѣ сознаваемыхъ ощущеній, т.-е. факторовъ, имѣющихъ психическую природу (стр. 33). Тѣмъ не менѣе въ книгѣ Лакомба мы встрѣчаемъ великое множество мѣстъ, которыя могли бы быть истолкованы въ духѣ экономическаго матеріализма, если бы въ то же самое время авторъ не дѣлалъ постоянныхъ оговорокъ и разъясненій, дающихъ понять, что экономическому интересу онъ придаетъ только первенствующее, отнюдь не исключительное значеніе.

Опредѣляя въ подробности сравнительную силу различныхъ стремленій, подчиненія которымъ не можетъ избѣжать ни одинъ человѣкъ, Лакомбъ на первое мѣсто ставитъ именно экономическую сферу: экономическая потребность имѣетъ наиболѣе настоятельный характеръ, „а если человѣкъ прежде всего стремится удовлетворить свои физическія нужды, это первенство ихъ должно имѣть свое проявленіе, такъ сказать, свой переводъ и въ историческихъ проявленіяхъ“ (стр. 54). Быть можетъ, укажутъ на существованіе въ каждомъ народѣ такого класса, который вовсе не заботится объ удовлетвореніи своихъ экономическихъ потребностей, но это не есть возраженіе. Для того, чтобы могли существовать классы, свободные отъ физическаго труда, необходимо существованіе другихъ классовъ, которые были бы въ состояніи удовлетворять свои собственныя экономическія потребности и потребности праздныхъ классовъ (стр. 55). Поэтому образованіе послѣднихъ (и занятіе ихъ между прочимъ религіознымъ, философскимъ или научнымъ умозрѣніемъ) возможно лишь подъ условіемъ достиженія обществомъ извѣстной степени національнаго благосостоянія; „иначе говоря, созданіе богатства, доведеннаго до извѣстной высоты, необходимо предшествуетъ какой бы то ни было умственной культурѣ. Эту необходимость можно было бы назвать закономъ экономической антецеденціи“ (antécédence économique, стр. 56). Это совершенно вѣрно: извѣстное экономическое развитіе, какъ необходимое *условіе*, должно предшествовать процессу цивилизаціи, но отнюдь не является прямымъ и исключительнымъ ея *источникомъ*. Дѣло въ томъ, что условія опредѣляютъ тѣ или другія явленія извнѣ, хотя бы безъ данныхъ условій извѣстныя явленія были невозможны, тогда какъ источникъ есть то, чтó изнутри порождаетъ какое-либо явленіе, коего сами по себѣ не могутъ произвести

наиболѣе благопріятныя для его развитія условія. Исходя изъ идеи о преимущественной важности экономическихъ фактовъ, Лакомбъ выражаетъ еще мысль, что, если не постоянно, то почти всегда человѣкъ, подъ вліяніемъ экономической новизны, измѣняетъ не-экономическое учрежденіе, напротивъ того, никогда не отказываясь отъ этой экономической новизны. „Предположимъ, — говоритъ онъ, — что въ какомъ-нибудь не-экономическомъ учрежденіи возникаетъ новая форма, и что эта форма несовмѣстима съ экономическими привычками эпохи, — и вотъ я думаю, что не-экономическое нововведеніе будетъ принято лишь съ ограниченіями, которыя сдѣлали бы его примѣнимымъ къ даннымъ экономическимъ отношеніямъ“ (стр. 57). Признавая вообще, что общество должно прежде достигнуть извѣстной ступени благосостоянія, чтобы въ немъ сдѣлалось возможнымъ нѣкоторое умственное развитіе, и что „экономическіе успѣхи властнымъ образомъ измѣняютъ остальныя стороны общественнаго состоянія“, тогда какъ „не-экономическіе успѣхи упрочиваются лишь въ мѣрѣ своего согласія съ экономическими интересами“, Лакомбъ оговаривается, однако, что онъ вовсе не думаетъ выставлять эти гипотезы, какъ вполнѣ уже доказанныя истины (стр. 59).

Въ другомъ мѣстѣ своей книги, дѣлая общій обзоръ учрежденій съ цѣлью указанія на ихъ связь съ тою или другою психическою силою, Лакомбъ опять ставитъ во главѣ всѣхъ учрежденій тѣ, которыя имѣютъ чисто экономическое значеніе. „На землѣ,—говоритъ онъ,—нѣтъ такого мѣста, какъ не было въ исторіи такого времени, когда бы человѣку не нужно было работать. Онъ удовлетворяетъ свои тѣлесныя потребности лишь подъ этимъ условіемъ. Трудъ, промышленность, созданіе полезныхъ вещей или, какъ выражаются экономисты, производство богатствъ, суть явленія безусловно всеобщаго значенія. Поэтому экономическія учрежденія имѣютъ неоспоримое право занять первое мѣсто“. Поэтому Лакомбъ и стремится обнаружить присутствіе экономическаго интереса и въ другихъ учрежденіяхъ. Въ основѣ семьи, по его опредѣленію, лежатъ экономическій интересъ и половой инстинктъ, причемъ послѣдній самъ по себѣ безъ перваго ничего не могъ бы произвести (стр. 69). Къ этой основѣ присоединилась потомъ симпатія, а позднѣе всего религія освятила брачныя узы, образовавшіяся на почвѣ полового ин-

стинкта, симпатіи и экономическаго интереса (стр. 70). Говоря о классовыхъ учрежденіяхъ, Лакомбъ въ основу ихъ кладетъ экономическія отношенія, „но,—прибавляетъ онъ,— сюда привходятъ еще явленія, коихъ не приводитъ экономика, но которыя становятся настоящимъ цементомъ учрежденія“ (стр. 103). Образованіе классовъ онъ сравниваетъ именно съ возникновеніемъ сектъ и партій—религіозныхъ, философскихъ, политическихъ, литературныхъ, художественныхъ, научныхъ: дѣло въ томъ, что въ человѣчествѣ существуетъ нѣкоторое стремленіе къ обособленію группъ, пользующееся каждымъ предлогомъ для того, чтобы образовать классъ, секту, партію. Конечно, большое количество группъ обязано своимъ происхожденіемъ экономическому интересу, но другія группы возникаютъ на почвѣ самолюбія и симпатіи. „Въ своемъ стремленіи къ отличіямъ человѣкъ не всегда бываетъ въ состояніи достигнуть этой цѣли своими личными средствами и добивается отличій въ сообществѣ съ другими. Равнымъ образомъ, у него есть потребность въ любви и ненависти — любви къ людямъ, думающимъ и чувствующимъ такъ же, какъ онъ самъ, ненависти къ тѣмъ, которые думаютъ иначе. Партія, секта, даютъ ему удовлетвореніе въ обоихъ отношеніяхъ. Вотъ почему мы видимъ, что въ продолженіе всей исторіи люди группируются въ партіи и секты подъ предлогами вѣрованій или политическихъ, религіозныхъ, литературныхъ несогласій и т. п.“ (стр. 104). Въ каждой такой группѣ господствуютъ извѣстныя воззрѣнія (opinion), коимъ личность тѣмъ болѣе бываетъ подчинена, чѣмъ малочисленнѣе группа (стр. 105). Самое существованіе такой тѣсной среды объясняется желаніемъ испытывать по возможности въ самой высокой степени различныя эмоціи—сочувствіе, съ одной стороны, отвращеніе, съ другой, чувство гордости во внѣшнихъ отношеніяхъ, коллективное тщеславіе внутри группы, сознаніе взаимной помощи и защиты. „Все это, — говоритъ Лакомбъ, — образуетъ совокупность весьма сильныхъ мотивовъ, заставляющихъ людей поддерживать эту тѣсную среду“ (стр. 106). Равнымъ образомъ, и политическія учрежденія, по его мнѣнію, возникаютъ не на одной только экономической почвѣ. Видя происхожденіе власти въ стремленіи группы отстоять себя извнѣ или добиться какого-нибудь внѣшняго успѣха, для чего требуется отказъ всѣхъ отъ собственной мысли и воли въ пользу одного

лица, Лакомбъ рядомъ съ этимъ интересомъ управляемаго указываетъ еще на интересъ управляющаго. „Было бы, — говоритъ онъ, — совершенно излишнимъ доказывать, что у человѣка существуетъ интересъ управлять—интересъ гордости и интересъ въ прямомъ смыслѣ. До извѣстной степени управляющій и управляемый поэтому сходятся въ своихъ стремленіяхъ, одинъ—имѣть вождя, другой—быть вождемъ (стр. 109). Смотря на дѣло съ точки зрѣнія управляющаго, это учрежденіе (т.-е. властвованіе) покоится одновременно на экономикѣ и честолюбіи, а съ точки зрѣнія управляемаго оно на первыхъ порахъ держится исключительно на экономикѣ, да и всегда впослѣдствіи это — самый важный факторъ учрежденія". Таковы, по мнѣнію Лакомба, первоначальныя силы, создающія политическія учрежденія; но онъ тутъ же прибавляетъ, что весьма рано къ этимъ основамъ присоединяются новыя психическія силы (стр. 110). Искусство и литературу Лакомбъ основываетъ уже главнымъ образомъ на симпатіи, ибо посредствомъ художественныхъ и литературныхъ произведеній человѣкъ прежде всего стремится возбудить въ слушателяхъ тѣ или другія эмоціи (стр. 112). Что касается до науки, то потребность въ знаніи, по мнѣнію Лакомба, возникаетъ первоначально на экономической почвѣ. „Человѣкъ наблюдаетъ и узнаетъ сначала, чтобы дѣйствовать на вещи и ими овладѣвать. Въ началѣ безкорыстнаго знанія не существуетъ. Это одинаково вѣрно, какъ относительно знанія реальнаго, такъ и относительно знанія воображаемаго. Теорія практики возникаетъ позднѣе безъ всякой преднамѣренности и притомъ еще подъ сильнымъ вліяніемъ экономическаго интереса. Теоріей занимаются только для того, чтобы болѣе вѣрнымъ образомъ успѣвать въ практикѣ". Лишь постепенно и съ теченіемъ времени начинаетъ развиваться интересъ къ чистому знанію, который такимъ образомъ получаетъ самостоятельное значеніе сравнительно поздно. „На первыхъ порахъ научное стремленіе весьма слабо и очень рѣдко. Безъ сомнѣнія, оно и впредь оставалось бы въ томъ же положеніи, если бы не входило въ соединенія съ другими, болѣе сильными, двигателями. Всякое открытіе новаго предмета, всякое узнаваніе новыхъ вещей никогда не обходится безъ того, чтобы человѣкъ не почувствовалъ довольства самимъ собою. Это—удача, это—успѣхъ. Успѣхъ, даже безполезный съ экономической точки зрѣнія, такъ или иначе, всегда лестенъ человѣку въ

силу хотя бы темнаго сознанія объ увеличеніи его власти". Всякій, кто только что-либо знаетъ (или признается за знающаго другими) пользуется почетомъ со стороны другихъ, которые думаютъ, что онъ можетъ осуществить ихъ желанія или сдѣлать вещи, наводящія на нихъ страхъ. Вездѣ знаніе, истинное или ложное,—и особенно на первыхъ порахъ знаніе ложное,—доставляетъ тому, кто имъ обладаетъ, прежде всего положительное вознагражденіе, а затѣмъ почетъ разныхъ степеней и разныхъ оттѣнковъ (стр. 115). Конечно,—продолжаетъ Лакомбъ, — такое знаніе изъ-за матеріальныхъ или почетныхъ наградъ не влечетъ за собою безкорыстнаго интереса къ наукѣ, но разъ изъ общества, взятаго въ его цѣломъ, выдѣляется ученая каста, въ этой тѣсной средѣ рождается особое уваженіе къ знанію безъ всякаго отношенія къ его полезности, просто въ силу того, что оно даетъ умственное превосходство. „Такимъ образомъ, предъ нами теперь новый возбудитель, которому соотвѣтствуетъ новый двигатель: это—желаніе получить почетъ среди людей своей касты или своей профессіи. Этотъ-то самый возбудитель, соединяясь съ любопытствомъ, съ чувствомъ умственной мощи и повелъ къ образованію особой движущей силы, которая вообще дѣйствуетъ менѣе энергично, нежели экономическій интересъ, но тѣмъ не менѣе, при извѣстныхъ счастливыхъ обстоятельствахъ, оказывается весьма дѣйствительнымъ" (стр. 116).

Лакомбъ анализируетъ такимъ же образомъ и религіозныя учрежденія въ ихъ происхожденіи. Интеллектуальную сторону первобытной религіи Лакомбъ сводитъ къ анимизму (стр. 117). Основное чувство, возбуждаемое этимъ вѣрованіемъ и приводящее къ культу, имѣетъ, по Лакомбу, чисто корыстный характеръ, ибо божеству поклоняются въ расчетѣ получить отъ него то или другое благо, если не въ земномъ, то въ загробномъ существованіи (стр. 123). „Первоначальный видъ, представляемый религіознымъ чувствомъ и сохраняемый имъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ и позднѣе, есть чисто корыстное чувство. А такъ какъ обыкновенно молятся о здоровьѣ, о власти, о богатствѣ, о жизни, однимъ словомъ, объ удовлетвореніи той или другой изъ нашихъ физическихъ потребностей, то религія, разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, должна быть логически отнесена къ экономикѣ: это—воображаемая экономика" (стр. 120). Лишь на высшихъ ступеняхъ развитія религіознаго чувства, говоритъ Лакомбъ,

Божество дѣлается для высшихъ, исключительныхъ натуръ предметомъ уваженія и любви. „Для честолюбія вѣрующаго Богъ становится предметомъ высшаго удивленія, т.-е. обожанія и въ то же самое время свидѣтелемъ, со стороны котораго болѣе всего боятся порицанія и съ самымъ живымъ рвеніемъ ждутъ, наоборотъ, похвалы. Для потребности въ симпатіи Богъ является предметомъ любви или, по крайней мѣрѣ, усилія любить. Въ то же самое время вѣрующій желаетъ и надѣется стать для Бога предметомъ своего рода отеческой привязанности, безконечно великой заботливости, которая заразъ и ободряетъ, и смущаетъ. Такимъ образомъ,— прибавляетъ Лакомбъ,—мы видимъ, что по отношенію къ Божеству вся нравственная сторона человѣка способна сильно возбуждаться или, по крайней мѣрѣ, стремиться къ такому возбужденію. Интересъ, самолюбіе, симпатія, все приходитъ въ дѣйствіе въ религіи“ (стр. 125). Во всякомъ случаѣ, однако, у Лакомба и въ области религіи выдвигается на первый планъ все-таки интересъ. Называя эту область воображаемой экономикой, онъ указываетъ на то, что во всей исторіи человѣкъ пользуется двумя экономиками, особенно прибѣгая къ экономикѣ воображаемой тамъ, гдѣ экономика реальная не доставляетъ ему необходимыхъ средствъ [1]). „Такъ какъ,— говоритъ онъ, — экономика истинная и экономика воображаемая взаимно другъ друга дополняютъ, то между ними происходитъ постоянное колебаніе: когда одна опускается, другая подымается. Экономическое благосостояніе цѣлаго народа или какого-нибудь класса, равно какъ отдѣльнаго лица уменьшаетъ предположительно обращеніе къ религіи (стр. 126). Историкъ, который захотѣлъ бы провѣрить это предположеніе, не долженъ сравнивать разные народы; онъ вѣрнѣе будетъ разсуждать, сравнивая два различныя состоянія одного и того же народа, когда онъ былъ бѣденъ и когда сдѣлался богатъ. При этомъ нужно еще помнить, что богатство безсильно противъ извѣстныхъ бѣдствій. Оно не только отъ нихъ предохраняетъ, но даже дѣлаетъ ихъ болѣе чувствительными. Можно быть богатымъ и въ то же время подвергнуться чумѣ, холерѣ, войнѣ, революціи. Времена бѣдствій должны быть поэтому временами оживленія религіозности. Многіе историки,—продолжаетъ Лакомбъ,—уже выска-

[1]) Въ этомъ Лакомбъ сходится съ Лоріа, см. выше, стр. 145.

зывали это наблюденіе. Съ своей стороны, я прошу обратить вниманіе на обратное предложеніе: разъ религіозность усиливается во время общественныхъ бѣдствій, это лишь подтверждаетъ, что ея главный корень заключается въ интересѣ. Наука усиливаетъ экономическую власть человѣка. Съ этой точки зрѣнія наука дѣйствуетъ, какъ сила, косвеннымъ образомъ уменьшающая значеніе религіи. Весьма часто уже указывали на противорѣчіе между наукою и догматами. Это самая очевидная форма ихъ конфликта. Но религія испытываетъ на себѣ вліяніе гораздо меньшее со стороны теоретическаго противорѣчія науки, нежели со стороны ея экономическихъ результатовъ; по крайней мѣрѣ,—прибавляетъ Лакомбъ,—мы логически должны составить такое предположеніе" (стр. 127).

Въ изложенныхъ разсужденіяхъ автора обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія мысли.

Во-первыхъ, Лакомбъ указываетъ на то, что лишь при извѣстномъ матеріальномъ благосостояніи является досугъ для развитія духовныхъ потребностей и возникаетъ классъ людей, въ которомъ начинаетъ прогрессировать умственная жизнь. Никто, однако, никогда, какъ было сказано, этой совершенно вѣрной мысли не оспаривалъ, и все дѣло здѣсь сводится къ тому, что духовная культура можетъ развиваться лишь при извѣстныхъ экономическихъ условіяхъ, но это суть именно лишь *условія*, никакъ не *причина*, не *источникъ*.

Во-вторыхъ, предположеніе о томъ, что не-экономическія измѣненія зависятъ отъ экономическихъ условій въ гораздо большей мѣрѣ, нежели экономическія измѣненія отъ условій иныхъ категорій, и довольно ново, и очень важно, но оно требуетъ гораздо большаго теоретическаго обоснованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ также и фактической провѣрки, коихъ авторъ не даетъ. Лакомба можно, впрочемъ, только похвалить за то, что онъ не скрываетъ всей гипотетичности своего тезиса и не выдаетъ его за вполнѣ доказанную истину.

Въ-третьихъ, заслуживаетъ сочувствія стремленіе Лакомба не сводить отдѣльныхъ учрежденій къ одному экономическому началу: вездѣ рядомъ съ экономическимъ интересомъ, по его мнѣнію, дѣйствуютъ и другіе мотивы. Особенно важно это по отношенію къ общественнымъ классамъ, которые, по теоріи экономическаго матеріализма, возникаютъ исключительно на почвѣ экономическихъ интересовъ и къ борьбѣ

между коими на той же почвѣ будто бы поэтому и можетъ быть сведена вся исторія. Объясняя возникновеніе науки на той же самой почвѣ, Лакомбъ опять-таки показываетъ, какія еще силы принимаютъ участіе въ ея возникновеніи и развитіи помимо экономики.

Вообще, наконецъ, Лакомбъ и прямо заявляетъ о невозможности сводить къ экономикѣ всѣ элементы культуры. Оговорки, какія онъ дѣлаетъ въ этомъ смыслѣ, особенно знаменательны со стороны человѣка, старающагося доказывать сильное участіе экономическаго интереса во всѣхъ сторонахъ культурной и соціальной жизни. „Человѣкъ,—говоритъ онъ, напр.,—никогда не былъ чистымъ утилитаристомъ. Вслѣдствіе этого едва ли можно выводить всю мораль изъ экономическаго интереса. Уже стадное животное проявляетъ самолюбіе. Первобытный человѣкъ, если только онъ не доведенъ до совершенно скотскаго состоянія нищетой, обнаруживаетъ весьма живое желаніе почета. Человѣкъ не живетъ въ одиночку. Онъ живетъ въ концентрическихъ группахъ, все болѣе и болѣе широкихъ, въ семьѣ, въ племени, въ кастѣ, въ сословіи, въ націи и т. п. Группы, части коихъ онъ составляетъ, являются въ его глазахъ какъ бы продолженіями его собственнаго существа. Совершенно такъ же, какъ человѣкъ ревниво относится къ своему личному достоинству, относится онъ ревниво и къ достоинству концентрическихъ группъ, въ коихъ онъ находится“ (стр. 79). Значительная часть морали зависитъ поэтому отъ стремленія къ почету. „Характерная черта дѣйствій, навязываемыхъ самолюбіемъ, заключается въ ихъ тягостности и трудности. Можетъ случиться, что нѣкоторые изъ этихъ дѣйствій полезны, благодѣтельны. Это значитъ, что они одновременно предписываются и общественнымъ интересомъ, и самолюбіемъ. Но бо́льшая ихъ часть тягостна и трудна, не принося никому выгоды или причиняя дѣйствующему лицу страданіе, несоразмѣрно большое сравнительно съ благодѣтельнымъ результатомъ для другихъ. Такимъ дѣйствіямъ можно дать общее имя аскетизма. Аскетизмъ,—прибавляетъ Лакомбъ,—играетъ важную роль въ исторіи. Онъ безконечно милѣе человѣческому сердцу и сильнѣе въ немъ держится, чѣмъ это обыкновенно воображаютъ“ (стр. 81). Вообще человѣкъ „изобрѣтаетъ нравственность“ почти всѣмъ своимъ существомъ, интересомъ, самолюбіемъ, симпатіей (стр. 84). Лакомбъ думаетъ даже, что

человѣкъ бываетъ утилитаристомъ лишь въ чисто личныхъ отношеніяхъ своихъ къ другимъ людямъ, требуя съ ихъ стороны полезныхъ или пріятныхъ для него дѣйствій. „Но,— продолжаетъ онъ,—когда человѣкъ предъявляетъ какое-либо требованіе вмѣстѣ съ своей группой, онъ обнаруживаетъ стремленіе пренебрегать экономическимъ интересомъ и то, чего онъ особенно требуетъ, заключается въ трудномъ или приличномъ дѣйствіи. Чѣмъ обширнѣе группа, тѣмъ аскетичнѣе человѣкъ, тѣмъ болѣе забываетъ онъ интересъ въ прямомъ смыслѣ во имя интересовъ самолюбія. Это уже въ единичномъ человѣкѣ установляетъ два расположенія, два общихъ стремленія, вліяющихъ на него въ противоположныхъ направленіяхъ“ (стр. 85). Это противорѣчіе требованій Лакомбъ объясняетъ именно тѣмъ, что „мораль имѣетъ разные источники, изъ коихъ у каждаго свой цвѣтъ, неспособный слиться съ цвѣтомъ сосѣдняго источника“ (стр. 86). Въ другомъ мѣстѣ Лакомбъ выражается еще такимъ образомъ: „конечно, быть можетъ, исторію немного, пожалуй, и слишкомъ упростили бы, но ее совсѣмъ не исказили бы, сказавъ, что она есть непрерывная борьба между экономическимъ интересомъ и потребностью въ уваженіи. Какъ бы силенъ ни былъ первый, второй съ нимъ борется и часто его побѣждаетъ“ (стр. 101).

Намъ кажется, что на основаніи вышеизложеннаго мы можемъ опредѣлить историческую теорію Лакомба, какъ попытку примиренія психологизма съ экономизмомъ, потому что авторъ одинаково принимаетъ въ расчетъ и матеріальную сторону человѣческой природы, на основѣ коей возникаетъ вся экономика, и сторону духовную, являющуюся главнымъ источникомъ не-экономическихъ элементовъ человѣческой культуры, какъ на нашъ личный взглядъ ни были неудовлетворительны весьма многія частныя соображенія Лакомба. То же самое подтверждается и взглядами Лакомба на источники историческихъ перемѣнъ.

„Учрежденія измѣняются,—говоритъ онъ,—или потому, что одна изъ психическихъ потребностей, которая содѣйствовала его образованію, стала возбуждаться иначе, благодаря какому-нибудь внѣшнему обстоятельству, или потому, что въ человѣческомъ умѣ возникло какое-нибудь новое представленіе относительно средствъ, могущихъ удовлетворить эту потребность“ (стр. 327). Исходя, однако, изъ той идеи, что

въ исторіи мы всегда имѣемъ дѣло съ отдѣльными случайностями и необходимостями въ разныхъ пропорціяхъ и комбинаціяхъ, Лакомбъ выражаетъ ту мысль, что каждое историческое явленіе опредѣляется необходимыми причинами, но такими, которыя дѣйствуютъ на короткомъ разстояніи одна отъ другой и притомъ въ различныхъ направленіяхъ. „Для наблюдателя, — говоритъ онъ, — каждый разъ это составляетъ новую задачу, и тому, кто хотѣлъ бы объяснить извѣстное теченіе отъ его истока до его устья, пришлось бы рѣшать множество послѣдовательныхъ задачъ, а не одну только задачу, разрѣшаемую указаніемъ на нѣсколько простыхъ причинъ, каковы, напримѣръ, свойства первоначальнаго источника“ (стр. 328). Одну изъ задачъ исторіи, какъ науки, Лакомбъ именно и видитъ въ изслѣдованіи причинъ тѣхъ измѣненій, которыя происходятъ въ отдѣльныхъ учрежденіяхъ и въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Говоря вообще, причина заключается въ человѣкѣ извѣстной эпохи и извѣстнаго мѣста, т.-е. въ человѣкѣ историческомъ, а этотъ послѣдній есть въ сущности не что иное, какъ человѣкъ вообще, находящійся подъ вліяніемъ особенной совокупности обстоятельствъ или спеціальной среды. Прежде всего авторъ рекомендуетъ изучать внѣшнія обстоятельства, прослѣживая, насколько возможно дальше, ихъ вліяніе, ибо только такія вліянія уловимы. „Мы обязаны, — говоритъ Лакомбъ,—разсуждать сначала такимъ образомъ, какъ если бы люди разныхъ временъ подвергали въ сущности одни и тѣ же внутреннія свойства вліянію различныхъ средъ“ (стр. 131). Внѣшняя среда не прямо дѣйствуетъ на человѣческую дѣятельность: прежде всего она измѣняетъ нравственное или умственное состояніе человѣка, и учрежденія мѣняютъ форму лишь тогда, когда люди приходятъ къ мысли, что для удовлетворенія ихъ основныхъ потребностей могутъ существовать лучшія средства, т.-е. когда они мѣняютъ свои вѣрованія.

Съ той точки зрѣнія, съ которой мы наиболѣе интересуемся книгой Лакомба, весьма важно и то, что имъ ставится вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ экономическаго, моральнаго и интеллектуальнаго прогресса. Лакомбъ находитъ невозможнымъ, чтобы благосостояніе, нравственность и просвѣщеніе развивались совершенно равномѣрно. Одинъ изъ трехъ видовъ прогресса долженъ имѣть первенствующее

положеніе, но какой? „То,—говоритъ Лакомбъ,—что мы знаемъ о законѣ настоятельной необходимости (urgence), заставляетъ насъ думать, что благосостояніе играло первую роль. Оно должно было предшествовать и въ весьма широкой мѣрѣ вызывать два другія явленія, чтобы впослѣдствіи испытать на себѣ и вліяніе съ ихъ стороны. Прежде всего общій ходъ исторіи доставляетъ въ пользу нашей гипотезы такія данныя, которыя имѣютъ большой вѣсъ. Первобытный человѣкъ добивается, путемъ ли своей промышленности или путемъ войны, только одной изъ трехъ указанныхъ цѣлей—благосостоянія. Онъ вовсе не хлопочетъ о томъ, чтобы развить свой умъ, и еще менѣе заботится о своей нравственности. Въ этомъ смыслѣ первобытное состояніе продолжается у дикарей, у варваровъ, и даже на различныхъ ступеняхъ цивилизаціи (стр. 151). И тѣмъ не менѣе несмотря на всеобщее пренебреженіе къ своему нравственному и умственному прогрессу, этотъ прогрессъ совершился, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ земного шара, и совершился въ степени удивительной, я сказалъ бы даже, парадоксальной, принимая въ расчетъ то, что́ было сказано выше. Нужно было, чтобы человѣкъ, стремясь къ благосостоянію, достигъ, вовсе о томъ не думая, результатовъ моральнаго и интеллектуальнаго характера, потому ли, что послѣдніе были связаны, какъ естественныя послѣдствія, съ достигнутымъ благосостояніемъ, или потому, что средства, необходимыя для полученія богатства, были приспособлены и для полученія другихъ результатовъ безъ прямого въ этомъ смыслѣ желанія со стороны человѣка. Тяжелое бремя, которое экономическія нужды налагаютъ на первобытнаго человѣка, кажется, должно было бы вѣчно держать его на одной и той же ступени. Однако, этотъ человѣкъ поднялся надъ своимъ первоначальнымъ состояніемъ, и тутъ есть чему удивляться. Невольно приходишь къ мысли, что необходимость достигнуть благосостоянія, будучи бременемъ въ одномъ отношеніи, могла быть хорошею подмогою въ другомъ". На основаніи этого разсужденія Лакомбъ пытается въ дальнѣйшемъ изобразить въ общихъ чертахъ, какимъ образомъ извѣстная степень благосостоянія содѣйствуетъ развитію нравственности и просвѣщенія. „Тотъ видъ безнравственности, который заключается въ покушеніи на чужое добро,—безнравственность экономическая, составляющая самую большую долю человѣческихъ

злодѣяній,—находится въ очевидной зависимости отъ нужды. Нищета, т.-е. нужда, доведенная до извѣстной степени настоятельности, играетъ роль страшной силы, дѣйствующей наперекоръ нравственнымъ мотивамъ, симпатіи, благоразумію, уваженію къ самому себѣ. Послѣднія могутъ бороться противъ силы нужды и ее побѣждать, но они ея не уничтожаютъ (стр. 152). Одно благосостояніе можетъ устранить отчасти силу нужды и чрезъ это устранить самый конфликтъ между нуждою и моральными мотивами". Отсюда Лакомбъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что развитіе благосостоянія должно было уменьшать сумму экономической безнравственности, облегчая для большого числа людей тяжесть нужды. Но и этотъ выводъ онъ дѣлаетъ не безъ оговорокъ (стр. 153). Далѣе, благосостояніе доставляетъ досугъ. „Нужно имѣть досугъ и, слѣдовательно, благосостояніе, чтобы имѣть возможность учиться" (стр. 154): лишь на извѣстной ступени умственнаго развитія, создаваемаго досугомъ, возможна предусмотрительность, вытекающая изъ симпатіи къ другимъ и изъ благоразумія. „Совсѣмъ не доказано,—соглашается Лакомбъ,—чтобы прямымъ слѣдствіемъ благосостоянія былъ ростъ способности сочувствовать, но нищета человѣка, сосредоточивая всѣ интересы на немъ самомъ, конечно, является условіемъ неблагопріятнымъ. Благосостояніе, устраняющее это условіе, возвращаетъ дѣйствію симпатіи своего рода свободу" (стр. 155). И тутъ авторъ, слѣдовательно, изъ благосостоянія не дѣлаетъ *источника* нравственнаго и умственнаго развитія: благосостояніе имѣетъ значеніе лишь благопріятнаго *условія*. Кромѣ того, Лакомбъ изслѣдуетъ условія образованія богатства, слѣдствія которыхъ тоже могутъ отражаться въ областяхъ нравственности и просвѣщенія. Напр., трудъ, который человѣкъ беретъ на себя ради достиженія чисто матеріальныхъ цѣлей, оказываетъ вліяніе на развитіе ума, воли и воображенія (стр. 160). Дѣло въ томъ, что, преслѣдуя извѣстныя цѣли, человѣкъ достигаетъ результатовъ, которыхъ онъ первоначально вовсе не имѣлъ въ виду. Это можно сказать не только о трудѣ, но и о разныхъ изобрѣтеніяхъ, къ которымъ человѣкъ прибѣгаетъ первоначально исключительно для удовлетворенія своихъ матеріальныхъ нуждъ.

Въ вопросѣ о прогрессѣ науки для Лакомба существуютъ два вопроса: во-первыхъ, кто доставлялъ ученымъ средства

къ существованію, а во-вторыхъ, какимъ образомъ возникала спеціальная среда, необходимая для того, чтобы однимъ изъ стимуловъ къ знанію служилъ тотъ почетъ, которымъ можетъ пользоваться ученый среди своихъ собратьевъ? Дѣло въ томъ, что каждый ученый теоретикъ всегда долженъ былъ имѣть какое-либо занятіе, которое давало бы ему средства къ существованію. Каждая наука связана съ тою или другою спеціальною профессіей двоякимъ образомъ. Эта профессія порождала практику, на основаніи которой вырабатывалась впослѣдствіи теорія, и она же, эта профессія, прокармливала ученаго. Само собою разумѣется, что существованіе спеціальной научной среды всегда зависитъ отъ болѣе широкой среды, въ которую она заключена (стр. 353), и задача объясненія состоитъ въ томъ, чтобы найти, каковы именно тѣ обстоятельства общей среды, которыя и породили среду спеціальную. Научное развитіе при слабости своихъ положительныхъ причинъ, особенно на первыхъ порахъ, при своей непрочности во времени и своей ограниченности въ пространствѣ было подвержено наибольшему количеству случайностей (стр. 359). Только въ новѣйшія времена создались условія, которыя дѣлаютъ научную дѣятельность менѣе зависимою отъ случайностей. Во-первыхъ, замѣтили, что чистая теорія иногда приводитъ къ приложеніямъ, которыхъ первоначально и не предвидѣли, и потому надежда на извлеченіе пользы всегда примѣшивается къ безкорыстному знанію. Такимъ образомъ въ дѣлѣ научнаго развитія сталъ играть выдающуюся роль экономическій интересъ. Лакомбъ утверждаетъ даже, что участіе экономическаго интереса въ научномъ движеніи является однимъ изъ крупныхъ фактовъ новой исторіи и даже, быть можетъ, самымъ важнымъ фактомъ всей исторіи. Тѣмъ не менѣе, во-вторыхъ, Лакомбъ признаетъ, что для многихъ людей въ настоящее время получила особую силу потребность въ чисто научной эмоціи по мѣрѣ того именно, какъ эта потребность все болѣе и болѣе удовлетворялась (стр. 360). Объясняя такимъ образомъ происхожденіе науки, Лакомбъ не соглашается съ мнѣніемъ, по которому первое стремленіе къ научной дѣятельности зародилось въ религіозной сферѣ. Онъ предлагаетъ строго различать религію и жречество. Въ жрецѣ нужно отличать жреца, какъ представителя извѣстной религіозной системы, отъ человѣка, имѣющаго достаточный досугъ для умозрѣнія и изслѣдова-

нія, и если первые ученые появились въ жреческомъ сословіи, то ученые эти, какъ таковые, ничего не получили отъ своихъ религій. „Человѣческая культура,—говоритъ Лакомбъ,—въ своемъ наиболѣе высокомъ проявленіи, въ проявленіи научномъ, вышла непосредственно изъ практики производствъ, изъ экономической сферы, изъ созданія богатствъ. Если такъ позволено выразиться, здѣсь можно искать отца науки, и отъ этого отца наука получаетъ всѣ средства, благодаря коимъ она занимаетъ теперешнее положеніе (стр. 365), первыя точныя познанія о мірѣ, первыя орудія измѣренія, наконецъ, первыя методическія привычки — наблюденіе, обращеніе къ опыту. Что касается до матери науки, то ею, если хотите, будетъ возбужденіе, производимое желаніемъ почета и уваженія, не общественнаго почета, ибо общество въ цѣломъ очень мало заботится о подобныхъ изслѣдованіяхъ, а почета со стороны спеціальной группы, въ которой живетъ ученый. Наука родилась отъ соединенія экономическаго интереса съ стремленіемъ къ почету. Я не вижу, чтобы въ какой-либо религіи божество предписывало наблюдать, дѣлать опыты, устанавливать порядокъ и послѣдовательность явленій“ (стр. 366).

Смотря такимъ образомъ на генезисъ и эволюцію науки, Лакомбъ дѣлаетъ ея успѣхи мѣриломъ прогресса. „Читатель,—замѣчаетъ онъ самъ,—долженъ обратить вниманіе на то, что, если мы въ этой книгѣ констатируемъ наибольшую важность экономическаго развитія, какъ чисто опытную истину, критеріемъ для оцѣнки относительной высоты цивилизаціи служитъ намъ какъ-разъ не-экономическая область“. Это въ высшей степени любопытно. Какъ ни старается нашъ авторъ вездѣ, гдѣ только можно, видѣть дѣйствіе экономическаго фактора, въ концѣ-концовъ главною прогрессивною силою онъ считаетъ развитіе человѣческаго ума, интеллектуальную дѣятельность человѣка. Въ этомъ отношеніи онъ далекъ отъ экономическаго матеріализма, представители котораго утверждаютъ, будто стихійная экономическая эволюція сама по себѣ прогрессивна.

Лакомбъ подымаетъ и вопросъ объ историческомъ предвидѣніи, хотя глава, посвященная этому вопросу, одна изъ болѣе слабыхъ въ книгѣ.

Каждая наука должна стремиться къ предвидѣнію будущаго, и исторія въ этомъ отношеніи не должна соста-

влять исключенія. Такъ какъ, однако, исторія есть наука наиболѣе сложная, то предвидѣніе въ ней возможно лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Если мы хорошо знаемъ настоящее и къ пониманію его прилагаемъ научные методы, то мы можемъ лишь утверждать, что готовы совершиться въ самой, конечно, простой и абстрактной формѣ такія-то и такія-то событія, не утверждая, что эти событія непремѣнно совершатся (стр. 369). Многимъ такія мало-опредѣленныя показанія могутъ показаться недостаточными, но они все-таки важны для нашего поведенія. Но и говоря о предсказаніи будущаго, Лакомбъ опять-таки исходитъ изъ своей основной идеи о первенствѣ экономическаго элемента. „Экономика, — говоритъ онъ, — съ великою силою производила вліяніе на все остальное, и весь историческій опытъ показываетъ, что эволюція въ значительной мѣрѣ происходила подъ могучимъ дѣйствіемъ экономическаго интереса. Отсюда весьма послѣдовательно будетъ думать, что главныя сѣмена будущаго заложены въ явленіяхъ экономическаго порядка. Кто хочетъ предвидѣть будущее, долженъ прежде всего изслѣдовать экономическое состояніе современныхъ обществъ. Экономическая область,—говоритъ онъ далѣе,—раздѣляется на двѣ части: созданіе и распредѣленіе богатствъ. Для того, чтобы понять прошлое въ его прогрессивномъ шествіи, мы должны были почти исключительно заниматься первымъ. Въ заботѣ о будущемъ и, слѣдовательно, о прочности общества намъ скорѣе нужно заняться здѣсь распредѣленіемъ. Именно нужно узнать, происходитъ ли раздѣлъ добытыхъ богатствъ такимъ образомъ, чтобы удовлетворять массы и заинтересовывать въ сохраненіи общества тѣхъ, которые его поддерживаютъ. Производство богатствъ приводитъ людей къ борьбѣ съ природою, но вызываетъ отношенія взаимной помощи и содѣйствія между самими людьми. Распредѣленіе неизбѣжно влечетъ за собою борьбу между людьми, ибо всякій избытокъ одного есть лишеніе для другихъ“ (стр. 370). Отъ какого бы количества условій, однако, ни зависѣло распредѣленіе, въ концѣ-концовъ оно подчиняется одному общему закону: каждый получаетъ тѣмъ больше, чѣмъ менѣе онъ зависитъ отъ настоятельныхъ экономическихъ потребностей. Та самая настоятельная потребность, которая влечетъ за собою произведеніе богатствъ, имѣетъ такимъ образомъ своимъ окончательнымъ слѣдствіемъ въ дѣлѣ распредѣленія почти безгра-

ничную зависимость слабаго. Но эта экономическая сила не всегда свободно дѣйствуетъ, благодаря ограниченіямъ со стороны религіи, обычнаго права и законодательства (стр. 372), хотя, съ другой стороны, богатые классы, которые были въ то же время правящими классами, очень часто также прибѣгали къ закону для защиты своихъ экономическихъ интересовъ (стр. 373). Тутъ Лакомбъ высказываетъ даже такой взглядъ, что въ общемъ и цѣломъ исторіи правительственная сила всегда побѣждалась экономическою силою (стр. 374).

Признавая Лакомба писателемъ довольно близкимъ къ экономическому матеріализму, мы не можемъ не отмѣтить еще, что весь „экономизмъ" его теоріи отнюдь не сближаетъ его съ соціализмомъ. Съ представителями послѣдняго онъ, напротивъ того, вступаетъ даже въ полемику, а на возможность побѣды пролетаріата смотритъ прямо со страхомъ за пріобрѣтенія цивилизаціи. Экономическій матеріализмъ оптимистиченъ, теорія Лакомба, наоборотъ, пессимистична. Почему такъ? Неужели потому, что Лакомбъ вѣритъ все-таки въ силу идей, въ силу знанія, въ силу науки, въ силу человѣческой личности? Конечно, нѣтъ. Скорѣе вѣра въ идею оптимистична, скорѣе признаніе дѣйствія въ исторіи однихъ стихійныхъ, механическихъ, матеріальныхъ силъ должно было бы приводить къ пессимизму. Если, однако, мы видимъ противное, то это доказываетъ намъ, что оптимистичность и пессимистичность взглядовъ на будущее имѣетъ иныя основанія, нежели то или другое пониманіе значенія психологизма и экономизма въ исторіи.

Мы не раздѣляемъ всѣхъ воззрѣній Лакомба, но не ставили также своею задачею критиковать положенія, съ коими не можемъ согласиться. Нашею цѣлью было только показать, что даже наиболѣе общая экономическая тенденція въ исторіологіи, довольно послѣдовательно проводимая, нуждается и въ психологіи. Въ этомъ отношеніи Лакомбъ повторяетъ мнѣнія Вейзенгрюна и г. Николаева.

На этомъ мы кончаемъ разсмотрѣніе иностранной литературы, чтобы перейти къ русской.

XI. Экономическій матеріализмъ въ „Критическихъ замѣткахъ" г. Струве.

Въ концѣ 1894 и началѣ 1895 г. появились у насъ двѣ книги, изъ коихъ одна принадлежитъ г. Струве и называется „Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи", а другая подъ заглавіемъ „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію" имѣетъ своимъ авторомъ г. Бельтова. Обѣ онѣ обратили на себя вниманіе, были быстро раскуплены, много читались и вызвали массу возраженій и критикъ, въ которыхъ, впрочемъ, на первомъ планѣ фигурируетъ не экономическій матеріализмъ, а разное пониманіе формулы капиталистическаго развитія и судебъ капитализма въ Россіи. Согласно съ задачею этой нашей книги мы оставляемъ совершенно въ сторонѣ все, что гг. Струве и Бельтовъ говорятъ о вещахъ, имѣющихъ отношеніе къ экономическому и вообще соціальному настоящему и будущему Россіи, а остановимся только на ихъ философіи, причемъ замѣтимъ, что въ этой области г. Бельтовъ обнаружилъ болѣе знаній и ловкости, чѣмъ его сотоварищъ по защитѣ экономическаго матеріализма. Но ни та, ни другая изъ этихъ книгъ рѣшительно не дала ни одного новаго аргумента въ пользу экономическаго матеріализма.

Книга г. Струве начинается съ критики соціологическихъ идей народничества, причемъ авторъ употребляетъ послѣдній терминъ въ своемъ особенномъ смыслѣ, съ которымъ едва ли согласятся многіе, причисляющіе себя къ народникамъ или, наоборотъ, не считающіе себя народниками [1]). По мнѣнію г. Струве теорія народничества „имѣетъ два основныхъ источника: 1) опредѣленное ученіе о роли личности въ историческомъ процессѣ и 2) непосредственное убѣжденіе въ специфическомъ національномъ характерѣ и духѣ русскаго народа и въ особенныхъ его историческихъ судьбахъ" (стр. 2). Что общаго между этими двумя взглядами, авторъ не показываетъ, да и не могъ бы показать, потому что какъ-разъ представители

[1]) Стр. 2 (прим).

перваго ученія, послѣдовательно его развивая, приходятъ къ отрицанію основъ второго ученія, и наоборотъ, тѣ, которые придерживаются послѣдняго, необходимо должны не соглашаться съ первымъ. Однимъ словомъ, г. Струве пользуется терминомъ народничества довольно произвольно, включая въ однѣ скобки весьма разнородныя доктрины, общій признакъ коихъ имѣетъ чисто отрицательное значеніе: это—одно несогласіе съ доктриной экономическаго матеріализма. Мы раздѣляемъ несимпатичный г. Струве взглядъ на роль личности въ исторіи и, наоборотъ, именно въ силу признанія этой роли отрицаемъ теорію культурно-историческихъ или національныхъ типовъ, полагая, что въ этомъ нѣтъ не только никакого противорѣчія, но что даже это вполнѣ логично. Мы думаемъ, далѣе, что г. Струве даже и не представляетъ себѣ ясно, что между его двумя источниками народничества нѣтъ ни малѣйшаго согласія. Мы думаемъ еще, что каждый изъ этихъ источниковъ онъ и не всегда вѣрно понимаетъ. По его представленію, защитники роли личности въ исторіи будто бы проповѣдуютъ положеніе такого рода: „*личность все можетъ* въ томъ смыслѣ, что для нея не существуетъ соціологической необходимости" (стр. 11), „личности принадлежитъ самопроизвольная творческая сила, ничѣмъ не обусловленная" (стр. 24) и т. п. Такого рода воззрѣній, однако, наша соціологія не высказывала. Изъ того, что извѣстное ученіе признаётъ личность за нѣчто, еще не слѣдуетъ, чтобы тѣмъ самымъ оно отрицало причинность и закономѣрность общественныхъ явленій. Между тѣмъ, г. Струве видитъ чуть не основную черту собственнаго своего ученія въ признаніи личности за совершенное ничто. Мы думаемъ, однако, что исходнымъ пунктомъ самого экономическаго матеріализма является все-таки понятіе личности, хотя и взятой только со стороны ея матеріальныхъ нуждъ и экономическихъ потребностей, тогда какъ другія міросозерцанія, коихъ и мы не раздѣляемъ, исходятъ изъ понятія націи, или народа, взятаго въ смыслѣ извѣстной культурной группы, въ которой совершенно, такъ сказать, тонетъ отдѣльная личность.

Впрочемъ, наша задача не въ томъ, чтобы разсматривать критику народничества, заключающуюся въ книжкѣ г. Струве, Насъ должно занимать положительное ученіе автора.

Онъ заявляетъ себя сторонникомъ экономическаго мате-

ріализма. Первый вопросъ, который мы ставимъ, заключается въ слѣдующемъ: имѣетъ ли экономическій матеріализмъ, по представленію самого г. Струве, прочныя теоретическія основанія? На стр. 42 онъ заявляетъ, что существуютъ общія соображенія, представляющія на его взглядъ „серьезный философскій фундаментъ для экономическаго матеріализма". Такъ выходитъ на взглядъ г. Струве, но пусть судитъ читатель самъ о томъ, можно ли что-либо строить на такомъ фундаментѣ. Если мы говоримъ, заявляетъ авторъ, что экономическіе факты являются первымъ звеномъ въ той причинной цѣпи, которую мы называемъ исторіей или соціальной эволюціей, то въ сущности это положеніе вытекаетъ изъ общаго сведенія всего индивидуальнаго къ соціальному. Это первое соображеніе г. Струве. Но, къ сожалѣнію, сведеніе, о которомъ идетъ рѣчь, ничего не говоритъ ни за, ни противъ первенства экономическихъ фактовъ. Извѣстное направленіе идеалистической философіи тоже сводило индивидуальное къ соціальному, отрицая самостоятельность личности во имя идеи народнаго духа, но изъ этого экономическій матеріализмъ еще не вытекалъ. Все различіе здѣсь не въ противоположности индивидуальнаго и соціальнаго, а въ противоположномъ пониманіи и того и другого. Бралъ ли спиритуалистъ за исходный пунктъ личность или соціальную среду, онъ и то и другое долженъ былъ понимать совершенно не такъ, какъ понималъ бы то же самое матеріалистъ безотносительно къ тому, что́ онъ самъ разсматривалъ бы, какъ первичное, т.-е. были бы для него этимъ первичнымъ личность или общество. Такимъ образомъ, первое соображеніе ничего не обосновываетъ. А вотъ и второе соображеніе, немедленно слѣдующее за первымъ. „Недаромъ,—продолжаетъ г. Струве,—экономическіе факты до сихъ поръ считаются по преимуществу соціальными, такъ что подъ-часъ обозначенія *экономическій* и *соціальный* смѣшиваются, хотя,—прибавляетъ самъ авторъ,—это очевидно неправильно". И мы думаемъ, что это неправильно. Но въ такомъ случаѣ, все это соображеніе пропадаетъ *даромъ.* Но на слѣдующей страницѣ г. Струве это забываетъ и смѣшиваетъ самъ матеріальное, или экономическое съ соціальнымъ. „Ничто,—говоритъ онъ,—въ такой мѣрѣ не характеризуетъ современную научную этику, какъ именно ея матеріализмъ (или реализмъ), выражающійся въ сведеніи содержанія нравственности къ типически соціаль-

ному поведенію“ (стр. 43). Мы сомнѣваемся, чтобы г. Струве былъ знакомъ съ современнымъ состояніемъ этики, но то вѣрное, что есть въ его сведеніи нравственнаго къ соціальному, могло бы быть аргументомъ въ пользу экономическаго матеріализма лишь подъ условіемъ отождествленія соціальнаго съ экономическимъ, но вѣдь самъ же г. Струве считаетъ такое отождествленіе неправильнымъ. „Поддержаніе жизни, — говоритъ, наконецъ, г. Струве, — составляетъ безспорно самое главное и общее содержаніе всякой, въ томъ числѣ и человѣческой жизни, а идеальныя представленія—цѣли и такъ называемые идеалы возникаютъ не самопроизвольно въ головѣ личности, но всегда заимствуютъ свое содержаніе прямо или косвенно изъ фактически существующаго“ (стр. 42). Въ этомъ соображеніи, во-первыхъ, признаётся за безспорную аксіому то, что является теоремой, требующей еще доказательства, а во-вторыхъ, если идеалы и заимствуютъ свое содержаніе, какъ думаетъ г. Струве, изъ фактически существующаго, то фактически—то существуетъ вѣдь не одно же э ономическое. Вотъ и весь „серьезный философскій фундаментъ для экономическаго матеріализма“, показываемый читателю на стр. 42. Теперь послушаемъ, что говоритъ г. Струве на стр. 46: „Мы не можемъ не признать,—говоритъ онъ,—что чисто философское обоснованіе этого ученія еще не дано и что оно еще не справилось съ тѣмъ огромнымъ конкретнымъ матеріаломъ, который представляетъ всемірная исторія. Нуженъ, очевидно, пересмотръ фактовъ съ точки зрѣнія новой теоріи; нужна критика теоріи на фактахъ“. Что вѣрно, то вѣрно, и въ этихъ словахъ г. Струве сказалъ сущую правду: чисто философскаго обоснованія экономическій матеріализмъ не имѣетъ, и еще критикѣ теоріи на фактахъ предстоитъ показать, имѣетъ ли эта теорія право заявлять притязаніе на то, чтобы быть единственно научной исторической теоріей. Г. Струве думаетъ, что, „быть можетъ, многія односторонности и слишкомъ поспѣшныя обобщенія будутъ оставлены. Но зерно ученія, — прибавляетъ онъ, — является на нашъ взглядъ вѣрнымъ“ (стр. 46). Почему же однако? И гдѣ мы должны вѣрить г. Струве? На страницѣ ли 42, гдѣ говорится о „серьезномъ философскомъ фундаментѣ“, или на стр. 46, гдѣ заявляется объ отсутствіи у экономическаго матеріализма чисто философскаго обоснованія? Но, быть можетъ,

самъ г. Струве думаетъ своею книгою обосновать экономическій матеріализмъ? И этого нѣтъ. „Задача предлагаемыхъ очерковъ,—говоритъ онъ,—заключается не столько въ обоснованіи и критикѣ историческаго идеализма и историческаго матеріализма, сколько въ ихъ противопоставленіи, но мы,—прибавляетъ онъ еще,—не можемъ ограничиваться простымъ рефирированіемъ раздѣляемыхъ нами взглядовъ“ (стр. 46). Дѣйствительно, авторъ ихъ не просто рефирируетъ, но онъ ихъ и не обосновываетъ, а только рекомендуетъ ихъ, какъ самые вѣрные. Вообще, во многихъ мѣстахъ онъ заявляетъ, что на томъ-то онъ „не считаетъ возможнымъ здѣсь останавливаться“ (стр. 3), на другомъ „не станемъ здѣсь останавливаться“ (стр. 4), въ третьемъ случаѣ „не задается здѣсь подробно мотивировкой такого-то взгляда“ (стр. 30), что онъ „не станетъ здѣсь останавливаться на генезисѣ экономическаго матеріализма“ (стр. 45), хотя тутъ же съ оттѣнкомъ упрека замѣчаетъ, что Энгельсъ даетъ очень мало въ этомъ отношеніи. Можно вообще выразить сожалѣніе, что авторъ отказывается дѣлать то, что составляетъ первую и прямую обязанность каждаго писателя, ставящаго своей задачей пропагандировать какое-нибудь ученіе. Благодаря этому, впечатлѣніе отъ книги г. Струве получается такое: у автора есть извѣстная практическая программа. Заключается она въ томъ, чтобы „признать нашу некультурность и пойти на выучку къ капитализму“ (стр. 288). Хороша или дурна эта программа—это другой вопросъ, но эта программа опредѣленная: Россія должна совершить капиталистическую эволюцію. Для этого положенія, оспариваемаго народниками, г. Струве находитъ научную основу въ ученіи Маркса о капиталистическомъ строѣ, какъ необходимомъ фазисѣ прогрессивнаго экономическаго развитія. Мы видѣли, однако, что формула Маркса, о которой здѣсь только и можетъ итти рѣчь, сама по себѣ, а экономическій матеріализмъ — самъ по себѣ [1]). Между тѣмъ г. Струве кажется, что формула экономическаго прогресса, созданная Марксомъ, неотдѣлима отъ экономическаго матеріализма, чего, на самомъ дѣлѣ, вовсе нѣтъ. Г. Струве не ставитъ даже вопроса, нужно ли и можно ли такъ одно съ другимъ связывать. Онъ привыкъ отождествлять одно съ другимъ, и этого для него довольно. „Неужели, спрашиваетъ

[1]) См. выше, стр. 60.

онъ, выясненіемъ генезиса капиталистическаго строя исчерпывается историко-философская теорія Маркса?“ (стр. 45). Конечно, скажемъ мы, если подъ историко-философской теоріей Маркса разумѣть то, что Марксъ дѣйствительно обосновывалъ и доказывалъ. Но, конечно, нѣтъ, прибавимъ мы же, если имѣть въ виду экономическій матеріализмъ, котораго Марксъ никогда не обосновывалъ и не доказывалъ. Авторъ на свой вопросъ тоже отвѣчаетъ отрицательно, но онъ, повидимому, думаетъ, что теорія экономическаго прогресса, которую Марксъ обосновываетъ и доказываетъ, стоитъ не рядомъ съ экономическимъ матеріализмомъ, какъ ученіемъ, этою теоріею не доказываемымъ и не опровергаемымъ, но составляетъ одно цѣлое съ экономическимъ матеріализмомъ, какъ „смѣлой попыткой изъ одного начала объяснить весь историческій процессъ“. „Исторія капитала,—говоритъ г. Струве,—изложенная въ знаменитомъ трактатѣ „Das Kapital“, представляетъ только блестящую иллюстрацію къ общей историко-философской теоріи (стр. 45). Это положительно невѣрно. Мы уже видѣли, что принятіе за самую непререкаемую истину теоретическихъ и историческихъ положеній знаменитаго трактата отнюдь и никоимъ образомъ никого не можетъ заставить принять за истину экономическій матеріализмъ, ибо если Марксъ въ „Капиталѣ“ правъ, то не потому, чтобы былъ вѣренъ экономическій матеріализмъ, а потому, что у Маркса есть основательныя доказательства, не имѣющія ни малѣйшаго отношенія къ вопросу о томъ, что лежитъ въ основаніи всѣхъ культурныхъ и соціальныхъ явленій исторіи. Поэтому экономическій матеріализмъ въ книгѣ г. Струве есть въ концѣ-концовъ только постулатъ, объясняющійся его совѣтомъ Россіи итти на выучку къ капитализму. Это, конечно, тоже основаніе, но, разумѣется, основаніе не философское, да вдобавокъ не логическое, потому что и логической-то связи нѣтъ между теоріей капитализма и экономическимъ матеріализмомъ. По той же причинѣ совершенно неосновательно г. Струве превращаетъ народниковъ, не желающихъ для Россіи капитализма, или думающихъ, что онъ въ ней невозможенъ, въ представителей историческаго идеализма, будто бы вѣрующихъ всегда въ силу личности и въ силу идей, когда многіе изъ нихъ, въ сущности, сами экономическіе матеріалисты, притомъ общинники, смотрящіе на народную жизнь исключительно съ хозяйственной точки зрѣнія. Вотъ,

по нашему мнѣнію, настоящій источникъ приверженности г. Струве къ экономическому матеріализму. Онъ рекомендуетъ эту теорію не потому, чтобы у нея были научныя основанія, а потому, что она ему кажется (и совершенно ошибочно кажется) нужною для обоснованія его приглашенія „итти на выучку къ капитализму“? Какъ мало на самомъ дѣлѣ онъ дорожитъ основнымъ принципомъ экономическаго матеріализма, видно изъ того, какъ онъ отнесся къ экономическому матеріализму Лоріа за то, что онъ нѣкоторые чисто экономическіе вопросы понимаетъ не по Марксу [1]).

Связывая въ одно неразрывное цѣлое, во-первыхъ, свой практическій совѣтъ, доминирующій въ этомъ цѣломъ, во-вторыхъ, формулу экономическаго прогресса путемъ капитализма, играющую роль основанія для этого совѣта, и въ-третьихъ, экономическій матеріализмъ, который самъ по себѣ не говоритъ ни за, ни противъ двухъ первыхъ частей этого цѣлаго, г. Струве всѣхъ „прогрессивныхъ“ соціологовъ, въ томъ или другомъ отношеніи и подводитъ подъ общее названіе народниковъ, дѣлая ихъ всѣхъ одинаково представителями историческаго идеализма, причемъ подъ одну категорію подводятся люди самыхъ разныхъ взглядовъ. „Мы хорошо знаемъ,—говоритъ онъ,—что одинъ изъ главныхъ ея (народнической теоріи) представителей, г. Михайловскій, не признаетъ себя народникомъ и *вполнѣ справедливо* (курсивъ автора) отдѣляетъ себя отъ г. В. В. и другихъ народниковъ par excellence, тѣмъ не менѣе *въ нашемъ смыслѣ* (курсивъ автора) онъ народникъ“ (стр. 2). Народники въ смыслѣ г. Струве должны быть идеалисты, но на дѣлѣ народники par excellence, т.-е. настоящіе могутъ быть зачислены какъ-разъ въ группу экономическихъ матеріалистовъ. Г. Струве не могъ не видѣть этого, но у него тотчасъ же находились основанія для того, чтобы не считать ихъ матеріализмъ настоящимъ. „Г. В. В. (народникъ par excellence),—заявляетъ г. Струве,—до послѣдняго времени являлся своего рода матеріалистомъ въ народничествѣ“, но за послѣднее время онъ-де „совершенно ясно обнаружилъ, что его соціологическій матеріализмъ вовсе не идетъ вглубь, въ самыхъ коренныхъ пунктахъ рѣшительно уступая идеализму. Г. В. В. прямо полемизируетъ противъ Пругавина (другого народника par excellence), который оказывается го-

[1]) См. выше, стр. 160—161.

раздо болѣе послѣдовательнымъ матеріалистомъ“ (стр. 20). Значитъ, среди народниковъ, по мнѣнію г. Струве, все-таки есть экономическіе матеріалисты, но они только не совсѣмъ послѣдовательны, дѣлая уступки идеализму. Мы увидимъ, однако, что и нашъ авторъ ихъ дѣлаетъ, а потому и его могли бы обвинить въ непослѣдовательности, а затѣмъ и въ „народничествѣ“. Г. Струве замѣчаетъ еще, что„ г. В. В. матеріалистомъ можно было считать только по недоразумѣнію“ (стр. 23). Пусть г. Струве будетъ тутъ совсѣмъ правъ, но Пругавинъ-то и по его мнѣнію останется и народникомъ, и матеріалистомъ; выписки, сдѣланныя самимъ нашимъ авторомъ изъ „Русской земельной общины“ Пругавина не оставляютъ мѣста для сомнѣнія, хотя тутъ дѣлается маленькое подстрочное примѣчаніе, что матеріализмъ Пругавинаноситъ, конечно, очень неопредѣленный и примитивный характеръ (стр. 20—21). Почему *конечно*, это неизвѣстно. Наоборотъ, мы можемъ сказать, что экономическій матеріализмъ Пругавина очень опредѣлененъ и отнюдь не примитивнѣе матеріализма г. Струве. Вотъ что между прочимъ послѣдній выписываетъ изъ книги Пругавина: „Основой, почвой, на которой развиваются всѣ экономическія отношенія, являются условія матеріальныя, экономическія. Характеръ экономическихъ отношеній опредѣляетъ собою характеръ всѣхъ другихъ отношеній человѣческой жизни... Въ мірѣ соціальномъ происходитъ не борьба идей, а борьба строя со строемъ“ и т. п. Кажется, очень опредѣленно, а если это примитивно, то что же сказать о міросозерцаніи г. Струве, повторяющаго на разные лады въ сущности то же самое? Или вотъ еще Г. И. Успенскій. Авторъ „Критическихъ замѣтокъ“ находитъ, что онъ, „къ сожалѣнію, только на половину матеріалистъ“ (стр. 165). Но развѣ народники и его не имѣютъ права считать своимъ? Въ чемъ же вина ненастоящихъ матеріалистовъ? Въ томъ, что они признаютъ роль идей и сознательнаго дѣйствія личностей въ историческомъ процессѣ. За такое признаніе г. Струве высказалъ порицаніе Вейзенгрюну и г. Николаеву. „Они,—говоритъ онъ,—слишкомъ раздвигаютъ эти границы (границы, въ которыхъ средства для достиженія экономическихъ цѣлей дѣлаются самодовлѣющими цѣлями), т.-е. въ концѣ-концовъ устраняютъ ихъ, чѣмъ отрицаютъ универсальность основного начала экономическаго матеріализма. Г. Николаевъ, кромѣ того, высказываетъ такіе взгляды

на роль личности въ исторіи, которые совершенно подрываютъ самое ученіе" (стр. 51—52).

Однако, предубѣжденный почему-либо противъ г. Струве защитникъ экономическаго матеріализма могъ бы обвинить и самого автора „Критическихъ замѣтокъ" въ томъ, что онъ дѣлаетъ уступки идеализму. Вотъ и основанія для этого. „Въ пользу устраненія изъ соціологіи личности" г. Струве ссылается на то, что „логическія нормы вытекаютъ изъ формальнаго единства сознанія *не одного* (курсивъ г. С.), а всѣхъ находящихся между собой въ *духовномъ общеніи* (курсивъ его же) людей" (стр. 34), т.-е. идеи отдѣльной личности объясняются имъ изъ идей данной культурной среды, которая есть результатъ духовнаго общенія,—значитъ, и авторъ признаетъ этотъ факторъ рядомъ съ общеніемъ экономическимъ. Этимъ въ соціологію открывается дверь для психологіи. Всю соціологію экономическій матеріализмъ думаетъ основать на одной политической экономіи, а вотъ г. Струве говоритъ, что, напр., „оперируя съ понятіемъ *товарнаго производства*, мы пользуемся, какъ апріорными, цѣлымъ рядомъ психологическихъ предпосылокъ. Вся политическая экономія,—обязательно сообщаетъ читателю г. Струве,—опирается на нихъ". На той же страницѣ (42), гдѣ это сказано, еще разъ повторяется, что существуютъ „апріорно извѣстныя намъ психологическія условія" экономическихъ явленій, и заявляется, что понятіе товарнаго производства „есть столько же психологическое, сколько и экономическое понятіе". Я нахожу это даже слишкомъ большою уступкою „идеализму" и думаю, что психологія прямо откажется отъ того, что уступается и въ ея вѣдѣніе. На той же страницѣ, впрочемъ, г. Струве говоритъ о первенствѣ экономическихъ фактовъ, основываясь на „сведеніи всего индивидуальнаго къ соціальному", но мы видѣли, что это не резонъ, [1]) тѣмъ болѣе, что самъ авторъ указываетъ, какъ было только-что отмѣчено, на сведеніе индивидуальнаго къ соціальному въ формѣ зависимости личной *мысли* отъ *духовнаго* общенія человѣка съ другими людьми. На стр. 33 онъ прямо заявляетъ, что индивидуумъ въ психологическомъ отношеніи есть продуктъ соціальной группы, т.-е. въ индивидуумѣ мыслитъ окружающая его культурная среда. Приводимъ безъ комментаріевъ еще рядъ выдержекъ изъ книги г. Струве, которыми

[1]) См. выше, стр. 185.

легко могъ бы воспользоваться всякій, кто желалъ бы представить этого писателя „ненастоящимъ матеріалистомъ“. „Матеріалистическая теорія исторіи вполнѣ объемлетъ и сознательную дѣятельность людей“ (стр. 55). „Нашимъ пониманіемъ вовсе не отрицается огромная роль идеальныхъ факторовъ вообще“ (стр. 196). „Обобществленіе труда осуществиться можетъ только какъ сознательный актъ планомѣрной организаціи народнаго хозяйства“ (стр. 277).

Народники, въ число коихъ г. Струве включаетъ и ненародниковъ, народники par excellence, зачисляемые имъ въ историческіе идеалисты, хотя они на дѣлѣ являются въ роли экономическихъ матеріалистовъ иного лишь оттѣнка, однимъ словомъ, всѣ несогласно мыслящіе съ г. Струве по разнымъ пунктамъ, часто не имѣющимъ между собою ничего общаго, каковы основные факторы культурно-соціальной жизни народовъ, значеніе идей въ общественныхъ перемѣнахъ, роль личности въ исторіи, судьбы капитализма въ Россіи, характеръ русской поземельной общины,—всѣ эти мыслители, ученые, публицисты, по заявленію г. Струве, ненаучны, ибо теоріи всѣхъ ихъ субъективны. Отъ ненаучнаго субъективизма въ соціологіи можетъ застраховать только одинъ экономическій матеріализмъ, ибо эта теорія отличается въ высшей степени духомъ глубоко научнаго объективизма. Г. Струве это часто повторяетъ и доказываетъ разнаго рода соображеніями, а болѣе всего своимъ собственнымъ примѣромъ. Къ сожалѣнію только, соображенія автора ничего не доказываютъ, а собственный примѣръ г. Струве доказываетъ только то, что экономическій матеріализмъ не гарантируетъ своихъ адептовъ отъ того, на что г. Струве самъ нападаетъ во имя научности.

Гегельянство, изъ котораго одною своею стороною вышелъ экономическій матеріализмъ, дѣйствительно претендовало на особую объективность. Въ своей „Философіи исторіи“ Гегель стремился постигнуть сущность, и притомъ объективную сущность всемірной исторіи. Онъ прямо говорилъ, что ему нѣтъ никакого дѣла до людскихъ желаній и стремленій, до людскихъ неудовольствій и жалобъ. Люди только игралища всемірнаго духа, который съ замѣчательной хитростью направляетъ страсти людей къ достиженію своихъ цѣлей. Все дѣйствительное разумно, и все разумное дѣйствительно. На самомъ дѣлѣ, однако, гегельянство было одною изъ самыхъ субъ-

ективныхъ философскихъ системъ [1]). Экономическій матеріализмъ, провозгласившій, что объективная сущность исторіи заключается въ экономическомъ процессѣ, возникъ на почвѣ такъ называемаго лѣваго гегельянства подъ непосредственнымъ вліяніемъ соціалистической критики существующаго экономическаго строя, т.-е. подъ вліяніемъ тоже субъективнаго отношенія къ дѣйствительности. Настоящій объективизмъ, констатирующій то, что́ есть, безъ всякой оцѣнки того, что̀ есть, не заключаетъ въ себѣ указаній на то, что должно быть, и тотъ, кто съ точки зрѣнія должнаго, желательнаго, ведущаго къ благу, даетъ какіе-либо совѣты, конечно, только по недоразумѣнію можетъ считать себя совершеннымъ объективистомъ. Мы видѣли, до какой степени субъективенъ г. Струве въ своей критикѣ идей Лоріа и русскихъ народниковъ [2]). Но настоящимъ образомъ онъ проявилъ свой субъективизмъ въ другихъ мѣстахъ своей книги. Онъ приглашаетъ признать нашу некультурность и пойти на выучку къ капитализму, находя, что вся современная культура выросла или вмѣстѣ съ нимъ, или на его почвѣ (стр. 288), что капитализмъ имѣетъ свое достаточное основаніе, что онъ есть могущественный факторъ культурнаго прогресса (стр. 287). Народнической субъективной оцѣнкѣ капитализма г. Струве противополагаетъ свою оцѣнку, которую почему-то считаетъ объективною, тогда какъ объективизмъ именно и характеризуется полнымъ отсутствіемъ какой бы то ни было оцѣнки. „Съ точки зрѣнія нашихъ моральныхъ принциповъ мы легко можемъ прійти къ заключенію, что торговля, обмѣнъ, являясь носителемъ крайняго хозяйственнаго эгоизма и индивидуализма, есть зло и мерзость; если же мы обратимся къ разсмотрѣнію объективнаго хода вещей, то мы увидимъ, что это зло есть огромный факторъ культурнаго прогресса, принимавшій могущественное участіе въ созданіи тѣхъ отношеній, на почвѣ которыхъ сложились и наши собственные идеалы“ (стр. 286 — 287). Предоставляя г. Струве думать, что торговля и обмѣнъ играли роль въ созданіи нашихъ идеаловъ и будучи на этотъ счетъ совсѣмъ иного мнѣнія, мы не можемъ не обратить вниманія на то, что если нашъ авторъ беретъ подъ свою защиту торговлю и обмѣнъ, то дѣлаетъ это тоже во

[1]) См. наши „Основные вопросы философіи исторіи“, I.

[2]) См. выше, стр. 160—161 и 183—184.

имя извѣстныхъ моральныхъ принциповъ, т.-е. нашихъ идеаловъ, признавая, что послѣдніе выросли на почвѣ, созданной торговлею и обмѣномъ. Таково объективное разсмотрѣніе, рекомендуемое г. Струве. Съ высоты этого своеобразнаго объективизма онъ вездѣ выражается противъ субъективнаго идеализма. Вотъ нѣсколько выдержекъ въ этомъ смыслѣ. „То соціологическое ученіе, которое извѣстно подъ названіемъ экономическаго матеріализма, стои́тъ на точкѣ зрѣнія, діаметрально противоположной субъективному идеализму. Оно просто игнорируетъ личность, какъ соціологическую ничтожную величину (стр. 30). Игнорированіе личности въ соціологіи или вѣрнѣе ея устраненіе изъ соціологіи есть въ сущности только частный случай стремленія къ научному познанію (стр. 33). На теоріи г. Михайловскаго („объ отношеніяхъ между личностью и обществомъ") лежитъ нескрываемая печать субъективныхъ идеаловъ (стр. 37). На всѣхъ разсужденіяхъ г. Михайловскаго предательски отражается его субъективизмъ, не дающій ему стать на историко-эволюціонную точку зрѣнія (стр. 38). Въ немногихъ словахъ наше мнѣніе о теоріи телеологическаго прогресса Уорда таково: поскольку это ученіе указываетъ на цѣль, какъ на факторъ прогресса, оно ничего новаго не говоритъ; поскольку же оно навязываетъ соціологіи практическій характеръ и субъективизмъ, оно отрицаетъ самую основу научной методологіи и должно быть отвергнуто" (стр. 63). Такихъ мѣстъ можно было бы привести много, но мы остановимся на послѣднемъ, невольно поставивъ, однако, при этомъ вопросъ: если противно самымъ основамъ научной методологіи навязывать соціологіи практическій характеръ, то какъ слѣдуетъ понимать практическій совѣтъ г. Струве итти на выучку къ капитализму,—совѣтъ, къ которому подгоняется вся его будто бы необыкновенно объективная соціологія?

Остановимся еще на одномъ мѣстѣ. „Такъ какъ,—говоритъ г. Струве,—наша главная задача—противопоставить субъективному идеализму экономическій матеріализмъ, то мы должны остановиться еще на объективизмѣ послѣдняго. Историческій матеріализмъ носитъ глубоко историческій характеръ. Классическій примѣръ объективности и историчности экономическаго матеріализма представляютъ разсужденія Маркса и Энгельса о рабствѣ и его значеніи въ соціально-экономической эволюціи" (стр. 65). Г. Струве приводитъ вы

писку изъ Энгельса, что безъ рабства-де не было бы греческой культуры и римскаго государства, безъ коихъ не существовало бы и современной Европы. „Безъ античнаго рабства не было бы и современнаго соціализма. Очень легко,—продолжаетъ Энгельсъ,—обрушиваться общими фразами на рабство и изливать моральное негодованіе на „подобныя гнусности“. Къ сожалѣнію, дѣлая это, мы говоримъ только то, что извѣстно всякому, что эти античныя учрежденія не соотвѣтствуютъ болѣе современнымъ условіямъ и нашимъ чувствамъ, которыя опредѣляются этими условіями. Но мы изъ этого не узнаемъ рѣшительно ничего о томъ, какъ эти учрежденія возникли, почему они существовали и какую роль они играли въ исторіи (но вѣдь это совсѣмъ другая задача!—замѣтимъ мы), и если мы,—сказано далѣе,—обратимся къ этимъ вопросамъ, то мы должны будемъ сказать, какъ бы это ни звучало противорѣчиво и еретически, что введеніе рабства при условіяхъ того времени было большимъ шагомъ впередъ (но вѣдь это же субъективная оцѣнка!). Нельзя,—читаемъ мы въ концѣ выписки изъ Энгельса,—оспаривать тотъ фактъ, что человѣчество начало свою жизнь съ животнаго состоянія, и потому нуждалось (вотъ и оправданіе!) въ варварскихъ, почти животныхъ средствахъ для того, чтобы подняться изъ варварства“ (стр. 66). Да, это классическій примѣръ, но только не въ пользу г. Струве. Прежде всего, мысль о томъ, что античная культура держалась на рабствѣ, есть мысль старая, давнымъ-давно сдѣлавшаяся общимъ избитымъ мѣстомъ даже гимназическихъ учебниковъ, а потому классическимъ примѣромъ историчности экономическаго матеріализма въ отличіе его отъ другихъ теорій служить не можетъ. А далѣе, гдѣ же тутъ объективизмъ? Вѣдь все это мѣсто является оправданіемъ рабства съ точки зрѣнія его результатовъ до современнаго соціализма включительно, котораго бы не было, если бы не было античнаго рабства. Это—довольно субъективный элементъ, и притомъ подсказанный современными условіями. Античныхъ рабовъ едва ли удалось бы увѣрить, что приведенныя строки отличаются глубокимъ научнымъ объективизмомъ, и, конечно, эти рабы могли бы оказаться на сторонѣ народничества и субъективнаго идеализма, а не на сторонѣ марксизма и экономическаго матеріализма. Отъ *такого* объективизма очень недалеко до безсознательной идеализаціи всего, что́ можетъ быть признано ведущимъ къ из-

любленной цѣли. Съ этой точки зрѣнія, напримѣръ, г. Струве конечными цѣлями экономическаго прогресса, которыя когда-то еще осуществятся, оправдываетъ (именно оправдываетъ, а не просто объясняетъ извѣстными причинами) и средневѣковое крѣпостничество. „Почти повсюду,—говоритъ онъ на стр. 79,—натуральное хозяйство въ исторіи сопровождается личною зависимостью, рабствомъ или крѣпостнымъ правомъ. И эта зависимость носитъ характеръ исторической необходимости, потому что только то объединеніе силъ, которое являлось результатомъ личной зависимости, могло создать въ натуральной организаціи хозяйства условія экономическаго и вообще культурнаго прогресса". Такъ какъ послѣдній заключается въ капитализмѣ, а капитализма не было бы безъ феодализма съ его крѣпостничествомъ, то, значитъ, все и происходило та̀къ, ка̀къ слѣдовало по гегельянской формулѣ— все дѣйствительное разумно, только формула-то эта несомнѣнно отражаетъ на себѣ субъективизмъ людей, видящихъ въ живыхъ человѣческихъ личностяхъ (въ данномъ случаѣ, въ античныхъ рабахъ и въ средневѣковыхъ крѣпостныхъ) не существа, носящія въ самихъ себѣ цѣль своего существованія, а орудія для достиженія цѣлей (или результатовъ) историческаго процесса, имъ, этимъ существамъ, совершенно постороннихъ. Отрицаніе значенія личности дальше этого, конечно, итти не можетъ, и если ставить экономическому матеріализму въ заслугу такой объективизмъ, то невольно задашь себѣ вопросъ, въ чемъ заключается цѣль приглашенія итти на выучку къ капитализму, и вообще въ какомъ отношеніи находится этотъ объективизмъ къ ученію, исходящему изъ идеи о наибольшемъ благѣ наибольшаго количества личностей.

„Идеализація натуральнаго хозийства,—говоритъ г. Струве, —представляетъ, быть можетъ, самую характерную черту народничества, какъ экономическаго міровоззрѣнія" (стр. 81). Положимъ, что въ другомъ мѣстѣ авторъ иначе понимаетъ главныя черты народничества [1]), но народники (а съ ними на этотъ разъ и мы) могли бы сказать, что характерной чертой „объективнаго" міросозерцанія г. Струве является идеализація капитализма и процесса, къ нему приведшаго. Народники думаютъ, что натуральное хозяйство лучше обезпечиваетъ личность рабочаго, и быть можетъ, они ошибаются.

[1]) См. выше, стр. 183.

но вѣдь г. Струве возстаетъ противъ нихъ опять-таки съ субъективной точки зрѣнія во имя, конечно, лучшаго будущаго, для котораго современныя поколѣнія рабочихъ (т.-е. человѣческихъ личностей) должны „вывариваться въ фабричномъ котлѣ“, какъ раньше тоже во имя конечной исторической цѣли примучивались къ работѣ рабы и крѣпостные. И роптать на это нечего: таковъ-де историческій законъ! Противъ субъективизма „народниковъ“ и „идеалистовъ“, интересующихся личностью, отвергаемой соціологіей г. Струве во всѣхъ смыслахъ, онъ противопоставляетъ другой субъективизмъ, называя его безъ всякаго основанія объективизмомъ. Замѣтимъ еще вотъ чтò. Въ одномъ мѣстѣ г. Струве говоритъ такъ: „историческая связь натуральнаго хозяйства съ личною зависимостью заставляетъ насъ очень холодно относиться къ народному производству“, проповѣдуемому народниками (стр. 83). Развѣ и это объективизмъ? Холодное отношеніе есть все-таки субъективное отношеніе, какъ и отношеніе горячее. А потомъ, почему объективизмъ экономическаго матеріализма (послѣдній, по моему мнѣнію, тутъ, впрочемъ, ни при чемъ) позволяетъ г. Струве относиться, наоборотъ, очень горячо къ капитализму, несмотря на его связь съ пролетаріатомъ и пауперизмомъ? Это ужъ съ „объективной“ точки зрѣнія совсѣмъ непослѣдовательно: объективизмъ, это—то, чтò называется „ни тепло, ни холодно“. Между тѣмъ г. Струве съ точки зрѣнія объективизма вездѣ, гдѣ только можно (см., напр., еще стр. 166—167), упрекаетъ народниковъ за идеализацію... за идеализацію не вообще, а за идеализацію не того, чтò идеализируется объективнымъ міросозерцаніемъ автора „Критическихъ замѣтокъ“.

Настоящій объективизмъ, котораго я, впрочемъ, не раздѣляю, изгоняетъ изъ историко-философскихъ соображеній идею прогресса, т.-е. совершенствованія, улучшенія, замѣняя ее идеей эволюціи, т.-е. усложненія. Г. Струве говоритъ постоянно о прогрессѣ въ смыслѣ совершенствованія и даже объявляетъ, что въ исторіи прогресса у капитализма есть своя „миссія“ (стр. 134). Пусть такъ, но если ужъ говорить о миссіяхъ, то можно указать и на другія вещи въ родѣ развитія науки, прогрессивную миссію которой доказать, конечно, легче, чѣмъ миссію капитализма. Г. Струве такъ увлеченъ идеей или, вѣрнѣе, своею безсознательною, оптимистическою вѣрою въ разумность историческаго процесса, такъ

проникнутъ своимъ субъективнымъ капиталистическимъ идеализмомъ, находится подъ такимъ сильнымъ вліяніемъ своего объективнаго догмата, что этому субъективизму приноситъ въ жертву другой субъективизмъ, болѣе естественный и человѣчный. „Мои личныя симпатіи,—говоритъ онъ,—не на сторонѣ экономически крѣпкаго, приспособленнаго къ товарному производству крестьянства (для чего, замѣтимъ, нужно было бы разрушить общину), но я не могу не видѣть, что политика, которая направится на созданіе *такого* крестьянства (прибавимъ отъ себя: изъ кулаковъ съ обезземеленіемъ большинства) будетъ единственной разумной и прогрессивной политикой (субъективная оцѣнка, практическій совѣтъ, далекіе отъ объективизма!), такъ какъ она пойдетъ навстрѣчу исторически неизбѣжному процессу капиталистическаго развитія, смягчая въ то же время (почему это?) его крайности" (стр. 281). Тутъ, во-первыхъ, одинъ субъективизмъ (симпатіи) приносится въ жертву другому (признанію извѣстной вещи разумною и прогрессивною), а во-вторыхъ, признается, что основаніе разумности лежитъ въ совпаденіи съ исторической необходимостью. Между тѣмъ самъ г. Струве признаетъ историческій процессъ стихійнымъ. Отрицая роль идей въ исторіи въ смыслѣ цѣлей, которыя себѣ ставятъ и своею дѣятельностью осуществляютъ люди, усиленно отрицая роль личности въ исторіи, нашъ авторъ естественно долженъ былъ видѣть въ историческомъ процессѣ одну стихійную, механическую, матеріальную его сторону, и объ этой стихійности онъ говоритъ не одинъ разъ (стр. 71, 285 и др.). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вѣритъ, что этотъ стихійный процессъ при посредствѣ исторически необходимаго капитализма самъ, безъ людской помощи или только съ помощью людей, идущихъ къ нему навстрѣчу, устроитъ все наилучшимъ образомъ въ мірѣ человѣческихъ отношеній. На этой ступени экономическій матеріализмъ превращается въ оптимистическій фатализмъ, который можетъ служить прямо оправданіемъ извѣстнаго рода общественнаго квіетизма. Но это есть уже не научное знаніе, а догматическая вѣра.

Г. Струве слишкомъ много разъ повторяетъ, что онъ не признаётъ „роли личности" въ исторіи, такъ что всѣ мѣста было бы трудно выписать (см. стр. 7, 11, 13, 24, 30, 32, 33, 34 и т. д.; между прочимъ, если будемъ перелистывать книгу съ конца, то найдемъ то же на стр. 285, 277 и пр.), да и

не за чѣмъ это дѣлать, ибо я разбираю экономическій матеріализмъ г. Струве, а не его безличный эволюціонизмъ, весьма сходный съ тѣмъ, который мною былъ подвергнутъ критикѣ въ книгѣ „Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи“. Возвратимся къ экономическому матеріализму. У г. Струве есть еще одно общее о немъ разсужденіе—не его собственное, а разсужденіе Энгельса, изъ котораго оказывается, что настанетъ время, когда личность будетъ играть роль въ исторіи, переставъ быть продуктомъ экономической среды, получивъ, напротивъ, власть надъ этою средою, и когда люди будутъ съ полнымъ сознаніемъ дѣлать свою исторію. Прежде нежели мы выпишемъ это мѣсто съ предисловіемъ къ нему г. Струве, мы замѣтимъ, что не нужно быть ни народникомъ, ни субъективнымъ идеалистомъ для признанія того, что съ самаго начала исторіи личность не была только продуктомъ экономической среды, что съ самаго начала личность до извѣстной степени дѣйствовала на эту среду, и что съ самаго же начала исторіи, наконецъ, человѣкъ вносилъ сознательность въ свою исторію. Съ другой стороны, признавая все это, мы не думаемъ, чтобы когда-либо наступило время, когда личность изъ ничего сдѣлалась бы всѣмъ, когда человѣкъ сталъ бы полнымъ господиномъ среды, а она—его безусловною рабою, когда изъ исторіи человѣчества исчезла бы всякая стихійность. Защитимъ поэтому сей самый экономическій матеріализмъ, которому въ будущемъ его сторонники грозятъ полнымъ разрушеніемъ. Беря подъ свою защиту историческій идеализмъ, поскольку экономическій матеріализмъ его стремится вытѣснить, мы, однако, будемъ безпристрастны и выступимъ защитниками настоящаго экономическаго матеріализма противъ крайняго субъективнаго идеализма, который проявляется въ слѣдующихъ словахъ г. Струве и цитируемаго имъ Энгельса.

Вотъ это мѣсто, которое выписывается съ страницъ 63—64 „Критическихъ замѣтокъ“. „Экономическій матеріализмъ открываетъ очень широкія перспективы человѣчеству. Но эти широкія перспективы вытекаютъ не изъ творческой дѣятельности личности, а являются необходимымъ результатомъ матеріальнаго процесса“. Это говоритъ г. Струве. Далѣе онъ цитируетъ Энгельса. „Общество завладѣваетъ средствами производства и такимъ образомъ устраняетъ товарное производство и господство продукта надъ производителемъ. Анархія

внутри общественнаго производства замѣняется планомѣрной сознательной организаціей. Борьба за индивидуальное существованіе прекращается. Только теперь человѣкъ окончательно выходитъ изъ предѣловъ животнаго царства. Его условія существованія изъ животныхъ становятся дѣйствительно человѣческими. Совокупность окружающихъ человѣка жизненныхъ условій, которая до сихъ поръ господствовала надъ людьми, становится теперь подъ господство и контроль людей, которые теперь впервые дѣлаются истинными господами своего собственнаго обобществленія. Законы ихъ собственной общественной дѣятельности, которые до сихъ поръ являлись для людей чуждыми, господствующими надъ ними законами природы, съ полнымъ знаніемъ прилагаются теперь людьми и подпадаютъ подъ ихъ господство. Собственное обобществленіе людей, которое являлось для нихъ до сихъ поръ чѣмъ-то навязаннымъ имъ природой и исторіей, становится теперь ихъ собственнымъ свободнымъ дѣяніемъ. Объективныя чуждыя силы, которыя до сихъ поръ господствовали надъ исторіей, подчиняются теперь контролю людей. Только съ этого момента люди будутъ съ полнымъ сознаніемъ сами дѣлать свою исторію, только съ этого момента приводимыя ими въ движеніе общественныя причины будутъ преимущественно и въ растущей мѣрѣ имѣть желательныя послѣдствія. Таковъ прыжокъ человѣка изъ царства необходимости въ царство свободы".

Чѣмъ это не идеализмъ? чѣмъ это даже не утопія? чѣмъ это не полное разрушеніе самого экономическаго матеріализма? Нельзя представлять себѣ исторію раздѣленною рѣзко на эпоху безусловнаго господства среды надъ личностью и эпоху столь же безусловной власти личности надъ средою. Между личностью и средою всегда было и всегда будетъ взаимодѣйствіе, и если въ будущемъ можно ожидать болѣе выгоднаго для личности отношенія ея къ средѣ, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы личность ушла изъ-подъ всякаго подчиненія средѣ, равно какъ нельзя думать, чтобы малѣйшая власть личности надъ средою могла возникнуть вдругъ. Поэтому мы защищаемъ противъ г. Струве самый экономическій матеріализмъ, признавая, что и въ будущемъ человѣкъ будетъ находиться подъ вліяніемъ матеріальной среды. Но въ то же время мы защищаемъ противъ г. Струве, (хотя на этотъ разъ уже по отношенію къ прошедшему и настоящему)

и противоположную точку зрѣнія, поскольку дѣйствіе человѣка на окружающую среду, съ цѣлью ея себѣ подчиненія, началось съ самаго начала человѣческой исторіи. Кромѣ того, г. Струве прямо ужъ, не соображаясь съ принципомъ эволюціи, черезчуръ рѣзко противополагаетъ состоянія необходимости и свободы въ исторіи человѣчества, какъ двѣ различныя эпохи. Свобода можетъ быть лишь результатомъ освобожденія, а процессъ освобожденія отъ исключительнаго вліянія внѣшней среды начался съ первыми шагами не только человѣческой исторіи, но и всей органической жизни на землѣ. Необходимость и свобода въ разныхъ пропорціяхъ всегда существовали и будутъ всегда существовать. Нельзя утверждать, что до такого-то момента исторіи господствуетъ одна необходимость, а съ такого-то момента начнетъ господствовать одна свобода. Если бы даже представить себѣ историческій процессъ такъ, чтобы исходнымъ пунктомъ его была одна необходимость, а конечнымъ результатомъ—одна свобода, то и въ этомъ случаѣ все протяженіе исторіи отъ исходнаго пункта до конечнаго результата мы должны были бы представлять себѣ какъ процессъ постепеннаго уменьшенія необходимости и постепеннаго же увеличенія свободы, какъ процессъ постепеннаго ослабленія господства внѣшней среды надъ личностью и постепеннаго же усиленія господства личности надъ средою. Только такъ и можно разсуждать съ дѣйствительно эволюціонной точки зрѣнія. Экономическій матеріализмъ прославляется его сторонниками, какъ ученіе глубоко эволюціонное. Между тѣмъ въ приведенныхъ словахъ говорится буквально о „прыжкѣ человѣчества изъ царства необходимости въ царство свободы“ [1]). Человѣчество, конечно, никогда такъ не прыгнетъ, тѣмъ болѣе, что самое-то представленіе о царствѣ свободы, не допускающей никакой необходимости, есть продуктъ самаго крайняго идеализма и спиритуализма. Если по поводу всего этого и можно говорить о прыжкѣ, то только о прыжкѣ, мысленно совершенномъ въ приведенныхъ словахъ изъ экономическаго матеріализма въ самый идеалистическій спиритуализмъ. Мало того, въ представленіи г. Струве о томъ, какъ совершится предполагаемый прыжокъ, есть несомнѣнное противорѣчіе съ дру-

[1]) Въ этомъ смыслѣ гораздо вѣрнѣе формула г. Николаева (см. выше, стр. 132), хотя мы и ея не раздѣляемъ.

гимъ его заявленіемъ. Вслѣдъ за приведенными имъ словами Энгельса, оканчивающимися заявленіемъ о прыжкѣ, г. Струве отъ себя прибавляетъ, что „личность во всемъ этомъ ни при чемъ". Наконецъ, въ строкахъ, предпосланныхъ выпискѣ изъ Энгельса, онъ говоритъ то же самое, подчеркивая, что „широкія перспективы", открываемыя экономическимъ матеріализмомъ, „явятся необходимымъ результатомъ матеріальнаго процесса". Наконецъ, мы видѣли, что г. Струве представляетъ себѣ этотъ матеріальный процессъ, какъ чисто стихійнымъ. Все это очень ясно, опредѣленно, хотя и недоказательно. Но на стр. 277 г. Струве говоритъ уже нѣчто иное и именно діаметрально противоположное заявленію о томъ, что прыжокъ совершится, такъ сказать, самъ собою, стихійно, безъ участія личности, въ силу простой необходимости, а не сознательной и планомѣрной дѣятельности личностей. Вотъ это мѣсто: „Развитіе товарнаго производства совершается стихійно, осуществляется индивидуальными усиліями отдѣльныхъ экономическихъ единицъ, вовсе и не думающихъ о конечномъ соціальномъ результатѣ своего поведенія. Обобществленіе же труда тоже подготовляется стихійнымъ процессомъ, но осуществиться оно можетъ только какъ *сознательный* актъ *планомѣрной* организаціи народнаго хозяйства". Какъ же это личность тутъ ни при чемъ? Вѣдь, не думаетъ же г. Струве о возможности существованія какой-либо сознательности и планомѣрности безъ вмѣшательства индивидуальныхъ единицъ, думающихъ о конечномъ соціальномъ результатѣ своего поведенія. Поэтому у г. Струве выходитъ такъ: стихійный, матеріальный экономическій процессъ исторіи доводитъ человѣчество до порога, за которымъ открываются широкія перспективы, но для того, чтобы человѣчество могло переступить черезъ этотъ порогъ, нужна сознательная и планомѣрная дѣятельность, т.-е. извѣстное участіе со стороны личности, той самой личности, за которой раньше не признавалось никакого значенія. Это уже настоящій deus ex machina, что и понятно при такомъ историческомъ міросозерцаніи, которое допускаетъ возможность прыжковъ. Г. Струве до такой степени не понимаетъ чудовищности подобнаго представленія съ эволюціонистической точки зрѣнія, что къ цитатѣ, заканчивающейся указаніемъ на прыжокъ, дѣлаетъ подстрочное примѣчаніе, въ которомъ свою антиэволюціонистическую цитату выдаетъ за образецъ эво-

люціонистическаго разсужденія. „Это мѣсто,—говоритъ онъ,—ясно показываетъ, что и та зависимость между явленіями соціальной жизни, которая составляетъ содержаніе доктрины экономическаго матеріализма, подлежитъ съ точки зрѣнія творцовъ теоріи общему закону міровой діалектики, т.-е. эволюціи" (стр. 64). Да, но дѣло въ томъ, что эволюція, какъ ее понимаетъ современная наука, есть нѣчто, совсѣмъ не похожее на ту діалектику, которая позволяла гегельянцамъ съ величайшею легкостью извлекать изъ любого понятія его отрицаніе. Въ томъ же подстрочномъ примѣчаніи сказано еще разъ: „настаиваемъ, личность тутъ ни при чемъ". Но мы опять спрашиваемъ, почему же на 277 стр. сказано, что личность была ни при чемъ только до того момента, когда обобществленіе труда потребовало сознательнаго акта, потребовало планомѣрной дѣятельности?

Въ предисловіи къ своему труду г. Струве заявляетъ, что, выступая противъ „стройнаго соціологическаго міровоззрѣнія, традиціонно господствующаго въ нашей прогрессивной литературѣ", онъ „нисколько не считалъ себя связаннымъ буквой и кодексомъ какой-нибудь доктрины". На той же страницѣ онъ „охотно признаетъ себя доктринеромъ", заявляя, что болѣе всего для него убѣдительны „чисто дедуктивные выводы изъ совершенно безспорныхъ, общечеловѣческимъ опытомъ установленныхъ посылокъ". Это весьма характерно для г. Струве. Безспорнымъ онъ называетъ то, что въ высшей степени, наоборотъ, спорно, и говоритъ, какъ объ установленномъ общечеловѣческимъ опытомъ, о томъ, что далеко не имѣетъ такого значенія. Это—чистѣйшій догматизмъ и, собственно говоря, г. Струве jurat in verba magistri, признавая, какъ мы видѣли, что хотя и нѣтъ у его доктрины чисто философскаго обоснованія, но она самая вѣрная. Это можетъ характеризовать лишь то настроеніе, при которомъ дѣлается понятною знаменитая фраза: credo, quia absurdum. У г. Струве мы находимъ одну формулу, въ которую, конечно, можно вѣрить, какъ вѣритъ сектантъ въ свой догматъ, но понять которую нельзя, потому что сама она представляетъ изъ себя тайну, для знанія совершенно непроницаемую. Экономическій матеріализмъ,—говоритъ г. Струве,—подчиняетъ идею факту, сознаніе и долженствованіе—бытію. Это именно та, въ сущности безсодержательная фраза, которая заключаетъ въ себѣ выводъ всѣхъ *идей* религіозныхъ, моральныхъ, филосософ

скихъ, эстетическихъ, научныхъ, юридическихъ, политическихъ и т. д. изъ соціально-экономическихъ фактовъ, дѣлающій идеи о должномъ непосредственнымъ продуктомъ существующей дѣйствительности. Мы еще увидимъ, какое своеобразное толкованіе даетъ этой зависимости идеаловъ отъ дѣйствительности г. Бельтовъ, утверждающій, что субъективисты строятъ свои идеалы совершенно произвольно, тогда какъ экономическій матеріализмъ основываетъ свои идеалы на дѣйствительности—но только не на прошедшей или настоящей дѣйствительности, а на дѣйствительности будущаго. Г. Струве еще не внесъ въ доктрину этого дополненія, въ сущности, конечно, устраняющаго формулу, которая утверждаетъ происхожденіе идей изъ факта и долженствованія изъ бытія. Тезисъ г. Струве мы прямо отказываемся критиковать, потому что совершенно не понимаемъ и не можемъ представить себѣ порожденія идей фактами, идеаловъ — дѣйствительностью, культуры — экономикой, и т. п. Это нѣчто выше разума. Тутъ или нужно вѣрить, не допытываясь, какъ это происходитъ, или слѣдуетъ отказать такому положенію въ возможности быть признаннымъ, если для вѣры ищешь вполнѣ понятныхъ основаній. Между тѣмъ эта туманная, неясная, слишкомъ неопредѣленная мысль проходитъ чрезъ всю книгу г. Струве, какъ истина совершенно безспорная, и онъ не считаетъ даже нужнымъ опредѣлить, что это значитъ, объяснить, какъ это происходитъ, и доказать, почему это такъ. Отсюда и чисто догматическое отношеніе автора къ Марксу и Энгельсу. Излагая ихъ теорію, онъ только повторяетъ то, что говорили они, и рѣшительно ничего не дѣлаетъ въ пользу этой теоріи ни въ смыслѣ аргументаціи, ни въ смыслѣ комментарія, ни въ смыслѣ хотя бы простой иллюстраціи, потому что нельзя же считать за разработку теоріи простое ея „реферированіе“.

Въ теоретическіе отдѣлы своей книги г. Струве вноситъ массу вещей, совсѣмъ постороннихъ экономическому матеріализму, т.-е. такія, которыя ничего не говорятъ ни за него, но и не противъ него,—черта, характеризующая, замѣтимъ мимоходомъ, и книгу г. Бельтова. Г. Струве очень охотно говоритъ о роли личности въ исторіи, напр., при каждомъ подходящемъ случаѣ, и цитируетъ философовъ, говорившихъ о предметахъ, которые авторъ искусственно притягиваетъ къ вопросу объ экономическомъ матеріализмѣ, но суть дѣла со-

ВЯ ВЯ ВЯ

вершенно тонетъ во всѣхъ этихъ ненужностяхъ. Изложеніе теоріи экономическаго матеріализма состоитъ изъ нѣсколькихъ выдержекъ, сдѣланныхъ изъ „Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft“ и „Der Ursprung der Familie“ etc. Энгельса, причемъ эти выдержки занимаютъ послѣднія строки страницы 46 и двѣ слѣдующія затѣмъ страницы,— всего менѣе двухъ съ половиною страницъ о самомъ капитальномъ пунктѣ! Затѣмъ г. Струве старается доказать, что Лоріа лишь въ фразеологіи, а не въ идеяхъ близокъ къ Марксу и Энгельсу (стр. 49—50), а далѣе одну страницу—(стр. 51), да и то не всю, онъ посвящаетъ простому указанію на то, что Энгельсъ опровергалъ Дюринга по вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ между политикой и экономикой, чтобы въ самомъ же началѣ новой страницы (51) опять заговорить о роли личности въ исторіи, съ которою не разстается и на слѣдующихъ страницахъ. Все это не только не можетъ быть названо „выясненіемъ основныхъ положеній историко-экономическаго матеріализма“ (стр. 70), но и познакомить-то толкомъ не можетъ съ этимъ ученіемъ.

Повторяю еще разъ, что въ книгѣ г. Струве я разбиралъ лишь его историко-философскую концепцію, оставляя въ сторонѣ его критику народничества, подраздѣленнаго имъ на фракціи славянофильства и западничества, его полемику съ писателями, признающими „роль личности“ (между прочимъ и со мною) и „не понимающими экономическаго матеріализма“, его представленія о мѣстѣ интеллигенціи въ обществѣ, равно какъ всѣ чисто-экономическія воззрѣнія г. Струве, въ частности же его мнѣнія объ экономическомъ развитіи Россіи, о русской общинѣ и даже о такихъ вещахъ, какъ ленъ и конопля. Если бы во всемъ томъ, что онъ говоритъ объ этихъ предметахъ, не исключая даже „непониманія экономическаго матеріализма въ русской литературѣ“ (гг. Михайловскимъ и В. В.), онъ былъ вполнѣ даже правъ, это ни малѣйшимъ образомъ не служило бы ни доказательствомъ правильности сведенія *всей* исторіи къ *одной* экономіи, ни иллюстраціей того, что отношенія между идеями и фактами вообще таковы, какими ихъ представляетъ г. Струве. Намъ довольно въ концѣ-концовъ признанія самого автора, — не могу отказать себѣ въ удовольствіи повторить его слова, — что „чисто философское обоснованіе этого ученія еще не дано“ (стр. 46). Что касается до приглашенія итти на вы-

учку къ капитализму, то оно, къ счастью для г. Струве, лишь по недоразумѣнію (т.-е. въ силу смѣшенія экономическаго матеріализма съ извѣстной формулой Маркса, касающейся исторической роли капитализма) „выводится" у него изъ ученія, еще не имѣющаго философскаго обоснованія, хотя и это еще не значитъ, что г. Струве тутъ непремѣнно правъ. Дѣло въ томъ, что упомянутая формула Маркса, дѣйствительно, имъ обоснована [1]), и весь споръ г. Струве съ его противниками долженъ рѣшаться не на почвѣ противоположности между экономическимъ матеріализмомъ и субъективнымъ идеализмомъ (обѣ концепціи одинаково односторонни), а на почвѣ вопроса о томъ, есть ли формула Маркса абсолютный законъ экономической эволюціи, дѣйствующій вездѣ и всегда, или это—лишь обобщеніе, выведенное изъ фактовъ западно-европейской исторіи, а потому можетъ ли она или не можетъ имѣть значеніе закона, по которому должна совершаться экономическая исторія Россіи. Это, во-первыхъ, вопросъ о томъ, существуютъ ли и въ какой мѣрѣ существуютъ общіе законы культурной и соціальной эволюціи, могутъ ли они быть открыты и какъ они открываются, а во-вторыхъ, вопросъ о сравнительномъ изученіи исторіи и современнаго положенія Россіи и Запада. Повторяю, что если бы г. Струве даже доказалъ съ очевидностью, не оставляющею ни малѣйшаго мѣста для сомнѣнія, что формула Маркса—общій законъ, что законъ этотъ во всей своей силѣ и полнотѣ долженъ проявиться и въ экономическомъ развитіи Россіи, что экономическія условія Россіи прямо толкаютъ ее на этотъ путь, все это было бы сдѣлано имъ помимо экономическаго матеріализма въ смыслѣ теоріи, объясняющей изъ одной экономіи— религію, философію, мораль, науку, поэзію, искусство, право, государство и т. п., да и самая правота г. Струве ничего не говорила бы въ пользу такой концепціи.

Въ предисловіи къ своей книгѣ г. Струве говоритъ, что „вполнѣ сознаетъ крупные матеріальные и формальные недостатки своей книги". Не знаю, къ какому разряду недостатковъ отнести крайній догматизмъ автора въ соединеніи съ полнымъ непониманіемъ того, гдѣ лежитъ центръ тяжести вопроса о двухъ разныхъ пониманіяхъ исторіи, двухъ пониманіяхъ, которыя, какъ было уже заявлено нами, мы счи-

[1]) См. выше, стр. 158 и слѣд.

таемъ одинаково односторонними. Этимъ, я думаю, опредѣляется дѣйствительное значеніе книги г. Струве въ литературѣ по экономическому матеріализму.

XII. Экономическій матеріализмъ въ „Монистическомъ взглядѣ на исторію" г. Бельтова.

Книга г. Н. Бельтова [1]) распадается на слѣдующія главы: „французскій матеріализмъ XVIII вѣка", „французскіе историки временъ реставраціи", „утописты", „идеалистическая нѣмецкая философія", „современный матеріализмъ", „заключеніе" и „приложеніе". Это, если хотите, цѣлая исторія генезиса того „монистическаго взгляда на исторію", который защищаетъ авторъ въ качествѣ экономическаго матеріалиста. Въ этой исторіи много любопытнаго и поучительнаго, но, на мой взглядъ, она плохо служитъ той цѣли, какую поставилъ себѣ авторъ. Г. Бельтову хочется прежде всего доказать, что экономическій матеріализмъ вовсе не „такъ узокъ и бѣденъ по содержанію, какъ это кажется" его критикамъ (стр. 1), а для этого г. Бельтовъ старается поставить экономическій матеріализмъ въ связь съ матеріализмомъ въ общефилософскомъ смыслѣ. Что связь между обоими существуетъ, это

[1]) *Н. Бельтовъ.* Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію. Отвѣтъ гг. Михайловскому, Карѣеву и комп. Спб. 1895. „Отвѣтъ" мнѣ вызванъ моей статьей объ экономическомъ матеріализмѣ въ „Вѣстн. Европы" за 1894 г. Авторъ говоритъ о моихъ взглядахъ на стр. 46, 48, 49, 136—137, 143, 145, 156, 160, 165, 168, 169, 170, 172, 173—175, 207, 216 и 221, но больше это непріятности лично по моему адресу, чѣмъ дѣйствительныя мнѣ возраженія. Занимаясь критикою теоріи, предъявляющей притязаніе на исключительную научность, увольняю себя отъ подражанія полемическимъ пріемамъ автора, въ которомъ желалъ бы, какъ и во всякомъ писателѣ, посвящающемъ себя философіи, наукѣ или публицистикѣ, видѣть человѣка, стремящагося только къ истинѣ, хотя бы, по моему мнѣнію, онъ и заблуждался.

само собою разумѣется: и одинъ есть матеріализмъ, и другой— матеріализмъ, но оба они суть матеріализмы далеко не въ одномъ и томъ же смыслѣ [1]). Гораздо любопытнѣе изложеніе г. Бельтовымъ историологическихъ воззрѣній французскихъ матеріалистовъ. Онъ указываетъ именно на противорѣчіе въ ихъ взглядахъ на исторію: съ одной стороны, они думали, что „человѣкъ со всѣми своими мнѣніями есть плодъ среды и преимущественно общественной среды", а съ другой, говорили, что „среда со всѣми своими свойствами есть плодъ мнѣній" (стр. 6). Да, такъ, дѣйствительно, учили французскіе матеріалисты XVIII в., но изъ того, что такъ учили матеріалисты, отнюдь еще не слѣдуетъ, что это ихъ ученіе было матеріалистическимъ: они говорили преимущественно объ общественной средѣ, а не о средѣ физической, и о мнѣніяхъ людей, а не о тѣлесныхъ ихъ потребностяхъ. Это разъ, а во-вторыхъ, самъ г. Бельтовъ заявляетъ, что „разъ вы найдете правильную точку зрѣнія, противорѣчіе исчезнетъ" (стр. 9), и я съ этимъ соглашаюсь, ибо такая правильная точка зрѣнія существуетъ: по моему мнѣнію, которое я уже съ особою подробностью развивалъ въ книгѣ „Сущность историческаго процесса", это — идея взаимодѣйствія личности и культурно-соціальной среды. Г. Бельтовъ самъ приходитъ къ идеѣ взаимодѣйствія (стр. 10), но высказываетъ ту мысль, что, къ сожалѣнію, „эта точка зрѣнія не даетъ никакихъ указаній на счетъ происхожденія взаимодѣйствующихъ силъ" (стр. 11). Разсуждая, однако, на эту тему, онъ незамѣтно подмѣнилъ понятіе среды понятіемъ государственнаго устройства, а понятіе мнѣній—понятіемъ нравовъ (стр. 9, 10, 11), что далеко не одно и то же. Хотя уже Гельвецій дѣлалъ „попытку объяснить общественное и умственное развитіе человѣчества матеріальными нуждами" (стр. 12), но задачу „открыть факторъ, который опредѣляетъ собою и развитіе общественной среды, и развитіе мнѣній" долженъ былъ выполнить лишь XIX вѣкъ (стр. 11). Такъ говоритъ г. Бельтовъ, находя, что эта „интересная" попытка „до сихъ поръ не оцѣнена была по достоинству" (стр. 12), хотя самъ же лишь мимоходомъ о ней упоминаетъ и ничего о ней болѣе

[1]) См. выше, стр. 68 и слѣд. Той стороны вопроса, о коей идетъ рѣчь у насъ на указанной страницѣ, г. Бельтовъ касается только мимоходомъ, напр., на стр. 63.

не говоритъ, дабы читатель дѣйствительно могъ ее оцѣнить по достоинству, такимъ образомъ заставляя вѣрить себѣ на слово, что такая „попытка“ была сдѣлана и что она заслуживаетъ вниманія.

Подмѣнивъ общественную среду государственнымъ устройствомъ, которое есть лишь одна сторона этой среды, и замѣнивъ мнѣнія нравами, т.-е. одну сторону духовной культуры (идеи) другою (извѣстными привычками), или при другомъ пониманіи дѣла внутреннія побужденія къ дѣятельности извѣстнаго рода проявленіемъ культурной среды, г. Бельтовъ спрашиваетъ себя, какъ понимали взаимодѣйствіе между нравами народа и его государственнымъ устройствомъ французскіе историки временъ реставраціи. По его словамъ, они— именно Ог. Тьерри, Гизо и Минье — отвѣтили бы въ томъ смыслѣ, что и государственное устройство, и нравы „обязаны своимъ существованіемъ третьему, глубже лежащему фактору: гражданскому быту людей, ихъ имущественнымъ отношеніямъ“ (стр. 20). Французскіе историки эпохи реставраціи, отражавшіе на себѣ классовую борьбу аристократіи и буржуазіи, которая характеризовала это время [1]), дѣйствительно обратили вниманіе на исторію имущественныхъ отношеній, но, во-первыхъ, самъ же авторъ „Монистическаго взгляда“ находитъ, что эти историки „въ высшей степени неудовлетворительно“ „объясняли себѣ происхожденіе имущественныхъ отношеній“, а во-вторыхъ, г. Бельтовъ ошибается, заявляя, будто „внимательное изученіе этихъ отношеній одно только могло, по ихъ (историковъ) мнѣнію, дать ключъ къ пониманію историческихъ событій“ (стр. 21). Это говорится о Гизо, признававшемъ такую важную роль за индивидуальнымъ развитіемъ! Это говорится объ Ог. Тьерри съ его теоріей расъ, играющей такую роль въ объясненіи событій! Но если бы эти историки и вполнѣ для г. Бельтова вѣрно понимали происхожденіе имущественныхъ отношеній, развѣ въ государственномъ устройствѣ, въ нравахъ заключается вся исторія? Замѣчу притомъ, что на дѣлѣ ни Гизо, ни Ог. Тьерри не объясняли даже всего въ государственномъ устройствѣ и въ нравахъ одними имущественными отношеніями.

Такъ какъ французскіе историки временъ реставраціи не разъяснили, по мнѣнію г. Бельтова, вопроса, то, думаетъ онъ,

[1]) См. мою „Ист. зап. Европы, т. IV, стр. 289—290.

имъ оставалось одно средство выпутаться изъ затрудненія, сославшись на „человѣческую природу“.

„Взглядъ на человѣческую природу,—говоритъ онъ,—какъ на высшую инстанцію, въ которой рѣшаются всѣ казусныя дѣла изъ области права, морали, политики, экономіи, былъ цѣликомъ унаслѣдованъ писателями XIX вѣка отъ просвѣтителей прошлаго столѣтія“ (стр. 26). Г. Бельтовъ критикуетъ то, какъ смотрѣли въ XVIII в. на человѣческую природу, и на это онъ имѣетъ полное право, каковое и дается ему невѣрностью взглядовъ на человѣческую природу, высказывавшихся просвѣтителями, но изъ этого не слѣдуетъ, будто въ качествѣ „верховнаго мѣрила (?) человѣческая природа должна считаться разъ навсегда данной неизмѣнною“ (стр. 28). Человѣческую природу изучаетъ психологія, которая нынѣ стоитъ на эволюціонной точкѣ зрѣнія, и какъ бы ни была подвержена измѣненіямъ въ процессѣ своего развитія эта человѣческая природа, безъ понятія о ней вѣдь никакъ не обойдешься въ вопросахъ изъ области „права, морали, политики, экономіи“, да и въ другихъ областяхъ, коими занимается исторія (происхожденіе и развитіе религіи, философіи, поэзіи, искусства, науки и т. д.). Защищая отъ г. Бельтова право „человѣческой природы“ существовать въ смыслѣ научнаго термина, подъ которымъ разумѣется, конечно, совокупность всѣхъ явленій человѣческой жизни, изслѣдуемыхъ наукой, мы должны, однако, отмѣтить, что, нападая на это понятіе, совершенно законное въ наукѣ, онъ въ сущности приводитъ примѣры ненаучнаго пониманія человѣческой природы у утопическихъ соціалистовъ, придумывавшихъ совершенное законодательство при помощи этого верховнаго мѣрила (стр. 31).

Нами было уже въ своемъ мѣстѣ указано на то, что источниками экономическаго матеріализма Маркса были французскій соціализмъ и нѣмецкая идеалистическая философія. Тѣмъ съ бо̀льшимъ интересомъ должны мы были читать главу въ книгѣ г. Бельтова, посвященную исторіологическимъ взглядамъ „утопистовъ“. Къ сожалѣнію, о нихъ говорится въ этой главѣ очень мало, кромѣ Сенъ-Симона и Анфантена, что, впрочемъ, и понятно, но гораздо больше авторъ полемизируетъ съ разными русскими своими противниками по вопросамъ, не имѣющимъ прямого отношенія ни къ утопистамъ, ни къ экономическому матеріализму. Новаго о Сенъ-Симонѣ, онъ, однако, тутъ ничего не сказалъ, кромѣ того, что и этотъ

мыслитель не съумѣлъ выпутаться изъ заколдованнаго круга взаимодѣйствія (стр. 36). Уже прежде указывалось на важное значеніе Сенъ-Симона въ исторіи соціологіи и на его чисто экономическое (вѣрнѣе индустріальное) пониманіе общества [1]), и въ послѣднемъ смыслѣ онъ можетъ фигурировать въ исторіи генезиса экономическаго матеріализма, но вѣдь тотъ же Сенъ-Симонъ признавалъ „развитіе знаній за очевидный факторъ историческаго движенія“ и даже, какъ выражается самъ г. Бельтовъ, „доводилъ идеалистическій взглядъ на исторію до послѣдней крайности“ (стр. 35), чего мы, признаться, въ этомъ не видимъ, пользуясь тутъ случаемъ отмѣтить одно: значитъ, Сенъ-Симонъ не былъ одностороннимъ „матеріалистомъ“. Наконецъ, то, что г. Бельтовъ говоритъ объ Анфантенѣ (стр. 41—43), имѣетъ интересъ для политической экономіи, но лишено всякаго значенія для рѣшенія вопроса о генезисѣ экономическаго матеріализма. Мы думаемъ, что, изучая генезисъ послѣдняго, авторъ сдѣлалъ непростительную ошибку, оставивъ безъ разсмотрѣнія историка-соціалиста Луи Блана, который выступилъ много раньше Маркса и въ воззрѣніяхъ котораго мы видимъ, съ одной стороны дальнѣйшее развитіе взгляда Ог. Тьерри и Гизо на классовую борьбу въ исторіи, а съ другой, и дальнѣйшее развитіе соціалистической идеи Сенъ-Симона [2]).

Другой источникъ экономическаго матеріализма, это—нѣмецкая идеалистическая философія XIX в. Такъ на дѣло смотритъ и г. Бельтовъ въ главѣ, посвященной этой философіи. Авторъ совершенно вѣрно (но это не ново, потому что относится къ числу общепризнанныхъ истинъ) находитъ, что французскій матеріализмъ XVIII в. всегда обнаруживалъ поразительную слабость, когда ему приходилось сталкиваться съ вопросами развитія въ природѣ или въ исторіи (стр. 68). Матеріализмъ былъ даже неспособенъ выработать идею развитія, и вотъ ею овладѣла идеалистическая философія. Все это прекрасно, но дѣло въ томъ, что г. Бельтовъ, мало знакомый со многими фактами въ исторіи наукъ, довольно невѣрно представилъ дѣло, отождествивъ всю исторію идеи развитія съ гегельянствомъ, въ которое онъ притомъ вноситъ нѣчто, чего въ немъ не было. Именно онъ говоритъ, что Ге-

[1]) Ср. выше, стр. 73 и „Ист. зап. Евр.“ , т. IV, стр. 642.

[2]) Ср. выше, стр. 79 (прим.).

гель „называлъ“ метафизическими матеріалистическія и идеалистическія точки зрѣнія, не умѣвшія объяснить или понять развитіе, въ отличіе отъ чего и создалъ свою діалектику (стр. 71). Во-первыхъ, Гегель не противополагалъ метафизики діалектикѣ, да и не могъ этого сдѣлать, ибо понятіе метафизики относится къ *задачѣ* или предмету философіи, а понятіе діалектики—къ понятію ея *метода*. Во-вторыхъ, такъ противопоставили одно другому тѣ литературные источники, откуда г. Бельтовъ черпалъ свои свѣдѣнія о гегельянствѣ: Гегель самъ такъ не-эволюціонныхъ (употребляя современный терминъ) философовъ не называлъ. Кромѣ того, г. Бельтовъ не знаетъ, что раньше метафизическаго (смѣло употребляемъ это слово), діалектическаго, чисто логическаго, абстрактнаго ученія Гегеля о развитіи, идея развитія въ примѣненіи къ человѣческому обществу и притомъ въ натуралистическомъ, органическомъ, реальномъ пониманіи уже высказывалась въ литературѣ де-Местромъ по отношенію къ обществу вообще и въ частности къ государственнымъ формамъ, Савиньи по отношенію къ праву, В. фонъ-Гумбольдтомъ по отношенію къ языку и т. п. [1]). Современный научный эволюціонизмъ стоитъ гораздо ближе къ органическому пониманію развитія у названныхъ писателей, чѣмъ къ діалектическому пониманію Гегеля, хотя, напр., лично въ нѣкорыхъ отношеніяхъ я и отдаю предпочтеніе Гегелю [2]). Мы не станемъ разсматривать вопросъ, вѣрно ли г. Бельтовъ понялъ гегелевскую „тріаду“, ибо къ экономическому матеріализму это не относится: „тріада“, это—форма процесса, содержаніе котораго можетъ быть совершенно различнымъ, и если бы г. Бельтовъ былъ абсолютно даже правъ въ вопросѣ о „тріадѣ“, а нападавшіе на него критики неправы, это ничего не говорило бы ни въ пользу, ни противъ экономическаго матеріализма, опредѣляющаго не форму, а содержаніе процесса, и свидѣтельствовало бы только, что кто-нибудь болѣе вѣрно или менѣе вѣрно, совсѣмъ вѣрно или вовсе невѣрно понимаетъ „тріаду“, хорошо или плохо знаетъ Гегеля. Къ экономическому матеріализму отно-

[1]) См. въ моей книгѣ Сущность историческаго процесса, стр. 399—409.

[2]) Органическая эволюція не допускаетъ идеи кризисовъ или, какъ выражается г. Бельтовъ, скачковъ (стр. 75), тогда какъ Гегель считаетъ возможнымъ перерывъ постепеннаго (ein Abbrechen des Allmählichen).

сится только вопросъ о томъ, что же гегельянство дало Марксу, а дало ему оно именно не содержаніе, но форму, какъ то признаютъ совершенно вѣрно писатели, касавшіеся этого вопроса [1]). Гегельянство было по содержанію идеалистично, и Марксъ совершенно изгналъ изъ всего того, что воспринялъ отъ Гегеля, всякій идеализмъ, давъ своей теоріи содержаніе матеріалистическое (въ экономическомъ смыслѣ), замѣнивъ логику экономикой, но сохранивъ діалектическую (логическую) формулу развитія, какъ перехода явленія въ свою собственную противоположность. Но эту формулу онъ примѣнилъ въ исторіи не ко всѣмъ ея сторонамъ, которыя и не пытался всѣ объяснить экономически, а къ процессу развитія формъ производства: феодальный строй переходитъ въ свою противоположность, строй капиталистическій, а послѣдній долженъ тоже перейти въ свою противоположность. Но на самую основную концепцію экономическаго матеріализма эта формула не оказала ни малѣйшаго вліянія: у исторіи остается на вѣчныя времена одна неподвижная и неизмѣнная основа— экономическія отношенія. Если бы Марксъ тутъ былъ тоже діалектикомъ, а не метафизикомъ, употребляя это слово въ несвойственномъ ему значеніи, придаваемомъ ему г. Бельтовымъ, то эта основа должна была бы тоже переходить въ свою противоположность, пока послѣдняя сама также не перешла бы и въ свою противоположность. Г. Бельтовъ написалъ объ идеалистической философіи слишкомъ много для своей цѣли, т.-е. написалъ много лишняго, не имѣющаго прямого отношенія къ вопросу, — это характеризуетъ, впрочемъ, всю книгу, — и въ этомъ лишнемъ, конечно, много вѣрнаго, потому что повторяются общеизвѣстныя истины, но кое-что принадлежитъ самому автору и могло бы быть предметомъ спора, отъ котораго, однако, теорія экономическаго матеріализма ничего не выигрывала бы, если бы г. Бельтовъ былъ правъ, но и ничего не проигрывала бы, если бы его мнѣнія оказались ошибочными. Тутъ есть и о томъ, что діалектическое мышленіе исключаетъ всякія утопіи (стр. 100), что каждая философія истинна для своего времени и ошибочна для другого (стр. 102), и разсмотрѣніе вопроса объ отношеніи необходимости къ свободѣ (стр. 102 и слѣд.), и доказательство того, что идеализмъ приводитъ къ фатализму (стр.

[1]) См. выше, стр. 71, 85.

106 и слѣд.), и т. д. Идеалисты-діалектики тоже, говоритъ г. Бельтовъ, какъ и матеріалисты прошлаго вѣка, и соціалисты-утописты, не дали отвѣта на вопросъ, исторія коего его интересуетъ (стр. 110), и онъ объясняетъ, почему не дали, ссылаясь на то, что идеализмъ и не могъ этого сдѣлать.

Всѣ 116 страницъ книги, которыя предшествуютъ главѣ, посвященной уже прямо Марксу, ничего новаго для исторіи генезиса экономическаго матеріализма не даютъ. Г. Бельтовъ находитъ, что другіе излагали эту исторію „съ грѣхомъ пополамъ", но о немъ самомъ можно сказать, что девять десятыхъ его собственнаго изложенія грѣшатъ тѣмъ, что не имѣютъ отношенія къ предмету, даже если исключить полемику по всякимъ поводамъ съ писателями, коихъ онъ считаетъ „противниками марксизма".

Указавъ на зарожденіе новаго матеріализма, г. Бельтовъ подчеркиваетъ, что этотъ новый матеріализмъ не могъ быть простымъ повтореніемъ стараго. „Матеріализмъ воскресъ, обогащенный всѣми пріобрѣтеніями идеализма. Важнѣйшимъ изъ этихъ пріобрѣтеній былъ діалектическій методъ, разсмотрѣніе явленій въ ихъ развитіи, въ ихъ возникновеніи и уничтоженіи" (стр. 117). Г. Бельтовъ разсказываетъ потомъ, какъ Фейербахъ и братья Бауеры подняли знамя возстанія противъ идеализма, но Бауеры были „насквозь пропитаны очень поверхностнымъ, одностороннимъ, эклектическимъ идеализмомъ" (стр. 117 и слѣд.), „безпощаднымъ врагомъ и обличителемъ" коего и явился Марксъ (стр. 121). Возраженіе Маркса, излагаемое г. Бельтовымъ на стр. 121—122, направлено противъ преувеличеннаго пониманія роли критически мыслящей личности, противополагаемой массѣ, и даже играющей роль чуть не живого воплощенія гегелевскаго Weltgeist'а. Г. Бельтовъ при этомъ изображаетъ дѣло такъ, будто „русскіе субъективные соціологи" точь-въ-точь говорили то же, что критиковалъ Марксъ у лѣвыхъ гегельянцевъ (стр. 123).

Марксъ, коротко говоря, свелъ историческій процессъ къ экономіи. „Но отчего зависитъ экономія даннаго общества? Ни французскіе историки—говоритъ г. Бельтовъ,—ни соціалисты-утописты, ни Гегель не могли отвѣтить на это сколько-нибудь удовлетворительно. Они прямо или косвенно все ссылались на человѣческую природу. Великая научная заслуга Маркса заключается въ томъ, что онъ подошелъ къ вопросу съ діаметрально противоположной стороны, что онъ на самую

природу человѣка взглянулъ, какъ на вѣчно измѣняющійся результатъ историческаго движенія, причина котораго лежитъ внѣ человѣка: чтобы существовать, человѣкъ долженъ поддерживать свой организмъ, заимствуя необходимыя для него вещества изъ окружающей его внѣшней природы. Это заимствованіе предполагаетъ извѣстное дѣйствіе человѣка на эту внѣшнюю природу. Но дѣйствуя на природу внѣ его, человѣкъ измѣняетъ свою собственную природу. Въ этихъ немногихъ словахъ,—заявляетъ г. Бельтовъ,—содержится сущность всей исторической теоріи Маркса, хотя,—прибавляетъ онъ,—взятыя сами по себѣ, они не даютъ о ней надлежащаго понятія, они нуждаются въ поясненіяхъ“ (стр. 125—126). На эти поясненія мы имѣемъ право смотрѣть, какъ на развитіе самимъ авторомъ первоначальной идеи Маркса, ибо онъ тутъ ссылается уже на такихъ ученыхъ и на такія ученія, которыя хронологически относятся къ болѣе позднему времени, чѣмъ возникновеніе экономическаго матеріализма. Прежде нежели мы разсмотримъ „поясненія“ г. Бельтова, остановимся на разборѣ только-что приведеннаго нами мѣста, которое яко бы „содержитъ сущность всей исторической теоріи Маркса“.

Марксъ, какъ извѣстно, подошелъ къ вопросу о томъ, отчего зависитъ экономія даннаго общества, не со стороны („діаметрально противоположной“) внѣшней природы. Во-первыхъ, значитъ, Марксъ обратился къ внѣшней природѣ не для объясненія всей исторіи, а только ея экономическихъ отношеній, и если бы даже экономическія отношенія и можно было объяснить исключительно изъ внѣшней природы безъ „діаметрально-противоположнаго“ понятія человѣческой природы, то этимъ еще не доказывалась бы правильность экономическаго матеріализма, ибо сведеніе самой-то исторіи на одну экономію остается недоказаннымъ, т.-е. именно Марксъ нигдѣ не доказывалъ, что „причина историческаго движенія лежитъ внѣ человѣка“. Во-вторыхъ, несомнѣнно, что экономія даннаго общества обусловлена внѣшнею средою, но вопросъ еще, одною ли средою эта экономія бываетъ обусловлена, т.-е. не играютъ ли роли, въ данномъ случаѣ, расовыя особенности племени, бо́льшая или меньшая выносливость его въ трудѣ, бо̀льшая или меньшая плодовитость и т. п., а также и чисто соціальныя явленія психологическаго происхожденія? Въ-третьихъ, отношенія человѣка къ природѣ болѣе сложны, нежели заимствованіе у нея человѣкомъ необходимыхъ для под-

держанія организма веществъ: кромѣ утилитарно экономическаго отношенія къ природѣ, у человѣка есть къ ней еще отношенія эмоціональнаго и теоретическаго характера, порождающія миѳологію, религію, поэзію, искусство, философію, науку. Въ-четвертыхъ, признавая человѣческую природу продуктомъ исторіи, исторію—продуктомъ экономіи, экономію—продуктомъ внѣшней природы, т.-е. заставляя природу дѣйствовать на человѣка, г. Бельтовъ допускаетъ, что и человѣкъ дѣйствуетъ на природу, т.-е. онъ признаетъ между ними взаимодѣйствіе, но вѣдь въ исторіи происходитъ взаимодѣйствіе человѣка не только съ природою, т.-е. не съ одною матеріальною средою, но и со средою общественною, которая есть не только экономическая. Если человѣческая природа измѣняется (если, напр., происходитъ развитіе человѣческой личности), то происходитъ это не потому, что человѣкъ, дѣйствуя на внѣшнюю природу, измѣняетъ свою собственную, а потому, что онъ дѣйствуетъ на среду культурно-соціальную, которая и опредѣляетъ собою „человѣческую природу" въ каждомъ данномъ обществѣ. Съ другой стороны, если личность можетъ дѣйствовать на природу, то почему она не можетъ дѣйствовать на общественную среду, предполагая даже, что послѣдняя есть порожденіе только внѣшней природы? Въ-пятыхъ, человѣкъ стоитъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ не только къ внѣшней природѣ, но и къ другимъ людямъ. Эти отношенія могутъ быть разныхъ родовъ, но всѣ они предполагаютъ психическое взаимодѣйствіе между людьми, а это психическое взаимодѣйствіе возникаетъ лишь на почвѣ извѣстныхъ сторонъ человѣческой природы, т.-е. изъ внѣшней среды уже никоимъ образомъ этого взаимодѣйствія не выведешь. Выходитъ, что одной внѣшней природы мало для объясненія самой экономіи, если бы послѣдняя даже и была основою всей исторіи.

Г. Бельтовъ такъ же постоянно вооружается противъ „человѣческой природы", какъ г. Струве—противъ „личности", но самъ же свои собственныя „поясненія" теоріи онъ начинаетъ съ „отличительной черты человѣка", состоящей въ „употребленіи и дѣланіи орудій", т.-е. въ сущности съ той же человѣческой природы, хотя, конечно, эта „природа" однимъ этимъ не ограничивается, ибо „отличительными чертами человѣка" являются еще членораздѣльный языкъ, позволяющій людямъ вступать въ такое психическое взаимодѣй-

ствіе, какое животнымъ недоступно, а рядомъ съ языкомъ еще та ступень психическаго развитія, которая позволяетъ людскимъ обществамъ интегрироваться до безконечности, тогда какъ животныя общежитія не идутъ далѣе муравейника, роя пчелъ, стаи птицъ, стада обезьянъ и т. п. Притомъ вѣдь на почвѣ языка и общихъ вѣрованій интеграція племенъ предшествуетъ интеграціи на почвѣ общихъ экономическихъ интересовъ. Правда и г. Бельтовъ признаетъ общественность человѣка (стр. 127) и даже ставитъ въ зависимость отъ этой общественности его способность дѣлать орудія (стр. 128), но онъ не хочетъ обратить вниманія на то, что общественность предполагаетъ способность къ психическому взаимодѣйствію, а у человѣка и обладаніе членораздѣльною рѣчью. Онъ даже, наоборотъ, старается доказать неосновательность мнѣнія, по которому „усилія ума—причина, развитіе производительныхъ силъ—слѣдствіе“ (стр. 129). Что же тутъ неосновательнаго? Производительныя силы зависятъ отъ орудій, орудія—отъ изобрѣтательности, а если изобрѣтательность предполагаетъ тоже уже существованіе извѣстныхъ орудій, которыя въ свою очередь могутъ существовать лишь подъ условіемъ извѣстнаго развитія производительныхъ силъ, то вѣдь въ процессѣ общественнаго развитія мы сплошь и рядомъ встрѣчаемся съ тѣмъ, что признаётся самимъ г. Бельтовымъ, указывающимъ, какъ въ этомъ процессѣ, „причина и слѣдствіе постоянно мѣняются мѣстами“ (стр. 130). Я могъ бы привести и другія выдержки изъ книги г. Бельтова въ томъ же самомъ смыслѣ, напр., такую: „въ общественной жизни, какъ и всюду, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ процессомъ, а не съ отдѣльнымъ явленіемъ, слѣдствіе, въ свою очередь, становится причиной, а причина оказывается слѣдствіемъ“ (стр. 50). Замѣчу, что тутъ же сейчасъ это и названо у него взаимодѣйствіемъ. Наша точка зрѣнія и есть точка зрѣнія взаимодѣйствія, причемъ въ процессѣ то *А* есть причина *B*, то *B* есть причина *А* (дѣйствіе среды на личность и дѣйствіе личности на среду, напр.), вслѣдствіе чего мы и не можемъ признать, чтобы *А* было безусловною причиною *B*, а потому единственною основою всего процесса, равно какъ не можемъ признать такой первопричиной и первоосновой *B*. Экономическій матеріализмъ грѣшитъ именно тѣмъ, что изъ двухъ взаимодѣйствующихъ факторовъ признаётъ одинъ безусловной причиной и единственной основой, тогда

какъ мы выдвигаемъ значеніе и другого фактора, но не для того, чтобы поставить его на такое же мѣсто перваго и основного принципа, а для того, чтобы каждому воздать должное. Почему-то г. Бельтовъ говоритъ, что идею взаимодѣйствія было бы „ошибочно" (130) прилагать къ понятіямъ усилій ума и развитія производительныхъ силъ, но что бы онъ тамъ ни говорилъ о значеніи особенныхъ свойствъ географической среды (стр. 132) и какъ бы ни отрицалъ значеніе различныхъ свойствъ человѣческихъ расъ (стр. 133),—будь онъ въ этомъ даже совершенно правъ, чего мы, однако, не думаемъ,—это не устраняетъ взаимодѣйствія между усиліями ума (т.-е. личностью) и развитіемъ производительныхъ силъ (совершающимся въ общественной средѣ), каковое взаимодѣйствіе не даетъ права тотъ или другой факторъ (т.-е. психическій или экономическій) признать за основу всего процесса. Впрочемъ, хорошо еще, что г. Бельтовъ все-таки признаётъ еще усилія ума, которымъ г. Струве отказываетъ во всякомъ значеніи, вѣря въ одну только стихійность экономическаго процесса, призывая усилія ума на помощь лишь для совершенія „прыжка" изъ царства необходимости въ царство свободы, въ которомъ уже будутъ царствовать одни только эти самыя усилія ума [1]). Шутки въ сторону, однако. Конечно, г. Бельтовъ болѣе философъ, чѣмъ г. Струве, но онъ, къ сожалѣнію, постоянно, самъ того, повидимому, не замѣчая, хотя и очень неискусно для посторонняго глаза, подмѣняетъ одни понятія другими. Пусть онъ будетъ правъ и пусть усилія ума въ развитіи производительныхъ силъ не играютъ самостоятельной роли (чего мы не признаемъ, однако), но вѣдь усилія ума направляются на многія другія стороны личнаго и общественнаго существованія, участвуя и въ развитіи духовной культуры, т.-е. хотя бы, напр., философіи или науки, поэзіи или художества. И тутъ вѣдь тоже происходитъ взаимодѣйствіе, т.-е. усилія ума создаютъ и поддерживаютъ умственное богатство, а умственное богатство порождаетъ и направляетъ усилія ума. Если мы даже совсѣмъ уступимъ развитіе производительныхъ силъ внѣшней среды, то ужъ, по крайней мѣрѣ, предоставимъ человѣческой природѣ развитіе духовной культуры, (не отрицая, впрочемъ, вліянія внѣшней среды и въ данномъ случаѣ). Пусть бу-

[1]) См. выше, стр. 200 и слѣд.

детъ даже невѣрна (она и невѣрна по своей односторонности) формула, которую критикуетъ г. Бельтовъ, что „умъ-де есть главный двигатель историческаго прогресса“, что „міромъ-де правятъ мнѣнія, т.-е. правитъ человѣческій разумъ“ (стр. 129). Но мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы умъ совсѣмъ не былъ никакимъ двигателемъ прогресса, чтобы мнѣнія (притомъ всякія мнѣнія, иногда самыя неразумныя) совсѣмъ-таки не играли никакой роли въ исторіи. Къ счастью, г. Бельтовъ такъ далеко не идетъ. „Излагаемое нами ученіе,— говоритъ онъ,—вовсе не упускаетъ изъ виду роли разума, оно только старается объяснить, почему разумъ въ каждое время дѣйствовалъ такъ, а не иначе; оно не пренебрегаетъ успѣхами разума, оно только старается найти для нихъ достаточную причину“ (стр. 136).

Почему разумъ въ каждое данное время дѣйствовалъ такъ, а не иначе? Но проявленія разума, какъ и всякія вообще явленія, подчинены своимъ законамъ, и эти законы суть законы психологіи и логики, законы духовнаго развитія. Экономическій матеріализмъ этого-то знать какъ будто и не хочетъ. Г. Струве выводитъ идеи не изъ идей, а изъ фактовъ [1]): для того, какъ рождаются идеи изъ идей, есть свои законы, и есть законы порожденія фактовъ фактами, но экономическому матеріализму предстоитъ еще доказать теорему г. Струве. Къ счастью, г. Бельтовъ открылъ путь для вывода идей, существующихъ въ настоящее время, изъ фактовъ, которые только еще будутъ существовать, но это еще не доказательство тезиса г. Струве, а лишь его начало (commencement de preuve). Но пока мы будемъ думать, что культурное развитіе имѣетъ въ историческомъ процессѣ такое же значеніе, какъ и экономическое, т.-е., что исторія идей и исторія формъ производства имѣютъ каждая свои законы. На извѣстной ступени культурнаго развитія личности или цѣлаго народа являются, положимъ, идеи свободы совѣсти, свободы мысли, свободы слова и т. п.,—идеи, которыя начинаютъ опредѣлять собою поведеніе личности или народа. Тотъ или другой видъ свободы становится культурною необходимостью, которая при благопріятныхъ же культурныхъ или политическихъ условіяхъ и осуществляется. Неужели кто-либо, вопреки очевидности, сталъ бы утверждать, что „любой изъ видовъ свободы

[1]) См. выше, стр. 203—204.

является только тамъ, гдѣ онъ становится экономическою необходимостью"? Какъ можетъ экономическая необходимость породить, напр., идею свободы совѣсти? А между тѣмъ слова, поставленныя въ ковычки, принадлежатъ г. Бельтову (стр. 136).

Эти свои „поясненія" г. Бельтовъ дополняетъ соображеніями, заимствованными у Энгельса о роли первобытныхъ отношеній между полами. Обращеніе Энгельса къ этому фактору я назвалъ существеннымъ измѣненіемъ ученія [1]), ибо если тутъ и былъ введенъ все-таки „матеріалистическій" (біологическій, замѣтимъ притомъ, а не соціологическій) факторъ, то, благодаря ему, матеріализмъ Энгельса пересталъ быть исключительно экономическимъ. Мы видѣли еще, что г. Николаевъ,—если грубо выразить его мысль,—дѣлитъ всю исторію человѣчества на три эпохи, смотря потому, занимается ли оно „производствомъ" дѣтей, продуктовъ или идей [2]). Г. Бельтовъ тоже указываетъ, что было время, когда половыя отношенія опредѣлялись условіями, которыя не стояли ни въ какомъ отношеніи къ орудіямъ труда. Итакъ, семья [3]), по крайней мѣрѣ, имѣетъ не экономическое происхожденіе; но вовсе не нужно быть экономическимъ матеріалистомъ, чтобы признавать, что „семейныя отношенія нашихъ предковъ измѣнялись въ связи съ развитіемъ ихъ производительныхъ силъ", что „семья развивалась въ зависимости отъ экономическихъ отношеній", на что особенно напираетъ г. Бельтовъ (139). Но нужно быть именно экономическимъ матеріалистомъ, чтобы не признавать вліянія на семью не одного только развитія производительныхъ силъ, но и развитія религіи, морали, права и т. п. Между тѣмъ г. Бельтовъ объ этомъ молчитъ даже послѣ заявленія, что въ исторіи „первобытной семьи придется считаться не съ одной только экономіей". Да, вообще не съ одною экономіей, но и не съ одною зоологіей, какъ это дѣлаетъ г. Бельтовъ. Разъ, однако, Энгельсъ—и по мнѣнію г. Бельтова—семью не выводитъ изъ одной экономіи, изъ коей экономическій матеріализмъ объясняетъ всѣ соціальныя явленія, о существенномъ измѣненіи этого ученія говорить было можно. Затѣмъ по чьему-то адресу г. Бельтовъ замѣчаетъ, что кто-то не позволяетъ объяснять исторію семьи исторіей

[1]) См. выше, стр. 83.

[2]) См. выше, стр. 133.

[3]) Конечно, самая рудиментарная.

экономическихъ отношеній,—и старается доказать, что, наоборотъ, можно (стр. 140). Да, можно и даже должно, но только не одной экономіей, но и біологіей, и психологіей, и исторіей обычаевъ, религіи и морали, права и общественнаго мнѣнія, исторіей кое-какихъ усилій ума и проявленій совѣсти.

Далѣе г. Бельтовъ говоритъ объ экономической подкладкѣ права [1]), находя (совершенно вѣрно), что всѣ попытки идеалистическаго (исключительно идеалистическаго, сказалъ бы я) объясненія права ненаучны (стр. 151). Право есть сложный продуктъ экономическихъ и культурныхъ отношеній,—не однихъ экономическихъ, но и культурныхъ уже потому, что имѣетъ отношеніе не къ однимъ вещамъ, но и къ личностямъ, защищая ихъ нематеріальные интересы (свободу, честь, доброе имя и т. д.), а также и по тому, что руководится и соображеніями моральными. Попробуйте, напр., понять исторію римскаго права безъ вліянія на него со стороны стоической философіи. У права основа двоякая—экономическая и моральная. Но г. Бельтовъ этого знать не хочетъ, допуская лишь существованіе матеріальнаго отношенія къ праву со стороны членовъ общества. Основа права,—говоритъ,—онъ всегда реальна, она не можетъ имѣть идеальной основы (стр. 155). Это, вѣроятно, значитъ, что основа права можетъ быть экономическая, но если реальное взять въ болѣе широкомъ смыслѣ, то вѣдь и сознаніе личностью своего достоинства и признаніе за нею этого достоинства со стороны общества (со стороны закона, власти) тоже достаточно реально, ибо для личности, защищаемой правомъ, эта защита ея достоинства имѣетъ значеніе самостоятельное на ряду съ защитой ея матеріальныхъ интересовъ (собственности, договорныхъ обязательствъ и т. п.).

Я не считаю доказательствомъ въ пользу экономическаго матеріализма и того, что̀ говорить г. Бельтовъ въ слѣдующемъ мѣстѣ: „сознаніе зависимости общественныхъ отношеніи отъ состоянія производительныхъ силъ все болѣе и болѣе проникаетъ въ современную намъ общественную науку, несмотря на неизбѣжный эклектизмъ множества ученыхъ, не-

[1]) Стр. 143. Тутъ г. Бельтовъ критикуетъ мои взгляды на историческую школу права, но это къ экономическому вопросу не относится.

смотря на ихъ идеалистическіе предразсудки“ (стр. 156). Во-первыхъ, внѣшній успѣхъ какой бы то ни было идеи ничего еще не говоритъ въ пользу ея научной вѣрности. Во-вторыхъ, признаніе зависимости общественныхъ отношеній отъ состоянія производительныхъ силъ не есть еще признаніе исключительнаго характера этой зависимости и не есть признаніе зависимости отъ того же самаго фактора—не общественныхъ только отношеній, но вмѣстѣ съ тѣмъ и догматовъ религіи, и философскихъ системъ, и научныхъ открытій, и всей вообще духовной культуры, какъ того хочетъ экономическій матеріализмъ. Въ-третьихъ, то, что г. Бельтовъ принимаетъ за эклектизмъ, есть результатъ критическаго отношенія ко всякимъ догматамъ, ко всякимъ предразсудкамъ, будутъ ли они идеалистическими, или матеріалистическими, результатъ стремленія изъ каждой доктрины заимствовать то, что въ ней можетъ имѣть хотя бы маленькое научное основаніе.

Поясненія, коими г. Бельтовъ сопровождаетъ свое изложеніе сущности всей исторической теоріи Маркса, занимаютъ около тридцати страницъ (126 — 157). Затѣмъ онъ приводитъ то самое мѣсто изъ книги Маркса „Zur Kritik der politischen Oekonomic“, которое мы уже цитировали [1]) выше (замѣтимъ, что г. Струве такъ скупъ въ своемъ изложеніи экономическаго матеріализма, что ограничился лишь ссылкою на то, что въ названномъ сочиненіи „съ полной ясностью высказано матеріалистическое пониманіе исторіи“, о чемъ см. стр. 45 „Критическихъ Замѣтокъ“). Заявленіе Маркса, для котораго потребовалось всего 6—7 строкъ, г. Бельтовъ называетъ геніальнымъ открытіемъ: Марксъ-де указалъ на то, что „состояніе собственности, а съ нимъ и всѣ свойства соціальной среды опредѣляются не свойствами абсолютнаго духа и не характеромъ человѣческой природы, а тѣми взаимными отношеніями, въ которыя люди по необходимости становятся другъ къ другу въ общественномъ процессѣ производства своей жизни, т.-е. въ борьбѣ за существованіе“. Если мы не находимъ этого открытія геніальнымъ, то этимъ вовсе, конечно, не умаляемъ значенія Маркса, оставившаго по себѣ столько прочныхъ слѣдовъ въ наукѣ и въ жизни, что вырывая изъ лавроваго его вѣнка этотъ листокъ, мы нисколько не ощипы-

[1]) См. стр. 77. И у Мерлинга (см. выше, стр. 105) это мѣсто играетъ роль основного изложенія ученія.

ваемъ самаго вѣнка. Напрасно, собственно говоря, послѣдователи Маркса вообще называютъ это открытіемъ и, какъ это дѣлаетъ не одинъ г. Бельтовъ (стр. 160), сравниваютъ его съ открытіями Коперника и Дарвина. Мы уже высказывались противъ подобнаго сравненія по поводу именно экономическаго матеріализма Маркса (не трогая трудовой теоріи цѣнности и изображенія капиталистическаго процесса), ибо эту свою идею онъ не обставилъ никакими доказательствами. Повторяю это еще лишній разъ. Г. Бельтовъ говоритъ, что заявленіемъ о независимости состоянія собственности отъ какихъ-то тамъ свойствъ абсолютнаго духа былъ „нанесенъ смертельный ударъ" идеализму (стр. 159), какъ будто нѣчто подобное составляло всю сущность идеализма, и какъ будто было трудно додуматься, что искать условій состоянія собственности нужно прежде всего во взаимныхъ отношеніяхъ людей. Съ другой стороны, если такъ опредѣляется именно состояніе собственности, то почему же и „*всѣ* свойства соціальной среды" вмѣстѣ съ этимъ состояніемъ должны опредѣляться только тѣми взаимными отношеніями, въ которыя люди по необходимости становятся другъ къ другъ въ своей борьбѣ за существованіе? Вѣдь этого Марксъ не пытался даже доказывать, какъ не доказывали и всѣ экономическіе матеріалисты до гг. Струве и Бельтова включительно. Наконецъ, г. Бельтовъ не указалъ еще на то, что, по словамъ Маркса, отъ экономической структуры общества зависятъ и формы общественнаго сознанія [1]). Между тѣмъ именно въ экономическомъ матеріализмѣ особенно и характерно искать основы разныхъ проявленій общественнаго сознанія въ экономической структурѣ обществъ, или, пользуясь терминологіей г. Струве, „идеи" выводить „изъ фактовъ".

Вмѣсто, того, чтобы основать справедливость мысли, заключенной въ такой концепціи исторіи, г. Бельтовъ старается представить дѣло такимъ образомъ, будто бы до Маркса общественныя отношенія людей объяснялись исключительно только ихъ взглядами, и будто бы ученые не могли понять сознательной дѣятельности людей иначе, какъ въ смыслѣ полной свободы этой дѣятельности, исключающей понятіе о необходимости (стр. 161). Все это прямо,—да позволено мнѣ будетъ такъ выразиться,—сочинено г. Бельтовымъ. Въ

[1]) См. выше, стр. 77.

дальнѣйшемъ г. Бельтовъ доказываетъ только одно, а именно то, что экономическій факторъ имѣетъ въ высшей степени важное и опредѣляющее значеніе въ явленіяхъ правовой и государственной жизни, но если бы даже онъ еще болѣе привелъ подобныхъ же примѣровъ, это нисколько не могло бы служить доказательствомъ того, что экономическій факторъ есть единственный и исключительный, и что значеніе его совершенно одинаково и въ области отношеній юридическихъ и политическихъ, и въ области духовной культуры. Съ другой стороны, г. Бельтовъ признаетъ взаимодѣйствіе между политикой и экономикой (стр. 169) и даже подчеркиваетъ, что это процессъ *крайне сложный* (стр. 170), но въ томъ-то и состоитъ слабая сторона экономическаго матеріализма, что онъ *черезчуръ упрощаетъ* всю пестроту и сложность историческихъ явленій сведеніемъ ихъ къ одному базису. Въ извѣстномъ и, конечно, ограниченномъ смыслѣ экономическій матеріализмъ, не споримъ, указываетъ на дѣйствительныя явленія, но именно только въ извѣстномъ и ограниченномъ смыслѣ. Когда г. Бельтовъ говоритъ, что характеръ экономической структуры общества „отражается" на всей психологіи людей, на всѣхъ ихъ привычкахъ, нравахъ, взглядахъ и стремленіяхъ (стр. 171), мы это понимаемъ и принимаемъ. Но одно дѣло—отражаться, и другое дѣло—порождать; а именно въ этомъ послѣднемъ смыслѣ экономическій матеріализмъ и разсматриваетъ всю духовную культуру и общественную организацію народовъ, какъ „функцію" экономической структуры. Г. Бельтовъ видитъ, что безъ психологіи объяснять историческій процессъ, однако, не приходится. Но едва-ли онъ остается самъ на почвѣ экономическаго матеріализма и едва-ли вѣрно толкуетъ мысль его родоначальника, утверждая, будто у Маркса „и экономія общества, и его психологія, представляютъ двѣ стороны одного и того же явленія". Мы думаемъ, что г. Бельтовъ здѣсь выразился не совсѣмъ удачно, потому что нѣсколькими строками ниже онъ разсматриваетъ самъ экономію и психологію, не какъ двѣ *стороны* одного и того же явленія, а какъ двѣ производныя одной и той же основы. Марксъ не могъ сказать того, что приписываетъ ему г. Бельтовъ, ибо у него прямо экономія объявляется реальнымъ базисомъ, надъ которымъ выростаетъ общественное сознаніе, а между тѣмъ, утверждая, такъ сказать, равносильность экономіи и

психологіи, г. Бельтовъ говоритъ при этомъ буквально слѣдующее: „Экономія сама есть нѣчто производное, какъ и психологія (стр. 172);... только въ популярной рѣчи,—прибавляетъ онъ,—можно говорить объ экономіи, какъ о *первичной причинѣ* всѣхъ общественныхъ явленій. Далекая отъ того, чтобы быть первичной причиной, она сама есть слѣдствіе, функція производительныхъ силъ“ (стр. 173). Договорившись до такого утвержденія, г. Бельтовъ самъ спохватывается въ томъ, что „проницательные критики“ могутъ поймать его въ противорѣчіи съ самимъ собою, а, главное, съ Марксомъ (стр. 175). Но нашъ авторъ увѣряетъ, что тутъ нѣтъ никакого противорѣчія въ пониманіи взаимныхъ отношеній между экономіей и психологіей. Основная мысль экономическаго матеріализма заставляетъ психологію „приспособляться“ къ экономіи. Но самъ г. Бельтовъ признаетъ, что психологическая эволюція можетъ „предшествовать“ экономической, даже „опережать“ ее; только ему кажется, что при этомъ психологія „ни на минуту не перестаетъ приспособляться къ экономіи“, ибо, поясняетъ г. Бельтовъ, „она приспособляется къ экономіи будущаго“, „къ новымъ будущимъ отношеніямъ производства“ (стр. 176). Такимъ образомъ для спасенія зависимости психологіи отъ экономіи г. Бельтовъ будущіе факты дѣлаетъ причинами настоящихъ или прошедшихъ идей, иначе—заставляетъ слѣдствіе предшествовать причинѣ, позволяетъ результату опережать во времени самое появленіе того, чѣмъ этотъ результатъ былъ порожденъ. Г. Струве только заявилъ, что экономическій матеріализмъ выводитъ всѣ общественныя идеи изъ экономическихъ фактовъ, но какъ это дѣлается, до изложеннаго открытія г. Бельтова оставалось тайной. Однако, объясненіе уже существующаго (извѣстныхъ идей) изъ того, чего еще не существуетъ, есть ниспроверженіе не только какого бы то ни было матеріализма, но даже и самаго умѣреннаго реализма.

Чѣмъ далѣе мы подвигаемся, слѣдя за изложеніемъ г. Бельтова, тѣмъ все болѣе и болѣе авторъ или приводитъ такія соображенія, которыя, будучи вѣрными, отнюдь не заключаютъ въ себѣ какихъ бы то ни было доказательствъ въ пользу экономическаго матеріализма, или же говоритъ вещи, ограничивающія экономическій матеріализмъ и даже ему противорѣчащія. Такова, напр., мысль о томъ, что общество должно достигнуть извѣстной степени благосостоянія, чтобы въ немъ

могли явиться философія, наука и искусство: здѣсь „экономія" есть необходимое внѣшнее условіе, а не внутренняя производящая причина. Или еще г. Бельтовъ замѣчаетъ, что экономическіе взгляды Аристотеля не похожи на экономическіе взгляды Адама Смита, какъ будто бы кто-либо отрицалъ, что экономическія (именно экономическія, а не какія-либо другія) идеи зависятъ отъ экономическихъ фактовъ данной эпохи (стр. 177). Таковы, или приблизительно таковы и другія соображенія г. Бельтова по вопросу объ „идеологической надстройкѣ" надъ экономической структурой.

До какихъ положеній доходитъ тутъ иногда г. Бельтовъ, это можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Если Марксъ понимаетъ среду исключительно въ экономическомъ, соціальномъ смыслѣ, то самую полную ему противоположность въ этомъ отношеніи представляетъ изъ себя Тэнъ, понимающій среду исключительно въ психологическомъ, культурномъ смыслѣ [1]). Г. Бельтовъ приводитъ изъ „Философіи искусства" Тэна длинную выдержку, въ которой говорится, что всякое художественное призведеніе и каждая философская система могутъ быть объяснены только состояніемъ умовъ и нравовъ даннаго времени. Да вѣдь противъ этого экономическому матеріализму нужно было бы протестовать, а г. Бельтовъ между тѣмъ говоритъ: „со всѣмъ этимъ безусловно согласится любой послѣдователь Маркса" (стр. 184). Едва ли безусловно. Самъ же г. Бельтовъ немедленно заявляетъ, что экономическіе матеріалисты расходятся съ Тэномъ въ пониманіи основного начала, такъ какъ для Тэна задача исторіи, какъ науки, есть въ послѣднемъ счетѣ психологическая задача. „Только по этому вопросу,—говоритъ г. Бельтовъ,—экономическіе матеріалисты расходятся съ Тэномъ" (стр. 185). Это „*только*" весьма характерно: г. Бельтовъ „безусловно" соглашается съ Тэномъ, но „только" не соглашается съ нимъ по самому основному пункту. Такъ авторъ разрѣшаетъ вопросъ. Мы долго не кончили бы, если бы разбирали воззрѣнія г. Бельтова шагъ за шагомъ. Иногда онъ высказываетъ, впрочемъ, мысли совершенно вѣрныя, но, къ его несчастію, эти мысли на нашъ взглядъ, по крайней мѣрѣ, не за него, а противъ него. Напр., онъ говоритъ такъ: „чтобы понять состояніе умовъ каждой данной критической эпохи, чтобы объяснить, почему въ теченіе

[1]) См. выше, стр. 13—14 и 64.

этой эпохи торжествуютъ именно тѣ, а не другія ученія, надо предварительно ознакомиться съ состояніемъ умовъ въ предъидущую эпоху, надо знать, какія ученія и направленія тогда господствовали. Безъ этого,—заявляетъ самъ г. Бельтовъ,—мы совсѣмъ не поймемъ умственнаго состоянія данной эпохи, какъ бы хорошо мы ни узнали ея экономію" (стр. 194—195). Это совершенно вѣрно, но, къ сожалѣнію, экономическій матеріализмъ въ лицѣ одного изъ своихъ родоначальниковъ прямо заявилъ, что объясненія какой-либо эпохи нужно искать не въ головахъ людей, а въ измѣненіи способовъ производства и обмѣна, не въ философіи, а въ экономіи этой эпохи. Самъ г. Бельтовъ по свойственной ему привычкѣ тотчасъ же старается истолковать свое противорѣчіе въ благопріятномъ для себя смыслѣ и опять-таки по своей же привычкѣ прибѣгаетъ къ новымъ разсужденіямъ, въ которыхъ, такъ сказать, закутываетъ простой и ясный вопросъ въ разныя ненужности и мало относящіяся къ дѣлу подробности. Онъ признаетъ существованіе особыхъ законовъ развитія человѣческой мысли и даже къ чему-то прибавляетъ, что никто изъ экономическихъ матеріалистовъ „не отождествлялъ законовъ логики съ законами товарнаго обращенія" (стр. 197). Никто, однако, не обвинялъ экономическихъ матеріалистовъ въ томъ, чтобы они говорили подобную нелѣпость. А затѣмъ идутъ разсужденія о зависимости генія отъ окружающей его среды (стр. 200—201), о томъ, далѣе, что мы, однако, никогда не съумѣемъ объяснить вліяніемъ среды всю индивидуальность генія (стр. 202), о томъ, что субъективный методъ въ соціологіи [1]) есть нелѣпость (стр. 204—205), что съ точки зрѣнія Маркса [2]) нельзя противопоставлять взглядовъ личности, какъ субъективныхъ, взглядамъ толпы, какъ чему-то объективному (стр. 205—206) и пр. и пр., вплоть до заявленія о томъ, что „теорія Маркса (у автора не сказана какая, т. е. экономическій ли матеріализмъ, или его формула капиталистическаго процесса, обѣщающая лучшее будущее) есть самая идеалистическая теорія, которая когда-либо существовала въ исторіи человѣческой мысли" (стр. 207). Этими соображеніями читатель отвлеченъ отъ вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ о пси-

[1]) Замѣчу, что о субъективномъ „методѣ" лично я никогда не говорилъ и даже вооружался противъ такого словоупотребленія.

[2]) И для насъ тоже.

хологіи и экономіи, а далѣе его ждетъ рядъ новыхъ разсужденій, за которыми вопросъ и совсѣмъ забывается. Выводъ получается тотъ, что „рѣдкій мыслитель сдѣлалъ такъ много, какъ Марксъ, для развитія своихъ основныхъ отношеній“ (стр. 210).

Экономическій матеріализмъ даже его сторонники упрекали въ томъ, что у него нѣтъ „великой книги“ въ томъ смыслѣ, что у дарвинизма, напр., есть „Происхожденіе видовъ“. Понятно, что тутъ рѣчь могла итти лишь о книгѣ въ буквальномъ смыслѣ, т.-е. о сочиненіи. Какъ нѣтъ книги?! —восклицаетъ г. Бельтовъ. „Есть даже нѣсколько книгъ, одна другихъ лучше выражающихъ историческую теорію Маркса“. „Первая книга—это исторія философіи и общественной науки, начиная съ конца прошлаго столѣтія... Вторая книга—это „Капиталъ“... Третья книга—это исторія европейскихъ событій, начиная съ 1848 г.“ (стр. 210). О первой и третьей книгахъ, какъ о книгахъ, можно говорить лишь въ переносномъ смыслѣ. Настоящая книга есть только вторая, но она, какъ мы видѣли, заключаетъ въ себѣ обоснованіе „марксизма“ *минусъ* „экономическій матеріализмъ“, по которому Марксъ не написалъ никакой книги. Г. Бельтовъ пытается доказать, что историческіе взгляды Маркса тѣсно связаны съ его экономической теоріей, но пріемъ его тутъ чисто реторическій, а не логическій. Вѣдь въ самой исторической теоріи Маркса двѣ стороны: сведеніе всего культурнаго и соціальнаго содержаніе исторіи къ экономической основѣ и объясненія процесса возникновенія и развитія капитализма, и вторая сторона стоитъ въ связи съ его теоріей стоимости, а первая—нѣтъ [1]). Г. Бельтовъ не разлагаетъ исторической теоріи Маркса на ея составные элементы и аргументируетъ такъ: Марксъ въ I томѣ „Капитала“ говоритъ, что стоимость есть общественное отношеніе производства, а признаніе этого заставляетъ признать его историческую теорію, ибо „разъ вы признаете, что существующія независимо отъ воли людей, дѣйствующія за ихъ спиною, ихъ собственныя отношенія производства отражаются въ ихъ головахъ (!) въ видѣ различныхъ категорій политической экономіи, въ видѣ стоимости, въ видѣ денегъ (это въ головахъ-то!), въ видѣ капитала (тамъ же!!) и т. п., то вы тѣмъ

[1]) См. выше, стр. 50 и слѣд.

самымъ (?) признаете, что на извѣстной экономической почвѣ непремѣнно (?) выростаютъ извѣстныя соотвѣтствующія ея характеру идеологическія надстройки" (стр. 211—212). И все тутъ! Это—доказательство того, что теорія стоимости и концепція экономическаго матеріализма связаны между собою. Увѣровать въ то, что это такъ, можно (credo quia absurdum), но уразумѣть этого положительно нельзя. Далѣе говорится, что если историческая теорія Маркса (какая же?) невѣрна, то значитъ не вѣрны его объясненія французской исторіи 1848—1851 гг. (стр. 212). Нѣтъ, послѣднія могутъ быть очень вѣрны, но изъ того, что Марксъ хорошо понималъ исторію второй французской республики, отнюдь не слѣдуетъ, чтобы было вѣрно его утвержденіе объ исключительно экономическомъ происхожденіи всѣхъ культурныхъ и соціальныхъ фактовъ на протяженіи всей всемірной исторіи. Это не аргументація, какъ не аргументація и то, будто экономическій матеріализмъ такъ же хорошо обоснованъ, какъ и біологическій эволюціонизмъ книгою Дарвина (стр. 213 и слѣд.). Все, что здѣсь говорится въ защиту „Капитала", бьетъ мимо цѣли, ибо „Капиталъ" обосновываетъ теоріи, логически съ экономическимъ матеріализмомъ не связанныя, а обосновывать этотъпослѣдній Марксъ и не ставилъ задачей своего „Капитала". Полемика направо и налѣво съ лицами, „не понимающими" Маркса, и притомъ по вопросамъ, часто къ дѣлу прямо не относящимся (опять личность, общественная закономѣрность и т. д.) снова отвлекаетъ вниманіе читателя отъ главной темы.

„Заключеніе" къ книгѣ г. Бельтова содержитъ въ себѣ разсмотрѣніе вопроса о практическомъ примѣненіи формулы Маркса, обобщающей исторію капитализма, къ современнымъ отношеніямъ, т.-е. къ тому, что составляетъ главную суть книги г. Струве. Этотъ вопросъ собственно къ исторіологической концепціи экономическаго матеріализма не имѣетъ никакого отношенія, какъ ни хотѣлось бы г. Бельтову думать иначе. Поэтому въ настоящей нашей книжкѣ вопросъ этотъ мы совершенно устраняемъ, тѣмъ болѣе, что намѣрены его коснуться въ V томѣ своей „Исторіи западной Европы въ новое время", когда намъ придется разсматривать историческую роль Маркса. Оставляемъ безъ разсмотрѣнія и полемическое приложеніе, касающееся „тріады" Гегеля. Ни для критики, ни для обоснованія экономическаго матеріализма здѣсь ничего нѣтъ.

Замѣчу въ заключеніе, что книга г. Бельтова не заставила меня сдѣлать ни малѣйшихъ измѣненій въ томъ, какъ я излагаю генезисъ экономическаго матеріализма. Г. Бельтовъ, вѣрный въ данномъ случаѣ діалектическому методу, изложилъ исторію общихъ историческихъ взглядовъ XVIII и XIX в., какъ чисто логическій процессъ, и я на его мѣстѣ, вѣроятно, поступилъ бы нѣсколько болѣе въ согласіи съ тѣмъ, что г. Бельтовъ считаетъ сущностью экономическаго матеріализма, т.-е. показалъ бы, какъ развитіе реальныхъ отношеній XVIII и XIX вв. отразилось на исторіографіи. Впрочемъ, поступая такъ, какъ онъ поступилъ въ данномъ случаѣ, г. Бельтовъ отдалъ должную дань (даже, быть можетъ, бо̀льшую, чѣмъ слѣдовало) отвергаемому имъ историческому идеализму.

XIII. Отношеніе къ экономическому матеріализму критиковъ гг. Струве и Бельтова.

Книги гг. Струве и Бельтова вызвали въ нашихъ журналахъ цѣлый рядъ критическихъ статей и замѣтокъ въ большинствѣ случаевъ неблагопріятныхъ для тѣхъ идей, защитниками коихъ оба автора выступили въ этихъ книгахъ. Критикѣ были подвергнуты разныя стороны проповѣдуемыхъ ими теорій, и несогласіе выражено было по поводу разныхъ спорныхъ пунктовъ. Между прочимъ обращалось при этомъ бо̀льшее или меньшее вниманіе и на экономическій матеріализмъ. Не касаясь споровъ о діалектическомъ методѣ и роли личности въ исторіи, о субъективной соціологіи и народничествѣ, о капитализмѣ и русской общинѣ, о ходѣ экономическаго развитія на Западѣ и у насъ, мы остановимся въ этой главѣ на тѣхъ мѣстахъ во всей этой полемикѣ, которая имѣетъ непосредственное отношеніе къ главному предмету настоящихъ этюдовъ, т.-е. къ экономическому матеріализму, опять-таки разумѣя подъ нимъ историческую теорію, по которой въ основѣ всѣхъ культурныхъ и соціальныхъ явленій въ жизни народовъ лежитъ исключительная экономика. Замѣчу напередъ, что въ полемикѣ противъ гг. Струве и Бельтова экономическій матеріализмъ далеко не занималъ

первенствующаго мѣста, вслѣдствіе чего между прочимъ нѣкоторыя критическія статьи, направленныя противъ ихъ книгъ, и не могутъ быть совсѣмъ отмѣчены въ настоящемъ обзорѣ. Какъ бы тамъ ни было, замѣчанія объ экономическомъ матеріализмѣ, встрѣчающіяся въ этихъ критическихъ статьяхъ, даютъ извѣстный матеріалъ для сужденія объ основательности этой исторіологической концепціи. Нѣкоторыя изъ этихъ замѣчаній мы даже приводимъ почти цѣликомъ.

Изъ всѣхъ органовъ нашей періодической печати болѣе всего объ экономическомъ матеріализмѣ говорилось за послѣдніе два года въ „Русскомъ Богатствѣ", а въ „Русскомъ Богатствѣ" чаще всего касался этого вопроса Н. К. Михайловскій въ своихъ статьяхъ „Литература и жизнь". Г. Михайловскій является и однимъ изъ тѣхъ писателей, которые вызываютъ противъ себя наибольшее неудовольствіе г. Струве, причисляющаго его къ народникамъ [1]), и г. Бельтова, назвавшаго свою книгу „отвѣтомъ" прежде всего г. Михайловскому. Какой онъ народникъ, можно видѣть хотя бы изъ собственныхъ его словъ, появившихся въ печати задолго до изданія книжки г. Струве, не говоря уже о другихъ аналогичныхъ заявленіяхъ. Вотъ эти слова: „я недавно говорилъ о народникахъ. Я старался показать, что они не успѣли до сихъ поръ сколько-нибудь обстоятельно не только обосновать, а даже формулировать свои взгляды". Эти строки я заимствую изъ статьи (стр. 98) г. Михайловскаго, помѣщенной въ январьской книгѣ „Русскаго Богатства" за 1894 г., въ которой еще задолго до выхода въ свѣтъ сочиненій гг. Струве и Бельтова, если я не ошибаюсь, г. Михайловскій впервые заговорилъ именно о появленіи у насъ экономическихъ матеріалистовъ (стр. 98), сообщивъ при этомъ любопытныя данныя о спорахъ между марксистами на счетъ того, какіе изъ нихъ „настоящіе" и какіе „ненастоящіе". Авторъ знакомитъ читателя здѣсь и съ сущностью этого исторіологическаго ученія (стр. 103 — 104), указывая на то, что для экономическихъ матеріалистовъ оно есть „нѣчто въ родѣ символа вѣры, допускающаго комментаріи и ужъ во всякомъ случаѣ не сомнѣнія" (стр. 104). Это совершенно вѣрно. Далѣе, г. Михайловскій опять-таки совершенно вѣрно указываетъ на

[1]) См. выше, стр. 189 и 194.

то, что экономическій матеріализмъ вовсе не обоснованъ [1]. Говорятъ, что Марксъ далъ „совершенно новое пониманіе“ историческаго процесса. „Гдѣ же соотвѣтственная работа Маркса? Ея нѣтъ. И не только нѣтъ такой работы Маркса, но ея нѣтъ и во всей марксистской литературѣ... Марксъ только высказываетъ основанія теоріи экономическаго матеріализма, но нигдѣ не обосновываетъ ихъ ни подробнымъ анализомъ другихъ философско - историческихъ теорій, ни сколько-нибудь значительнымъ фактическимъ матеріаломъ“ (стр. 106). Съ ученіемъ Дарвина, дѣйствительно обоснованнымъ, экономическій матеріализмъ поэтому въ сравненіе, какое дѣлается его приверженцами, итти не можетъ. Г. Михайловскій справедливо замѣчаетъ еще, что основные пункты теоріи „были открыты, а затѣмъ и изложены въ Манифестѣ [2]) въ такое время, когда по собственному признанію одного изъ авторовъ (Энгельса), нужныя для такого дѣла познанія были у нихъ слабы“ (стр. 106), и что вообще теорія эта „менѣе всего можетъ претендовать на научное происхожденіе: несмотря на всю эрудицію ея авторовъ (позднѣйшую только въ области политической экономіи), она родилась внѣ науки и, несмотря на ихъ войну съ метафизикой—именно въ нѣдрахъ гегельянской философіи“ (стр. 108). Г. Михайловскій касается и того, какъ Энгельсъ приспособилъ къ экономическому матеріализму воззрѣнія Моргана [3]), отмѣчая при этомъ „забавное впечатлѣніе, вызываемое терминомъ *производство самого человѣка,* т.-е. *дѣтопроизводство* за который Энгельсъ хватается для сохраненія хотя бы словесной связи съ основною формою экономическаго матеріализма“ (стр. 108). Для Энгельса теорія Моргана освѣтила многіе темные пункты исторіи, но вѣдь „ключъ къ этимъ загадкамъ былъ данъ, во-первыхъ, человѣкомъ, совершенно постороннимъ теоріи экономическаго матеріализма, ничего объ ней не знавшимъ, а во-вторыхъ—при помощи фактора не экономическаго“ (стр. 108). Обращеніе Энгельса къ Моргану доказываетъ, что экономическій матеріализмъ въ одномъ пунктѣ счелъ себя безсильнымъ. „Дѣтопроизводство“ имѣетъ свои физіологическіе и

[1]) Къ этому вѣдь потомъ, независимо отъ г. Михайловскаго, пришелъ и г. Струве, о чемъ см. выше, стр. 186.

[2]) См. выше, стр. 76—77.

[3]) См. выше, стр. 84.

психическіе корни, и „при извѣстной діалектической ловкости можно было бы доказывать, что не только юридическія, а и сами экономическія отношенія составляютъ надстройку надъ отношеніями половыми и семейными" (стр. 109). Если, далѣе, съ теченіемъ исторіи родовыя связи растворяются, то „въ своемъ собственномъ продолженіи и обобщеніи — въ связяхъ національныхъ": г. Михайловскій указываетъ на существованіе „національнаго чувства, какъ самостоятельнаго фактора, который, будучи вызванъ къ дѣйствію, вліяетъ на ходъ исторіи помимо и часто наперекоръ условіямъ производства" (стр. 111). Онъ ссылается на то, что „основанное Марксомъ международное общество рабочихъ, организованное въ цѣляхъ классовой борьбы, не помѣшало французскимъ и нѣмецкимъ рабочимъ въ моментъ національнаго возбужденія рѣзать и разорять друга друга", да въ случаѣ войны и въ ближайшемъ будущемъ дѣла едва-ли пойдутъ иначе (стр. 110). Кстати: излагая выше статью Меринга, я не отмѣтилъ одного мѣста, которое тутъ невольно приходитъ мнѣ на память. Въ одной своей работѣ Энгельсъ сказалъ — и Мерингъ (стр. 447) съ сочувствіемъ повторилъ это,—что „нѣмецкіе соціалисты должны гордиться своимъ происхожденіемъ не только отъ Сенъ-Симона, Фурье и Оуэна (французовъ и англичанина), но также отъ Канта и Гегеля" (нѣмцевъ), хотя, замѣтимъ, какіе же Кантъ и Гегель были соціалисты?

Экономическіе матеріалисты приписываютъ Марксу открытіе закономѣрной необходимости историческаго процесса и объявили, что руководители, герои, великіе люди и т. д., все это—вздоръ, въ который можно было вѣрить до открытія Маркса. „Надо, однако,—говоритъ г. Михайловскій,—замѣтить, что на этомъ, какъ и на многихъ другихъ пунктахъ марксистской литературы, самъ Марксъ отнюдь не можетъ быть призванъ къ отвѣтственности за все, что во имя его говорится его популяризаторами, комментаторами и пропагандистами. Какая-нибудь вскользь брошенная имъ мысль или даже не вскользь, но выраженная чисто отвлеченно или съ преувеличенной полемическою рѣзкостью, переходя изъ устъ въ уста, изъ книги въ книгу, постепенно утрачиваетъ свой условный характеръ и обращается въ послѣдней, въ данномъ случаѣ низшей, инстанціи въ догматъ. Марксъ былъ слишкомъ уменъ и ученъ, чтобы думать, что именно онъ от-

крылъ идею исторической необходимости и законосообразности общественныхъ явленій“ (стр. 111). Г. Михайловскій весьма вѣрно изображаетъ затѣмъ, какъ люди, вѣрящіе въ такое „открытіе“ Маркса, получивъ этотъ подарокъ (идею закономѣрной необходимости), т.-е. „нѣчто такое, что имъ самимъ не стоило ни малѣйшаго труда критической мысли“, пускаютъ въ ходъ эту „стертую монету“ въ своей полемикѣ съ идеалистами и утопистами (стр. 112). Мы видѣли и еще увидимъ [1]) что экономическіе матеріалисты превратили историческую необходимость прямо въ механичность, стихійность, въ полное отрицаніе роли личности въ исторіи (которое возможно и при идеалистическомъ взглядѣ на исторію, когда, напр., все выводится изъ народнаго духа, въ коемъ тонутъ индивидуальныя души): г. Михайловскій въ дальнѣйшемъ и указываетъ на то, какъ нужно понимать историческую необходимость и взаимныя отношенія между „героями“ и „толпою“. Но слѣдовать за критикомъ въ развитіи этой темы для насъ въ настоящей книгѣ значило бы уклониться отъ главнаго предмета.

Въ той же самой статьѣ г. Михайловскій упоминаетъ о томъ, что Энгельсъ обвиняетъ нѣмецкихъ экономистовъ въ замалчиваніи „Капитала“ Маркса. Кромѣ того, Энгельсъ говоритъ, что теоретики экономическаго матеріализма „съ самаго начала обратились главнымъ образомъ къ рабочимъ и встрѣтили у нихъ ту воспріимчивость, которой и не ожидали отъ представителей оффиціальной науки“ (стр. 115). Нѣчто подобное мы читали и у Меринга [2]). Г. Михайловскій основательно возражаетъ, что замалчивали не экономическое ученіе Маркса, а только его историко-философскую концепцію, которая дѣйствительно не оказала никакого вліянія на научныя сферы, и что самъ Марксъ, далѣе, думалъ дѣйствовать своими большими трудами именно на ученыхъ, а не на рабочихъ, коимъ совершенно было бы не подъ силу читать такія книги, какъ „Капиталъ“. „Вѣрнѣе поэтому предположить, что неуспѣхъ экономическаго матеріализма (у ученыхъ) зависитъ отъ какихъ-нибудь изъяновъ или въ самой теоріи, или, по крайней мѣрѣ, въ ея обработкѣ“ (стр. 116). Г. Михайловскій

[1]) Въ слѣдующей главѣ, гдѣ разбирается статья г. Туганъ-Барановскаго.

[2]) См. выше, стр. 107

думаетъ, что дѣйствовало и то, и другое. „Несмотря,—говоритъ онъ,—несмотря на претензіи на особливую научность, теорія никогда не была научно обоснована и провѣрена. Но она удобно сводится къ соблазнительно ясной и краткой формулѣ, подкупающей многихъ и въ томъ случаѣ, когда они въ дѣйствительности совсѣмъ не ею руководятся въ оцѣнкѣ и воспроизведеніи историческихъ явленій... Въ наукѣ экономическій матеріализмъ не оправдалъ себя, и этимъ достаточно объясняется его неуспѣхъ, особенно бросающійся въ глаза рядомъ съ блестящимъ успѣхомъ „Капитала". Что же касается успѣха, которымъ экономическій матеріализмъ пользуется, такъ сказать, въ ширину его распространенности въ критически непровѣренномъ видѣ, то центръ тяжести этого успѣха лежитъ не въ наукѣ, а въ житейской практикѣ, устанавливаемой перспективами въ сторону будущаго. Перспективы эти не требуютъ отъ усвояющаго ихъ нѣмецкаго рабочаго класса и принимающихъ горячее участіе въ его судьбѣ—ни знаній, ни работы критической мысли. Онѣ требуютъ только вѣры" (стр. 117). Подъ этимъ объясненіемъ и мы готовы подписаться, но съ двумя оговорками: во-первыхъ, по нашему мнѣнію, перспективы, о коихъ говоритъ критикъ, даже не находятся ни въ какой логической связи съ экономическимъ матеріализмомъ [1]), а во-вторыхъ, считая успѣхъ этого ученія неудивительнымъ среди нѣмецкихъ рабочихъ, онъ прибавляетъ, что „поистинѣ этотъ успѣхъ удивителенъ у насъ" (стр. 118), но мы думаемъ, что удивляться и тутъ нечего: догматическія привычки мысли и малыя знанія возможны во всякой средѣ, гдѣ нѣтъ настоящаго образованія, или гдѣ послѣднее очень слабо. Замѣтимъ, что собственно говоря, г. Михайловскій самъ говоритъ объ успѣхѣ вообще теоретическаго марксизма, понимаемаго въ частности въ смыслѣ ученія о томъ, что и Россія должна пережить капиталистическій фазисъ развитія. Вѣдь и самъ почтенный критикъ кончаетъ статью уже соображеніями объ этомъ послѣднемъ вопросѣ. Центръ тяжести экономическаго матеріализма, однако, не здѣсь, и читая статью г. Михайловскаго, я удивлялся, какъ ему ни разу не пришло въ голову спросить: „но какимъ же образомъ можно было бы *понять* самую возможность происхожденія всѣхъ сторонъ

[1]) См. выше, стр. 61.

исторической жизни,—включая сюда и всю духовную культуру—изъ однѣхъ экономическихъ основъ?“ Отсутствіе этого вопроса, на мой взглядъ, есть единственный слабый пунктъ статьи: г. Михайловскій недостаточно выдѣлилъ экономическій матеріализмъ, какъ таковой, изъ другихъ историческихъ соображеній марксизма, которыя могутъ существовать (хотя это тоже не значитъ, что они вѣрны) и безъ сведенія къ экономіи—и религіи, и философіи, и морали, и науки, и литературы, и искусства. Во всякомъ случаѣ лицамъ, интересующимся экономическимъ матеріализмомъ, слѣдуетъ прочесть (или перечесть) разсмотрѣнную статью.

Только-что указаннаго вопроса г. Михайловскій не ставитъ и во второй статьѣ, служащей продолженіемъ первой и помѣщенной въ февральской книгѣ „Русскаго Богатства“ за 1894 г. Эта послѣдняя статья посвящена почти цѣликомъ разсмотрѣнію вопроса о значеніи терминовъ гегельянской діалектики въ исторической схемѣ Маркса, понимая эту схему въ смыслѣ отрицанія капиталистическимъ строемъ строя феодальнаго, за каковымъ отрицаніемъ должно послѣдовать отрицаніе отрицанія съ примиреніемъ противорѣчій между двумя историческими фазами (стр. 149). Мы видѣли [1]), что экономическій матеріализмъ заключается не въ этой исторической формулѣ, которая есть именно формула лишь одного экономическаго развитія, тогда какъ экономическій матеріализмъ есть ученіе о зависимости всей исторіи отъ экономики. Если бы даже указанная историческая схема Маркса была вѣрна и гегельянская формула была вполнѣ основательна въ такомъ ея примѣненіи, это отнюдь не могло бы служить аргументомъ въ пользу экономическаго матеріализма. Съ другой стороны, сведеніе всей исторіи къ экономикѣ точно также, допустимъ, могло бы выражать собою одну истину, но это ничего не говорило бы въ пользу того, что экономическое развитіе должно совершаться непремѣнно по формулѣ Гегеля, т.-е. чтобы это развитіе было діалектическимъ, а напр., не органическимъ. Въ виду такого отношенія формулы Гегеля къ самому существу экономическаго матеріализма, мы и не станемъ излагать здѣсь вторую статью г. Михайловскаго, отмѣтивъ въ ней лишь кое-что.

„Пусть такъ“, — говоритъ г. Михайловскій, изложивъ

[1]) См. выше, стр. 61.

основную формулу экономическаго матеріализма о „базисѣ“ и „надстройкѣ“,—но вѣдь въ такомъ случаѣ и формула Гегеля должна находиться въ зависимости отъ опредѣленныхъ (г. Михайловскій забылъ прибавить: матеріальныхъ) условій своего времени (стр. 150), а потому для не-гегельянца она и не убѣдительна. „Если,—продолжаетъ критикъ, — исторія философіи, написанная съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма, представляла бы огромный интересъ вообще, то, можетъ быть, самымъ интереснымъ моментомъ ея было бы установленіе болѣе или менѣе прямой связи между гегельянствомъ и современными ему формами производства и обмѣна“ (стр. 150). Къ сожалѣнію, въ статьѣ не дано дальнѣйшаго развитія мысли, заключенной въ приведенныхъ словахъ. Г. Михайловскій ищетъ „объясненія происхожденія гегельянства въ другихъ сферахъ“, т.-е. внѣ формъ производства и обмѣна и дѣлаетъ, конечно, хорошо, но еще лучше было бы указать, что исторія философіи съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма была бы совершенно немыслима, ибо пришлось бы выводить всѣ общія теоріи о знаніи и бытіи, о духѣ и матеріи, о человѣкѣ и природѣ и т. д. не изъ работы человѣческаго ума надъ этими вопросами, а изъ чего-то, этимъ вопросамъ и этой работѣ вполнѣ посторонняго. Всякій знакомый съ исторіей философіи отказался бы отъ задачи обосновать экономически возникновеніе, развитіе и преемственность философскихъ ученій, противоположности догматизма и скептицизма или критицизма, идеализма и реализма, спиритуализма, матеріализма, дуализма и монизма и пр. и пр. И каждый экономическій матеріалистъ, который серьезно взялся бы за осуществленіе этой задачи, вынужденъ былъ бы или отказаться отъ своей точки зрѣнія, или бросить такую работу.— Кромѣ того, г. Михайловскій указалъ на пустоту діалектической схемы, которую Гегель наполнялъ однимъ содержаніемъ, а Марксъ наполнилъ другимъ, благодаря чему „ее, эту схему, можно снять съ этого содержанія, какъ крышку съ чашки, ничего не измѣнивъ, ничего не повредивъ, за исключеніемъ одного только пункта, правда, огромной важности“ (стр. 150—151). Чисто формальное значеніе гегельянской схемы въ ученіи экономическаго матеріализма было отмѣчено и другими его изслѣдователями [1]), что же касается до пункта громадной

[1]) См. выше, стр. 85 и 121.

важности, о коемъ упоминаетъ критикъ, то это—чаемое формулой „отрицаніе отрицанія“. Г. Михайловскій замѣчаетъ, что діалектическій выводъ не есть доказательство (стр. 151). Совершенно вѣрно: по моему мнѣнію, если бы онъ и могъ служить доказательствомъ или если бы для „отрицанія отрицанія“ существовали какія-либо другія доказательства, это ничуть не свидѣтельствовало бы, напр., въ пользу того, что философскія системы зависятъ отъ формъ производства и обмѣна. Тѣмъ не менѣе въ статьѣ г. Михайловскаго есть отдѣльныя мысли, которыя заключаютъ въ себѣ вѣскіе доводы противъ экономическаго матеріализма, но, къ сожалѣнію, они не были имъ развиты. Онъ указываетъ, напр., мимоходомъ на *„крайнюю сложность* общественной жизни, которую представители экономическаго матеріализма пытаются разложить на экономическій фундаментъ и надстройку, совмѣщающую въ себѣ все остальное“ (стр. 153). „Исторія,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—*слишкомъ сложна и разностороння*, чтобы ее можно было построить на какомъ бы то ни было одноцвѣтномъ фундаментѣ“ (стр. 154). Вотъ гдѣ центръ тяжести опроверженія экономическаго матеріализма, и если критикъ не на этомъ особенно настаиваетъ, а на гегельянской формулѣ съ ея пророчествомъ объ „отрицаніи отрицанія“, съ тѣми практическими выводами, которые отсюда дѣлаются, то это служитъ указаніемъ, какая сторона марксизма подвергается имъ разбору. Мы согласны съ г. Михайловскимъ, что марксисты напрасно выдаютъ въ данномъ случаѣ предметъ своей вѣры за результатъ научнаго изслѣдованія (стр. 151 и 161), но даже будущее въ вопросахъ общественныхъ всегда должно быть въ большей или меньшей мѣрѣ предметомъ вѣры: конечно, нужно только, чтобы вѣра за вѣру такъ и принималась. Вѣра въ то будущее, которое пророчитъ діалектическая формула, отнюдь не можетъ обязывать къ принятію положенія по которому вся исторія объясняется экономіей, ибо такіе вопросы должны быть предметомъ знанія, т.-е. аналитическаго изслѣдованія дѣйствительности, а не вѣры, т.-е. не синтетическаго творчества идеала. Для тѣхъ, которые думаютъ, что діалектическій методъ Гегеля есть одна изъ сильныхъ сторонъ экономическаго матеріализма, небезполезно будетъ прочитать и эту статью г. Михайловскаго.

Обѣ разсмотрѣнныя статьи г. Михайловскаго вышли въ

свѣтъ ранѣе появленія книги г. Струве. Послѣдняя сдѣлалась предметомъ замѣчаній г. Михайловскаго въ октябрьской книгѣ „Русскаго Богатства". Въ работѣ г. Струве критика, какъ самъ онъ выражается, „пріятно поразило" признаніе автора въ томъ, что теорія экономическаго матеріализма пока еще не оправдана ни философскою мыслью, ни фактически (стр. 46). „Къ сожалѣнію,—продолжаетъ г. Михайловскій,— въ дальнѣйшемъ изложеніи г. Струве разсуждаетъ такъ, какъ будто философски не обоснованная и фактически не провѣренная теорія не подлежитъ рѣшительно никакимъ сомнѣніямъ" (стр. 47). Г. Михайловскій не безъ основанія сравниваетъ отношеніе г. Струве къ экономическому матеріализму съ отношеніемъ мусульманина къ корану. Кромѣ того, критикъ опять-таки не безъ основанія упрекаетъ г. Струве въ томъ, что тотъ не всегда близко и точно знакомъ съ тѣмъ соціологическимъ міросозерцаніемъ, которое онъ стремится опровергнуть. Мы, однако, оставимъ въ сторонѣ всѣ тѣ мѣста въ статьѣ г. Михайловскаго, которыя не имѣютъ прямого и непосредственнаго отношенія къ экономическому матеріализму.

Въ своей критикѣ г. Михайловскій исходитъ изъ отмѣчаемой г. Струве противоположности, существующей между объясненіемъ сознанія людей изъ ихъ бытія, и, наоборотъ, объясненіемъ бытія изъ сознанія (стр. 48). Намъ кажется, что г. Михайловскій придаетъ стремленію экономическихъ матеріалистовъ объяснять сознаніе изъ бытія нѣсколько иное значеніе, нежели подобаетъ. Дѣло въ томъ, что Гегель выводилъ общественное бытіе людей, т.-е. формы политической жизни изъ ихъ сознанія, тогда какъ, наоборотъ, Марксъ и Энгельсъ сочли нужнымъ выводить господствующее въ обществѣ міросозерцаніе изъ фактическихъ отношеній, или формъ общественной жизни. Въ данномъ случаѣ бытіе вовсе не обозначаетъ матеріи, а сознаніе — духа или что-нибудь въ родѣ этого, какъ думаетъ г. Михайловскій. Подчиненіе сознанія бытію готовъ раздѣлять вѣдь и самъ г. Михайловскій, замѣчая, что „какъ бы высоко ни залетали эти идеалы, проницательный историкъ усмотритъ ихъ земное происхожденіе, ту дѣйствительность, тѣ факты, которые создали эти идеалы" (стр. 49). Но то, что въ данномъ случаѣ имѣетъ въ виду г. Михайловскій, сдѣлалось достояніемъ всѣхъ историковъ, отрѣшившихся отъ какой бы то ни было мистики и метафизики. Да, идеалы имѣютъ, конечно, земное происхожденіе,

но весь вопросъ въ томъ, *какія* земныя силы ихъ порождаютъ: въ самомъ дѣлѣ и человѣческое сознаніе, и работа человѣческой мысли, творчество человѣческаго ума, вообще, душевныя потребности и способности человѣка суть несомнѣнно явленія совершенно земныя, и пониманіе исторіи вовсе не сдѣлается матеріалистическимъ только потому, что объясняться она будетъ изъ этихъ земныхъ, а не какихъ-либо, что ли, небесныхъ началъ. Нѣтъ, когда экономическіе матеріалисты говорятъ о зависимости сознанія отъ бытія, они подъ сознаніемъ исключительно разумѣютъ никакъ не то, что этимъ словомъ обозначается въ психологіи, а лишь совокупность извѣстныхъ представленій, понятій, идей, господствующихъ въ обществѣ и входящихъ въ составъ его духовной культуры, а подъ бытіемъ разумѣютъ фактическія отношенія между людьми, поскольку послѣднія опредѣляются условіями производства и обмѣна. Г. Михайловскій соглашается съ г. Струве, что „идеалы создаются дѣйствительностью, фактами“, и даже замѣчаетъ, что „доказать это въ настоящее время нетрудно, потому что это—результатъ многовѣковой работы человѣческаго ума“. Боюсь, нѣтъ ли здѣсь какого-либо недоразумѣнія, но я подъ такою формулою, столь категорически выраженною, подписаться не рѣшился бы, хотя въ дальнѣйшемъ съ г. Михайловскимъ нельзя не согласиться: „но доказать это,—продолжаетъ онъ,—не значитъ убѣдить читателей или слушателей въ непреложности экономическаго матеріализма; для этого послѣдняго требовалось бы еще доказать, что именно экономическая дѣйствительность и только она лежитъ въ основѣ всѣхъ идеаловъ“ (стр. 49). Признавая, что матеріалистическое пониманіе исторіи заключается въ томъ реализмѣ (земныя начала), который характеризуетъ современную науку, г. Михайловскій видитъ въ экономическомъ матеріализмѣ лишь частный случай такого матеріалистическаго пониманія исторіи, и прибавляетъ, что экономическому матеріализму „не полагается прятаться за столь общее положеніе, какъ объясненіе сознанія людей изъ ихъ бытія въ противоположность прежнему объясненію бытія изъ сознанія (стр. 50). Дѣйствительно, это общее положеніе рѣшительно ничего не говоритъ въ пользу экономическаго матеріализма, ибо бытіе бываетъ разное, и не одна только экономика имѣетъ привилегію называться бытіемъ. Если бы я здѣсь спорилъ съ г. Михайловскимъ, а не съ представителями экономическаго матеріализма, я бы обстоятельнѣе показалъ, въ

чемъ не могу согласиться съ г. Михайловскимъ, но для меня тутъ важно отмѣтить пунктъ согласія, а онъ заключается въ томъ, что основная мысль экономическаго матеріализма остается недоказанною. Укажемъ еще на то, что г. Михайловскій совершенно вѣрно объясняетъ, почему экономическіе матеріалисты, не довольствуясь положительнымъ утвержденіемъ, прибавляютъ къ нему и отрицательное заявленіе: „а не бытіе изъ сознанія". Точно также экономическіе матеріалисты говорятъ, что основа исторіи заключается въ экономіи эпохи, *а не* въ философіи послѣдней. Экономическій матеріализмъ явился именно, какъ реакція противъ гегельянства, думавшаго объяснять все одной философіей, и если основатели экономическаго матеріализма настойчиво твердятъ: „не въ философіи", „не изъ сознанія", то дѣлаютъ это лишь потому, что не могутъ, да и не пытаются выбиться изъ круга гегельянской мысли. У насъ въ Россіи уже нѣтъ никакого резона твердить то, что было понятнымъ въ Германіи въ эпоху, когда еще господствовала Гегелева философія (стр. 50—52). Наконецъ, г. Михайловскій совершенно вѣрно отмѣчаетъ, что „безспорныя заслуги основателей экономическаго матеріализма въ спеціально-научной области совершенно независимы отъ ихъ философіи", и что „великія научныя пріобрѣтенія нашего вѣка, теорія Дарвина, теорія единства силъ, астрономическія открытія и т. д. не имѣютъ никакого отношенія къ знаменитой гегельянской формулѣ, не изъ нея выросли, не ею орудуютъ, не къ ней приходятъ" (стр. 53).

Дальнѣйшія возраженія г. Михайловскаго касаются прежде всего отношенія г. Струве къ человѣческой личности, причемъ критикъ находитъ въ книгѣ, разсматриваемой имъ, такое же „уничтожающее презрѣніе и холодную жестокость" къ личности, какія характеризуютъ систему Гегеля (стр. 55). Затѣмъ идутъ замѣчанія на частныя мнѣнія г. Струве и между прочимъ возраженія по тѣмъ пунктамъ, въ коихъ г. Струве критиковалъ самого г. Михайловскаго. Въ концѣ статьи, кромѣ того, говорится и о практическомъ примѣненіи формулы, въ коей выражается процессъ развитія капитализма, къ нашей русской дѣйствительности. Изъ всѣхъ соображеній г. Михайловскаго въ этой части статьи мы выдѣлимъ опять-таки лишь тѣ, которыя имѣютъ прямое отношеніе къ экономическому матеріализму.

„Экономическій матеріализмъ, — говоритъ г. Михайлов-

скій,—не есть всеобъемлющая философская система, а только обломокъ ея. Воззрѣній его на природу мы, собственно говоря, почти не знаемъ... Въ экономическомъ матеріализмѣ нѣтъ философской связи между естествознаніемъ и обществознаніемъ... Казалось бы, самое матеріальное въ человѣческомъ обществѣ, это—плоть и кровь составляющихъ его членовъ, людей, индивидовъ, т.-е. элементъ біологическій, а затѣмъ матеріалистъ могъ бы спуститься еще глубже, въ область, пожалуй, физики и механическихъ теорій. Сообразно выбору той или другой изъ этихъ ступеней матеріи, понятіе объ историческомъ процессѣ могло бы получить весьма разнообразный характеръ. Но экономическій матеріализмъ выбралъ нѣчто, стоящее внѣ этихъ ступеней,—не матерію, а переработку матеріи человѣческими руками и ея передачу на извѣстныхъ условіяхъ изъ рукъ въ руки, — производство и обмѣнъ. Послѣдовательный матеріалистъ этимъ удовлетвориться не можетъ, и тотъ, кто думаетъ, что при помощи экономическаго матеріализма найдена самая сущность, самое дно вещей, которое прежде искали при помощи идеализма, жестоко ошибается: и тогда была яма глубока, и теперь въ ней дна не видно. Мало того: старая философія, хоть бы то же гегельянство, несмотря на свою основную односторонность, пыталась обнять единымъ принципомъ все сущее, а теперь мы имѣемъ лишь осколокъ ея, сугубо односторонне сосредоточивающій наше вниманіе“ (стр. 69—70). Что экономическій матеріализмъ есть обломокъ или осколокъ „лѣвой“ гегельянства, это, конечно, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, и именно какъ обломку или осколку, т.-е. ученію, не ставящему своею задачею объяснить все мірозданіе—нечего было бы ставить это въ упрекъ, но г. Михайловскій дѣйствительно вѣрно отмѣтилъ, что послѣдовательный матеріалистъ не удовлетворился бы экономическимъ матеріализмомъ, да и можетъ ли, спросили бы мы, называть это ученіе матеріализмомъ, разъ оно исходитъ 1) изъ идеи переработки матеріи человѣкомъ по извѣстному плану и 2) изъ идеи обмѣна результатами этой переработки, предполагающаго психическое взаимодѣйствіе между людьми. Въ другомъ мѣстѣ г. Михайловскій такъ же основательно замѣчаетъ, что экономическому матеріализму „слѣдовало бы сосредоточить свои силы прежде всего на доказательствѣ того, что сущность историческаго процесса состоитъ въ саморазвитіи формъ

производства и обмѣна, и что правовыя и политическія учрежденія, равно какъ религіозныя и философскія и всѣ прочія воззрѣнія каждаго даннаго періода суть только надстройки на этомъ основаніи“ (стр. 72). Къ сожалѣнію, г. Михайловскій очень мало споритъ какъ-разъ противъ этого основного утвержденія. Но зато онъ довольно много и съ успѣхомъ возражаетъ противъ формулы, будто идеалы не создаютъ дѣйствительности.

Книгѣ г. Бельтова г. Михайловскій посвящаетъ вторую половину статьи „Литература и жизнь“, въ январьской книжкѣ „Русскаго Богатства“ за 1895 г. Мы не станемъ, конечно, останавливаться на тѣхъ мѣстахъ статьи г. Михайловскаго, въ которыхъ онъ, такъ сказать, сводитъ личные счеты съ г. Бельтовымъ. Мы не станемъ также останавливаться на тѣхъ страницахъ, гдѣ г. Михайловскій возражаетъ г. Бельтову уже и по существу, указывая на то, въ какомъ вообще отношеніи находится экономическій матеріализмъ къ философіи вообще и въ частности къ матеріалистической метафизикѣ, которую, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ критикъ, авторъ „Монистическаго взгляда“ ошибочно отождествляетъ съ наукою (стр. 149). Отмѣтимъ только одно мѣсто (стр. 148), гдѣ, возвращаясь къ г. Струве, г. Михайловскій упоминаетъ, что Зиммель, усердно рекомендуемый авторомъ „Критическихъ Замѣтокъ“ въ качествѣ критическаго философа, называетъ экономическій матеріализмъ догматизмомъ, подобнымъ теоретическому матеріализму. Самое для насъ важное, это—то, что́ говоритъ г. Михайловскій по поводу пропуска г. Бельтовымъ Луи Блана изъ числа родоначальниковъ экономическаго матеріализма. Этотъ пропускъ дѣйствительно весьма страненъ [1]). Въ исторіи „Десяти лѣтъ“ есть „и борьба классовъ, и характеристика ихъ экономическими признаками, и экономика, какъ скрытая пружина политики, вообще, многое, что *позже* вошло въ составъ доктрины, такъ горячо защищаемой г. Бельтовымъ“ (стр. 150). Г. Михайловскій говоритъ еще, что идеи Луи Блана оказали не малое вліяніе на нашу литературу, въ которой „объ экономической основѣ общественныхъ явленій писалось очень много и очень опредѣленно. Почему же,—спрашиваетъ г. Михайловскій,—люди, исходя изъ этого общаго столь опредѣленнаго положенія

[1]) См. выше, стр. 211.

приходятъ къ очень различнымъ какъ теоретическимъ, такъ и практическимъ выводамъ? Любопытный вопросъ, для отвѣта на который и Бельтовъ не даетъ, однако, никакихъ матеріаловъ, да и не задается ими" (стр. 150). Дѣйствительно, вопросъ этотъ любопытный, и г. Михайловскій даже думаетъ, что указанный пробѣлъ „намекаетъ на какія-то побочныя цѣли, не имѣющія ничего общаго съ безпристрастіемъ" (стр. 150). Къ сожалѣнію, г. Михайловскій только вскользь бросилъ это важное замѣчаніе, которое можетъ быть понято,—да и то не вполнѣ,—лишь читателями, очень хорошо знакомыми съ дѣломъ, т.-е. съ историческими идеями Луи Блана и ихъ отраженіемъ въ нашей литературѣ. Любопытно также отмѣтить тѣ сопоставленія взглядовъ г. Струве и г. Бельтова, которые мѣстами дѣлаетъ г. Михайловскій. И, быть можетъ, весьма интересную самостоятельную задачу для изслѣдованія представляло бы то общее явленіе, что по многимъ весьма важнымъ и даже наиболѣе существеннымъ вопросамъ теоріи историческаго процесса представители экономическаго матеріализма совершенно не спѣлись между собою. Вообще, нужно сказать, что статья г. Михайловскаго въ январьской книгѣ „Рус. Бог." за 1895 г. даетъ очень много матеріала для критики книги г. Бельтова, его научныхъ и полемическихъ пріемовъ, но очень мало касается самыхъ основъ экономическаго матеріализма. Тѣмъ не менѣе и въ этой статьѣ всѣми интересующимися вопросомъ не безъ пользы могутъ быть прочитаны стр. 146—152.

Кромѣ г. Михайловскаго въ „Рус. Бог." за 1895 г. по поводу книгъ гг. Струве и Бельтова и вообще по поводу представляемаго ими направленія высказывались и другіе писатели, которыхъ, однако, далеко не въ такой мѣрѣ, какъ г. Михайловскаго, интересовалъ историко-философскій вопросъ объ экономическомъ матеріализмѣ. Въ первой же книжкѣ „Русскаго Богатства" за указанный годъ помѣщена статья г. Л. Зака „Историческій матеріализмъ", а затѣмъ начало статьи г. Николая—она „Апологія власти денегъ, какъ признакъ времени". Вторая изъ этихъ статей представляетъ изъ себя исключительно разборъ экономическихъ взглядовъ г. Струве, и мы на ней останавливаться не будемъ, первая же посвящена разбору взглядовъ, высказанныхъ Энгельсомъ въ его сочиненіи „Происхожденіе семьи, частной собственности и государства"; хотя она и не вызвана была непосредственно книгами

новѣйшихъ русскихъ защитниковъ экономическаго матеріализма, но мы и ее здѣсь попутно разсмотримъ.

Г. Закъ въ своей статьѣ между прочимъ задается цѣлью просто познакомить русскаго читателя съ основными принципами экономическаго матеріализма [1]) безъ всякаго намѣренія убѣдить читателя въ вѣрности или ложности этой теоріи (стр. 1). Однако, онъ не удерживается на такой точкѣ зрѣнія и выражаетъ свой взглядъ на эту теорію. Марксъ „высказалъ свою точку зрѣнія на историческій процессъ мимоходомъ и не подкрѣпилъ ея фактической аргументаціей". Предъявивъ ее очень сжато, онъ далъ „широкій поводъ для комментаріевъ всякаго рода, и потому въ воззрѣніяхъ многихъ марксистовъ оказывается достаточная доза собственныхъ добавленій" (стр. 2). „Сказать, что въ основѣ общественной жизни вообще лежитъ экономическій факторъ вообще, не значитъ еще держаться экономическаго матеріализма въ томъ видѣ, какъ его понималъ Марксъ: экономическій факторъ и процессы производства, хотя и однородны, но не тождественны; первый относится къ послѣднимъ, какъ общее понятіе къ частнымъ; процессы производства, это — только одно слагаемое, хотя и первенствующее среди многихъ другихъ, составляющихъ сумму экономическаго фактора... Марксъ не обосновалъ и не аргументировалъ своего положенія о первичности способа производства по отношенію ко всѣмъ явленіямъ общественной жизни. Онъ много разъ собирался это сдѣлать, но его теорія такъ и осталась безъ аргументировки, остовомъ, скелетомъ безъ крови и мускуловъ. Послѣдователи его ограничивались выясненіемъ экономической подкладки отдѣльныхъ историческихъ движеній, не давая, однако, полной, удовлетворяющей научнымъ требованіямъ теоріи зависимости соціальныхъ явленій отъ способовъ производства. Если бы даже было доказано, что большое количество фактовъ свидѣтельствуетъ объ этой зависимости, все-таки оставалось бы еще выяснить ея раціональныя причины; кромѣ

[1]) Г. Закъ за критикой марксизма отсылаетъ къ моей статьѣ въ „Вѣстникѣ Европы". Это не совсѣмъ точно, ибо я критикую въ ней не марксизмъ вообще, а только одну изъ его составныхъ элементовъ (экономическій матеріализмъ). Въ изложеніи экономическаго матеріализма г. Закъ пользуется преимущественно Мерингомъ.

вопроса: какъ? необходимо еще отвѣтить на вопросъ: почему? Непосредственный исполнитель литературнаго завѣщанія Маркса, Фр. Энгельсъ, также не исполнилъ этой задачи, хотя онъ довольно часто полемизировалъ по поводу историческаго матеріализма". Попытку Энгельса обосновать послѣдній на томъ, что „люди должны прежде всего имѣть пищу, платье, жилище, для того, чтобы быть въ состояніи заниматься политикой, наукой, искусствомъ", — эту попытку г. Закъ справедливо отказывается признать удачной: „изъ того, что голодное брюхо къ ученію глухо, трудно вывести категорическое заключеніе, что человѣкъ всегда, главнымъ образомъ, руководствуется побужденіемъ желудка" (стр. 4—6). „Историческое воззрѣніе Маркса,—говоритъ г. Закъ въ другомъ мѣстѣ,—было часто неправильно понято, а еще чаще неправильно истолковано... Марксъ, конечно, не можетъ быть отвѣтственъ за то непреднамѣренное злоупотребленіе, которое сдѣлали изъ его теоріи ограниченные умы, объявившіе себя его учениками" (стр. 14). Г. Заку кажется, что экономическій матеріализмъ Маркса долженъ быть понимаемъ лишь какъ *методъ* (курсивъ г. Зака) изслѣдованія историческихъ явленій, а не какъ принципъ для ея конструированія (стр. 15), но мы въ данномъ случаѣ позволимъ себѣ не согласиться съ авторомъ: марксисты въ вопросѣ объ экономическомъ матеріализмѣ совершенно вѣрно воспроизвели и вполнѣ послѣдовательно истолковали мысль самого Маркса. Зато г. Закъ надлежащимъ образомъ понимаетъ причину страстнаго отношенія къ экономическому матеріализму: это—связь этого ученія съ соціализмомъ,—но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ же вѣрно онъ находитъ, что это связь *не* необходимая [1]). „То,—говоритъ онъ,—что творцомъ его явился соціалистъ,—чистая случайность; подобное воззрѣніе на историческій процессъ могъ высказать сторонникъ любой партіи... Между экономическимъ матеріализмомъ и соціализмомъ нѣтъ никакой внутренней связи, и если ихъ такъ упорно ставятъ рядомъ и предполагаютъ между ними необходимую зависимость, то это—недоразумѣніе, объясняемое тѣми историческими условіями, при которыхъ эта теорія была впервые высказана..... Историческая гипотеза Маркса сдѣлалась орудіемъ партійной агитаціи, и разъ она была ввергнута въ водоворотъ борьбы партій, то о хладно-

[1]) Ср. выше, стр. 50 и слѣд., а также стр. 122 и 127.

кровномъ, безпристрастномъ къ ней отношеніи не могло быть и рѣчи“ (стр. 16).

„Гипотеза историческаго матеріализма,—говоритъ еще г. Закъ,—представляетъ просторъ для субъективныхъ толкованій, видоизмѣненій и дополненій сообразно со вкусомъ того или другого писателя“. Такъ поступилъ и Энгельсъ. „Не довольствуясь установленіемъ, въ качествѣ опредѣляющаго момента въ исторіи, производства матеріальныхъ продуктовъ, онъ вводитъ еще одинъ элементъ—воспроизведеніе человѣческой жизни, т.-е. семейныя отношенія. И это онъ дѣлаетъ безъ всякихъ оговорокъ, какъ будто и самъ Марксъ подъ производствомъ разумѣлъ возсозданіе не только средствъ къ жизни, но и живыхъ существъ..... Энгельсъ произвелъ только игру словъ, скажу болѣе,—прибавляетъ г. Закъ,—сыгралъ съ терминологіей своего друга злую шутку и, основываясь на этимологическомъ значеніи слова „производство“, ничто же сумняся ставитъ рядомъ съ производствомъ продуктовъ отношенія мущины къ женщинѣ“ (стр. 17). Дальнѣйшее въ статьѣ г. Зака и представляетъ изъ себя разборъ теоріи Энгельса о происхожденіи семьи, причемъ онъ постоянно отмѣчаетъ, что эта теорія вноситъ въ экономическій матеріализмъ совершенно ему чуждыя сначала воззрѣнія, и что вмѣстѣ съ этой прибавкой экономическій матеріализмъ попрежнему остается необоснованной и недоказанной доктриной (стр. 18, 26, 27, 28, 30, 32). Желающихъ познакомиться съ тѣмъ, какъ критикуетъ г. Закъ книжку Энгельса о происхожденіи семьи, собственности и государства, отсылаемъ къ самой статьѣ [1]).

[1]) Свое отношеніе къ экономическому матеріализму г. Закъ высказалъ еще въ статьѣ „Судьбы крестьянской общины въ Германіи“, помѣщенной также въ „Русскомъ Богатствѣ“. Этому именно посвященъ конецъ статьи (стр. 192—212 ноябрьской книги), причемъ авторъ вполнѣ основательно замѣчаетъ что „неизбѣжность разложенія общины (пунктъ спора между марксистами и народниками по отношенію къ русской дѣйствительности) доказывается иногда при помощи теоретическихъ положеній, но положеній, чуждыхъ окраски историческаго матеріализма“. Авторъ статьи въ данномъ случаѣ имѣетъ въ виду принципъ „единообразнаго развитія въ исторіи человѣчества“ (стр. 206). Дѣйствительно, вѣра въ „историческій законъ, которому подчиняется всякая нація“, можетъ существовать безъ при-

Въ февральской книгѣ „Русскаго Богатства“ за 1895 г. (кромѣ продолженія статьи г. Николая—она), есть еще нѣсколько замѣчаній о книгахъ гг. Струве и Бельтова въ „Современной хроникѣ“ С. Н. Южакова. Авторъ остановился здѣсь исключительно на мѣстѣ, которое экономическій матеріализмъ (подъ коимъ онъ разумѣетъ *все* воззрѣніе гг. Струве и Бельтова съ ихъ практическими заключеніями) занимаетъ въ нашихъ общественныхъ и журнальныхъ теченіяхъ, справедливо замѣчая, что прежнее экономическое теченіе („экономическій матеріализмъ стараго типа“, какъ онъ его называетъ, дѣлая представителемъ его г. Николая—она) не обособляло себя такъ рѣзко отъ этико-соціологической и народнической школъ (стр. 174 и слѣд.).

Въ мартовской книгѣ „Русскаго Богатства“ въ статьѣ: „Что же значитъ экономическая необходимость?“ г. Николай—онъ снова разбираетъ книгу г. Струве съ прибавкою къ ней на этотъ разъ и книги г. Бельтова. Авторъ, какъ мы сейчасъ видѣли, самъ признается другими за экономическаго матеріалиста (только „стараго типа“), а потому у него и нечего искать опроверженія исходнаго пункта чисто исторіологическаго ученія его противниковъ,—лишнее доказательство, что, даже исходя изъ чисто-экономическаго взгляда на исторію, можно еще стоять въ двухъ противоположныхъ лагеряхъ по отношенію къ одному и тому же марксизму въ его практическихъ примѣненіяхъ.

Въ апрѣльской книгѣ „Русскаго Богатства“ отмѣчаемъ статью г. И. Б—скаго „Нѣчто о діалектическомъ методѣ“. Авторъ указываетъ на большой интересъ, вызванный въ очень широкомъ кругу читателей экономическимъ матеріализмомъ. Въ виду этого онъ пожелалъ „познакомиться поближе съ экономическимъ матеріализмомъ и съ тѣмъ діалектическимъ методомъ, который прилагается его сторонниками къ анализу (?) общественныхъ отношеній“. Нашедши, что сочиненія Маркса „удѣляютъ очень мало мѣста этому методу и матеріалистическому пониманію исторіи“, г. И. Б—скій обратился къ Энгельсу, сочиненіе коего противъ Дюринга и сдѣлалось предметомъ его критики (стр. 44). Мы видѣли, что ге-

нятія основной идеи экономическаго матеріализма, и можно быть экономическимъ матеріалистомъ, не допуская общаго шаблона развитія. Другія замѣчанія г. Зака мы разсмотримъ ниже.

гельянская діалектика для экономическаго матеріализма (сведенія всей исторіи къ экономикѣ) имѣетъ чисто формальное значеніе, и что она получаетъ въ марксизмѣ реальный смыслъ лишь по отношенію къ вопросу о развитіи капитализма [1]), а потому все, что говорится въ статьѣ г. И. Б—скаго о діалектикѣ, прямого отношенія къ нашей темѣ не имѣетъ. Лишь самый конецъ статьи (стр. 69—72) посвященъ самому экономическому матеріализму. Вотъ что́ говоритъ здѣсь г. И. Б—скій: „смыслъ этого положенія тотъ, что всѣ *не*-экономическія формы людскихъ отношеній составляютъ только надстройку, развившуюся изъ экономическаго фундамента. Такое приравниваніе экономики фундаменту есть, конечно, не больше, какъ аналогія, но Энгельсъ и вообще матеріалисты въ исторіи полагаютъ, что фундаментъ обусловливаетъ собою всю надстройку, какъ причина—слѣдствіе, что всякое измѣненіе въ надстройкѣ есть *непремѣнно* результатъ какой-нибудь перемѣны въ экономическомъ фундаментѣ. Эта мысль не совсѣмъ вѣрна. Фундаментъ, конечно, вещь важная въ томъ смыслѣ, что нужно соразмѣрить съ нимъ величину возводимаго зданія, нужно, чтобы они другъ другу *соотвѣтствовали*; весь же дальнѣйшій характеръ зданія находится въ *прямой* зависимости не отъ фундамента, а отъ тѣхъ отношеній, которыя вырабатываются по мѣрѣ того, какъ зданіе воздвигается. Вопросъ—въ томъ, должно ли какое-либо основное свойство вещи или явленія, развивающагося *исторически*, вліять всеопредѣляющимъ образомъ на тѣ свойства ея, которыя она пріобрѣтаетъ по мѣрѣ развитія процесса и которыя, нужно думать a priori, находятся въ косвенной связи съ основнымъ свойствомъ?“ (69—70). На этотъ вопросъ г. И. Б—скій даетъ отвѣтъ отрицательный, полагая, что „на фундаментѣ можно возводить различныя постройки“, но что „искать ключа для (объясненія) происхожденія и характера производныхъ чертъ нужно еще въ чемъ-либо иномъ, а не только въ фундаментѣ“. Отмѣтивъ, что, по Энгельсу, объясненія общественныхъ перемѣнъ нужно искать не въ философіи, а въ экономіи эпохи, г. И. Б—скій говоритъ: „въ чемъ же искать причинъ самихъ экономическихъ перемѣнъ? На это Энгельсъ не отвѣчаетъ“. Мало того, критикъ ловитъ Энгельса на противорѣчіи и ловитъ,—нужно замѣтить—очень

[1]) См. выше, стр. 183.

удачно. Онъ приводитъ изъ книги Энгельса мѣсто, гдѣ говорится, что у „метафизиковъ“ изъ двухъ вещей, находящихся въ причинной связи, одна вещь всегда есть причина, другая—слѣдствіе, тогда какъ для „діалектиковъ“ причины и слѣдствія безпрерывно мѣняются мѣстами, и то, что сегодня было *слѣдствіемъ*, завтра становится *причиною* и наоборотъ. „Это значитъ,—продолжаетъ г. И. Б—скій,—что если въ одномъ случаѣ экономическій фундаментъ является причиной соціальной надстройки, то въ другомъ случаѣ они мѣняются мѣстами, т.-е. надстройка обусловливаетъ ростъ самого фундамента. Энгельсъ,—прибавляетъ критикъ,—измѣняетъ своему діалектическому знамени, когда утверждаетъ, что всеопредѣляющей причиной различныхъ общественныхъ измѣненій всегда, во всѣ времена, являлся и является экономическій факторъ, понимая подъ нимъ производство и обмѣнъ“ (71—72). Это замѣчаніе г. И. Б—скаго очень вѣско: діалектика въ пониманіи Энгельсомъ взаимоотношенія причинъ и слѣдствій и экономическій матеріализмъ, видящій постоянную причину въ одной экономикѣ, находятся между собою, дѣйствительно, въ противорѣчіи, и для спасенія экономическаго матеріализма Энгельсъ долженъ былъ бы понимать отношеніе слѣдствій къ причинамъ какъ-разъ „метафизически“, пользуясь его терминомъ, т.-е. по его же мнѣнію, ненаучно. Это надлежало бы принять къ свѣдѣнію и г. Бельтову, который слишкомъ много придаетъ значенія діалектикѣ.

Въ заключеніе г. И. Б—скій приводитъ слова Энгельса, упрекавшаго Дарвина за то, что онъ „приписалъ открытому имъ естественному подбору непомѣрную важность, сдѣлавъ его *исключительнымъ* рычагомъ измѣненія видовъ“ и тѣмъ совершивъ крупную ошибку. „Не подобную-ли ошибку,—спрашиваетъ критикъ,—совершаетъ и Энгельсъ, видя въ экономикѣ послѣднюю пружину общественной жизни?“ Отвѣтъ г. И. Б—скаго ясенъ.

Въ майской книгѣ „Русскаго Богатства“, книгу г. Бельтова подвергъ разбору г. Н. Кудринъ въ статьѣ „На высотахъ объективной истины“. Авторъ прежде всего ловитъ г. Бельтова на разныхъ промахахъ по части фактическихъ знаній и методологіи, а въ концѣ обращается къ практическимъ, жгучимъ вопросамъ русской современности. Собственно экономическому матеріализму посвящена только, такъ сказать, центральная часть статьи (стр. 153—165).

Г. Кудринъ находитъ, что попытка г. Бельтова обосновать экономическій матеріализмъ „заслуживаетъ вниманія, хотя бы уже потому, что такихъ попытокъ было вообще очень мало со стороны марксистовъ и въ Западной Европѣ и у насъ: они все больше декретируютъ истинность своихъ воззрѣній, чѣмъ уясняютъ ихъ“. Критикъ находитъ, однако, что „аргументація г. Бельтова оставляетъ въ тѣни существенныя стороны вопроса и недостаточно убѣдительна по отношенію къ сторонамъ, выдвинутымъ на свѣтъ“, причемъ г. Кудринъ „во избѣжаніе недоразумѣнія, замѣчаетъ, что самъ принадлежитъ къ людямъ, придающимъ важное значеніе экономикѣ,—важное, но не единственное“, оговаривается онъ (стр. 153). Это свидѣтельствуетъ о томъ, что со стороны г. Кудрина можно ожидать безпристрастнаго отношенія къ экономическому матеріализму, и мы думаемъ, что всякому, кто ищетъ серьезныхъ данныхъ для критики экономическаго матеріализма, слѣдуетъ прочесть отмѣченныя страницы статьи, гдѣ онъ найдетъ и фактическія данныя (статья вообще обнаруживаетъ эрудицію автора). Здѣсь мы ограничимся только передачею главныхъ мыслей г. Кудрина.

„Когда намъ говорятъ, что общественное производство, общественный трудъ, есть необходимый процессъ обмѣна матеріи между природой и человѣкомъ, живущимъ въ обществѣ, мы съ этимъ вполнѣ согласны. Но вытекаетъ ли изъ этого опредѣленія, что общественное производство есть *весь* процессъ обмѣна между природой и человѣкомъ? Конечно, нѣтъ (стр. 154). Обмѣнъ матеріи между человѣкомъ и природой происходитъ не только въ производствѣ жизни, но въ самой жизни, значитъ, во всевозможныхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельностости“. Это разъ. Во-вторыхъ, г. Кудринъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что даже въ самыхъ отсталыхъ племенахъ человѣчества „мы всегда находимъ цѣлый рядъ потребностей, которыя не принадлежатъ къ экономическимъ, и которыя тѣмъ не менѣе могутъ удовлетворяться лишь въ общежитіи. Отсюда слѣдуетъ,—заключаетъ г. Кудринъ,—что и общественныя формы выростаютъ не только изъ процесса производства, но и изъ другихъ родовъ коллективной дѣятельности людей“. Онъ напоминаетъ, напр., что у нѣкоторыхъ дикарей, „по истинѣ героическихъ поклонниковъ брюха, вопросы желудка отступаютъ порою очень явственно на задній планъ передъ потребностями украшенія и игры, т.-е. передъ

вещами, изъ которыхъ у цивилизованнаго человѣка выростаетъ цѣлый блестящій міръ искусства и эстетическаго наслажденія" (стр. 155). Факты, приводимые тутъ г. Кудринымъ, весьма любопытны. Интересенъ и анализъ первобытныхъ религіозныхъ вѣрованій и учрежденій, произведенный г. Кудринымъ: хотя онъ, конечно, новаго здѣсь ничего не говоритъ, но представители экономическаго матеріализма старое очень часто забываютъ, а ихъ послѣдователи этого стараго нерѣдко и не знаютъ, вслѣдствіе чего и не имѣютъ данныхъ для критики ученія, выводящаго (конечно, непонятнымъ образомъ) религію изъ экономіи. Между прочимъ, г. Кудринъ думаетъ даже, что „на извѣстной ступени религіозная потребность создаетъ даже едва ли не первое раздѣленіе общества на классы, съ особыми экономическими и политическими интересами". На этой почвѣ происходитъ выдѣленіе класса жрецовъ, получающаго политическое значеніе и дѣлающагося самымъ богатымъ классомъ, благодаря приношеніямъ вѣрующихъ (стр. 157). Любопытно, что такъ смотритъ на дѣло въ своей спеціальной „Geschichte des Priesterthums" Липпертъ, самъ видящій въ „попеченіи о жизни" основной мотивъ человѣческой цивилизаціи и потому зачисляемый нѣкоторыми прямо въ экономическіе матеріалисты [1]). Г. Кудринъ показываетъ далѣе, что родовыя отношенія сами вліяли на экономическія отношенія. „Совокупное значеніе, — говоритъ онъ, — семейно-родовыхъ и религіозныхъ началъ для чисто экономическаго строя признается всѣми мало-мальски серьезными изслѣдователями", опирающимися на многочисленные факты. Вмѣстѣ съ этимъ и элементъ политическій (принудительный элементъ въ общежитіи), существующій уже на очень раннихъ ступеняхъ общественнаго развитія, тоже не можетъ быть объясненъ изъ одной экономики. Не одна она, а вся совокупность реальныхъ условій жизни вырабатываетъ солидарность отдѣльныхъ членовъ одного и того же племени (стр. 160); да и властолюбіе (это политическое „искусство для искусства") принадлежитъ къ разряду чувствъ, несомнѣнно существующихъ, и притомъ отдѣльно отъ корыстолюбія [2]). Интересны также совершенно идущія въ разрѣзъ съ „марксистскими" объясненіями указанія на значеніе людоѣд-

[1]) См. выше, стр. 229.

[2]) Это напоминаетъ любовь къ почету (l'honorifique) Лакомба.

ства (стр. 161—163). Марксисты въ войнѣ первобытныхъ людей видятъ низшую ступень въ развитіи правильныхъ способовъ экономическаго производства: это — охота на людей. Оказывается на основаніи фактическихъ данныхъ, что въ странахъ, обиженныхъ природою, постоянная голодовка не вызываетъ, однако, дикарей на подобнаго рода „охоту", и что, наоборотъ, людоѣдство процвѣтаетъ иногда среди такой природы, гдѣ въ подобной „охотѣ" надобности совершенно могло бы и не быть. Притомъ людоѣды нерѣдко оказываются стоящими на болѣе высокой ступени развитія, чѣмъ племена, не занимающіяся антропофагіей. Между прочимъ, г. Кудринъ указываетъ на роль суевѣрія въ возникновеніи людоѣдства.

Г. Кудринъ дѣлаетъ и нѣсколько общихъ замѣчаній объ исторической теоріи г. Бельтова. Онъ „не безъ нѣкотораго удовольствія" отмѣчаетъ (стр. 163), что г. Бельтовъ признаётъ значеніе въ общественномъ развитіи за „тою суммою понятій и чувствъ", которую называетъ психологіей общества, и что въ развитіи человѣческой мысли онъ не отрицаетъ существованія „своихъ особенныхъ законовъ" [1]. „Если въ мірѣ логическомъ, — говоритъ г. Кудринъ, — есть свои законы развитія, если прошлое идей опредѣляетъ ихъ настоящее, то прошлое идей этого даннаго общества можетъ вліять на настоящее и будущее идей другого общества, лишь бы между тѣмъ и другимъ былъ идейный обмѣнъ... Если даже и допустить, что извѣстнаго рода понятія и воззрѣнія выростаютъ лишь изъ извѣстной экономической почвы (г. Кудринъ самъ этого, разумѣется, не признаётъ), эти понятія и воззрѣнія могутъ быть привиты къ психологіи другого общества, хотя бы экономическія отношенія послѣдняго и довольно значительно разнились отъ перваго. А разъ психологія мѣняется подъ вліяніемъ привитыхъ началъ, измѣняется и отношеніе общества къ его собственнымъ экономическимъ формамъ, и измѣнившіеся „органы" направляютъ его на выработку иныхъ жизненныхъ условій" (164—165). Это теоретическое разсужденіе, напоминающее намъ мысли и нѣкоторыхъ другихъ изслѣдователей экономическаго матеріализма по вопросу о вліяніи „психологіи" одного общества на „психологію" дру-

[1]) Ср. у насъ выше, стр. 224 и слѣд.

гого [1]), служитъ для г. Кудрина переходомъ къ разбору взглядовъ г. Бельтова на нашу родную дѣйствительность.

Наконецъ, изъ статей „Русскаго Богатства", касающихся экономическаго матеріализма вообще и въ частности его представителей въ русской литературѣ, назовемъ статью г. Зака „Судьбы крестьянской общины въ Германіи". Въ этой статьѣ есть нѣсколько заключительныхъ страницъ [2]) съ общими замѣчаніями объ экономическомъ матеріализмѣ. Дѣло идетъ именно о томъ мѣстѣ въ сочиненіи Маркса „Zur Kritik der politischen Oekonomie", гдѣ говорится о причинахъ общественныхъ перемѣнъ [3]). Данную тамъ формулу авторъ провѣряетъ на исторіи нѣмецкой крестьянской общины и доказываетъ, что эта исторія не подтверждаетъ теоріи, такъ какъ „мы не видимъ никакого переворота въ производительныхъ силахъ, который, предшествуя процессу разрушенія общины, относился бы къ нему, какъ причина къ слѣдствію" (стр. 194). Отсюда авторъ переходитъ къ болѣе общей темѣ. „Думать,— говоритъ онъ, — что въ основѣ общественной борьбы лежатъ исключительно матеріальныя побужденія, значитъ признавать, что дѣйствіями человѣка руководитъ одно стремленіе—стремленіе къ пополненію мошны; это значитъ воскресить того блаженной памяти абстрактнаго человѣка, котораго призвала къ жизни вульгарная политическая экономія и котораго почти похоронила новѣйшая экономическая наука" (стр. 194—195). Впрочемъ, сами представители экономическаго матеріализма отказываются отъ идеи, что дѣйствіями людей всегда управляютъ матеріальные интересы, и въ доказательство этого г. Закъ приводитъ длинную выдержку изъ книги г. Бельтова, протестующаго противъ такого грубаго пониманія теоріи. Самъ Марксъ притомъ „говорилъ о способахъ производства, а не о матеріальномъ интересѣ; въ послѣднемъ случаѣ,— прибавляетъ г. Закъ,—онъ ничѣмъ не отличался бы отъ многаго множества другихъ мыслителей, довольно давно высказывавшихъ подобную идею" (стр. 196). Поэтому и съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма паденіе общины нельзя

[1]) Бартъ, Вейзенгрюнъ и др. Самъ г. Кудринъ цитируетъ статью Барта „Zu Hegels und Marx' Geschichtsphilosophie" (въ Archiv für Geschichte der Philosophie. Berlin. 1895).

[2]) См. выше, стр. 247, прим.

[3]) Это мѣсто приведено у насъ выше, стр. 77—78.

разсматривать, какъ результатъ борьбы общественныхъ силъ, обусловленной одною жаждою богатства. Но, по мнѣнію г. Зака, и теорія, ставящая въ зависимость отъ состоянія и развитія производительныхъ силъ исторію какихъ бы то ни было общественныхъ явленій, не менѣе неосновательна. Изложивъ по книгѣ г. Бельтова, въ чемъ заключается основная идея экономическаго матеріализма (стр. 198—200), онъ ставитъ вопросъ: „какія требованія слѣдуетъ предъявить къ теоріи, претендующей на научное значеніе?“ Эти требованія всѣмъ извѣстны: они формулированы такими теоретиками научнаго метода, какъ Милль; съ примѣненіемъ этихъ требованій на практикѣ можно познакомиться на теоріяхъ теплоты, свѣта и звука. Гипотеза экономическаго матеріализма указаннымъ требованіямъ не удовлетворяетъ. Г. Закъ различаетъ два понятія: генезисъ общественныхъ явленій и законы ихъ развитія. По теоріи экономическаго матеріализма въ томъ видѣ, какъ ее излагаетъ авторъ, „не нужно думать, что производительныя силы непосредственно связаны со всякимъ общественнымъ явленіемъ и закономъ, что отъ первыхъ можно прямо дедуцировать къ послѣднимъ“, такъ какъ „между производительными силами и всякимъ другимъ факторомъ лежитъ цѣлый рядъ промежуточныхъ инстанцій, черезъ которыя передается ихъ вліяніе. Если мы обозначимъ производительныя силы черезъ *P*, а какой-либо факторъ, положимъ— этическій, черезъ *E*, то, чтобы выяснить генезисъ послѣдняго, нужно пройти цѣлый рядъ инстанцій: *F*, *G*, *H*, *K* и пр., пока не дойдемъ до какого-либо *O*, который непосредственно зависитъ отъ *P*“ (стр. 198—199). Г. Закъ прибавляетъ, что между разными общественными явленіями можно установить цѣлую градацію по степени ихъ близости къ производительнымъ силамъ, и это совершенно вѣрно, хотя, — прибавимъ отъ себя,—бо́льшая или меньшая близость не указываетъ на то, что всѣ эти элементы въ послѣдней инстанціи исходятъ исключительно изъ экономическаго фактора. Право, конечно, напр., ближе къ экономіи, чѣмъ искусство, и при общей связи, существующей между всѣми явленіями, которыя совершаются въ обществѣ, можно установить извѣстную связь между экономіей и искусствомъ, но эта связь не только не будетъ непосредственной, но не будетъ и причинною (или генетическою), т.-е. экономія не будетъ причиною (или источникомъ) искусства. Намъ кажется, что г. Закъ на это не обращаетъ

достаточнаго вниманія и какъ будто (если мы только не ошибаемся) соглашается, что экономическій матеріализмъ, дѣйствительно, способенъ выяснить изъ производительныхъ силъ генезисъ такихъ культурныхъ явленій, какъ религія, мораль, философія, наука, поэзія, искусство. Перечисляя требованія, какія слѣдуетъ предъявлять научнымъ теоріямъ, г. Закъ не останавливается на томъ, чтобы теорія отличалась полною понятностью. Экономическій матеріализмъ очень простъ, но простота не есть синонимъ понятности: просто это ученіе потому, что все сводитъ къ одному началу, но это сведеніе экономическій матеріализмъ производитъ непонятнымъ образомъ, заставляя искать въ экономикѣ корней всей духовной культуры. Возвратимся, однако, къ г. Заку.

Онъ спрашиваетъ: что̀ можетъ дать соціологіи экономическій матеріализмъ?—и отвѣчаетъ такъ: „по увѣренію г. Бельтова, онъ выясняетъ только генезисъ общественно-историческихъ явленій, т.-е. ихъ происхожденіе. Другими словами, экономическіе законы отнюдь не могутъ дать законовъ развитія всѣхъ соціальныхъ явленій. Чтобы отъ экономіи умозаключать, положимъ, къ искусству, нужно принять во вниманіе цѣлый рядъ обстоятельствъ, изъ которыхъ только одно послѣднее, самое отдаленное непосредственно связано съ производительными силами. Выходитъ,—продолжаетъ г. Закъ,— что всякая категорія явленій развивается по своимъ собственнымъ законамъ; но если мы пожелаемъ узнать, что же было въ началѣ началъ, то намъ скажутъ, что тамъ свѣтится огонекъ производительныхъ силъ. Путаница общественно-историческихъ явленій отъ этого не уменьшается, сложность ихъ законовъ отъ этого не упрощается. Факторъ A связанъ съ B, B съ C, C съ D, и только D непосредственно познаетъ сладость объятій производительныхъ силъ; а такъ какъ и B, и C, и D другъ на друга вліяютъ, то законы A основываются не на одномъ только развитіи производительныхъ силъ, а и на другихъ факторахъ (стр. 205)... Мы можемъ, — говоритъ еще авторъ,—превосходно выяснить генезисъ какой-либо категоріи явленій и ничего не выиграть въ смыслѣ открытія законовъ ихъ развитія. Знать происхожденіе явленія важно, необходимо, но это одно не въ состояніи дать всего, что требуется отъ научной теоріи. Теоріи создаются для того, чтобы съ ихъ помощью разобраться въ путаницѣ явленій, подмѣтить въ этихъ послѣднихъ единообразіе, открыть законы ихъ

развитія, порядокъ сосуществованія и послѣдовательности. Экономическій матеріализмъ—въ томъ видѣ, какъ его основныя положенія сформулированы въ книжкѣ г. Бельтова, изъ которой мы заимствовали приведенныя выше выдержки—безсиленъ съ этой точки зрѣнія. Вмѣстѣ съ расширеніемъ своихъ рамокъ, теорія экономическаго матеріализма въ такой постановкѣ теряетъ свое значеніе для объясненія историческихъ фактовъ... Сторонникамъ экономическаго матеріализма необходимо считаться съ вопросомъ о томъ, въ состояніи ли теорія выдержать бремя накопившихся до сихъ поръ фактовъ. Для защиты теоріи они должны указать, что она подтверждается исторической дѣйствительностью. До сихъ поръ еще такихъ доказательствъ мы не имѣемъ“ (стр. 206).

Съ конечнымъ выводомъ г. Зака мы совершенно согласны, но намъ кажется, что, настаивая здѣсь на полной непригодности экономическаго матеріализма для открытія законовъ, управляющихъ разнаго рода общественными явленіями,—критикъ какъ будто уступаетъ экономическому матеріализму: по вопросу о генезисѣ всѣхъ этихъ явленій онъ только различаетъ между явленіями, стоящими къ экономической основѣ ближе или дальше отъ нея отстоящими, не задавая себѣ, однако, при этомъ вопроса, откуда же берутся промежуточныя инстанціи, не позволяющія, напр., проявленіямъ художественнаго творчества испытать „сладость объятій производительныхъ силъ“. Соображенія г. Зака о *законахъ развитія* очень важны, но дѣло въ томъ, что и по вопросу о *генезисѣ* всѣхъ общественныхъ явленій экономическій матеріализмъ не можетъ быть признанъ за сколько-нибудь удовлетворительную гипотезу. Впрочемъ, разсужденіе г. Зака главнымъ образомъ имѣетъ то значеніе, что если бы даже всѣ культурныя и соціальныя явленія и получили, дѣйствительно, чисто экономическое происхожденіе, это еще ничего не рѣшало бы относительно законовъ развитія этихъ явленій. Для автора статьи о крестьянской общинѣ было важно показать, что изъ сведенія всей исторической жизни къ экономикѣ еще нельзя выводить никакихъ пророчествъ относительно судебъ такого учрежденія, каково общинное землевладѣніе. Своей цѣли онъ достигъ, но было бы ошибочно думать, что авторъ самъ стоитъ на точкѣ зрѣнія экономическаго матеріализма въ смыслѣ признанія за всѣмъ содержаніемъ исторической жизни человѣчества чисто экономи-

ческаго генезиса. Оспаривая преимущественно послѣднюю идею, мы можемъ только сожалѣть, что въ статьѣ г. Зака не видно болѣе рѣшительнаго отношенія къ этой идеѣ, какъ тоже не могущей имѣть научнаго обоснованія [1]).

[1]) Глава эта была нами уже дописана, когда мы въ дек. кн. „Русскаго Богатства" въ статьѣ С. Н. Южакова „Дневникъ журналиста" прочитали слѣдующее разсужденіе объ экономическомъ матеріализмѣ, которое здѣсь цѣликомъ и приводимъ. „Экономическіе матеріалисты смѣшиваютъ политико-экономическое и соціологическое изученіе общественныхъ явленій, но, конечно, мы не обязаны слѣдовать за ними въ этой методологической ошибкѣ. Мы уже знаемъ, что политическая экономія пользуется методомъ изолирующей гипотезы и можетъ поэтому указать намъ, что̀ произошло бы въ обществѣ, если бы всѣ его члены имѣли одно стремленіе пріобрѣсти больше богатства съ затратою меньшаго труда, и никакихъ другихъ чувствъ, идей и желаній, и если бы въ обществѣ была одна культурная сила, богатство, и никакой иной, ни государства, ни церкви, ни науки, ни обычая, ни нравственности, ни органической природы, ни исторической и физической среды. Другими словами, политическая экономія намъ объясняетъ, куда *влекутъ* общественное развитіе культурный факторъ богатства и соотносительная ему дѣятельность личностей, направляемая къ обогащенію, куда влекутъ, а не куда приводятъ. Законовъ тяготѣнія общественнаго развитія подъ вліяніемъ одного изъ его факторовъ, а не законовъ самого развитія можно требовать отъ политической экономіи, и когда экономическіе матеріалисты требуютъ установить законы развитія, они невольно выходятъ изъ политико-экономическаго метода и прибѣгаютъ къ соціологическому. Политико-экономическія работы извѣстнаго основателя школы экономическаго матеріализма составляютъ простое продолженіе работъ Смита и Рикардо, строго держащееся политико-экономическаго метода изолирующей гипотезы. Эти работы имѣютъ большую научную цѣну, но онѣ сегодня намъ не подлежатъ. Не изъ нихъ, во всякомъ случаѣ, сдѣланы извѣстные выводы о первенствующемъ коренномъ значеніи экономическаго элемента и о необходимомъ трехчленномъ развитіи общества по тремъ экономическимъ фазисамъ—натуральному, капиталистическому и общественному. Политико-экономическія работы и не могли ничего подобнаго установить, такъ какъ онѣ, по самому методу своему, игнорируютъ всѣ остальныя общественныя явленія (какъ же установить между ними связь и соотношеніе?) и имѣютъ дѣло съ возможностями (если другіе факторы не помѣшаютъ и не видоизмѣнять), а не съ

Другіе наши журналы также обратили вниманіе на книги гг. Струве и Бельтова, но по числу статей, посвященныхъ этому предмету, ни одинъ журналъ не даетъ такого обильнаго матеріала для критики экономическаго матеріализма, какъ „Русское Богатство“.

Въ „Недѣлѣ“ и въ „Новомъ Словѣ“ противъ обоихъ представителей экономическаго матеріализма высказался г. В. В., противъ котораго, между прочимъ, такъ же, какъ и противъ г. Михайловскаго, были направлены полемическія стрѣлы гг. Струве и Бельтова. Г. В. В., какъ извѣстно, представитель народничества. Съ гг. Струве и Бельтовымъ его раздѣляетъ, главнымъ образомъ, разное пониманіе судебъ капитализма въ Россіи, раздѣляетъ и разное пониманіе соціальной роли интеллигенціи; но по своимъ общимъ исторіологическимъ взглядамъ онъ раньше былъ довольно близокъ къ экономическому матеріализму, да и теперь, повидимому, не стоитъ прямо въ отрицательномъ къ нему отношеніи. Поэтому возраженія его направлены не столько противъ исторіологическихъ, сколько противъ публицистическихъ идей обоихъ представителей экономическаго матеріализма. Послѣдняго онъ касается лишь слегка, но тамъ, гдѣ ему приходится упоминать объ этой теоріи, отношеніе его къ ней у него все-таки критическое.

По поводу книги г. Струве г. В. В. напечаталъ статью въ №№ 47, 48 и 49 „Недѣли“ за 1894 г. подъ заглавіемъ „нѣмец-

конкретностями. И дѣйствительно, сторонники экономическаго матеріализма для оправданія своей формулы обратились къ философіи и на основаніи философскихъ обобщеній универсальныхъ законовъ, управляющихъ космосомъ и его развитіемъ, попытались философски истолковать общественное развитіе. Философія Гегеля послужила имъ для этого истолкованія. Въ 1848 г. это обращеніе къ гегелевской философіи не было еще абсурдомъ, но въ настоящее время, черезъ полстолѣтіе, съ тѣхъ поръ протекшее, между философами объ этой философіи уже даже не спорятъ. Она устранена и составляетъ вполнѣ изжитый моментъ. Обращеніе къ этому историческому памятнику за руководительствомъ въ дѣлѣ соціологическаго истолкованія, конечно, не можетъ быть названо раціональнымъ и объясняется единственно отсутствіемъ достаточно крупныхъ и оригинальныхъ умовъ въ этой школѣ, основанной несомнѣнно крупными и оригинальными умами“. (Р. Б., XII, 51—52).

кій соціалъ-демократизмъ и русскій буржуаизмъ". Въ ней есть кое-какія замѣчанія объ экономическомъ матеріализмѣ, но главное содержаніе статьи относится къ спору между народничествомъ и марксизмомъ. Критикъ г. Струве нападаетъ не на самую идею, лежащую въ основѣ ученія, а на выводы, какіе изъ этой идеи дѣлаются. Онъ даже намѣчаетъ (№ 48, стр. 1546), какое, по его мнѣнію, заключеніе должно было бы явиться логическимъ результатомъ матеріалистическаго толкованія исторіи, — и упрекаетъ (стр. 1547) русскихъ послѣдователей доктрины въ томъ, что они, „вмѣсто научной разбработки этого ученія, брошеннаго въ міръ въ качествѣ голаго остова, предпочитаютъ пользоваться имъ, какъ боевымъ орудіемъ за что-то и противъ чего-то". Это показываетъ, что г. В. В. какъ-бы не можетъ отрѣшиться отъ той мысли, что въ основѣ своей экономическій матеріализмъ, быть можетъ, и правиленъ, но лишь нуждается въ научной разработкѣ и въ иныхъ выводахъ, нежели тѣ, какіе дѣлаются русскими марксистами, самъ совсѣмъ не замѣчая, что между исторіологическою концепціей экономическаго матеріализма, съ одной стороны, и русскимъ „буржуаизмомъ", какъ онъ его (неправильно и по существу, и по выраженію) называетъ, нѣтъ прямой логической связи.—Книгу г. Бельтова г. В. В. разбираетъ въ статьѣ, помѣщенной подъ двойнымъ заглавіемъ „Очерки современныхъ направленій" и „Экономическій матеріализмъ на русской почвѣ", помѣщенной въ ноябрьской книгѣ „Новаго Слова" за 1895 г. Первая половина этой статьи (главы I—IV) представляетъ собою критику экономическаго матеріализма. Г. В. В. обращаетъ вниманіе читателя на то, что, появившись около пятидесяти лѣтъ тому назадъ, экономическій матеріализмъ продолжаетъ сохранять тотъ же видъ, какой ему былъ приданъ основателями этого ученія, что онъ продолжаетъ оставаться „лишь формою, ожидающею своего содержанія",—формою, которая „за отсутствіемъ реальнаго содержанія удобно можетъ вмѣстить все, что заблагоразсудитъ вложить въ нее субъективное чувство даннаго лица". Для подтвержденія послѣдней мысли г. В. В. ссылается на то, что „разсматриваемое ученіе явилось къ намъ одновременно съ двумя различными партійными программами—одной (г. Струве), призывающей насъ въ объятія капитализма, другой (г. Бельтова), приглашающей бороться съ послѣдними—путемъ развитія сознанія производителей" (стр. 105). Предположимъ,

что гг. Струве и Бельтовъ заявятъ, что у нихъ программа одна и та же, и допустимъ, что это такъ, (хотя бы и г. В. В. былъ правъ, формулируя различіе между обѣими программами такимъ образомъ), но дѣло въ томъ, что самъ-то экономическій матеріализмъ имѣетъ, вопреки утвержденію г. В. В., весьма опредѣленное содержаніе: это, какъ опредѣляетъ самъ-же г. В. В., есть „идея зависимости различныхъ проявленій общественнаго быта отъ экономическаго строя общества“ въ связи съ идеею общественнаго развитія (стр. 100). Экономическій матеріализмъ вовсе поэтому не есть форма для любого содержанія, и то, что г. В. В. въ данномъ случаѣ называетъ содержаніемъ, есть не что иное, какъ практическіе совѣты, вовсе не вытекающіе изъ ученія о томъ, что вся жизнь общества можетъ быть сведена къ экономической основѣ. Программы гг. Струве и Бельтова суть простые придатки къ экономическому матеріализму, или вѣрнѣе, послѣдній есть совершенно ненужный къ нимъ привѣсокъ, безъ котораго подобныя программы легко могли бы обойтись, ибо для доказательства вѣрности любой изъ этихъ программъ экономическій матеріализмъ, будь онъ самъ совершенно даже вѣренъ, дать ничего не дастъ, да и дать не можетъ [1]). Зато г. В. В. вполнѣ правъ, когда указываетъ, что представители экономическаго матеріализма „съ чисто сектантской ревностью“ держатся даже за внѣшнія, отжившія формы своего ученія, за метафизическія разсужденія Гегеля (стр. 106).

„По личному своему настроенію,—говоритъ г. В. В.,—и согласно интересамъ той программы, какую мы представляемъ, мы вовсе не расположены бороться съ основной идеей того ученія, какое будто бы [2]) защищается г. Бельтовымъ. Не будучи же спеціалистомъ-исторіософомъ, я избавленъ отъ обязательства разбирать, насколько аргументація г. Бельтова способна поддержать развиваемую имъ гипотезу. Въ виду сказаннаго,—заключаетъ г. В. В.,—мы остановимся на той части труда автора, въ которой онъ съ высоты теоріи экономическаго матеріализма оцѣниваетъ нѣкоторыя явленія русской литературы“ (стр. 111). Итакъ, г. В. В. отказывается отъ историко-философской критики экономическаго матеріализма, который онъ опять-таки понимаетъ не въ тѣсномъ смыслѣ

[1]) См. выше, гл. V.

[2]) Мы бы не поставили здѣсь этого „будто бы“.

основной історіологической концепціи, а въ смыслѣ извѣстной фракціи марксизма съ ея особымъ отношеніемъ къ русской литературѣ и русской дѣйствительности. Впрочемъ, въ одномъ лишь отношеніи г. В. В. отступаетъ отъ своего намѣренія: онъ останавливается на гегельянствѣ г. Бельтова (стр. 112 и слѣд.). Мы все-таки думаемъ, что не „гегельянщина"— самое важное въ экономическомъ матеріализмѣ, и что отъ того или другого къ ней отношенія съ нашей и съ чьей бы то ни было стороны нисколько не можетъ зависѣть нашъ взглядъ на самое существо идеи, выводящей религію, мораль, философію, поэзію и искусство какимъ-то чудеснымъ образомъ изъ экономики.—Въ томъ, что г. В. В. понимаетъ экономическій матеріализмъ именно въ самомъ широкомъ смыслѣ, читатель можетъ убѣдиться и изъ продолженія статьи, напечатанной въ декабрьской книгѣ „Новаго Слова". Замѣтимъ, что и тутъ нашего критика мало интересуетъ чисто теоретическій вопросъ. Напр., самъ г. В. В. оговаривается (стр. 73), что „не сказалъ ничего о томъ, какъ г. Бельтовъ поставилъ внизъ головой формулу о зависимости между экономіей и психологіей общества, высказанную основателями экономическаго матеріализма" [1]).

Возвращаемся къ первой части статьи. Въ ней г. В. В. довольно подробно останавливается на теоріи г. Бельтова о взаимодѣйствіи между мнѣніями или нравами, съ одной стороны, и общественными отношеніями, съ другой, причемъ основательно замѣчаетъ, что факторъ, произведшій и нравы, и учрежденія, не можетъ принадлежать къ послѣднимъ двумъ элементамъ (стр. 116). „Нельзя,—говоритъ авторъ,—выйти изъ путаницы взаимовліяній, вырвавъ изъ нихъ, положимъ, интеллектуальный факторъ или государственное устройство и поставивъ его въ качествѣ первопричины, произведшей всѣ прочія мнѣнія и общественныя отношенія; нельзя этого сдѣлать, потому что и то, и другое, и третье уже состоятъ включенными въ формулу взаимодѣйствія. Такимъ образомъ, историческій факторъ, дающій происхожденіе и опредѣляющій развитіе общественной среды и мнѣній, самъ долженъ стоять внѣ того и другого, долженъ быть дѣйствительно

[1]) Дѣло идетъ о взглядѣ г. Бельтова на счетъ того, что „медленная психологическая эволюція предшествуетъ экономической революціи" (Бельтовъ, 176). Ср. у насъ выше, стр. 225.

чѣмъ-то для двухъ первыхъ вещей постороннимъ, чѣмъ-то третьимъ" (стр. 117). Какъ матеріалистъ, г. Бельтовъ этому „третьему" долженъ былъ придать матеріальный характеръ и притомъ найти его внѣ человѣка и внѣ общества, разъ онъ хотѣлъ подражать Гегелю, замѣнивъ только „духъ" „матеріей". Искомое „третье" должна была бы представить собою географическая среда, и на этомъ г. Бельтову слѣдовало бы и остановиться (стр. 118), но онъ на этомъ не остановился, а замѣнилъ внѣшнюю матеріальную среду въ сущности внутренними отношеніями общества, взятыми съ ихъ экономической стороны. Эти немногія соображенія г. В. В. дѣйствительно вскрываютъ одну изъ слабыхъ сторонъ теоріи г. Бельтова, хотя критикъ не постарался развить всей своей мысли на этотъ счетъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ мы видѣли [1]), г. Бельтовъ, признавая совершающееся внутри общества взаимодѣйствіе разныхъ сторонъ его бытія, ищетъ общую основу взаимодѣйствующихъ силъ не въ чемъ иномъ, какъ въ одной изъ сторонъ этого же самаго общественнаго бытія. Переходя къ общей характеристикѣ современнаго состоянія разсматриваемой теоріи, г. В. В. замѣчаетъ, что сочиненіе г. Бельтова не даетъ обоснованія теоріи (122). Марксъ не имѣлъ учениковъ-сотрудниковъ, и между его послѣдователями „не нашлось нѣсколькихъ человѣкъ, настолько прилежащихъ наукѣ, чтобы бороться за исповѣдуемое ими ученіе научнымъ его обоснованіемъ. Гипотеза экономическаго матеріализма наибо̀льшимъ успѣхомъ обязана партійнымъ соображеніямъ и расчетамъ". Г. В. В. находитъ, что нынѣшніе руководители нѣмецкаго рабочаго движенія „даже злоупотребляютъ идеей предполагаемой преимущественной связи, именно, ихъ программы съ научно-философскимъ пониманіемъ историческаго процесса" (стр. 123). Указаніями на необоснованность теоріи экономическаго матеріализма и кончается эта часть статьи г. В. В. Продолженіе ея не представляетъ интереса съ той точки зрѣнія, съ которой мы разсматриваемъ здѣсь этотъ предметъ.

Я не буду останавливаться на мелкихъ замѣткахъ, вызванныхъ книгами гг. Струве и Бельтова въ „Русской Мысли". Кромѣ нихъ, въ этомъ журналѣ (за авг. и сент. 1895 г.) появилась объ обѣихъ книгахъ большая статья Л. Е. Оболенскаго подъ заглавіемъ „Новый расколъ въ нашей интелли-

[1]) См. выше, стр. 217 и слѣд.

генціи“. Какъ и подобаетъ по характеру разбираемыхъ имъ произведеній, авторъ останавливается на вопросѣ: должны ли мы пережить ту стадію экономическаго развитія западной Европы, которая называется капитализмомъ? Но г. Оболенскій касается и экономическаго матеріализма, въ коемъ онъ видитъ „теоретическій фундаментъ“ для доказательствъ, приводимыхъ гг. Струве и Бельтовымъ въ пользу своей идеи о необходимости для Россіи пережить капиталистическую стадію развитія (кн. VIII, стр. 30). Къ сожалѣнію, г. Оболенскій отождествляетъ понятія „экономическаго“ и „діалектическаго“ матеріализма, какъ-бы не замѣчая того, что экономическій матеріализмъ касается содержанія историческаго процесса, который по формѣ можетъ быть и недіалектическимъ, тогда какъ діалектическая сторона ученія относится именно къ пониманію формы этого процесса, по содержанію своему могущаго быть и не экономическимъ [1]). Въ самой теоріи гг. Струве и Бельтова ихъ общій критикъ интересуется болѣе именно вопросомъ о соціальномъ развитіи, подчиненномъ у обоихъ авторовъ діалектическимъ законамъ, чѣмъ о происхожденіи всего того, что́ послѣдователи историологической идеи Маркса и Энгельса называютъ надстройкою надъ экономическимъ фундаментомъ, хотя это-то и есть основной принципъ всего экономическаго матеріализма. Мѣстами (стр. 34 и 42) г. Оболенскій готовъ даже согласиться съ основнымъ положеніемъ экономическаго матеріализма, но для того, чтобы показать, какъ изъ этого положенія можно сдѣлать совсѣмъ иные выводы, а это значитъ, что экономическій матеріализмъ, дѣйствительно, вовсе ненуженъ для обоснованія взглядовъ гг. Струве и Бельтова на нашъ капитализмъ и на нашу интеллигенцію. Тѣмъ не менѣе критикъ не считаетъ нужнымъ сдѣлать такое заключеніе, подчеркнуть мысль о томъ, что „теоретическій фундаментъ“ экономическаго матеріализма можетъ пригодиться и для иныхъ построекъ, чѣмъ та, какую воздвигаютъ гг. Струве и Бельтовъ. Конечно, съ основнымъ положеніемъ экономическаго матеріализма г. Оболенскій соглашается лишь условно и спѣшитъ заявить, что „считаетъ это положеніе (т.-е. то, что „психологическая эволюція совершается только экономическими условіями“) пока недоказаннымъ и являющимся простою дедукціею изъ гипотезы“ (стр. 43). Что касается до

[1]) Ср. выше, стр. 85 и др.

самой этой гипотезы, по которой „все зиждется на экономическомъ процессѣ“, то по такому капитальному вопросу г. Оболенскій никакъ не высказывается, но тѣмъ не менѣе у него есть одно весьма важное замѣчаніе, изъ коего онъ дѣлаетъ кое-какіе выводы для опроверженія гг. Струве и Бельтова по ихъ взглядамъ на капитализмъ, но котораго, къ сожалѣнію, не развиваетъ въ чисто-теоретическомъ направленіи. „Даже допустивъ, — говоритъ онъ (стр. 43), — что гипотеза вѣрна, надо черезъ-чуръ съузить пониманіе самой этой гипотезы, чтобы видѣть, напр., въ юридическихъ учрежденіяхъ Запада только продуктъ капитализма“. Дѣло въ томъ именно, что между сведеніемъ всей исторіи къ экономическому процессу, съ одной стороны, и пониманіемъ экономическаго процесса, какъ возникновенія развитія и (будущаго) паденія капитализма, съ другой,—нѣтъ необходимой, логической связи [1]), и если, даже дѣлая уступки экономическому матеріализму, г. Оболенскій даетъ другія объясненія историческихъ фактовъ и приводитъ къ инымъ выводамъ, чѣмъ гг. Струве и Бельтовъ, то это доказываетъ лишь одно: сведеніе всей исторіи къ экономикѣ еще не заключаетъ въ себѣ необходимости понимать законы экономическаго развитія извѣстнымъ образомъ, какъ, съ другой стороны, можно раздѣлять, положимъ, взглядъ Маркса на сущность экономической эволюціи, не ставя отъ нея одной этой эволюціи въ зависимость всего историческаго процесса.

Г. Оболенскій направляетъ всѣ свои удары въ сторону діалектическаго пониманія экономической эволюціи. Тѣмъ не менѣе по частнымъ вопросамъ о взаимныхъ отношеніяхъ между экономіей и психологіей у него есть весьма дѣльныя замѣчанія. Статью тоже можно совѣтовать прочесть всякому, кто интересуется этою стороною предмета, но для того, кто сталъ бы искать въ ней какихъ-либо соображеній по основному пункту ученія, статья не дастъ никакихъ сколько-нибудь важныхъ замѣчаній. Прибавимъ, что г. Оболенскій хорошо охарактеризовалъ догматичность и субъективность книги г. Струве (стр 37 и слѣд.)

Вотъ все наиболѣе важное и существенное, что только было сказано въ нашей журналистикѣ объ экономическомъ матеріализмѣ по поводу книгъ гг. Струве и Бельтова. Под-

[1]) См. выше, стр. 50 и слѣд.

водя итоги подъ мнѣніями критиковъ этихъ двухъ книгъ, мы замѣчаемъ слѣдующее:

1) Подъ экономическимъ матеріализмомъ критики гг. Струве и Бельтова разумѣли иногда весь комплексъ мнѣній этихъ авторовъ, начиная съ того, что дѣйствительно есть экономическій матеріализмъ, и кончая тѣмъ, что̀ съ послѣднимъ связано только внѣшнимъ образомъ. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ этихъ критиковъ не только различаютъ экономическій матеріализмъ отъ всего остальнаго, что̀ съ нимъ соединилось, но и заявляютъ, что между экономическимъ матеріализмомъ и построяемыми на его основѣ публицистическими мнѣніями нѣтъ никакой внутренней связи.

2) По свойству самыхъ книгъ гг. Струве и Бельтова, имѣющихъ чисто публицистическое значеніе, критики главнымъ образомъ разбирали то, что̀ составляетъ существенное содержаніе обѣихъ книгъ. Поэтому основная идея экономическаго матеріализма не подвергалась съ ихъ стороны обстоятельному разбору, и нерѣдко они хлопотали не столько о томъ, чтобы показать неосновательность самого экономическаго матеріализма, сколько о томъ, чтобы обнаружить, что экономическій матеріализмъ, будь онъ даже вѣренъ, не можетъ служить основаніемъ для дальнѣйшихъ построеній гг. Струве и Бельтова.

3) Несмотря на все это, въ нѣкоторыхъ критическихъ статьяхъ мы находимъ все-таки и весьма вѣскія замѣчанія по поводу самого экономическаго матеріализма. Всѣ согласны въ томъ, что представители экономическаго матеріализма проповѣдуютъ совершенно догматически теорію, которая даже не заботится о своихъ доказательствахъ. Съ другой стороны, критиками сдѣлано было не мало общихъ и частныхъ возраженій противъ этой теоріи, хотя, къ сожалѣнію, никто не считалъ нужнымъ особенно настаивать на томъ, что экономическій матеріализмъ прежде всего требуетъ вѣры въ нѣчто непонятное, въ обусловленность всего содержанія духовной культуры общества, т.-е. религіозныхъ вѣрованій, моральныхъ стремленій, философскихъ взглядовъ и т. д. до формальной стороны поэзіи и искусства — способами производства и обмѣна [1]).

[1]) О томъ, что проповѣдь экономическаго матеріализма есть предметъ слѣпой вѣры, говоритъ г. Михайловскій и въ янв. книжкѣ „Рус. Бог.“ за 1896 г.

Во всякомъ случаѣ русская журнальная критика сдѣлала немало для того, чтобы раскрыть передъ читателями, что экономическій матеріализмъ, во-первыхъ, не имѣетъ подъ собою научной основы, и что будь, во-вторыхъ, онъ вѣренъ, онъ никоимъ образомъ не можетъ служить основою для того зданія, которое на немъ воздвигается. Замѣчательно и то, что среди критиковъ гг. Струве и Бельтова не было ни одного, который думалъ бы умалять значеніе экономическаго фактора въ исторіи, а нѣкоторые, быть можетъ, даже склонны преувеличивать это значеніе.

Конечно, я не думаю, чтобы вся эта критика экономическаго матеріализма могла въ скоромъ времени положить конецъ догматическому увлеченію этою исторіологическою концепціею, тѣмъ болѣе, что критики и не имѣли въ виду систематическаго разбора именно самой основы экономическаго матеріализма. Представители послѣдняго будутъ, вѣроятно, попрежнему говорить свое, довольствуясь самой ненаучной аргументаціей. Примѣръ налицо: послѣ всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами статей появилась въ печати одна вступительная лекція, которая повторяетъ всѣ логическія ошибки, какія дѣлались болѣе ранними представителями экономическаго матеріализма. Мы позволимъ себѣ разсмотрѣть и это проявленіе экономическаго матеріализма.

XIV. Взглядъ г. Туганъ-Барановскаго на значеніе экономическаго фактора въ исторіи.

Работа, о коей мы поведемъ рѣчь, озаглавлена „Значеніе экономическаго фактора въ исторіи“ и принадлежитъ перу молодого экономиста М. И. Туганъ-Барановскаго, автора книги „Промышленные кризисы въ современной Англіи, ихъ причины и вліяніе на народную жизнь“ (1894 г.). Я нарочно указываю на этотъ трудъ г. Туганъ-Барановскаго, чтобы отмѣтить въ общемъ свою солидарность съ историческою частью названнаго изслѣдованія, которою я немало и пользовался при составленіи отдѣла своей „Исторіи Западной Европы“ (томъ IV), посвященнаго экономическому пере-

вороту конца XVIII и начала XIX вѣка. Не берусь судить о достоинствахъ теоретической части труда г. Туганъ-Барановскаго, но если бы даже я и считалъ себя въ правѣ признать за нею величайшія научныя качества, это нисколько не обязывало бы меня думать, что и въ своихъ общихъ исторіологическихъ воззрѣніяхъ г. Туганъ-Барановскій совершенно правъ. Можно быть даже превосходнымъ экономистомъ, но подъ вліяніемъ односторонняго занятія своею спеціальностью совершенно неправильно судить объ исторіи вообще, смотря на нее исключительно съ экономической точки зрѣнія. Я думаю, что послѣднее какъ-разъ и случилось съ г. Туганъ-Барановскимъ. Его статья, появившаяся въ XII книгѣ „Міра Божія“ за 1895 годъ, представляетъ изъ себя вступительную лекцію, читанную осенью этого года въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Подобнаго рода лекціи всегда имѣютъ значеніе своего рода professions de foi, и, конечно, въ такихъ случаяхъ лекторъ обыкновенно излагаетъ самое важное, самое существенное изъ своихъ общихъ взглядовъ на предметъ. Г. Туганъ-Барановскій начинаетъ съ разсмотрѣнія господствовавшихъ прежде воззрѣній на то, какъ совершается исторія. Между прочимъ, онъ упоминаетъ о взглядѣ, по которому въ исторіи главную и первенствующую роль играютъ идеи. Г. Туганъ-Барановскій не хочетъ отрицать ихъ вліянія на ходъ исторіи и только спрашиваетъ, что же такое сами идеи: „являются ли онѣ результатомъ свободнаго творчества человѣческаго ума, стоящаго внѣ условій мѣста и времени, освобожденнаго отъ всѣхъ тѣхъ предразсудковъ, традицій, симпатій и антипатій, которые опредѣляютъ взгляды большинства людей, или же идеи представляютъ естественный и необходимый продуктъ своего времени, соціальной среды, изъ которой онѣ вышли“ (стр. 105)? Такъ ставитъ вопросъ г. Туганъ-Барановскій. О томъ, чтобы кто-нибудь въ настоящее время признавалъ какое-то абсолютно-свободное творчество, разумѣется, и рѣчи быть не можетъ, и если уже г. Туганъ-Барановскому понадобился вопросъ въ раздѣлительной формѣ, то нужно было бы спросить о двухъ вещахъ :1) являются ли идеи только продуктомъ среды, или же въ ихъ созданіи извѣстную роль играетъ и личное творчество, а также 2) слѣдуетъ ли эту соціальную среду понимать въ какомъ-либо болѣе широкомъ или какомъ-либо болѣе тѣсномъ смыслѣ? Г. Туганъ-Барановскій склоненъ все приписывать одной средѣ, а самую

среду понимать въ очень узкомъ смыслѣ, въ томъ именно, который въ ходу у экономическихъ матеріалистовъ. Далѣе, нашъ авторъ спрашиваетъ еще, „какъ возникаютъ и какъ дѣйствуютъ идеи въ исторіи",—и думаетъ, будто „исторія любой общественной науки можетъ дать на это вполнѣ ясный отвѣтъ" (стр. 105). Вотъ этого-то вовсе и нельзя думать. Исторія одной общественной науки можетъ показать только, какъ возникаютъ и какъ дѣйствуютъ лишь *извѣстныя* идеи. Далѣе, исторія вообще всякихъ научныхъ идей еще не можетъ показать намъ, какъ дѣйствуютъ идеи, не входящія въ категорію идей научныхъ, а напримѣръ, идеи религіозныя, метафизическія, этическія, художественныя, литературныя и проч., и проч. Наконецъ, и вообще одна исторія какихъ бы то ни было идей безъ психологіи ничего объяснить намъ не могла бы. „Любая общественная наука" можетъ дать лишь частный матеріалъ для отвѣта на общій вопросъ. Между тѣмъ г. Туганъ-Барановскій тщится извлечь общій отвѣтъ изъ исторіи политической экономіи, „идеи которой оказывали, по его мнѣнію, едва ли не наибольшее вліяніе на общественную жизнь" (стр. 105). Во-первыхъ, экономическія идеи стали оказывать вліяніе на общественную жизнь лишь со времени возникновенія политической экономіи, а во-вторыхъ, если ужъ нужно было указывать вліяніе экономическаго фактора на возникновеніе и развитіе какихъ-либо идей, то менѣе всего пригодными для этого являются идеи экономическія. Кто же сомнѣвается въ томъ, что экономическія идеи складываются подъ вліяніемъ экономическихъ отношеній? Нѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что „политическая экономія, выражаясь мягко,—какъ говоритъ г. Туганъ-Барановскій,—далеко не была чужда классовыхъ вліяній" (стр. 108). Но вѣдь, кромѣ экономическихъ идей, существуютъ идеи другихъ категорій, и вотъ если бы лекторъ разсмотрѣлъ генезисъ и эволюцію какихъ-либо научныхъ же идей, положимъ, напримѣръ, гносеологическихъ, физическихъ, химическихъ, психологическихъ и т. п., и показалъ намъ, что и онѣ порождаются экономическими отношеніями и отражаютъ на себѣ классовые интересы, это было бы по крайней мѣрѣ любопытно. Еще съ большимъ любопытствомъ мы послушали бы лектора, если бы онъ изъ экономическихъ же началъ вывелъ идеи религіозныя или моральныя. Между тѣмъ, разсказавъ на трехъ страницахъ кое-что изъ исторіи школы Адама Смита,

онъ позволяетъ себѣ сдѣлать такой общій выводъ: „все это показываетъ, какимъ образомъ возникаютъ идеи (неужели вообще идеи) въ исторіи, и какъ онѣ дѣйствуютъ на общество. Въ ихъ идеальной оболочкѣ всегда (ужъ будто бы такъ всегда?) скрывается очень грубое матеріальное содержаніе, котораго лицо, пустившее идею въ ходъ, нерѣдко совсѣмъ и не подозрѣваетъ“ (стр. 109). Вѣроятно, г. Туганъ-Барановскій тоже не подозрѣваетъ, какое грубое, сугубо грубое содержаніе заключаетъ въ себѣ его собственная, только-что нами приведенная формулировка значенія идей въ исторіи. Я не думаю только, чтобы это грубое содержаніе являлось продуктомъ современной экономической среды и какихъ-либо классовыхъ интересовъ: разъ дѣло идетъ объ идеяхъ, высказываемыхъ тѣми или другими лицами, объясненіе ихъ нужно искать, на мой взглядъ, въ психологіи этихъ лицъ. Притомъ свое воззрѣніе на идеи политической экономіи г. Туганъ-Барановскій распространяетъ на идеи вообще, а подъ послѣдними разумѣетъ исключительно идеи научныя, забывая, что масса живетъ какъ-разъ не тѣми идеями, которыя заключены въ научныхъ сочиненіяхъ. При такомъ смѣшеніи понятій одержать побѣду надъ ученіемъ о роли идей въ исторіи весьма легко. „Вліяніе научныхъ идей, — говоритъ авторъ, — въ сущности довольно ограниченно. Очень мало людей серьезно читаетъ книги, а еще меньше такихъ, на которыхъ книги оказываютъ настолько глубокое дѣйствіе, что они подъ вліяніемъ книгъ измѣняютъ свое поведеніе“ (стр. 109). Ну, а тѣ „предвзятые мысли и предразсудки“, которыми живетъ масса, и которымъ г. Туганъ-Барановскій противополагаетъ книжныя идеи, развѣ это тоже не идеи и развѣ онѣ не дѣйствуютъ въ исторіи? Нѣтъ, г. Туганъ-Барановскій точно рѣшился снять съ экономическаго матеріализма его „идеальную оболочку“, чтобы показать, что его содержаніе и на самомъ дѣлѣ очень грубо!

Поставивъ вопросъ о томъ, какъ дѣйствуютъ идеи на общество, авторъ отвѣчаетъ на другой вопросъ: какъ дѣйствуютъ книги на людей?—и этотъ вопросъ рѣшаетъ въ томъ смыслѣ, что въ сравненіи съ „предвзятыми мыслями и предразсудками, коренящимися въ душѣ“ человѣка, книги ничего не стоятъ (стр. 109). Къ сожалѣнію, онъ упускаетъ изъ виду самую малость, а именно то, что въ душѣ человѣка, кромѣ „предвзятыхъ мыслей и предразсудковъ“, полученныхъ имъ отъ „соціальной среды“, бываетъ еще сознательное стремленіе

къ истинѣ, которое заставляетъ его относиться критически и къ читаемымъ книгамъ, и къ мнѣніямъ, господствующимъ въ соціальной средѣ. Отрицая въ теоріи дѣйствіе книгъ, на практикѣ онъ — своимъ собственнымъ примѣромъ — доказываетъ противное, такъ какъ вся его историко-философская теорія объясняется некритическимъ отношеніемъ къ книгамъ. Но идемъ далѣе. Что такое эта соціальная среда, о которой говоритъ авторъ? Г. Туганъ-Барановскій даетъ ей въ общемъ хорошее опредѣленіе, признавая въ ней совокупность нравовъ, обычаевъ, вѣрованій, политическихъ и общественныхъ учрежденій, наукъ и искусствъ, однимъ словомъ, культуру (стр. 110). Не будемъ здѣсь спорить съ нимъ о томъ, въ какихъ отношеніяхъ находятся между собою личность и среда. Тутъ у насъ разныя мнѣнія, и если г. Туганъ-Барановскому кажется, что не нужно дорожить тѣмъ, что отличаетъ его, какъ личность, отъ другихъ представителей той же среды (стр. 111), то это его дѣло, а мы останемся при своемъ недоумѣніи, какъ объяснить себѣ самую возможность движенія впередъ, если менѣе всего имѣетъ въ человѣкѣ историческаго значенія та его сторона, которая отличаетъ его отъ другихъ. По этому пункту позволяемъ себѣ остаться при мнѣніи, весьма далекомъ отъ того, что говоритъ г. Туганъ-Барановскій. Пусть даже „историческій процессъ имѣетъ стихійный, безличный характеръ“ (стр. 112),—хотя, конечно, авторъ этого еще не доказалъ, — пусть даже, какъ думаетъ онъ, „историческій дѣятель не понимаетъ истиннаго смысла своей дѣятельности, руководствуется своими личными мотивами и какъ бы помимо воли исполняетъ свою историческую миссію“ (стр. 113),—хотя и этотъ мистическій фатализмъ у автора ничѣмъ необоснованъ,—пусть нерѣдкія ссылки автора на „нужды и потребности разныхъ эпохъ“ (стр. 109, 112 и т. д.) имѣютъ реальный смыслъ,—хотя нужды и потребности бываютъ только у людей и въ одну и ту же эпоху у разныхъ людскихъ группъ разныя,—пусть во всемъ этомъ г. Туганъ-Барановскій будетъ правъ (по мнѣ, конечно, онъ не правъ), для насъ пока важно одно: именно на стр. 110 онъ опредѣляетъ соціальную среду такъ, что по существу противъ него съ нашей точки зрѣнія спорить нельзя. Поэтому мы привѣтствуемъ и другое утвержденіе г. Туганъ-Барановскаго — на стр. 113: „соціальная среда не есть первичный факторъ, не поддающійся первичному разложенію; соціальная среда, это—

тѣ же люди". Кажется, ясно и просто: если это—тѣ же люди съ ихъ взаимными отношеніями, то весь вопросъ заключается въ томъ, чтобы разсмотрѣть всѣ виды взаимодѣйствія между людьми, дабы такимъ путемъ опредѣлить характеръ соціальной среды. Но г. Туганъ-Барановскій торопится заявить, что эту среду онъ безъ дальнѣйшихъ объясненій и доказательствъ понимаетъ совершенно одинаково съ экономическимъ матеріализмомъ. „Соціальная среда,—говоритъ онъ,—опредѣляется прежде всего хозяйственными отношеніями. Философія, наука и искусство, политическія учрежденія, обычаи, нравы, всѣ самыя возвышенныя проявленія человѣческаго духа имѣютъ свои корни въ условіяхъ хозяйства (сравните другое мѣсто статьи: „въ ихъ (идей) идеальной оболочкѣ всегда скрывается очень грубое матеріальное содержаніе"). Такое утвержденіе,—замѣчаетъ самъ г. Туганъ-Барановскій,—можетъ показаться очень рискованнымъ (еще бы!). Тѣмъ не менѣе (?) оно является самымъ естественнымъ и правдоподобнымъ разрѣшеніемъ вопроса о движущей силѣ исторіи (почему ?). Отбросимъ,—говоритъ далѣе авторъ,—отбросимъ всякія теоріи въ сторону и посмотримъ вокругъ" (стр. 113). И вотъ именно въ тотъ самый моментъ, когда мы имѣемъ право ждать, что авторъ начнетъ строить теорію, онъ приглашаетъ насъ „отбросить всякія теоріи" и просто посмотрѣть вокругъ, хотя самъ же въ началѣ статьи говоритъ, что безъ общихъ точекъ зрѣнія нельзя обходиться.

А между тѣмъ у г. Туганъ-Барановскаго есть все-таки и своя теорія.

„Преобладаніе въ жизни людей хозяйственныхъ интересовъ основывается вовсе не на природѣ человѣка" (стр. 113). Экономическіе матеріалисты, думающіе, что это преобладаніе обусловлено потребностью человѣка прежде всего въ пищѣ, одеждѣ и жилищѣ [1]), реальнѣе понимаютъ дѣло, чѣмъ г. Туганъ-Барановскій. И мы думаемъ, что не будь человѣческая природа такъ устроена, чтобы нуждаться въ пищѣ, одеждѣ и жилищѣ, то и хозяйственныхъ интересовъ самихъ-то не было бы. Впрочемъ, нашъ авторъ, сказавъ приведенныя слова, вѣроятно, обмолвился, ибо на стр. 114 онъ „творческою силою исторіи" признаётъ какъ-разъ голодъ, т.-е. „всю совокупность нашихъ матеріальныхъ потребностей,—потребность въ

[1]) См. выше, стр. 113.

пищѣ, одеждѣ, жилищѣ и пр.". А нѣсколько ниже авторъ прибавляетъ: „поддержаніе своего существованія во всѣ времена было главнымъ интересомъ человѣческой жизни" (стр. 114—115). Такъ мы и остаемся въ неизвѣстности, откуда все выводится — изъ человѣческой ли природы, или не изъ человѣческой природы.

Г. Туганъ-Барановскому нужно было доказать, что корни всѣхъ самыхъ возвышенныхъ проявленій человѣческаго духа находятся въ условіяхъ хозяйства. Доказываетъ ли онъ это, однако? Пытается ли онъ, по крайней мѣрѣ, начать доказываніе? Нѣтъ! Онъ только заявляетъ еще, что „нравы, обычаи, политическія учрежденія должны приспособляться къ условіямъ хозяйства, такъ какъ, если бы они не соотвѣтствовали этимъ условіямъ, то хозяйство не могло бы итти, и человѣчество лишилось бы матеріальнаго базиса своего существованія" (стр. 115). Конечно, то, что имѣетъ отношеніе къ хозяйству, должно къ нему приспособляться, но вѣдь многое отношенія къ хозяйству не имѣетъ (напр., любой религіозный догматъ, любая философская мысль, любая литературная форма и т. п.), да и хозяйство вынуждено само ко многому приспособляться (напр., къ религіи, требующей не работать въ извѣстные дни недѣли или года). Если даже и признать, что идея г. Туганъ-Барановскаго вполнѣ вѣрна и не нуждается ни въ ограниченіяхъ, ни въ дополненіяхъ, все-таки остается тайною, какъ это такъ и хозяйственныя условія порождаютъ изъ себя возвышенныя проявленія человѣческаго духа.

Г. Туганъ-Барановскій въ заключеніе говоритъ слѣдующее: „до сихъ поръ попытки экономическаго объясненія исторіи, въ томъ случаѣ, когда онѣ дѣлались умѣло и съ нужнымъ знаніемъ историческихъ фактовъ, приводили къ блестящимъ результатамъ, открывали новыя и неожиданныя историческія перспективы, и въ этомъ заключается, по нашему мнѣнію, лучшее доказательство научной состоятельности разсматриваемой доктрины" (стр. 118). Но экономическій матеріализмъ („разсматриваемая доктрина") и экономическое объясненіе исторіи безъ той предвзятой мысли, будто въ исторіи *все* должно быть объясняемо *только* экономически, далеко не одно и то же. Что касается до обоснованія научныхъ гипотезъ, то и тутъ на первомъ планѣ, конечно, должно стоять умѣлое пользованіе логическими пріемами мысли. Г. Туганъ-Барановскій думаетъ, что все дѣло въ провѣркѣ гипотезъ на фактахъ (стр. 117 и

118), но намъ кажется, что прежде всего гипотеза должна отличаться понятностью, вѣроподобностью и логичностью, а между тѣмъ нашъ умъ прямо отказывается представить себѣ, какъ могутъ быть выведены тѣ или другія возвышенныя проявленія человѣческаго духа (напр., великая поэма Данте или философія Канта) изъ способовъ производства и обмѣна. Г. Туганъ-Барановскій подобно всѣмъ другимъ сторонникамъ разсматриваемой доктрины оставилъ этотъ пунктъ неразъясненнымъ. Въ своей книгѣ, которую мы назвали выше, онъ, какъ историкъ, проявилъ въ области экономическаго быта Англіи нужное знаніе фактовъ и умѣлое пользованіе ими, но это произошло не потому, что онъ раздѣляетъ взгляды экономическаго матеріализма, а потому, что считалъ, конечно, непозволительнымъ переносить въ фактическое изслѣдованіе какія бы то ни было произвольныя утвержденія.

Многое еще можно было бы сказать по поводу лекціи г. Туганъ-Барановскаго, но и этого довольно.

XV. Что такое экономическій матеріализмъ?

У насъ теперь достаточно матеріала, чтобы высказать общее сужденіе о томъ, что́ представляетъ собою экономическій матеріализмъ, какъ историко-философская теорія, и литература экономическаго матеріализма, какъ научная разработка основной идеи этого направленія.

Эта основная идея заключается въ сведеніи въ послѣднемъ анализѣ всѣхъ сторонъ исторической жизни человѣчества къ одному экономическому ея фактору, какъ бы послѣдній ни понимался, т.-е. въ объясненіи всѣхъ культурныхъ и соціальныхъ явленій однѣми экономическими причинами, которымъ приписывается значеніе единственнаго основанія, источника и движущаго начала въ историческомъ развитіи общества. Эта идея допускаетъ, конечно, разные оттѣнки отъ признанія экономическаго фактора единственнымъ и исключительнымъ началомъ исторической жизни до признанія за нимъ только первенствующаго и наиболѣе важнаго значенія. Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ экономическій матеріализмъ есть

именно ученіе о томъ, что въ основѣ исторической жизни лежитъ экономика. Понимаемый въ значеніи болѣе широкомъ, экономическій матеріализмъ соприкасается вообще, съ одной стороны, съ тѣмъ направленіемъ исторической науки, которое наиболѣе интересуется хозяйственными явленіями общества, съ другой же—съ матеріалистическими или натуралистическими концепціями историческаго процесса, стремящимися объяснить исторію изъ дѣйствія однѣхъ внѣ человѣка лежащихъ силъ безъ самостоятельнаго участія человѣческой психики. Съ экономическимъ направленіемъ исторической науки экономическій матеріализмъ раздѣляетъ особый интересъ къ экономическимъ явленіямъ — съ тѣмъ лишь различіемъ, что названное направленіе само по себѣ, изучая спеціально эту сторону жизни, вовсе не требуетъ сведенія къ ней всѣхъ остальныхъ сторонъ жизни, какъ продуктовъ одной только хозяйственной стороны; экономическій же матеріализмъ не довольствуется постановкою экономическихъ явленій на первый планъ, а объявляетъ ихъ источникомъ, въ коемъ будто бы берутъ свое начало вообще всѣ культурныя и соціальныя явленія. Поскольку экономическій матеріализмъ дѣлаетъ одно дѣло съ экономическимъ направленіемъ исторіи, т.-е. изучаетъ экономическія явленія прошлаго и ихъ дѣйствительное вліяніе на разныя другія явленія культурно-соціальной жизни, постольку онъ лишь и можетъ имѣть научное значеніе. Но дѣло именно въ томъ, что онъ идетъ далѣе и превращается въ историко-философскую гипотезу, которая, оставаясь сама необоснованной, стремится объяснить все разнообразное содержаніе исторической жизни изъ одного начала. Всѣ историко-философскія теоріи, пытающіяся свести всю исторію къ одному движущему началу, полагаютъ его или въ духѣ, или въ природѣ. Экономическій матеріализмъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова возникаетъ именно, какъ протестъ противъ односторонняго историческаго идеализма, но представители этого направленія захотѣли найти основу исторіи не въ матеріальной природѣ самого человѣка и не въ условіяхъ внѣшней природы, а въ соціальной средѣ, окружающей человѣка, понявъ притомъ эту среду въ узко-экономическомъ смыслѣ. Сама эта среда, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, однако, [1]) совокупнымъ произведеніемъ

[1]) Особенно у г. Бельтова.

матеріальныхъ потребностей человѣка и средствъ для ихъ удовлетворенія, доставляемыхъ внѣшней природой. Такимъ образомъ въ основѣ экономическаго матеріализма, какъ историко-философскаго ученія, лежитъ не только одностороннее представленіе о содержаніи исторической жизни, но и столь же одностороннее пониманіе природы человѣка и его отношеній къ внѣшнему міру. Однимъ словомъ, для надлежащей оцѣнки экономическаго матеріализма нужно брать его въ его отношеніяхъ къ экономическому направленію исторической науки, съ одной стороны, и къ матеріалистическому, или натуралистическому пониманію исторіи, съ другой, замѣтивъ напередъ, что сколько-нибудь исключительный экономизмъ въ исторіи необходимо предрасполагаетъ и къ матеріализму.

Историческій матеріализмъ возникъ одновременно съ тѣмъ сближеніемъ между политическою экономіей и исторіей, которое породило историческую школу въ первой наукѣ и экономическое направленіе во второй, а также одновременно съ возрожденіемъ метафизическаго матеріализма, отразившагося и на натуралистическихъ попыткахъ объясненія исторіи изъ дѣйствія внѣшнихъ силъ. Но это было также эпохою начала наибольшаго обостренія соціальнаго вопроса, понятого въ своей экономической основѣ. Борьба сословій и классовъ, получившая такое значеніе со времени французской революціи, къ серединѣ XIX вѣка обнажила свою экономическую основу, и то первенствующее значеніе, какое получили въ общественной жизни экономическіе вопросы, должно было во многихъ поселить мысль, что и на всемъ протяженіи жизни человѣчества классовая борьба на экономической почвѣ есть единственная и исключительная движущая сила исторіи. Экономическій матеріализмъ, находящійся, какъ только-что было сказано, въ извѣстномъ родствѣ съ экономическимъ направленіемъ исторической науки и съ историологическимъ натурализмомъ, заключилъ довольно тѣсный союзъ съ одною изъ школъ соціализма, хотя, съ другой стороны, изъ объясненія всей исторіи одною экономіей можно дѣлать и не-соціалистическіе выводы, которые сами, наконецъ, могутъ быть мыслимы и безъ обращенія къ основной историологической идеѣ экономическаго матеріализма. Соціализмъ, какъ ученіе преимущественно экономическое, находится только въ самомъ общемъ родствѣ съ экономическимъ матеріализмомъ (подобно экономическому направленію исторіи и историологическому натурализму), по во-

обще соціализмъ и самъ не обосновывается на экономическомъ матеріализмѣ, и его не обосновываетъ. Что касается до марксизма, то чисто экономическая его теорія со всѣми ея историческими и практическими примѣненіями мыслима безъ экономическаго матеріализма, какъ и экономическій матеріализмъ, съ другой стороны, встрѣчается и безъ марксистской окраски [1]). Между тѣмъ чисто внѣшняя связь основной идеи экономическаго матеріализма съ спеціальнымъ ученіемъ Маркса о капиталѣ и капитализмѣ внесла массу недоразумѣній и въ защиту, и въ критику разсматриваемой исторіологической идеи —особенно у насъ, гдѣ вопросъ о вѣрности или невѣрности общей историко-философской теоріи былъ совсѣмъ неподобающимъ образомъ [поставленъ въ связь съ вопросомъ о томъ, нужно ли или не нужно Россіи переживать капиталистическую стадію хозяйственнаго развитія. Для надлежащей оцѣнки научнаго и философскаго значенія экономическаго матеріализма, какъ исторіологической концепціи, его нужно совершенно отдѣлить отъ того, съ чѣмъ онъ находится въ чисто внѣшней связи, т.-е. нужно отдѣлить отъ ученія Маркса о капиталѣ и капитализмѣ, отъ практической программы марксистовъ, отъ споровъ между нашими общественными направленіями о положеніи и значеніи общиннаго землевладѣнія, артелей и кустарныхъ промысловъ въ Россіи, о судьбахъ у насъ капитализма и т. п. Обо всѣхъ этихъ вещахъ можно быть различнаго мнѣнія, можно о нихъ спорить и приводить въ пользу тѣхъ или другихъ взглядовъ тѣ или другія доказательства, совсѣмъ не примѣшивая къ этому вопроса о пониманіи основъ и сущности историческаго процесса, отвлеченно взятаго; да и для рѣшенія этого вопроса совершенно безразлично, какое происхожденіе въ процессѣ производства имѣетъ капиталъ, какъ возникаетъ и развивается въ исторіи хозяйственнаго быта капитализмъ, нужно ли Россіи повторить экономическую исторію Запада и какая судьба постигнетъ наши поземельныя общины, нашихъ кустарей и наши артели. Острое и страстное отношеніе у насъ къ экономическому матеріализму объясняется именно его (въ сущности чисто внѣшнею, даже болѣе или менѣе случайною) связью съ практическими вопросами жизни. Очень многими (впрочемъ, и не у насъ однихъ) экономическій матеріализмъ при-

[1]) Напр., у Лоріа.

нимается за непреложную истину лишь потому, что въ немъ, хотя и совершенно ошибочно, усматриваютъ яко-бы научную основу для своихъ практическихъ программъ. Многіе остаются глухи къ голосу критики, разсматривающей экономическій матеріализмъ съ философской и научной точекъ зрѣнія, лишь полагая, что разрушеніе экономическаго матеріализма влечетъ за собою и разрушеніе всѣхъ ихъ идеаловъ и упованій, всѣхъ основанныхъ на нихъ практическихъ программъ. Въ настоящихъ своихъ этюдахъ мы преслѣдовали исключительно теоретическую цѣль выясненія исторіологическаго вопроса, и одною изъ нашихъ задачъ было показать одинаково и сторонникамъ, и многимъ противникамъ экономическаго матеріализма, что послѣдній, какъ историческая теорія, долженъ быть или принятъ, или отвергнутъ внѣ всякой связи съ какими бы то ни было партійными въ общественномъ смыслѣ спорами, долженъ быть или принятъ, или отвергнутъ исключительно въ зависимости отъ своей внутренней состоятельности въ философскомъ и научномъ отношеніяхъ. Между тѣмъ подъ экономическимъ матеріализмомъ у насъ разумѣется цѣлый комплексъ мнѣній о капитализмѣ, соціализмѣ, буржуазіи, пролетаріатѣ, марксизмѣ, народничествѣ, общинѣ, артели, кустарныхъ промыслахъ и т. п., и это только спутываетъ вопросъ, самъ по себѣ простой и ясный. Разсмотримъ же экономическій матеріализмъ въ его отношеніяхъ къ экономическому направленію исторической науки и къ матеріалистическому взгляду на исторію, ибо только на этой почвѣ и слѣдуетъ судить объ экономическомъ матеріализмѣ, какъ о научной и философской теоріи.

1) *Экономическій матеріализмъ и экономическое направленіе исторической науки.*—Экономическій матеріализмъ находится въ несомнѣнномъ родствѣ съ экономическимъ направленіемъ исторической науки. Послѣдняя можетъ изучать разныя стороны жизни отдѣльныхъ народовъ и всего человѣчества, и экономическія явленія въ обществѣ представляютъ изъ себя одну изъ такихъ сторонъ. Поэтому ученое направленіе, интересующееся преимущественно или даже исключительно исторіей экономическихъ явленій, имѣетъ такое же законное право на существованіе, какъ и всѣ другія возможныя въ исторической наукѣ направленія, изучающія какія-либо другія важныя стороны общественной жизни. Историческія работы, предпринимаемыя въ духѣ экономическаго матеріализма,

могутъ считаться съ научной точки зрѣнія вполнѣ законными, когда предметомъ изслѣдованія ставится въ нихъ область хозяйственныхъ явленій, но безъ предвзятой мысли, будто только эти явленія достойны вниманія науки или могутъ быть предметомъ научнаго изслѣдованія, а также будто лишь этими явленіями дозволительно объяснять все остальное, съ чѣмъ только историкъ имѣетъ дѣло въ своемъ матеріалѣ. Экономическая исторія важна сама по себѣ и важна, конечно, по своему вліянію, на другія стороны жизни, которыя, впрочемъ, и сами на нее вліяютъ. Но для того, чтобы изучать исторію съ такой точки зрѣнія, не только не нужно быть экономическимъ матеріалистомъ, но даже прямо нужно не быть экономическимъ матеріалистомъ. Ничто такъ не вредитъ научности историческихъ изслѣдованій и построеній, какъ предвзятыя мысли, мѣшающія ясно видѣть то, что есть въ исторіи, и заставляющія находить въ ней то, чего въ ней на самомъ дѣлѣ нѣтъ.

Среди представителей каждаго направленія исторической науки замѣчается склонность выдвигать на первый планъ или вообще преувеличивать значеніе той стороны жизни, которую изучаетъ данное направленіе. Экономическіе историки не составляютъ исключенія изъ общаго правила. Мало того: на нихъ это правило подтверждается даже съ особою силою. на что есть свои спеціальныя причины. Во-первыхъ, экономическія отношенія играютъ особенно важную роль въ жизни современнаго общества, и экономическіе вопросы занимаютъ особенно видное мѣсто въ теперешнемъ общественномъ сознаніи, а историческая наука всегда отражаетъ на себѣ данное состояніе и настроеніе общества. Съ другой стороны, экономическое направленіе—одно изъ самыхъ новыхъ въ наукѣ: оно обнаружило въ ней цѣлыя неизслѣдованныя области, поставило поэтому передъ изслѣдователями цѣлый рядъ новыхъ задачъ для разрѣшенія и обратило вниманіе на весьма обильный матеріалъ, которымъ прежвіе историки не пользовались. Общественная важность и научная новизна историко-экономическихъ изслѣдованій должны были выдвинуть это направленіе на первый планъ, и многіе историки, посвятившіе себя изслѣдованіямъ по программѣ этого направленія, могли весьма естественно увлечься до представленія, будто только и свѣта въ исторіи, что въ окошкѣ экономическаго направленія. Послѣднее, такъ сказать, открыло для науки цѣлую сторону исто-

рической жизни: ею, конечно, занимались и раньше, но не такъ, какъ стали заниматься теперь, когда къ экономическимъ явле ніямъ обращаются не для одного объясненія фактовъ, совершающихся въ исторіи государства и права, но и ради нихъ самихъ, какъ самостоятельнаго объекта историческаго изслѣдованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ если и прежде обращались къ экономикѣ для объясненія явленій не-экономическихъ, то теперь это обращеніе было обобщено, возведено въ принципъ: стали искать экономическихъ причинъ, основаній, условій, источниковъ для объясненія фактовъ, которые прежде объяснялись исключительно психологически. И превращеніе экономическихъ явленій въ самостоятельный предметъ историческихъ изсдѣдованій и исканіе слѣдовъ вліянія экономическаго фактора на разныя другія стороны исторической жизни суть, конечно, важныя пріобрѣтенія, сдѣланныя исторической наукою въ послѣднее время, и этому она обязана уже многими выводами, проливающими новый свѣтъ на прошлое отдѣльныхъ странъ и народовъ. Но всему должна быть мѣра. Изъ того, что въ наукѣ возникло новое направленіе, сдѣлавшее экономическую жизнь самостоятельнымъ предметомъ научнаго изслѣдованія, отнюдь не слѣдуетъ, что тѣмъ самымъ похоронены или низведены на низшую ступень другія научныя направленія исторіографіи. Равнымъ образомъ изъ того, что расширилась область экономическаго объясненія въ исторіи, вовсе не вытекаетъ, будто одно только это объясненіе и законно, всѣ же прежнія объясненія должно совсѣмъ, что называется, сдать въ архивъ, или признать за ними лишь второстепенное значеніе. Экономическое направленіе въ исторіи, склонное иногда игнорировать не-экономическія стороны жизни, грѣшитъ въ такомъ случаѣ въ первомъ отношеніи, а экономическій матеріализмъ, обращающій вниманіе на не-экономическія стороны жизни, какъ на объектъ для однихъ экономическихъ объясненій, грѣшитъ и въ другомъ смыслѣ. Родство односторонняго экономическаго направленія и экономическаго матеріализма заключается въ томъ, что оба они видятъ передъ собою одну только экономику, первое—въ качествѣ единственнаго предмета, достойнаго научнаго изслѣдованія, другое—въ качествѣ единственнаго объясненія всей исторической жизни. Поскольку обѣ родственныя школы изслѣдуютъ такую важную сторону жизни и вліяніе этой стороны на другія соціальныя и культурныя явленія, онѣ дѣлаютъ дѣйстви-

тельно научное дѣло, но только безсознательное или сознательное ограниченіе научнаго интереса и съуженіе теоретической мысли порождаютъ односторонній историческій экономизмъ, проявляющійся въ обѣихъ школахъ. Историческая наука, конечно, извлечетъ пользу изъ того, что этотъ односторонній экономизмъ способенъ дать ей цѣннаго, и никто, знакомый съ дѣломъ, не станетъ отрицать того, что эта польза уже теперь весьма значительна, что этого цѣннаго и теперь уже очень много, но никто, знакомый съ дѣломъ, не будетъ также отрицать и того, что отсюда можетъ проистекать и великій вредъ. Вредна всякая односторонность, вредны всякія предвзятыя мысли, а такихъ предвзятыхъ мыслей разсматриваемый нами экономизмъ въ исторіи заключаетъ въ себѣ немало. Вредитъ онъ между прочимъ и самому себѣ, а слѣдовательно своему дѣлу, дискредитируя себя въ глазахъ историковъ другихъ направленій своими притязаніями на абсолютное господство въ наукѣ, своимъ нерѣдко прямымъ незнаніемъ и непониманіемъ явленій чисто психическаго и культурнаго характера, своими натянутыми, невѣрными, иногда, скажу даже, просто нелѣпыми экономическими истолкованіями историческихъ фактовъ. Высоко цѣня положительныя заслуги историческаго экономизма, мы лично не можемъ не осудить самымъ строгимъ образомъ того, что въ этомъ экономизмѣ односторонне и ненаучно. Историческая наука въ своемъ исполненномъ дѣйствительнаго здоровья развитіи, конечно, справится съ этимъ болѣзненнымъ явленіемъ своего роста, тѣмъ болѣе, что въ ней это—болѣзнь не общаго, а мѣстнаго значенія. Вредъ односторонняго экономизма поэтому, на мой взглядъ, заключается не здѣсь.

Экономическій матеріализмъ имѣетъ свою популярную литературу. Его идеи распространяются, благодаря своей, правда, чисто внѣшней, связи съ жгучими вопросами современности, какъ на Западѣ, такъ и у насъ. Подъ вліяніемъ этихъ идей складывается историческое міросозерцаніе общества, и на это нельзя не обратить вниманія съ точки зрѣнія правильнаго историческаго образованія. Я не стану повторять здѣсь того, что въ разныхъ мѣстахъ писалъ за послѣдніе годы объ особой важности научнаго историческаго образованія для культурнаго воспитанія общества, для гражданскаго воспитанія общественныхъ дѣятелей. Но лишь тогда историческое образованіе, по нашему мнѣнію, можетъ дѣйствительно при-

носить благіе результаты, когда оно расширяетъ, а не съуживаетъ умственный кругозоръ, когда оно помогаетъ понимать то взаимодѣйствіе, въ какомъ находятся между собою разныя стороны общественной жизни, а не пріучаетъ доктринерски сводить все ея разнообразіе къ одному какому-либо отвлеченному принципу. Настоящее историческое образованіе должно именно противодѣйствовать всякой односторонности, всякой предвзятости. Исключительный интересъ къ одной экономической исторіи и заранѣе составленная мысль о томъ, будто только однѣ экономическія объясненія историческихъ событій вѣрны, такой интересъ и такая мысль способны только направлять людей, ищущихъ историческаго знанія, на одностороннее чтеніе, которое, конечно, не можетъ дать ни знанія, ни правильнаго пониманія всей исторической жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Мы сейчасъ будемъ особо говорить объ экономическомъ матеріализмѣ, какъ историко-философской доктринѣ, но и всякій односторонній исключительный экономизмъ въ исторіи есть направленіе одностороннее и узкое, какъ, впрочемъ, односторонне и узко всякое спеціальное направленіе въ томъ случаѣ, когда оно игнорируетъ другія направленія и возводитъ частное на степень общаго. Экономическій матеріализмъ, далѣе, грѣшитъ еще тѣмъ, что въ сущности заставляетъ принимать свои основныя положенія на вѣру, являясь ученіемъ чисто-догматическимъ. Историческое изученіе идетъ путемъ критики, а экономическій матеріализмъ основывается на нѣкоторомъ догматѣ, котораго не оправдываетъ строгонаучное экономическое направленіе, не выходящее за свои границы, и который остается до сихъ поръ—и, думаемъ мы, навсегда останется—недоказаннымъ и съ философской точки зрѣнія.

2) *Экономическій матеріализмъ, какъ историко-философское ученіе.* — Основное положеніе экономическаго матеріализма, дѣйствительно, не было результатомъ какого-либо научнаго изслѣдованія. Экономика была объявлена основою всей культурно-соціальной и исторической жизни человѣчества совершенно догматически, какъ своего рода апріорная аксіома, не требующая доказательствъ. Это, если можно такъ выразиться, составляетъ первородный грѣхъ экономическаго матеріализма. Сведеніе всего разнообразія духовной и общественной жизни народовъ къ экономическимъ явленіямъ, какъ

къ единственной основѣ всѣхъ другихъ явленій, представляетъ изъ себя не выводъ изъ фактовъ, не послѣднее слово науки, а первое слово доктрины, которая стремится подогнать всѣ факты къ заранѣе составленной идеѣ. Не даромъ экономическій матеріализмъ, какъ историко-философская теорія, зародился въ нѣдрахъ одной изъ самыхъ метафизическихъ, философскихъ системъ, какія только когда-либо существовали. Онъ, впрочемъ, и въ настоящее время не хочетъ разстаться съ гегельянствомъ. Въ концѣ девятнадцатаго вѣка даже какъ-то странно имѣть дѣло съ воскрешеніемъ философской системы, которую можно было считать на вѣки похороненною, и которая возрождается теперь къ новой жизни именно только въ одномъ экономическомъ матеріализмѣ. Представители послѣдняго пытаются обосновать истинность своего ученія на его гегельянскомъ происхожденіи, на его діалектическомъ характерѣ, но при этомъ они совсѣмъ не принимаютъ въ расчетъ двухъ вещей. Во-первыхъ, гегельянскаго въ этой теоріи только и есть одно, именно форма, а не содержаніе, такъ что съ этой стороны доводы экономическихъ матеріалистовъ не имѣютъ рѣшительно никакого значенія. Во-вторыхъ, основываться на гегелевой философіи, осужденной всѣмъ научнымъ движеніемъ второй половины XIX в., значитъ итти назадъ, значитъ не признавать тѣхъ результатовъ, которые были пріобрѣтены этимъ научнымъ движеніемъ. Въ частности, наше время понимаетъ развитіе, эволюцію совершенно иначе, нежели то дѣлалъ Гегель. Ученіе называетъ себя экономическимъ матеріализмомъ, но діалектическій процессъ, въ формѣ котораго мыслилось Гегелемъ всякое развитіе, есть процессъ логическій, а не механическій или органическій, процессъ въ области духа, а не въ области матеріи. Экономическимъ матеріалистамъ нужно было бы еще доказать, что они имѣютъ право дѣлать такое употребленіе изъ гегельянскаго пониманія развитія, что они имѣютъ, кромѣ того, право этимъ пониманіемъ замѣнять современныя, дѣйствительно чисто-матеріалистическія формулы механической или органической эволюціи.

Экономическій матеріализмъ представляется доктриною не только философски- и научно-необоснованною, но даже не разработанною, хотя бы и съ чисто-догматической точки зрѣнія. Его отношеніе къ матеріализму въ философскомъ смыслѣ остается неяснымъ, спутаннымъ. Одни его сторонники совершенно игнорируютъ вопросъ; другіе пытаются свя-

зать между собою оба эти матеріализма; третьи, наоборотъ, увѣряютъ, что матеріализмъ экономическій совсѣмъ не то, что представляетъ изъ себя матеріализмъ въ другомъ значеніи слова. На нашъ взглядъ, настоящее отношеніе обоихъ направленій таково. Если бы даже метафизическій матеріализмъ былъ правъ, это нисколько не доказывало бы правоты матеріализма экономическаго. Пусть духъ будетъ простымъ продуктомъ матеріи, пусть мысль будетъ лишь функціей мозга, это вовсе не обязываетъ искать объясненія исторіи не въ человѣкѣ со всѣми свойствами его природы, а внѣ человѣка, въ окружающей его средѣ, и притомъ не въ средѣ матеріальной, а въ средѣ общественной, взятой еще вдобавокъ лишь въ экономическихъ своихъ проявленіяхъ. Съ другой стороны, когда глубже вникаешь въ дѣло, видишь, что экономическіе матеріалисты, исходя изъ представленія о физическихъ потребностяхъ человѣка, удовлетворяемыхъ экономическою дѣятельностью, все-таки основываютъ свои разсужденія на грубо-матеріальномъ пониманіи человѣческой природы, на томъ, что человѣку прежде всего нужно имѣть пищу, одежду и пристанище, и что въ этомъ-то и заключается корень всего историческаго развитія. Такимъ образомъ, матеріализмъ въ общемъ смыслѣ вовсе не дѣлаетъ необходимымъ принятіе основной идеи матеріализма экономическаго, хотя бы послѣдній и немыслимъ безъ нѣкоторыхъ матеріалистическихъ предпосылокъ, довольно притомъ грубаго свойства. Экономическій матеріализмъ явился, какъ реакція противъ историческаго идеализма: одной крайности онъ противупоставилъ другую крайность, столь же одностороннюю и столь же мало соотвѣтствующую дѣйствительной жизни человѣка и общества.

Между тѣмъ, сторонники доктрины не только стремятся снять съ себя обвиненіе въ грубомъ матеріализмѣ, но даже заявляютъ, что ихъ ученіе по своему идеализму не уступитъ никакой другой теоріи. Однако, и ихъ отношеніе къ идеализму остается также крайне неопредѣленнымъ. Чаще всего они утверждаютъ,—и въ этомъ заключается вся суть доктрины,— что всѣ идеи, какія мы только находимъ въ сознаніи общества (и слѣдовательно, въ умѣ отдѣльныхъ лицъ), въ послѣднемъ анализѣ объясняются изъ даннаго экономическаго состоянія общества, но какимъ именно образомъ религія, философія, мораль, поэзія, искусство, наука, возникаютъ изъ экономики или ею порождаются, это остается неизреченной

тайной, проникнуть въ которую сторонники экономическаго матеріализма, впрочемъ, и не пытаются. Съ другой стороны, нѣкоторые изъ нихъ (г. Николаевъ и Вейзенгрюнъ) вносятъ въ экономическій матеріализмъ „дополненія и поправки“, въ самой основѣ разрушающія экономическій матеріализмъ. Другіе, болѣе правовѣрные послѣдователи доктрины протестуютъ противъ этого, но, сами того не замѣчая, идутъ по той же дорогѣ и вносятъ въ свое ученіе извѣстный идеализмъ, доходящій иногда до пророчества о томъ, что въ будущемъ человѣкъ, благодаря какому-то „скачку“, сдѣлается безусловнымъ господиномъ среды, что духъ восторжествуетъ надъ матеріей, и наступитъ царство духовной свободы, которое устранитъ матеріальную необходимость. Все это крайне непослѣдовательно и противорѣчиво, точно мы имѣемъ тутъ дѣло съ чисто-механическимъ соединеніемъ крайняго матеріализма со столь же крайнимъ идеализмомъ.

Экономическій матеріализмъ есть, наконецъ, попытка построить соціологію на одной политической экономіи. Онъ игнорируетъ всю соціологическую литературу, начиная съ Конта и кончая послѣдними представителями этой науки. Его не коснулись соціологическіе споры второй половины XIX вѣка. Для него прошли безслѣдно—въ смыслѣ предотвращающаго примѣра—попытки построенія соціологіи на одной біологіи (дарвинизмъ въ соціологіи, органическая школа), бывшія такими же ненаучными односторонностями, какою является и онъ самъ. Экономическіе матеріалисты не задумывались надъ вопросомъ о томъ, въ какомъ отношеніи должна находиться соціологія къ психологіи, и взаимодѣйствіе индивидуумовъ въ обществѣ поняли въ одномъ только экономическомъ смыслѣ, какъ упустили изъ виду, что и къ внѣшней природѣ у человѣка существуетъ не одно только утилитарно-экономическое отношеніе. Они не опредѣлили мѣста соціологіи въ общей системѣ знанія, мѣста политической экономіи въ кругу другихъ общественныхъ наукъ, не создали классификаціи наукъ, которая хоть сколько-нибудь оправдывала непосредственное соприкосновеніе политической экономіи и біологіи, съ устраненіемъ психологіи съ принадлежащаго ей мѣста и съ превращеніемъ политической экономіи въ единственную основу всѣхъ другихъ общественныхъ наукъ. Все научное движеніе, вызванное развитіемъ позитивизма, прошло мимо экономическаго матеріализма, ничѣмъ на немъ не отразившись.

Можно сказать, что, какъ историко-философская теорія, въ концѣ XIX вѣка онъ, подобно неизмѣнному догмату, ни на шагъ не подвинулся впередъ сравнительно съ серединой этого столѣтія, когда впервые былъ провозглашенъ основной принципъ экономическаго матеріализма.

Итакъ, съ историко-философской точки зрѣнія экономическій матеріализмъ оказывается и лишеннымъ научнаго основанія, и неразработаннымъ сколько-нибудь подробно, и несоотвѣтствующимъ современному состоянію соціологіи. Попытки дать ученію дальнѣйшее развитіе, внести въ него необходимыя дополненія и поправки приводили только къ подрыву самаго основного принципа этого ученія, которое прежде всего устраняетъ изъ объясненія исторіи все, что только хоть немного напоминаетъ идеализмъ, т.-е. роль идей, этого духовнаго фактора исторіи. Наконецъ, всякій разъ, когда основную идею экономическаго матеріализма примѣняли къ объясненію *всѣхъ* сторонъ исторической жизни, это дѣлалось лишь путемъ натяжекъ, произвола, искаженія дѣйствительныхъ отношеній, чему иногда помогало (какъ у Лоріа) и плохое знаніе исторіи.

Въ вступленіи къ настоящимъ этюдамъ я обѣщалъ занять нейтральное, безпристрастное отношеніе къ психологическому и экономическому объясненію исторіи. Если бы мнѣ пришлось имѣть дѣло съ односторонне-психологическимъ объясненіемъ исторіи, философски необоснованнымъ, научно неразработаннымъ, противорѣчащимъ современному состоянію соціологіи, т.-е. если бы пришлось имѣть дѣло съ исключительнымъ культурнымъ направленіемъ, которое объявляло бы всякій экономизмъ въ исторіи ненаучнымъ и совершенно произвольно истолковывало бы экономическія и зависящія отъ нихъ явленія, я поступилъ бы точно такъ же по отношенію къ такой доктринѣ, какъ поступилъ по отношенію къ экономическому матеріализму. Безпристрастіе заставляетъ меня признать, что экономическое направленіе исторической науки, поставленное въ должныя границы и не выходящее за предѣлы своей компетенціи, т.-е. не вторгающееся въ чуждую для него область, есть одно изъ весьма важныхъ пріобрѣтеній исторической науки, и лишь въ этомъ можетъ заключаться теоретическое оправданіе экономическаго матеріализма—подъ условіемъ, конечно, чтобы онъ изслѣдовалъ вліяніе экономическаго фактора въ разныхъ сферахъ исто-

рической жизни, но не находилъ этого вліянія тамъ, гдѣ его нѣтъ и быть не можетъ. Suum cuique.

Спеціально для теоріи историческаго процесса экономическій матеріализмъ поставилъ вопросъ о значеніи экономическаго фактора въ соціальной эволюціи, но, къ сожалѣнію, экономическій матеріализмъ выступилъ на совершенно ложный путь въ рѣшеніи этого вопроса. Въ первомъ — его заслуга, въ послѣднемъ—самая слабая его сторона, ибо это—путь догматизма, а не путь критики.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Объ историзмѣ въ политической экономіи [1]).

Возникновеніе историческаго направленія политической экономіи въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія [2]) было своего рода протестомъ противъ господствовавшей тогда классической школы съ ея чисто теоретическимъ направленіемъ, не считавшимся въ достаточной степени съ историческими условіями, какими, какъ и все остальное въ культурно-соціальномъ мірѣ человѣка, бываютъ обставлены явленія хозяйственной жизни народовъ. Новое направленіе доказало, что эти явленія относятся къ категоріи историческихъ и въ качествѣ таковыхъ постоянно измѣняются, такъ что многое изъ того, что классическая школа принимала за вѣчные законы народнаго хозяйства, приложимые вездѣ и всегда, оказывалось съ исторической точки зрѣнія только совокупностью формулъ хозяйственнаго быта опредѣленной исторической формаціи. Было бы, однако, ошибочно думать, что только одна историческая школа пришла къ этой мысли: то же самое проводили въ своихъ сочиненіяхъ и экономисты соціалистической школы, Марксъ и Родбертусъ, равнымъ образомъ видѣвшіе въ законахъ классической школы только „историческія категоріи“,т.-е. законы опредѣленнаго историческаго типа хозяйственныхъ

[1]) Извлечено съ сокращеніями изъ моей статьи „Политическая экономія и теорія политическаго процесса“ (Историч. Обозрѣніе, т. II). Это извлеченіе имѣетъ отношеніе къ стр. 9 и 51 текста настоящей книги.

[2]) Первымъ сочиненіемъ, въ коемъ нашли свое выраженіе историческія идеи въ примѣненіи къ экономическимъ явленіямъ, была книга Вильгельма Рошера, въ самомъ заглавіи которой (Grundriss zu Vorlesungen über die Staatswirthschaft nach geschichtlicher Methode, 1843) заключается указаніе на новую точку зрѣнія.

отношеній; можно даже утверждать, что представители научнаго соціализма впервые сопоставили результаты сравнительно-историческаго изслѣдованія хозяйственныхъ формъ быта у разныхъ народовъ съ теоретическими положеніями классической школы. „Вообще,—говоритъ, напр., Родбертусъ,—до тѣхъ поръ, пока мы не вступимъ на путь сравнительной физіологіи слѣдующихъ другъ за другомъ ступеней развитія соціальной жизни, т.-е. слѣдующихъ во всемірной исторіи другъ за другомъ родовыхъ образованій и видовъ общественно-хозяйственнаго развитія, мы не проникнемъ глубже въ природу соціальной жизни“ [1]). Представляя изъ себя реакцію противъ абстрактнаго направленія старыхъ экономистовъ, историческая школа сама увлеклась за предѣлы должнаго: она не удовольствовалась тою поправкою, которую вносила въ ученіе классической экономіи, но поставила себѣ задачей ниспровергнуть всѣ добытые послѣднею результаты и прежде всего отнеслась безусловно отрицательно къ самому методу теоретической экономіи, считая въ корнѣ ошибочною всякую мысль о возможности примѣненія дедукціи къ изслѣдованію хозяйственныхъ явленій. Всякому извѣстно, что этотъ методъ имѣетъ такого защитника, какъ Милль, но никто изъ представителей исторической школы не взялъ на себя труда опровергнуть аргументацію сторонниковъ дедукціи. Мало того: „среди представителей исторической школы,—говоритъ одинъ историкъ экономическихъ ученій,—мы не встрѣчаемъ даже надлежащаго знакомства съ этими ученіями, которыя они просто или отрицаютъ, или игнорируютъ“. Крайніе представители школы, по его замѣчанію, признаютъ исключительное господство индукціи, которую иногда и называютъ „историческимъ методомъ“, хотя и тутъ они не показали, „какимъ образомъ изъ наблюденія конкретныхъ историко-хозяйственныхъ явленій путемъ индукціи можно прійти къ познанію основныхъ общественно-хозяйственныхъ законовъ“ [2]). „Экономисты исторической школы,—говоритъ одинъ изъ ея сторонниковъ,—склонны защищать индукцію въ высшей степени ненаучнымъ способомъ, поверхностно и притомъ съ крайнею нетерпимостью по отношенію къ своимъ противникамъ“ [3]). Образчикомъ того, какъ отзываются экономисты-историки объ экономистахъ-теоретикахъ, могутъ служить заявленія Шмоллера въ родѣ того, что результаты смитовской школы „вылились въ абстрактныя схемы, не имѣющія никакого отношенія къ дѣйствительной жизни“... „Историческая школа,—говоритъ онъ еще,—представляетъ поворотъ къ научному изученію дѣйствительности, вмѣсто цѣлаго ряда туманныхъ, абстрактныхъ изображеній, лишенныхъ всякаго научнаго значенія“ [4]). Въ свою очередь и историческая школа подвергалась нападенію съ теоретической

[1]) *Родбертусъ.* Изслѣдованія въ области національной экономіи классической древности. IV, 43, примѣч.

[2]) *Левитскій.* Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ. 1890. Стр. 191, 193 и 194.

[3]) Bella Wiss. Zur Logik der Nationaloekonomie. У *Левитскаго* стр. 196.

[4]) *Левитскій,* 4.

точки зрѣнія, которую въ данномъ случаѣ единодушно отстаивали представители и классической школы, и научнаго соціализма. Напр., Дюрингъ обвиняетъ историческую школу въ „эклектическомъ историзмѣ, который пытается вытѣснить всякую самостоятельную мысль" и уже создалъ „мыслителей, отличающихся нерѣшительностью мысли и мозаичною ученостью". Дюрингъ называетъ этотъ историзмъ „фальшивымъ", „не имѣющимъ ничего общаго съ критическою наукою", „отказывающимся отъ всякой логики" и т. п. Марксъ, равнымъ образомъ, называетъ „анатомо-физіологическій методъ" родоначальника исторической школы, Рошера, „эклектической профессорской пошлостью" [1]).

Отмѣчая это отрицательное отношеніе исторической школы къ теоретическому мышленію, мы, собственно говоря, имѣемъ въ виду обратить вниманіе на то, что здѣсь, въ области экономической науки повторилось и, быть можетъ, въ формѣ особенно рѣзкой—то явленіе, о которомъ говорилось выше, по поводу внесенія исторической точки зрѣнія въ юриспруденцію и въ изученіе литературы [2]). Историческая школа въ политической экономіи, разрабатывающая какъ исторію самого хозяйства, такъ и исторію экономическихъ ученій, отнеслась совершенно отрицательно къ классической школѣ, изслѣдующей, наоборотъ, общіе типы и нормы хозяйственныхъ явленій и объясняющей законы, которые ими управляютъ. Въ сущности дѣла, какъ вѣрно замѣчаетъ проф. Левитскій, „обѣ эти школы работаютъ въ различныхъ департаментахъ одной и той же отрасли знанія. Ошибочныя—говоритъ онъ,—и одностороннія воззрѣнія исторической школы на задачу политической экономіи вытекаютъ изъ ея невѣрнаго взгляда на значеніе производимыхъ ею работъ. Задачу историко-хозяйственныхъ изслѣдованій она желаетъ сдѣлать единственною задачею и единственнымъ предметомъ политической экономіи, а на мѣсто теоретическаго изслѣдованія хозяйственныхъ явленій поставить научные пріемы изслѣдованій историко-хозяйственныхъ или пріемы бытописанія жизни народовъ". Поэтому, по мнѣнію проф. Левитскаго, „методологическія воззрѣнія исторической школы должны разсматриваться, какъ отрицательный фактъ въ исторіи развитія политической экономіи" [3]). Присоединяясь къ этому заявленію, мы, конечно, не распространяемъ заключающагося въ немъ приговора на фактическія работы исторической школы, коимъ никто и не отказываетъ въ важномъ значеніи и для политической экономіи, и для исторической науки. Весь вопросъ заключается для насъ въ данномъ случаѣ не въ томъ, что сдѣлали экономисты разныхъ школъ, а въ томъ, какъ они понимаютъ задачу и методъ своей науки. Историческая школа, начавшая съ протеста противъ исключительнаго господства дедукціи, сама впала въ противоположную крайность, рекомендуя только одинъ историческій методъ и тѣмъ съуживая задачу экономической науки.

Повидимому, ни одна изъ спеціальностей не можетъ служить такимъ прекраснымъ примѣромъ громадной важности занятія мето-

[1]) *Марксъ*. Капиталъ. Спб. 1872. I, 43. Ср. стр. 151—152.
[2]) См. выше, гл. II.
[3]) *Левитскій*, 10—11.

дологическими вопросами, какъ политическая экономія, въ которой, благодаря антагонизму отдѣльныхъ направленій и полемикѣ между ихъ представителями, и существуетъ цѣлая методологическая литература. Въ ней, на нашъ взглядъ, особенно важна вышедшая въ 1883 г. книга вѣнскаго профессора Карла Менгера „Изслѣдованія о методахъ соціальныхъ наукъ и политической экономіи въ особенности“ [1]). Это сочиненіе оказало большое вліяніе на развитіе методологической литературы по политической экономіи, и подъ его вліяніемъ между прочимъ задумана была магистерская диссертація проф. В. Ф. Левитскаго „Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ“, изучившаго для нея какъ исторію, такъ и современое состояніе вопросовъ экономической методологіи [2]). Особую въ нашихъ глазахъ цѣнность этимъ трудамъ даетъ то обстоятельство, что оба они задуманы и отчасти выполнены въ смыслѣ синтеза между теоретизмомъ и историзмомъ въ экономической наукѣ. Менгеръ прямо и начинаетъ свою книгу съ указанія на то, что міръ явленій можетъ быть разсматриваемъ съ двухъ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія, изъ коихъ одна имѣетъ въ виду конкретныя явленія, взятыя въ извѣстное время и въ извѣстномъ мѣстѣ, или ихъ конкретныя отношенія между собою, а другая—формы явленій (Erscheinungsformen), возвращающіяся при смѣнѣ этихъ явленій однихъ другими, т.-е. одна—индивидуальное, другая—общее. На основаніи этого принципа Менгеръ опредѣляетъ какъ сущность и задачи историческихъ наукъ о народномъ хозяйствѣ, такъ и сущность, задачу и значеніе его теоріи, рядомъ съ коими (т.-е. съ исторіей и теоріей) онъ ставитъ еще практическія науки о народномъ хозяйствѣ [3]). Появленіе книги Менгера пробудило въ нѣмецкой экономической литературѣ большой интересъ къ методологическимъ вопросамъ, „причемъ ясно, какъ говоритъ г. Левитскій, пристально изучавшій вызванныя книгой Менгера статьи и брошюры, обозначились двѣ полемизирующія партіи—теоретиковъ, строящихъ свои экономическія воззрѣнія на базисѣ реформированной ими классической теоріи, и защитниковъ принциповъ исторической школы, формулированныхъ В. Рошеромъ и Книсомъ“ [4]). Самъ авторъ русской методологической работы, раздѣляя, хотя и не вполнѣ, принципы Менгера, основательно замѣчаетъ, что „антагонизмъ между исторической школой и теоретическими школами вытекаетъ изъ причинъ, не имѣющихъ ничего общаго съ научнымъ достоинствомъ работъ, сдѣланныхъ обѣими школами“; по его словамъ, находящимъ массу подтвержденій, антагонизмъ этотъ „только свидѣтельствуетъ, что опредѣленіе общихъ принциповъ и задачъ самой науки, системы и ея частей (такъ сказать, экономи-

[1]) *K. Menger*. Untersuchungen über die Methode der Socialwissenschaften und der politische Oeconomie insbesondere. Русскій переводъ этой книги изданъ въ 1894 г. Въ настоящей статьѣ цитируется нѣмецкій подлинникъ.

[2]) Ср. статью того же автора „Вопросъ о методикѣ политической экономіи въ новѣйшей германской литературѣ“. Юрид. Вѣстн., 1884, № 12.

[3]) *Menger*, I.

[4]) *Левитскій*, III.

ческая энциклопедія, по аналогіи съ юридическою энциклопедіей) представляетъ самую отсталую часть политической экономіи" [1]. Самъ Менгеръ въ одной изъ своихъ рецензій также указываетъ на относительную отсталость научной разработки экономическихъ явленій, ссылаясь на тотъ фактъ, что „ученые экономисты и цѣлыя школы не пришли еще къ единомыслію относительно составныхъ частей, задачъ, методовъ и главныхъ направленій изслѣдованія въ своей наукѣ. Раздѣленіе естествознанія на отдѣльныя области,—говоритъ онъ,—и признаніе права гражданства за отдѣльными направленіями изслѣдованія является уже давно совершившимся фактомъ, принесшимъ свои благотворные результаты для этой науки. Въ естествознаніи,—прибавляетъ онъ еще,—никто уже больше не смѣшиваетъ историческихъ и теоретическихъ наукъ, даже если онѣ относятся къ одной и той же частной области естествознанія, наприм., исторію земли съ геологіей вообще, антропологію съ физіологіей или анатоміей... Даже въ области науки государственнаго права не выражается болѣе никакихъ сомнѣній относительно различія между исторіей государствъ и теоретическимъ государственнымъ правомъ; также въ области юриспруденціи никто болѣе не сомнѣвается въ необходимости различать исторію права отъ догмы и законодательной политики" [2]. Не касаясь области естественныхъ наукъ, мы думаемъ, что Менгеръ нѣсколько сгущаетъ краски относительно политической экономіи или, наоборотъ, слишкомъ оптимистически представляетъ себѣ взаимныя отношенія основныхъ юридическихъ понятій. Сколько мнѣ извѣстно, юридическая методологія разработана даже похуже экономической. Но во всякомъ случаѣ Менгеромъ, а за нимъ и проф. Левитскимъ—совершенно вѣрно поставленъ вопросъ о причинѣ раскола между экономистами, если только оставить въ сторонѣ различіе практическихъ точекъ зрѣнія, раздѣляющихъ, напримѣръ, буржуазныхъ и соціалистическихъ экономистовъ. Между тѣмъ вопросъ объ отношеніи теоріи и исторіи, поставленный на очередь методологической литературой въ области политической экономіи, имѣетъ весьма широкое значеніе, и рѣшеніе его на почвѣ одной научной дисциплины можетъ содѣйствовать рѣшенію его и въ другихъ областяхъ знанія, разъ возникаетъ какой-либо принципіальный споръ между теоретиками и историками.

Обратимся по этому вопросу прежде всего къ нашему соотечественнику. Нельзя, конечно, не согласиться съ проф. Левитскимъ, когда онъ вмѣстѣ съ Менгеромъ настаиваетъ на необходимости строгаго разграниченія между началами теоріи, исторіи и политики (въ прикладномъ смыслѣ слова) въ составѣ экономическихъ ученій). Но весь вопросъ въ томъ, какъ произвести это разграниченіе. На мой взглядъ, Менгеръ совершенно правильно видитъ задачу теоретической экономіи въ сведеніи реальныхъ хозяйственныхъ явленій къ простѣйшимъ элементамъ и къ установленію точныхъ законовъ народнаго хозяйства, имѣющихъ значеніе для всѣхъ временъ и народовъ, у которыхъ только существуетъ имущественный оборотъ, вслѣдствіе чего достаточно разъ открыть эти законы, дабы тѣмъ самымъ уже на-

[1] Ibid., 13.
[2] *Левитскій*, 8—10.

всегда объяснить всѣ явленія прошлой, настоящей и будущей исторіи хозяйственнаго быта [1]). Та же мысль объ общей теоріи или номологіи экономическихъ явленій заключается въ проводимыхъ проф. Левитскимъ слѣдующихъ словахъ пражскаго проф. Сакса, который много занимался методологіей [2]). „Въ политической экономіи,—говоритъ онъ именно,—не можетъ быть рѣчи объ особенныхъ теоріяхъ хозяйства того или другого народа, для того или другого времени, какъ не можетъ быть рѣчи объ особенной психологіи, наприм., англичанъ и французовъ, людей средневѣковой Европы или современнаго намъ періода, а только о психологіи человѣка вообще, какъ типическаго индивидуума". Итакъ, вотъ что̀ такое общая теорія: это наука о законахъ (номологія по нашей терминологіи), которой мы должны противополагать не одну только исторію, изучающую явленія въ ихъ послѣдовательности, но вообще всякую науку о конкретныхъ явленіяхъ (феноменологію), будутъ ли изучаться въ ней явленія, взятыя въ продолжающемся времени, какъ это дѣлается исторіей, или же явленія, взятыя въ извѣстный моментъ, что̀ бываетъ, напр., при статистическомъ описаніи. Если способъ исторіи мы назовемъ вмѣстѣ съ Контомъ динамическимъ, а описаніе сосуществующихъ въ данный моментъ явленій статическимъ, то обѣ эти точки зрѣнія будутъ одинаково приложимы и къ наукѣ объ общихъ законахъ, и къ наукѣ о конкретныхъ явленіяхъ, т.-е. какъ всякая номологія, такъ и всякая феноменологія можетъ быть и статической, и динамической, смотря по тому, изслѣдуются ли явленія сосуществующія или послѣдовательныя. Проф. Левитскій совершенно неправильно отождествляетъ и въ наукѣ права, и въ политической экономіи динамическую и статическую точки зрѣнія съ точками зрѣнія исторической и теоретической [3]). Вполнѣ поэтому напрасно поправляетъ онъ совершенно вѣрное воззрѣніе Менгера на отличіе теоріи отъ исторіи. „Различіе между теоретическимъ и историческимъ изученіемъ народнаго хозяйства,—говоритъ г. Левитскій,—заключается не въ томъ, какъ думаетъ Карлъ Менгеръ, что хозяйственная исторія изучаетъ индивидуальныя явленія, а теоретическая экономія—типы хозяйственныхъ явленій и типическія отношенія между ними. Различіе это другого рода: предметомъ хозяйственной исторіи въ равной мѣрѣ служатъ типическія и индивидуальныя явленія хозяйственной жизни, но исторія изслѣдуетъ ихъ со стороны самаго процесса ихъ развитія и преобразованія однѣхъ формъ этихъ явленій въ другія (соціальная динамика)—тогда какъ теоретическая экономія изслѣдуетъ хозяй-

[1]) Das exacte (противополагаемый Менгеромъ закону эмпирическому) gilt für alle Zeiten und Völker, welche einen Güterverkehr aufweisen. *Menger*, 58.

[2]) Приведенныя слова заключаются въ его брошюрѣ Die neuesten Fortschritte der Nationaloeconomischen Theorie. 1882. Левитскій, 39. Впрочемъ, проф. Левитскій не оправдываетъ приравниванія законовъ теоретической экономіи къ законамъ природы, исходя изъ того (невѣрнаго на нашъ взглядъ) положенія, будто явленія природы остаются вѣчно неизмѣнными, а общественныя явленія только и суть исторически измѣняющіяся, 41 sq.

[3]) *Левитскій*. 30 sq., 36, 60—61.

ственныя явленія даннаго историческаго типа хозяйственнаго устройства со стороны сосуществованія явленій и отсюда вытекающей связи и закономѣрности между ними; другими словами, она изучаетъ хозяйственныя явленія въ ихъ статическомъ состояніи". При этомъ проф. Левитскій сравниваетъ оба рода изслѣдованія съ двумя системами знаній въ геологической наукѣ, изъ которыхъ одна изображаетъ процессъ послѣдовательнаго развитія и наслоенія земной коры, а другая—строеніе данныхъ отложившихся геологическихъ формацій [1]. Этотъ взглядъ нашего экономиста требуетъ нѣсколько болѣе подробнаго разбора. Во-первыхъ, проф. Левитскій говоритъ, что предметомъ хозяйственной исторіи служатъ и типическія, и индивидуальныя явленія. Далеко нѣтъ. Одно дѣло, наприм., исторія какого-либо права и другое дѣло общая теорія правообразованія; иное дѣло исторія того, либо другого народа, иное—общая теорія историческаго процесса. Подобно этому исторія индивидуальныхъ экономическихъ явленій есть дѣйствительно исторія, а общее ученіе объ экономическомъ развитіи есть уже теорія. Во-вторыхъ, по проф. Левитскому теорія изслѣдуетъ сосуществующія хозяйственныя явленія въ ихъ конкретной связи и въ закономѣрныхъ отношеніяхъ между ними, но здѣсь онъ непростительнымъ образомъ смѣшиваетъ явленія и законы,—или подводя подъ понятіе теоріи и простое описаніе данныхъ сосуществующихъ явленій, или отождествляя характерныя черты даннаго экономическаго быта съ общими законами. Послѣднее предположеніе вѣрнѣе, ибо проф. Левитскій отрицаетъ для политической экономіи законы въ томъ смыслѣ, въ какомъ этотъ терминъ употребляется Менгеромъ. На диспутѣ г. Левитскаго въ московскомъ университетѣ проф. А. И. Чупровъ возражалъ между прочимъ противъ взгляда диспутанта на теоретическую экономію, какъ на систему формулъ, относящихся къ явленіямъ лишь извѣстнаго историческаго періода, и защищалъ ту мысль, что существуютъ экономическіе законы, примѣнимые ко всѣмъ временамъ и всѣмъ народамъ, а не только къ извѣстной исторической эпохѣ [2]. Прекрасно, по нашему мнѣнію, понялъ это цитируемый самимъ г. Левитскимъ фрейбургскій профессоръ Филипповичъ въ своей вступительной рѣчи о задачѣ и методѣ политической экономіи. „Когда,—говоритъ онъ,—мы отъ сосуществованія и послѣдовательности фактовъ даннаго хозяйственнаго состоянія обращаемся къ опредѣленію внутренней связи между ними, то мы уже тѣмъ самымъ переходимъ къ теоретическому объясненію, которое существенно отличается отъ историческаго излѣдованія" [3]. Такимъ образомъ названный писатель къ исторіи (конечно, въ расширенномъ смыслѣ) относитъ и сосуществованіе, и послѣдовательность явленій и признаетъ возможность теоріи, какъ для перваго, такъ и для второй, не смѣшивая описанія съ теоріей, какъ это дѣлаетъ проф. Левитскій, когда онъ утверждаетъ, напр., что „каждая система теоретическихъ воззрѣній имѣетъ своимъ предметомъ объясненіе явленій опредѣленной исторической формаціи хозяйственной жизни. Большинство

[1] Ibid., 61.
[2] Историческое Обозрѣніе, т. I, от. I, стр. 302.
[3] *Левитскій*, 60, примѣч,

экономическихъ системъ,—говоритъ онъ, — прямо расчитано на объясненіе хозяйственнаго быта современныхъ намъ культурныхъ народовъ, но не существуютъ системы теоретическихъ воззрѣній, имѣющихъ своимъ предметомъ объясненіе явленій хозяйственнаго состоянія народовъ прошлаго времени. Таковы, наприм., теоретическія изслѣдованія Родбертуса въ области политической экономіи Греціи и Рима (теорія ойкоснаго хозяйства), изслѣдованія Арнольда и Эндемана относительно феодальнаго хозяйства" [1]). Неужели, спросимъ мы, явленія античнаго, средневѣкового и новаго хозяйства до такой степени несоизмѣримы, что для нихъ невозможна такая общая теорія, которая не была бы въ сущности объясненіемъ только одной опредѣленной исторической формаціи государственной жизни? Отрицая возможность такой теоріи, проф. Левитскій стоитъ гораздо ближе къ исторической школѣ, которую самъ же критикуетъ за ея односторонность, нежели это можетъ казаться съ перваго взгляда при чтеніи его книги. Желая отстоять права теоретической экономіи, онъ совершенно искажаетъ ея сущность и въ то же время съуживаетъ задачу историзма одной исторіей хозяйства безъ теоріи его развитія [2]).

Гораздо лучше понялъ взаимныя отношенія историческаго и теоретическаго элементовъ въ политической экономіи Менгеръ въ сочиненіи, вызвавшемъ и самую книгу проф. Левитскаго. Книга Менгера, въ коей авторъ постоянно указываетъ на аналогіи въ другихъ общественныхъ наукахъ и даже въ естествознаніи, является защитой теоретической экономіи и попыткой опредѣлить роль историческаго метода въ изученіи хозяйственныхъ явленій, безъ отреченія отъ того, что мы назвали бы номологическимъ характеромъ политической экономіи. Въ своемъ трудѣ онъ указываетъ на господство статистико-историческаго метода въ политической экономической литературѣ, какъ на причину упадка теоретической экономіи въ Германіи. По собственнымъ словамъ Менгера при иныхъ обстоя-

[1]) Ibid., 253.

[2]) Крупнѣйшимъ недостаткомъ труда проф. Левитскаго одинъ рецензентъ этого труда считаетъ то, что авторъ „на протяженіи всей своей книги постоянно смѣшиваетъ два совершенно различныя понятія—исторію хозяйственнаго быта и такъ называемую у Книса теорію развитія народнаго хозяйства". Отсюда, по словамъ рецензента, происходитъ то, что „авторъ упускаетъ изъ виду одну изъ важныхъ заслугъ исторической школы, а съ другой стороны, преувеличиваетъ ея односторонность". Именно передавая книсово опредѣленіе политической экономіи, какъ науки о „законахъ развитія народнаго хозяйства", онъ, вмѣсто словъ: „экономическое развитіе народной жизни", употребляетъ выраженіе: „исторія народнаго хозяйства", что далеко не одно и то же, а заслуга исторической школы именно въ томъ, между прочимъ, и заключается, что она настаивала на необходимости изслѣдованія явленій народнаго хозяйства не только въ порядкѣ ихъ существованія, но и въ ихъ послѣдовательности". Русская Мысль, 1890, ноябрь. См. стр. 524—525 библіографическаго отдѣла. Кромѣ того, критикъ резонно возражаетъ проф. Левитскому по поводу его мысли о томъ, что теорія экономическихъ явленій есть по существу дѣла только чисто статическая теорія.

тельствахъ онъ самъ не сталъ бы придавать значенія рѣшенію методологическихъ вопросовъ, ибо самые капитальные научные труды были совершены людьми, которые никогда этими вопросами не занимались, какъ и самые замѣчательные методики не создали ни одной науки и не написали ни одного труда, капитальнаго въ тѣхъ научныхъ областяхъ, для методологіи коихъ ими, однако, сдѣлано много; но вопросы этого рода получаютъ рѣшающее значеніе, когда наука вступаетъ на ложный путь, пользуется ложными пріемами [1]. Менгеръ сталъ на совершенно вѣрную дорогу, понявъ политическую экономію во всемъ многообразіи ея задачъ, какъ понимались онѣ отдѣльными школами, и подвергнувъ своему изслѣдованію всѣ методы, какіе въ ней только употреблялись. Мы уже видѣли, какъ устанавливаетъ онъ разницу между изученіемъ самихъ явленій въ исторіи (и статистикѣ) и изученіемъ законовъ этихъ явленій въ теоріи, понимая подъ законами типическія формы отношеній между явленіями, каковы, напр., паденіе цѣны товара вслѣдствіе увеличенія предложенія, или паденіе процента вслѣдствіе увеличенія капитала [2]. Для открытія этихъ законовъ возможны два метода: эмпирико-реалистическій и точный (exacte Richtung). Подъ первымъ Менгеръ разумѣетъ индукцію, открывающую эмпирическіе законы, которые, однако, не даютъ намъ возможности предсказывать наступленіе того или другого явленія, и на этомъ-то основаніи онъ отдаетъ предпочтеніе дедукціи, абстрактному или „точному" методу, ибо только этимъ путемъ добываются законы, выражающіе неизмѣнные порядки явленій: наблюдаемое въ одномъ случаѣ при данныхъ условіяхъ дожно неизбѣжно всегда повторяться при наступленіи этихъ условій. Такое пониманіе законовъ Менгеръ защищаетъ отъ нападенія со стороны исторической школы, аргументируя въ томъ смыслѣ, что если стать на точку зрѣнія исторической школы, порицающей теоретическую экономію за абстрактность, не-эмпиричность ея законовъ, то пришлось бы отрицательно отнестись къ химіи, элементы коей не встрѣчаются въ природѣ въ чистомъ видѣ ни въ качественномъ, ни въ количественномъ отношеніяхъ, къ механикѣ, исходящей изъ предположенія о движеніи тѣлъ въ безвоздушномъ пространствѣ и безъ всякаго тренія, къ самой математикѣ, неконецъ, съ ея воображаемыми точкой и линіей [3]. Менгеръ даже не допускаетъ провѣрки абстрактныхъ законовъ опытомъ и законами эмпирическими, ибо это все равно, что провѣрять геометрическую истину измѣреніями дѣйствительныхъ предметовъ [4]. Защищая, далѣе, теоретическій характеръ политической экономіи, которую хотѣли бы превратить въ чисто историческую науку, и дѣлая различіе между примѣненіемъ историческаго метода къ теоретической наукѣ о народномъ хозяйствѣ и къ практическимъ дисци-

[1]) *Menger*, стр. XII.

[2]) Среди приложеній къ тексту книги Менгера обращаемъ здѣсь вниманіе читателя на статью „О понятіи теоретической экономіи и о сущности ея законовъ", стр. 238—244.

[3]) Ibid., 75 sq.

[4]) Ibid., 53 sq.

плинамъ, касающимся того же предмета [1]), онъ останавливается здѣсь, главнымъ образомъ, надъ тѣмъ, чему даетъ названіе псевдоисторическихъ направленій въ теоретическихъ изслѣдованіяхъ народнаго хозяйства [2]), основываясь въ данномъ случаѣ на небольшомъ изслѣдованіи идеи развитія въ примѣненіи къ политической экономіи. По совершенно вѣрному, думаемъ мы, представленію Менгеръ упрекаетъ историческую школу въ томъ, что она ставитъ иногда своей наукѣ задачу, которая принадлежитъ собственно исторіи народнаго хозяйства, оспаривая и тѣхъ авторовъ, которые въ этой исторіи видятъ единственную вѣрную эмпирическую основу теоріи, и тѣхъ, кои отождествляютъ съ теоретической экономіей „изслѣдованіе параллелизмовъ историческаго развитія разныхъ народовъ“. Менгеръ отрицаетъ строгую закономѣрность (въ смыслѣ правильности, не допускающей исключеній) въ хозяйственномъ развитіи народовъ, предостерегая въ то же время отъ приложенія термина „законы“ къ параллелизмамъ, наблюдаемымъ въ развитіи цѣнъ, ренты или процента у разныхъ народовъ. Какъ бы кто ни смотрѣлъ на сущность законовъ развитія, конечно, вполнѣ правъ Менгеръ, когда утверждаетъ, что теоретическую экономію нельзя сводить на „философію хозяйственной исторіи“, содержащую въ себѣ исключительную исторію параллелизмовъ [3]).

Мы думаемъ, однако, что для теоріи историческаго процесса было бы въ высшей степени важно теоретическое изслѣдованіе этихъ параллелизмовъ, требующее сравнительно-историческаго изученія съ точки зрѣнія эволюціонизма. Менгеръ признаетъ правильность примѣненія понятія о развитіи къ хозяйственнымъ явленіямъ и притомъ не только къ отдѣльнымъ конкретнымъ явленіямъ, но и къ общимъ формамъ явленій. Кромѣ того, онъ соглашается, что подмѣченный наблюденіемъ фактъ развитія экономическихъ явленій не могъ остаться безъ вліянія на ихъ теорію и особенно на реалистическое направленіе послѣдней, устанавливающее эмпирическіе законы экономической науки. Разъ изслѣдуемыя явленія не неподвижны, теорія не можетъ ограничиться ихъ изученіемъ только въ одинъ періодъ времени, ибо эмпирическіе законы, найденные для одной стадіи явленія, не могутъ распространяться на другія. Впрочемъ Менгеръ дѣлаетъ здѣсь оговорку въ томъ смыслѣ, что сказанное имъ отнюдь не равносильно признанію необходимости создавать столько же разныхъ экономическихъ теорій, сколько существуетъ ступеней развитія [4]), и эта оговорка, замѣтимъ мимоходомъ, должна была бы обратить на себя больше вниманія со стороны проф. Левитскаго, дѣлающаго какъ-разъ такую ошибку. Теорія политической экономіи можетъ быть только одна, и становясь на точку зрѣнія того, что Менгеръ называетъ точнымъ направленіемъ, конечно, нельзя оставить безъ разсмотрѣнія вліяніе, какое должна испытывать абстрактная экономія отъ признанія развитія въ области хозяйственныхъ явленій. Указанное направленіе стремится къ от-

[1]) Ibid., 95 sq.
[2]) Ibid., 118 sq.
[3]) Ibid., 120—128.
[4]) Ibid., 100—108.

крытію „естественныхъ законовъ“ и не только въ пространственныхъ, но и во временныхъ отношеніяхъ [1]), а потому каждая новая форма или стадія экономическихъ явленій, представляя изъ себя новую задачу для дедуктивнаго метода, должна быть понята, какъ результатъ закономѣрнаго генетическаго процесса (Entstehungsprocesses), но, прибавляетъ Менгеръ, послѣдователи „точнаго направленія“ всегда такъ и поступали [2]).

Въ русской экономической литературѣ историческое изученіе никогда не приводило къ крайностямъ, на которыя Менгеръ указываетъ въ литературѣ нѣмецкой; теоретическая экономія притомъ всегда имѣла у насъ защитниковъ, что, между прочимъ, обнаружилось и на диспутѣ г. Левитскаго, когда проф. Чупровъ указывалъ ему на существованіе отрицавшихся имъ общихъ законовъ экономической жизни. Уже въ своей вступительной лекціи въ московскомъ университетѣ названный ученый съ полнымъ основаніемъ отмѣчалъ тотъ фактъ, что „политическая экономія изъ области общественныхъ дисциплинъ прежде всѣхъ приняла научную форму“, ибо „начальный шагъ на пути научнаго анализа (экономическихъ явленій) состоялъ въ томъ, чтобы укрѣпить въ убѣжденіи людей вѣру въ закономѣрность хозяйственныхъ явленій, выяснить съ полною очевидностью, что народное хозяйство не есть безсвязный матеріалъ, который можетъ принять ту или другую форму подъ рукой искуснаго зодчаго, что въ немъ дѣйствуютъ свои непоколебимые законы“ [1]). Первая школа политической экономіи (смитовская) и исходила изъ того взгляда, что „законы народнаго хозяйства, будучи основаны на постоянномъ отношеніи всегда себѣ равной экономической природы человѣка къ внѣшнимъ вещамъ, стоятъ выше пространства и времени и остаются неизмѣнными при всякой перемѣнѣ явленій“. Въ виду такого отношенія проф. Чупрова къ теоретической экономіи получаетъ важное значеніе опредѣленіе имъ общаго стремленія исторической школы. Одну изъ ея особенностей онъ видитъ именно въ стремленіи „доказать несостоятельность смитовской гипотезы о существованіи непреложныхъ, абсолютныхъ хозяйственныхъ законовъ“, ибо послѣдніе суть для нея „лишь тенденціи отдѣльныхъ силъ произвести извѣстныя слѣдствія,—тенденціи, которыя могутъ быть устранены вмѣшательствомъ разумной человѣческой воли, несущей поэтому отвѣтственность за данныя хозяйственныя состоянія“. Становясь на ту точку зрѣнія, что въ каждой изъ экономическихъ школъ есть доля истины, проф. Чупровъ защищаетъ дедуктивный методъ въ дѣлѣ изслѣдованія законовъ, управляющихъ экономическими явленіями. Поэтому онъ указываетъ, какъ на заслугу Адама

[1]) Ibid., 115—117. Книга Менгера вызвала весьма оживленную полемику, въ которой мы отмѣтимъ только защиту исторической школы Шмоллеромъ и отвѣтъ Менгера. *Schmoller*. Zur Methodologie der Staats-und Socialwissenschaften въ „Jahrbuch für Gesetzgebung. Verwaltung und Volkswirthschaft im deutschen Reiche. 1883. *C. Menger*. Die Irrthümer des Historismus in der deutschen Nationaloeconomie. Объ этомъ спорѣ въ вышеуказанной статьѣ г. Левитскаго.

[2]) *Чупровъ*. О современномъ значеніи и задачахъ политической экономіи. М. 1874.

Смита и его послѣдователей, на ихъ попытку научнаго изслѣдованія законовъ въ области хозяйственныхъ фактовъ. „Что бы ни говорила,— продолжаетъ онъ,—историческая школа объ измѣнчивости экономическихъ законовъ, но анализъ показываетъ, что въ ряду хозяйственныхъ явленій есть нѣкоторая доля содержанія, всегда и при всѣхъ условіяхъ остающаяся одной и тою же“, хотя бы и нельзя было отрицать при этомъ, что Ад. Смитъ „возвелъ на степень общихъ незыблемыхъ законовъ многія специфическія черты современнаго ему общества“. Что касается до заслуги исторической школы, то проф. Чупровъ усматриваетъ ее въ „выясненіи роли второстепенныхъ факторовъ, лежащихъ въ промежуткѣ между общими законами и конкретными явленіями“, т.-е. тѣхъ вліяній, которыя свойственны лишь извѣстнымъ родамъ хозяйственныхъ явленій, извѣстнымъ мѣстностямъ и эпохамъ. Полнѣе всю свою мысль объ отношеніи между обоими направленіями почтенный ученый формулируетъ приблизительно такимъ образомъ: первая задача экономической науки— установить „рядъ законовъ, объясняющихъ основныя черты хозяйственной дѣятельности вообще, одинаково примѣнимыхъ ко всѣмъ отраслямъ хозяйства и ко всѣмъ ступенямъ историческаго развитія“, но затѣмъ она „должна прослѣдить, какимъ видоизмѣненіямъ подвергались ея законы въ теченіе исторической жизни человѣчества, въ силу тѣхъ особыхъ условій, которыя приносила съ собою каждая новая ступень развитія культуры“.

Критическое разсмотрѣніе основныхъ посылокъ и методовъ теоретической и исторической школъ имѣетъ весьма важное значеніе для теоріи историческаго процесса по многимъ общимъ вопросамъ, которые затрогивались въ экономической методологіи. Въ бѣгломъ очеркѣ, какимъ является настоящая статья, я могу намѣтить лишь нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ, и, конечно, наиболѣе удобнымъ будетъ коснуться тѣхъ, о которыхъ рѣчь шла на предыдущихъ страницахъ.

1. Первый вопросъ касается метода. Историческая школа, поставившая своею задачею открытіе законовъ экономическаго развитія, отнеслась отрицательно къ дедукціи классической школы. Поставленный ею вопросъ возбуждался и въ другихъ соціальныхъ наукахъ,—въ политикѣ и въ юриспруденціи,—но ни въ одной спеціальной дисциплинѣ онъ не обсуждался такъ подробно, какъ въ политической экономіи, а это дѣлаетъ методологическую литературу названной науки весьма важною для теоріи историческаго процесса, такъ какъ и по отношенію къ послѣдней возникаетъ вопросъ, не должна ли бы была она строиться исключительно эмпирическимъ путемъ, т.-е. допустима ли въ ней дедукція. Защита послѣдней представителями теоретическаго направленія противъ нападенія со стороны экономистовъ исторической школы даетъ достаточное количество аргументовъ и противъ тѣхъ писателей, которые осуждаютъ всякую дедукцію въ исторіологіи.

2. Въ методологическомъ отношеніи особое значеніе имѣетъ книга Менгера, которая, кромѣ того, содержитъ въ себѣ немало идейнаго матеріала и по другимъ вопросамъ, интереснымъ съ точки зрѣнія теоріи историческаго процесса Къ ихъ числу относится вопросъ о существованіи особыхъ эволюціонныхъ законовъ, отличныхъ отъ зако-

новъ каузальныхъ, который приходится считать открытымъ, въ ожиданіи его рѣшенія отъ спеціальныхъ наукъ, которыя ставили его въ той или другой формѣ. Возникалъ онъ, напр., и въ юриспруденціи, но главнымъ образомъ именно въ политической экономіи было подчеркнуто эмпирическое происхожденіе такихъ законовъ, что приближаетъ насъ къ рѣшенію вопроса о ихъ научномъ достоинствѣ [1]).

3. Методологическая литература въ области политической экономіи подвергла обстоятельному разсмотрѣнію и общій вопросъ о томъ, существуютъ ли законы, дѣйствіе коихъ не ограничено ни временемъ, ни мѣстомъ. Теорія историческаго процесса, изслѣдуя его сущность, т.-е. то, какъ процессъ этотъ происходитъ вездѣ и всегда, можетъ имѣть смыслъ только исходя изъ идеи такихъ именно законовъ, и защита ихъ экономистами теоретическаго направленія съ этой точки зрѣнія представляетъ большой интересъ для теоріи исторіи.

4. Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы политико-экономическая литература давала что-либо разработанное по вопросу о роли личности въ историческомъ процессѣ. Изъ научныхъ спеціальностей онъ подымался главнымъ образомъ только въ юриспруденціи и исторіи литературы, но политическая экономія его обходила, хотя, наприм., классическая школа, положимъ, по характеристикѣ проф. Чупрова, должна была бы отнестись къ этой роли отрицательно, разъ народное хозяйство не можетъ измѣняться подъ рукой искусныхъ зодчихъ, тогда какъ реформаторскія стремленія представителей научнаго соціализма должны были бы предполагать признаніе возможности личнаго дѣйствія, какъ фактора, видоизмѣняющаго хозяйственный бытъ. Что касается до исторической школы, то она въ отношеніи этого вопроса стоитъ, повидимому, на точкѣ зрѣнія теоріи, которую можно называть теоріей безличной эволюціи, и въ этомъ отношеніи экономическіе матеріалисты стоятъ очень близко къ исторической школѣ. Желательно было бы, чтобы экономисты, разрабатывающіе философію своей науки, занялись разрѣшеніемъ вопроса о роли личности въ историческомъ процессѣ, взятомъ съ его экономической стороны. Говоря такимъ образомъ, я отнюдь не отрицаю того, что экономическая литература заключаетъ въ себѣ массу соображеній, важныхъ для рѣшенія этого вопроса, и было бы очень интересно ихъ собрать, привести ихъ въ извѣстность, какъ соображенія, важныя именно съ указанной точки зрѣнія. Ихъ можно было бы найти главнымъ образомъ въ спорахъ о „laissez faire, laisser passer“ и о вмѣшательствѣ, объ естественности и искусственности экономическихъ явленій и т. п.

II. Приписка къ главамъ XIII и XIV.

Если бы я захотѣлъ, чтобы въ моментъ выхода въ свѣтъ настоящихъ этюдовъ не было ни одной новой книги или статьи по вопросу объ экономическомъ матеріализмѣ, которая оставалась бы не разобрана мною въ этихъ этюдахъ, мнѣ, вѣроятно, долго не пришлось бы

[1]) Это имѣетъ весьма близкое отношеніе къ вопросу объ обязательности или необязательности капиталистическаго фазиса для всѣхъ странъ.

окончить. Интересующій насъ предметъ не перестаетъ обсуждаться въ нашихъ журналахъ и, быть можетъ, еще долго не сойдетъ съ очереди.

Въ только что появившейся январьской книгѣ „Новаго Слова" вопросу посвящены двѣ статьи. Одна изъ нихъ прямо и озаглавлена:— „Идеализмъ и матеріализмъ въ исторіи". Это не что иное, какъ лекція Жореса, о которой было у насъ сказано на стр. 104 и съ которою теперь „Новое Слово" знакомитъ въ переводѣ г. С. Ан—скаго. Жоресъ стремится примирить матеріалистическую и идеалистическую концепціи исторіи. Къ идеѣ о необходимости синтеза одностороннихъ взглядовъ на исторію мы относимся весьма симпатично, и объ этомъ впослѣдствіи будемъ еще говорить, но попытка, сдѣланная Жоресомъ, кажется намъ неудовлетворительною. Авторъ формулируетъ оба ученія такимъ образомъ, что о настоящемъ примиреніи и рѣчи быть не можетъ. По его опредѣленію, экономическій матеріализмъ учитъ, что „идеи человѣка образуются путемъ отраженія въ его мозговомъ веществѣ (?) экономическихъ отношеній производства" (!!), а идеализмъ—что „съ момента своего образованія человѣчество носитъ въ себѣ неясную идею, какъ бы предчувствіе (?) своей судьбы, ожидающаго его развитія" (стр. 184). Слишкомъ грубо передана тутъ сущность экономическаго матеріализма и слишкомъ фантастично—содержаніе того, что Жоресъ называетъ историческимъ идеализмомъ. При томъ это—такія крайнія формулы, которыя едва ли могутъ, какъ думаетъ Жоресъ, уже „сливаться и примиряться въ сознаніи современнаго общества" (стр. 185). На нашъ взглядъ, лекція Жореса имѣетъ такое же значеніе, какъ книжки Вейзенгрюна и статья г. Николаева: эта лекція, прочитанная человѣкомъ, явно симпатизирующимъ экономическому матеріализму, указываетъ на то, что при малѣйшемъ отсутствіи догматическаго отношенія къ доктринѣ неизбѣжно обнаруживается ея односторонность. Частныя замѣчанія Жореса заслуживаютъ вниманія, такъ какъ заключаютъ въ себѣ аргументы противъ сведенія всѣхъ сторонъ человѣческой жизни къ экономикѣ. Особенно отмѣчаемъ указанія автора на эстетическое чувство, симпатію и чисто умственныя потребности человѣка. Жоресъ объявляетъ даже, что „человѣкъ есть животное метафизическое", полагая сущность метафизики „въ исканіи общаго единства, охватывающаго всѣ явленія и законы" (стр. 192).

Другая статья въ янв. книгѣ „Новаго Слова" за 1896 г. принадлежитъ проф. В. Г. Яроцкому и называется „Односторонняя теорія экономическаго развитія". Она направлена главнымъ образомъ противъ того пониманія процесса развитія экономическихъ явленій, по которому развитіе это совершается стихійно, безъ участія „сознательной", т.-е. преднамѣренной и цѣлесообразной дѣятельности человѣческихъ личностей. Основной тезисъ экономическаго матеріализма въ статьѣ этой, впрочемъ, критикѣ не подвергается, по другимъ же пунктамъ статьи можно было бы съ почтеннымъ авторомъ поспорить, хотя лично я согласенъ съ тѣмъ общимъ положеніемъ г. Яроцкаго, по которому въ историческомъ процессѣ нужно различать двѣ стороны (безличную эволюцію и личное творчество). Такой тезисъ развивался мною самимъ въ моихъ прежнихъ историко-философскихъ работахъ, и именно это было одною изъ причинъ того нападенія, коему я подвергся изъ лагеря экономическихъ матеріалистовъ, хотя теорія безличной эво-

люціи не предполагаетъ необходимымъ образомъ признанія экономическаго матеріализма (примѣръ — Спенсеръ), а съ другой стороны, и экономическій матеріализмъ можетъ быть истолкованъ въ смыслѣ признанія главной роли въ исторіи за своекорыстными интересами отдѣльныхъ личностей, какъ источниками всѣхъ культурно-соціальныхъ явленій (примѣръ—Лоріа).

Въ статьѣ г. Михайловскаго „Литература и жизнь", помѣщенной въ январьской книгѣ „Русскаго Богатства" за 1896 г., имѣется между прочимъ разборъ лекціи г. Туганъ-Барановскаго, или вѣрнѣе, разборъ одного изъ высказанныхъ г. Туганъ-Барановскимъ взглядовъ, причемъ о другихъ критикъ обѣщаетъ (стр. 66) поговорить впослѣдствіи. Критику г. Михайловскаго можно назвать строгою, но справедливою. Въ ней много суроваго и рѣзкаго, но я вполнѣ понимаю и раздѣляю общее настроеніе, выразившееся въ тонѣ статьи, хотя и не стану при передачѣ ея содержанія повторять всѣхъ ея рѣзкостей.

„Въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ, — говоритъ г. Михайловскій, — статья г. Тугана смѣло могла бы быть оставлена безъ всякаго вниманія" (стр. 61). Совершенно вѣрно сказано! „Не то нынѣ,—продолжаетъ критикъ, — когда слѣпая вѣра, прикрывающаяся „критикой" и „наукой", съ особенною силою обнаруживаетъ свое общественное свойство—заразительность". Вотъ именно это самое послѣднее обстоятельство и насъ заставило обратить вниманіе на теорію, которая нашла въ г. Туганъ-Барановскомъ одного изъ своихъ адептовъ. Разсмотрѣвъ нѣкоторыя мѣста статьи и показавъ полную несостоятельность приведенныхъ разсужденій ея автора, г. Михайловскій тѣмъ самымъ еще „не снимаетъ съ себя грустной обязанности пересмотрѣть и другія страницы статьи" (стр. 66). Дѣйствительно, это—обязанность грустная: мы вполнѣ раздѣляемъ настроеніе г. Михайловскаго и тогда, когда онъ называетъ, напр., „прискорбнымъ обстоятельствомъ" ослѣпленіе г. Туганъ-Барановскаго извѣстными идеями и книгами, не давшее ему даже познакомиться, какъ слѣдуетъ, съ исторіей этихъ самыхъ идей (стр. 54), или когда примѣняетъ къ его статьѣ извѣстныя слова: „все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно" (стр. 59). Мы понимаемъ и восклицаніе г. Михайловскаго о „великомъ грѣхѣ", который „беретъ на свою душу г. Туганъ!" (стр. 61). Мы высказали свой взглядъ на статью г. Туганъ-Барановскаго. Обобщая то явленіе, какое представляетъ изъ себя доктрина, защищаемая г. Туганъ-Барановскимъ, въ самомъ дѣлѣ невольно впадаешь въ грустное настроеніе. „Истинно жаль мнѣ тѣхъ,—говоритъ г. Михайловскій,—кто, повѣривъ г. Тугану, начнетъ смотрѣть на бѣлый свѣтъ холодными и тусклыми рыбьими глазами, въ увѣренности, что это и есть „научный" взглядъ. Въ дѣйствительности, это пропаганда не науки, а самоувѣреннаго невѣжества" (стр. 66). Вотъ что и наводитъ на грустныя размышленія!

Въ одной изъ своихъ замѣтокъ, касающихся экономическаго матеріализма, г. Михайловскій высказалъ свое удивленіе по поводу того, что экономическій матеріализмъ сдѣлался у насъ столь популярнымъ [1]). Мы уже сказали, что въ этомъ удивительнаго, на нашъ взглядъ, ничего нѣтъ: догматическія привычки мысли и малыя знанія,—

[1]) См. выше, стр. 235.

вотъ та почва, на которой выросъ успѣхъ экономическаго матеріализма „въ ширину его распространенности". Въ своихъ замѣчаніяхъ на статью г. Туганъ-Барановскаго г. Михайловскій самъ говоритъ о заразительности, какъ объ общественномъ свойствѣ слѣпой вѣры (стр. 61), и если онъ взялся за перо, чтобы опровергать г. Туганъ-Барановскаго, то разумѣется, главнымъ образомъ, ради тѣхъ, которые могутъ увѣровать въ истинность доктрины, излагаемой отъ имени науки. Это я понимаю и раздѣляю. Бѣглыя замѣчанія г. Михайловскаго о статьѣ г. Туганъ-Барановскаго, по моему мнѣнію, тѣмъ именно и важны, что въ нихъ критикъ опредѣляетъ психологическій источникъ вѣры г. Туганъ-Барановскаго въ экономическій матеріализмъ, весьма остроумно сравнивая автора въ данномъ случаѣ съ дьякономъ въ разсказѣ Г. И. Успенскаго „Неизлѣчимый" (стр. 55 и слѣд.).

Мы не станемъ здѣсь излагать самой параллели, а укажемъ только на нѣкоторыя мѣста, дѣйствительно характеризующія отношеніе г. Туганъ-Барановскаго къ исповѣдуемой имъ исторіологической теоріи. „Бываетъ и такъ, что человѣкъ получилъ свою „точку" [1]) совсѣмъ даромъ, безъ усилій мысли и напряженія чувства, „безъ борьбы, безъ думы роковой": просто въ книжкѣ вычиталъ или отъ вѣрнаго человѣка услышалъ и такъ соблазнился простотою и ясностью [2]) прочитаннаго или услышаннаго, что сразу увѣровалъ" (стр. 58)... „Г. Туганъ-Барановскій получилъ нѣчто цѣликомъ готовое, безъ предварительнаго процесса исканій, сравненій, провѣрокъ, и послѣдовательно отметая все „мимолетное" въ разныхъ историческихъ теоріяхъ, и добираясь до „фундаментальнаго", онъ не продумалъ сколько-нибудь самостоятельно ни своей „фундаментальности", и ни одной изъ отринутыхъ имъ „мимолетностей" (стр. 60). Все имъ изложенное онъ принялъ просто на вѣру. Этому вполнѣ соотвѣтствуетъ и та наивность, съ которою онъ побѣдоносно предъявляетъ аргументы по-истинѣ поразительные, и то пренебреженіе, съ которымъ онъ относится къ тому, что онъ якобы анализируетъ, критически освѣщаетъ" (стр. 61). Мы бы не стали, впрочемъ, выписывать этихъ строкъ, если бы сказанное въ нихъ примѣнялось только къ одному г. Туганъ-Барановскому: то же самое можно сказать и о нѣкоторыхъ другихъ теоретикахъ экономическаго матеріализма, на первомъ мѣстѣ, конечно, о г. Струве. Если таковы учителя, что же спрашивать съ учениковъ т.-е. съ той публики, которая jurat in verba magistrorum?

Нельзя не согласиться и въ томъ съ г. Михайловскимъ, что идеи г. Туганъ-Барановскаго будутъ имѣть „вліяніе, какъ-разъ противоположное тому, на которое онъ расчитываетъ: онъ желаетъ ввести насъ въ глубь вещей, а на дѣлѣ, если научитъ чему-либо, то верхоглядству и непозволительно поверхностному отношенію къ наукѣ и жизни; онъ хочетъ схватить жизнь въ самомъ широкомъ ея основаніи, всѣ частности обнимающемъ, а на дѣлѣ учитъ грубѣйшей односторонности и узости; онъ, наконецъ, желаетъ возвеличить идею такъ-называемаго экономическаго матеріализма и—компрометируетъ ее" (стр. 65).

[1]) То, чего искалъ дьяконъ въ разсказѣ Гл. Успенскаго.

[2]) Ну, ясности-то въ основной идеѣ экономическаго матеріализма какъ-разъ и нѣтъ!

Г. Михайловскій и въ другомъ мѣстѣ замѣчаетъ, что г. Туганъ-Барановскій компрометируетъ свой тезисъ (стр. 59), и дай Богъ, чтобы исполнилось въ этомъ отношеніи пророчество критика. „Быть можетъ,— говоритъ онъ,—люди, склонные къ слѣпой вѣрѣ подъ флагомъ науки и критики, и люди, склонные къ верхоглядству подъ флагомъ глубины, уразумѣвъ статью г. Тугана, скажутъ себѣ: нѣтъ, это ужъ черезъ-чуръ! такъ нельзя! Надо серьезнѣе, вдумчивѣе, самостоятельнѣе пересмотрѣть свой багажъ, а то—чего добраго—до этакого же договоришься“ (стр. 66)! Къ сожалѣнію, компрометировали свою историко-философскую идею и другіе сторонники экономическаго матеріализма, но ни плохія услуги, какія они этимъ оказывали собственному дѣлу въ глазахъ дѣйствительно мыслящихъ и знающихъ людей, ни указанія критиковъ на то, что теорія лишена научнаго основанія и ведетъ въ своемъ примѣненіи къ абсурдамъ, пока что-то не заставляли экономическихъ матеріалистовъ „пересматривать свой багажъ“. И вотъ это-то также и грустно!

Въ своемъ разборѣ статьи г. Туганъ-Барановскаго я не отмѣтилъ нѣкоторыхъ его мыслей, которыя относятся къ числу курьезныхъ объясненій. Одна изъ этихъ мыслей такова: Дарвинъ не сдѣлался теологомъ, какъ бл. Августинъ, потому, что „жилъ въ наше время, когда крупная промышленность преобразовала хозяйство, и на первый планъ выдвинулись практическія задачи, разрѣшеніе которыхъ невозможно безъ познанія законовъ природы“. Г. Михайловскій на четырехъ страницахъ (стр. 62—66) разбираетъ эту „диссертацію“ о бл. Августинѣ и Дарвинѣ и „все-таки не исчерпываетъ всѣхъ ея достоинствъ“: для критика она—„типичный образчикъ вообще разсужденій автора“, но для насъ она и одинъ изъ типичнѣйшихъ примѣровъ великаго множества всякихъ другихъ quasi-научныхъ объясненій въ духѣ экономическаго матеріализма.

Итакъ, въ первыхъ книжкахъ двухъ нашихъ журналовъ за только-что начавшійся 1896 г. опять рѣчь идетъ объ экономическомъ матеріализмѣ. Повидимому, вопросу долго еще придется занимать наши журналы и ихъ читателей. И лично я, выпуская въ свѣтъ эти свои этюды, вовсе не думаю, что это будетъ послѣднее мое слово объ экономическомъ матеріализмѣ. Это — вопросъ историческаго міросозерцанія, а историческое міросозерцаніе вѣдь отражается и на исторической жизни: какъ же не говорить и еще не говорить объ этомъ неосновательномъ и одностороннемъ міросозерцаніи!

29 января, 1896.

Bayerische Staatsbibliothek München

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Kareev, Nikolaj Ivanovič,

Starye i novye ėtjudy ob ėkonomičeskom materializme materialy dlja istorii i kritiki ėkonomičeskago materializma

S.-Peterburg 1896

40.739
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11797783-0